ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

2007098011

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

ПРАВДИВАЯ ПОВѢСТЬ О ВОСЬМИМѢСЯЧНОМЪ И ШЕСТИДНЕВНОМЪ (ВЪ 1854—1855 г.) ПРЕБЫВАНИИ ВЪ ПЛѢНУ У ШАМИЛЯ СЕМЕЙСТВЪ:

ПОКОЙНАГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА

КНЯЗЯ ОРБЕЛІАНИ

И ПОДПОЛКОВНИКА

КНЯЗЯ ЧАВЧАВАДЗЕ,

ОСНОВАННАЯ НА ПОКАЗАНІЯХЪ ЛИЦЪ, УЧАСТВОВАВШИХЪ ВЪ СОБЫТІИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Соч. Е. А. Вердеревскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

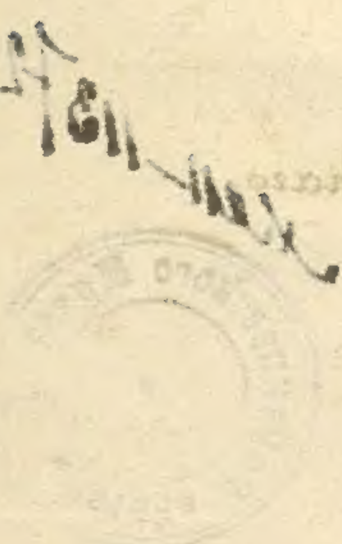
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, Мая 15 дня 1856 года.

Ценсоръ *А. Фрейганъ.*

ПОСВЯЩАЕТСЯ

СЕМЕЙСТВАМЪ И ПОТОМСТВУ

КНЯЗЯ ДАВИДА АЛЕКСАНДРОВИЧА И КНЯГИНИ АННЫ ИЛЬИНИЧНЫ

ЧАВЧАВАДЗЕ,

И

КНЯГИНИ ВАРВАРЫ ИЛЬИНИЧНЫ

ОРБЕЛІАНИ.

Карта мѣстностей,
бывшихъ театромъ событія, описаннаго въ повѣствованіи Е. А. Вердеревскаго, подъ заглавіемъ:
«ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ»

Кр. Грозная
Михайловская
Закан-юртовская
Сунжа
Ассинская
Ук. Назрановское
Ук. Ачхоевское
Ук. Урус-мартанское
Кр. Воздвиженская
Р. Аргунъ
Ук. Куринское
Хасавъ-юртъ
Андреева
Внезапная
Маюртупъ
Ук. Чиръ-юртъ
Бол. Чечня
Малчечня
Владикавказъ
Салатау
Ук. Евгеніевское
Дарго-Веденно
Стар. Дарго
Кр. Темир-Хан-Шура
Области
Гимри
Р. Терекъ
Ук. Джераховское
Кисты
Анди
Р. Андійское койсу
Г. Казбекъ
Шатиль
Мококъ
Военно-Грузинская дорога
Каратá
Аварія
Нагорный Дагестанъ
Хунзахъ
Анкратль
Покорный
Окр. Тушино-Пшаво-Хевсурскій
Г. Барбало
Тилитль
Р. Аварское койсу
Дидо
Кумухъ
Тіонети
Душетъ
Кодоръ
Шамиля
Ахмети
Р. Алазань
Телавъ
Цинондалы
Лезгинская кордонная линія
Михетъ
Гимбори
Мокузани
Губ. Тифлисская
Тифлисъ
Р. Кура
Сартачалы
Сигнахъ
Закаталы
Муханъ

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

Правдивая повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ въ (1854 — 1855 г.) пребывании въ плѣну у Шамиля семействъ: покойнаго генерал-майора *князя Орбеліани* и подполковника *князя Чавчавадзе*, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Событія, подобныя названному въ заглавіи настоящаго повѣствованія, представляются людямъ просвѣщенныхъ современныхъ обществъ какъ страшные, потрясающіе анахронизмы, какъ полузабытыя, почти сказочныя преданія невозвратныхъ временъ варварства, какъ отрывки изъ разсказовъ *Фенимора Купера* о тѣхъ кровавыхъ ужасахъ, которые послѣдовали за первымъ столкновеніемъ европейскихъ переселенцевъ съ дикими, первобытными обитателями Сѣверной Америки.

И просвѣщенные современные люди совершенно правы: событія, подобныя описываемому въ этой книгѣ, къ счастью нынѣшнихъ обществъ, дѣйствительно уже походятъ на анахронизмы и въ наше время возможны только лишь тамъ, гдѣ, какъ на сценѣ героевъ Купера, еще существуетъ близкое сосѣдство варварства съ просвѣщеніемъ, язычества или исламизма съ христіанствомъ; а такихъ мѣстностей почти уже нѣтъ въ современной Европѣ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ провинцій Турціи, гдѣ и до-сихъ-поръ разъигрываются ужасающія драмы между подданными — христіанами и ихъ властителями — мусульманами.

Но такія именно мѣстности, именно такія близкія сосѣдства и столкновенія жизни христіанской и просвѣщенной съ жизнью дикаго варварства еще встрѣчаются кое-гдѣ у окраинъ неизмѣримой Россіи; такъ, напримѣръ, онѣ существуютъ и на Кавказѣ.

Потому-то на Кавказѣ въ XIX вѣкѣ еще возможно и даже почти-неизумительно все то, что̀ уже несбыточно въ остальномъ просвѣщенномъ мірѣ и на что̀ тамъ взираютъ съ искреннимъ ужасомъ и болѣзненнымъ участіемъ.

Громами войны и миротворнымъ вліяніемъ цивилизаціи мало-помалу укрощается и покоряется на Кавказѣ то враждебное всякой цивилизаціи начало, которое, подъ разными именами, олицетворяется въ дикихъ племенахъ непокорныхъ намъ горцевъ.

И славная эта борьба, борьба русской цивилизаціи съ гнѣздящимся въ здѣшнихъ горахъ варварствомъ, неослабно длится къ вѣчной славѣ Россіи.

Но судьбы всякой борьбы перемѣнчивы. Случайный успѣхъ, кратковременная удача бываютъ иногда и на сторонѣ постоянно-побѣждаемаго варварства, и тогда, легко себѣ представить, чѣмъ спѣшитъ оно мстить христіанству и просвѣщенію за прежнія, всегдашнія свои пораженія.

Разсказъ о бѣдствіи, постигшемъ въ 1854 году семейства князей Орбеліани и Чавчавадзе и есть не что иное, какъ яркая картина тѣхъ послѣдствій, которыми всегда сопровождаются временныя торжества всякаго невѣжества надъ просвѣщеніемъ, и которыми, на этотъ разъ, сопровождалась одна изъ случайныхъ и, въ политическомъ значеніи, ничтожныхъ удачъ враждующаго съ нами варварства Чечни и Дагестана.

Таково, по моему мнѣнію, главное значеніе событія: значеніе историческое.

Нѣтъ надобности прибавлять, что и другое его значеніе любопытно въ высшей степени; что оно въ первый разъ открыло намъ цѣлый новый міръ нравовъ, міръ, доселѣ бывшій для насъ таинственнымъ: все это само собою окажется въ повѣствованіи. Но не безполезно предварить читателя, что ни въ содержаніи, ни въ формѣ разсказа не допущено ни малѣйшаго отступленія отъ истины. Относительно содержанія я, въ настоящемъ случаѣ, постигалъ всю важность простоты; я понималъ, что событіе уже само въ себѣ заключаетъ столько драматизма, что прибѣгать къ литературнымъ эффектамъ было бы недостойно ни повѣствованія, ни самого событія. Да и какіе эффекты не были бы жалки передъ лицомъ громадной истины этой невымышленной драмы?...

Что же касается до формы изложенія, то, раздѣляя разсказъ на главы, я даже и въ этомъ случаѣ не поступалъ произвольно, а покорялся необходимости, указанной мнѣ сложностью и разнообразіемъ эпизодовъ.

Е. В.

Часть первая.

I.

Первые слухи. — Впечатлѣніе въ Тифлисѣ. — Нѣсколько фамильныхъ подробностей. — Кахетія и Цинондалы. — Обычные и случайные цинондальскіе жители.

Первый слухъ о нападеніи лезгинъ на Кахетію достигъ Тифлиса утромъ во вторникъ, 6-го іюля. Всѣ въ городѣ были изумлены дерзостью хищниковъ, никогда прежде нерѣшавшихся переходить Алазань; но изумленіе и всѣ другія чувства, естественно-возбужденныя страшнымъ извѣстіемъ, уступали мѣсто истинному, глубокому, всеобщему соболѣзнованію о бѣдственной судьбѣ семейства князя Орбеліани и князя Чавчавадзе, похищенныхъ лезгинами изъ Цинондалъ, родоваго имѣнія князей Чавчавадзе.

Въ первое время никто не зналъ подробностей похищенія, а потому никто не разсуждалъ, никто не дѣлалъ никакихъ заключеній: всѣ были до какого-то онѣмѣнія поражены печальнымъ событіемъ. Городскіе жители встрѣчались молча, или мѣнялись лишь односложными фразами:

— Слышали?

— Слышалъ.

И затѣмъ уста какъ-бы отказывались говорить о происшествіи, чтобъ еще разъ не повторить или не подтвердить страшной существенности, которой не хотѣлось вѣрить; а слухъ въ то же время желалъ услышать что-нибудь похожее на опровереженіе...

Нѣкоторые изъ тифлисскихъ знакомыхъ несчастнаго семейства, люди, давно-состоящіе на службѣ и принадлежащіе къ высшему тифлисскому обществу (*), подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія горести, выразили ее слѣдующимъ образомъ: они изъявили готовность и просили разрѣшенія ѣхать къ Шамилю, чтобъ, хоть цѣною своей неволи, купить освобожденіе плѣнныхъ княгинь и дѣтей ихъ. Разумѣется, что этотъ планъ остался несбыточнымъ, хотя и благороднымъ, порывомъ самоотверженія...

(*) Капитанъ Гвардіи кн. Г., Гвардіи полковникъ И. А. Б. и штабс-капитанъ Гвардіи Б—въ.

Командовавшій въ то время войсками и управлявшій гражданскою частью на Кавказѣ и за Кавказомъ, всѣми уважаемый генералъ-отъ-кавалеріи Н. А. Реадъ, въ письмѣ своемъ къ отцу плѣнницъ, царевичу Ильѣ Георгіевичу, выражалъ немепѣе искреннее и глубокое соболѣзнованіе. Между-прочимъ, онъ писалъ слѣдующее:

«...Богу угодно было сокрушить всѣ мѣры человѣческой пред-«осторожности и допустить злодѣевъ напасть на Кахетію, гдѣ «первыми жертвами хищническаго нападенія сдѣлались дочери и «внуки вашей свѣтлости.

«Несчастье это безмѣрно, какъ и горесть, которою теперь по-«ражено отеческое сердце вашей свѣтлости! Считаю грустнымъ «долгомъ выразить глубочайшее мое прискорбіе о великой утратѣ, «ниспосланной на семейство ваше Провидѣніемъ; но, въ то же «время не могу не утѣшать себя упованіемъ, что не потеряна «надежда на избавленіе злополучныхъ членовъ семейства вашего «изъ рукъ хищниковъ. Провидѣніе, поразившее дѣтей вашихъ, а «съ ними и всѣхъ насъ, конечно, не оставитъ ниспослать и спо-«собы къ облегченію ихъ участи»... (*)

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, чѣмъ отозвалось въ Тифлисѣ первое извѣстіе о плѣненіи семействъ князей Орбеліани и Чавчавадзе, въ Тифлисѣ, гдѣ близкое сосѣдство всегдашней войны уже такъ пріучило жителей къ кровавымъ хроникамъ!...

Такое сильное сочувствіе къ бѣдствію двухъ княжескихъ семействъ, конечно, прежде всего было основано на всеобщемъ убѣжденіи, что нѣтъ такихъ физическихъ страданій и моральныхъ униженій, которыя не могли бы постигнуть безпомощныхъ женщинъ, съ еще болѣе безпомощными дѣтьми, въ плѣну у враговъ жестокихъ, непросвѣщенныхъ, незнакомыхъ съ чувствами христіанскаго состраданія или уваженія къ несчастію. На Кавказѣ хорошо знаютъ, что̀ такое плѣнъ у кавказскихъ горцевъ!... Но, кромѣ этой, такъ-сказать, общечеловѣческой причины соболѣзнованія, въ здѣшнемъ краѣ были еще и другіе, особенные поводы къ усиленію всеобщей горести.

Двѣ сестры-плѣнницы, матери шестерыхъ маленькихъ плѣнницъ и плѣнниковъ, были дочери царевича грузинскаго и внуки

(*) Письмо это, также, какъ и извѣстіе о плѣненіи княгинь, не застало царевича въ живыхъ: онъ скончался 18-го іюля, а извѣстіе о плѣнѣ получено въ Москвѣ 22-го.

послѣдняго вѣнчаннаго государя Грузіи (Георгія XIII). Имена мужей плѣнницъ: князя Орбеліани и князя Чавчавадзе — также имена здѣсь историческія и любимыя. Всѣ знали, любили и уважали генерал-майора князя Илико (Ильи) Орбеліани, геройскою смертью павшаго отъ раны, полученной въ сраженіи подъ Баш-Кадыкляромъ (*). Всѣ помнили послѣдніе и прежніе подвиги доблестнаго молодаго генерала, бывшаго достойнымъ представителемъ высшаго въ Грузіи сословія, того сословія, котораго истиннымъ украшеніемъ всегда были также и князья Чавчавадзе.

Права происхожденія и заслугъ отечеству со стороны этихъ двухъ, какъ и другихъ почетнѣйшихъ фамилій, въ настоящемъ случаѣ содѣлывались важными правами на особенное народное сочувствіе къ постигшему ихъ несчастію.

Наконецъ, для жителей здѣшняго края, взвѣшивавшихъ и измѣрявшихъ всю великость бѣдствія плѣнницъ немаловажнымъ поводомъ къ особенному соболѣзнованію были и обстоятельства, предшествовавшія ихъ бѣдствію. Всѣмъ въ Тифлисѣ болѣе или менѣе было извѣстно, въ какой степени уже и безъ того была несчастлива въ своей участи княгиня Варвара Ильинична Орбеліани; что послѣдній, разразившійся надъ нею ударъ судьбы застигъ ее неоправившеюся еще отъ другаго недавняго и неменѣе-тяжкаго удара; что только черезъ полтора года послѣ замужства и за полгода до несчастнаго плѣна, княгиня схоронила своего обожаемаго мужа въ одной могилѣ съ первенцемъ-сыномъ (**).

Люди, знакомые со всѣми этими обстоятельствами, невольно поражались жестокостью испытаній, такъ быстро одно за другимъ упадавшихъ на слабую женщину, и невольно приходили къ вопросу: какія же силы нужны человѣку, чтобъ перенести столько горестей, и чему еще должно подвергнуться въ безотрадномъ плѣну растерзанное сердце молодой страдалицы?...

Но если прежнія несчастія княгини Варвары Ильиничны Орбе-

(*) Замѣчательно, что князь Илико Орбеліани самъ находился также восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Шамиля, будучи измѣннически захваченъ, въ 1842 году, при нашествіи Шамиля на казикумыхскую плоскость. Отецъ же его долгое время былъ въ плѣну у персіянъ. Невольно представляется мысль, что *плѣнъ*—наслѣдственное бѣдствіе этого семейства!

(**) Погребеніе князя И. Орбеліани и его младенца-сына происходило въ Тифлисѣ, 20-го декабря 1853 года.

ліани могли быть поводомъ къ усиленному всеобщему соболѣзнованію въ настоящемъ случаѣ, то, по странному противорѣчію, неменѣе важною причиной особеннаго всеобщаго прискорбія было и долговременное прежнее счастіе другой плѣнницы, княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе. Казалось, что ударъ бѣдствія встрѣтить сердцемъ, незнававшимъ въ жизни ни одного скорбнаго впечатлѣнія, неменѣе-трудно, какъ и встрѣтить его сердцемъ, уже разбитымъ другими недавними несчастіями... Трудно даже рѣшить, что труднѣе?... Княгиня Анна Ильинична, въ семилѣтнемъ замужствѣ за княземъ Давидомъ Александровичемъ Чавчавадзе, не испытала ничего, кромѣ отрадныхъ чувствъ счастливой жены и столько же счастливой матери. Общественное положеніе, совершенное семейное благополучіе, полная и даже, можно-сказать, роскошная обезпеченность въ средствахъ къ жизни, посреди роскошнѣйшей изъ провинцій Закавказья—все это вмѣстѣ могло скорѣе изнѣжить душу женщины, чѣмъ закалить ее для перенесенія великаго испытанія. Короче сказать, какъ то, такъ и другое положеніе двухъ сестеръ-плѣнницъ, казалось, одинаково требовало самыхъ жаркихъ, самыхъ искреннихъ проявленій общественнаго участія, и дѣйствительно вызвало его не только въ Грузіи и Тифлисѣ, но и въ цѣлой Россіи: пишущій эти строки имѣетъ въ рукахъ своихъ безчисленныя тому доказательства (*).

Неменьшее участіе возбуждалъ и самъ владѣлецъ цинондальскій, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, въ нѣсколько дней потерявшій почти все семейство и почти все состояніе! Чтобъ понять, что перенесъ, чего лишился онъ и чего вообще лишились всѣ дѣйствующія или, лучше сказать, страдающія лица событія, надобно прочитать до конца всю грустную ихъ повѣсть: но прежде всего должно хоть немного познакомиться съ Цинондалами и Кахетіей.

Кахетія всегда была самоцвѣтнымъ камнемъ въ коронѣ царей грузинскихъ. По мѣстоположенію, мягкости климата, богатству почвы, питающей лучшіе сады въ цѣломъ краѣ, Кахетія несравненно-благодатнѣе знойно-каменистыхъ участковъ тифлисскаго и душетскаго и даже разнообразныхъ и богатыхъ долинъ горійскаго. Природа щедро наградила этотъ уголокъ Грузіи всѣми луч-

(*) Они состоятъ во множествѣ писемъ, адресованныхъ со всѣхъ концовъ Россіи въ редакцію газеты «Кавказъ», и заключающихъ въ себѣ вопросы о судьбѣ плѣнницъ.

шими своими дарами. Вина Кахетіи знамениты; жители трудолюбивы и обезпечены; довольство и здоровье ихъ свидѣтельствуютъ, что человѣкъ здѣсь умѣлъ воспользоваться всѣми сокровищами своего маленькаго земнаго рая.

Но раемъ этого рая должно назвать Цинондалы—имѣніе князя Давида Чавчавадзе, находящееся въ семи верстахъ отъ Телава (уѣзднаго города) и раскинутое на крутомъ берегу рѣки Чобахури, впадающей въ Алазань. Здѣсь, какъ въ сердцѣ страны, всегда сосредоточивалась вся внутренняя жизнь ея. Владѣлецъ съ семействомъ жилъ здѣсь бо̀льшую часть года, и гостепріимствомъ своимъ еще болѣе, чѣмъ общественнымъ значеніемъ и почетнымъ въ краѣ именемъ, постоянно привлекалъ гостей изъ ближнихъ и дальнихъ окрестностей. Цинондальское гостепріимство было широкое, патріархальное, извѣстное старому и малому въ Грузіи; но, несмотря на это, домъ цинондальскій всегда былъ полною чашей благословеннаго избытка. Нельзя здѣсь не припомнить стиховъ поэта, весьма-счастливо обрисовавшаго въ нѣсколькихъ чертахъ всѐ то̀, что̀ обыкновенно поражало и привлекало посѣтителей Цинондалъ...

...Вотъ въ дали лазурью плещетъ
Межъ садами Алазань,
Вьется лентою и блещетъ
Какъ серебряная ткань.
Вотъ вершины снѣговыя
Сквозь лазуревую высь,
Какъ ступени вѣковыя
Грозно къ небу поднялись...

Описаніе это совершенно-вѣрно; трудно себѣ представить что-нибудь величественнѣе и роскошнѣе вида, открывающагося съ балкона цинондальскаго дома на цвѣтистую Долину Алазанскую, съ безчисленными садами и селеніями, на величавую древность Алла-вердинскаго Монастыря и на снѣжныя горы главнаго Кавказскаго Хребта...

Алазань, луга и скалы,
Блескъ лазури, чудный видъ,
А направо Цинондалы,
Гдѣ блаженствуетъ Давидъ,
Князь почетный и любимый
Въ сонмѣ доблестныхъ князей!
Мчись мой конь неутомимый
Въ сей волшебный элизей...

Послѣдніе слова поэта, по свидѣтельству самыхъ хладнокровныхъ посѣтителей Цинондалъ, не должны быть принимаемы за поэтическую метафору—нѣтъ, въ самомъ прямомъ значеніи этого выраженія, Цинондалы могли назваться элизеемъ, потому-что они были постояннымъ жилищемъ доблести, семейнаго счастья, красоты, всѣхъ добродѣтелей и всѣхъ благъ, какими только Провидѣніе надѣляетъ своихъ избранныхъ на землѣ.

Но этотъ-то маленькій рай, этотъ, по выраженію поэта, волшебный элизей былъ похожъ на тѣ превосходные виноградники, которые ростутъ на лавѣ и пеплѣ Везувія, всегда-готоваго поглотить ихъ. Только Кахетіи вѣчно грозитъ не огненная лава вулкана, а едва-ли не еще болѣе губительный потокъ хищническихъ вторженій. Кахетія, съ сѣверо-востока только однимъ горнымъ переваломъ отдѣлена отъ непримиримыхъ и древнихъ враговъ своихъ, лезгинъ, которыхъ тайныя, всегда-непредвидимыя, разрушительныя вторженія искони были карой для цвѣтущей грузинской провинціи. Здѣсь врагъ такъ близокъ, что мысль объ оборонѣ никогда не оставляетъ кахетинца, точно такъ, какъ никогда не оставляетъ его кинжалъ и винтовка. Но не всегда готовность къ оборонѣ можетъ ручаться за успѣхъ ея: иногда врагъ вторгается такъ неожиданно или съ такими значительными силами, что ему уже не въ-состояніи противиться разсѣянное, разбросанное населеніе. Иногда дѣлаются даже недостаточными всѣ мѣры предосторожности со стороны регулярныхъ войскъ, которыя содержатъ такъ-называемую Лезгинскую Кордонную Линію. На длинномъ протяженіи этой линіи, составляющемъ около 160-ти верстъ, войска занимаютъ важнѣйшіе пункты, изъ которыхъ быстро передвигаются, чтобъ пресѣкать путь непріятелю при вторженіи его въ край; но они не могутъ и не должны быть такъ разбросаны, чтобъ занимать каждую тропинку, по которой въ-состояніи пройдти партіи горцевъ на-легкѣ, въ кратковременныхъ и быстрыхъ набѣгахъ своихъ. Бываютъ, хотя и рѣдко, случаи прорыва непріятеля чрезъ кордонную линію, и тогда войска стараются преградить ему обратный путь, чтобъ заставить его дорого поплатиться за дерзкое вторженіе.

Такой-то именно случай и былъ въ 1854 году причиною несчастія небольшой части Кахетіи и семействъ покойнаго князя Орбеліани и князя Чавчавадзе.

Семейство князя Д. А. Чавчавадзе только за двѣ недѣли до вторженія лезгинъ прибыло изъ Тифлиса въ свое цинондальское

имѣніе. Вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ Александровичемъ и княгиней А. И. Чавчавадзе пріѣхала въ Цинондалы и недавно-овдовѣвшая, младшая сестра княгини, княгиня В. И. Орбеліани, чтобъ провести лѣто вмѣстѣ съ родными, которые надѣялись тихою сельскою жизнью и братскими попеченіями сколько-нибудь залечить еще безутѣшное сердце сестры, послѣ двухъ недавнихъ утратъ ея. Съ княгиней Варварой Ильиничной былъ и сынъ ея, полугодовой Георгій, младшій братъ-близнецъ недавно-умершаго малютки и единственный живой остатокъ кратковременнаго и уже утраченнаго семейнаго счастія. Въ маленькомъ Георгіи сосредоточивались всѣ воспоминанія и всѣ привязанности молодой вдовы и матери.

Съ княгиней Орбеліани пріѣхала погостить въ семействѣ Чавчавадзе племянница покойнаго князя И. Орбеліани, княжна Нина Баратова, 18-лѣтняя дѣвушка.

Но здѣсь, кажется, кстати перечислить всѣхъ жителей цинондальскаго дома, застигнутыхъ бѣдствіемъ и болѣе или менѣе раздѣлившихъ его.

Вотъ обыкновенные жители Цинондалъ:

Владѣлецъ имѣнія, князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, 37-ми лѣтъ, въ чинѣ подполковника и въ званіи адъютанта главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ (впослѣдствіи полковникъ и флигель-адъютантъ Е. И. В.).

Супруга князя, княгиня Анна Ильинична, урожденная княжна грузинская, бывшая фрейлиной Ея Императорскаго Величества, 28-ми лѣтъ.

Сестра князя Давида, Нина Александровна Грибоѣдова, вдова безсмертнаго нашего поэта.

Тетка князя Давида, княгиня Тинія Орбеліани, вдова князя Георгія Орбеліани, двоюродная сестра отца князя Давида, покойнаго князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, старушка 74-хъ лѣтъ.

Дѣти князя Давида Александровича и княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе: Саломе, дочь шести лѣтъ, Марія пяти лѣтъ, Елена четырехъ лѣтъ, Тамара трехъ лѣтъ, сынъ Александръ одного года и четырехъ мѣсяцевъ и Лидія, малютка четырехъ мѣсяцевъ.

Изъ числа этихъ обычныхъ обитателей Цинондалъ, въ этомъ году не было дома Нины Александровны Грибоѣдовой и третьей малютки Чавчавадзе, Елены. Обѣ онѣ гостили у другой сестры

князя Давида, княгини Е. А. Дадіанъ, вдовствующей правительницы Мингреліи, и тѣмъ, конечно, избѣгнули общей участи несчастнаго семейства. Но за-то, какъ-бы въ замѣнъ отсутствующихъ, къ числу цинондальскихъ жителей въ этомъ году прибавились: г-жа Дрансе (Anna Drancey, née Le-Maire), 31-го года, увернантка дѣтей князя Чавчавадзе, поступившая въ домъ только за восьмнадцать дней до плѣненія и только за шесть мѣсяцевъ до того пріѣхавшая изъ Франціи въ Грузію и, какъ уже было сказано, княгиня В. И. Орбеліани (26-ти лѣтъ и также бывшая фрейлиной Е. И. В.) съ полугодовымъ сыномъ Георгіемъ и восьмнадцатилѣтнею племянницей своего покойнаго мужа, княжной Ниной Баратовой.

Изъ домочадцевъ слѣдуетъ упомянуть о прапорщикѣ Гамгрелидзе, управляющемъ имѣніемъ князя въ Кахетіи, и о женѣ его Дареджанѣ; объ отставномъ штабс-капитанѣ Ахвердовѣ (подъ 50 лѣтъ); о 97-ми-лѣтней старухѣ-нянькѣ, пережившей три поколѣнія фамиліи Чавчавадзе, и о двѣнадцати служанкахъ и одномъ мальчикѣ, уведенныхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими господами (*).

II.

Извѣстіе о приближеніи опасности. — Нападеніе на Шильды.

Князь Д. А. Чавчавадзе не для домашнихъ только дѣлъ и не для отдохновенія пріѣхалъ въ Кахетію: на него было возложено и служебное порученіе, состоявшее въ томъ, чтобъ принять подъ свое начальство резервную кахетинскую милицію, кварельскаго участка, расположенную по домамъ, но обязанную, въ случаѣ надобности, собраться и дѣйствовать по его распоряженіямъ. Въ концѣ іюня милиція находилась не на правомъ берегу Алазани, гдѣ расположено цинондальское имѣніе, а на лѣвомъ, ближе къ непріязненнымъ горамъ. До 30-го іюня ни откуда не было никакихъ слуховъ объ опасности, и князь бо̀льшую часть времени жилъ въ своемъ имѣніи. Но 30-го іюня онъ получилъ отъ начальника лѣваго фланга Лезгинской Кордонной Линіи, полковника Кульмана, извѣщеніе, что получены чрезъ лазутчиковъ свѣдѣнія о прибытіи Шамиля съ пятнадцати-тысячной партіей въ

(*) Всего же изъ цинондальскаго дома было уведено 22 человѣка.

Караты (непріязненный аулъ на горахъ, и пунктъ, отъ котораго хищники могли направиться во всѣ стороны), и что необходимо принять надлежащія мѣры осторожности: собрать милицію и расположить ее въ мѣстечкѣ *Хандо*, въ двухъ верстахъ за *Шильдами*, то-есть по лѣвую же сторону Алазани.

Въ тотъ же день былъ отправленъ для сбора милиціи помощникъ князя Давида Чавчавадзе, отставной штабс-капитанъ князь Романъ Чавчавадзе, а на другой день и самъ князь Давидъ отправился за Алазань, въ мѣстечко Хандо, оставивъ семейство свое въ имѣніи съ полной увѣренностью, что ему не предстоитъ никакой опасности. Не было даже принято никакихъ мѣръ къ защитѣ имѣнія или дома, на томъ основаніи, что съ 1800 года, когда Омаръ-Ханъ Аварскій съ 20,000 лезгинъ былъ только въ 50 верстахъ отъ Тифлиса (но былъ разбитъ на р. Іорсь Лазаревымъ и Гуляковымъ), не бывало примѣра, чтобъ непріятель переходилъ на правую сторону Алазани. Почти ежегодно съ балкона цинондальскаго дома были видны пожары на той сторонѣ рѣки, но никогда цинондальцы не опасались за себя; кромѣ того, можно было основательно разсчитывать, что, при первой тревогѣ, всегда легко могла быть подана помощь. Вблизи были батальйоны регулярной пѣхоты, и Телавъ, уѣздный городъ, отстоящій только на семь верстъ отъ Цинондалъ, казалось, всегда могъ подать помощь или, по-крайней-мѣрѣ, послужить надежнымъ пріютомъ...

Всѣ эти соображенія казались совершенно-основательными и уничтожали всякое опасеніе.

1-го іюля князь Давидъ прибылъ въ мѣстечко Хандо, объѣхалъ окрестности, разставилъ секреты и направился къ Шильдамъ, селенію, состоящему изъ отдѣльныхъ саклей, затопленныхъ садами, и имѣющему небольшую старую крѣпость, неснабженную, впрочемъ, ни орудіями, ни крѣпостными ружьями.

2-го іюля, оставаясь въ Шильдахъ, князь Давидъ не получилъ никакихъ новыхъ извѣстій о непріятелѣ; послѣ обѣда посѣтилъ лагерь милиціонеровъ, собранныхъ подъ Шильдами въ числѣ 440 человѣкъ, и оставался здѣсь до поздняго вечера. По возвращеніи изъ лагеря въ Шильды, князь былъ приглашенъ къ начальнику шильдинской крѣпостцы, сотнику милиціи князю Ратіеву, гарнизонная команда котораго состояла изъ 60-ти человѣкъ пѣшей грузинской дружины.

Ровно въ полночь, когда князь Чавчавадзе и начальникъ шильдинскаго укрѣпленія сидѣли за ужиномъ, вбѣжалъ въ комнату

милиціонеръ изъ числа защитниковъ Похальской Башни, самаго передоваго нашего укрѣпленія, на двѣнадцать верстъ выдвинутаго впередъ къ непріятельской сторонѣ, и составляющаго нашъ крайній наблюдательный пунктъ въ этой сторонѣ Кахетіи. Вѣстникъ объявилъ, что огромныя силы лезгинъ подошли къ Похали, что самая башня окружена и что скопища спускаются къ Шильдамъ.

Выслушавъ это извѣстіе, князь Чавчавадзе оставилъ князя Ратіева съ своимъ гарнизономъ въ укрѣпленіи, а самъ съ 15-ю милиціонерами поспѣшилъ въ мѣстечко Хандо. Здѣсь всѣ люди были уже подъ ружьемъ, что̀ было согласно съ извѣстіемъ, полученнымъ отъ похальскаго вѣстника.

Принимая въ соображеніе открытую мѣстность Хандо, князь Давидъ долго не могъ рѣшиться: ждать ли ему здѣсь непріятеля, или отступить къ Шильдамъ, представлявшимъ гораздо-болѣе удобствъ для отпора съ малыми средствами. Разрѣшеніе этого вопроса зависѣло бы отъ вѣрнаго свѣдѣнія: обыкновенная ли это партія горцевъ предприняла нападеніе, или самъ Шамиль идетъ на Кахетію? Разумѣется, что въ послѣднемъ случаѣ благоразумнѣе было бы отступить къ Шильдамъ. Но желаемаго вѣрнаго свѣдѣнія не имѣлось до $2^1/_2$ часовъ пополуночи. Только въ это время прибѣжали какіе-то милиціонеры съ Похальской Башни и принесли извѣстіе, что непріятельская кавалерія идетъ отъ Похали двумя партіями: одна спускается по р. Чальты, а другая нѣсколько-лѣвѣе. Слово *кавалерія* было для князя Чавчавадзе разрѣшеніемъ его сомнѣнія. Онъ убѣдился, что самъ Шамиль долженъ быть въ Похали со всѣми своими силами и, вслѣдствіе этого убѣжденія, тотчасъ же стянулъ свои секреты и отступилъ къ самымъ Шильдамъ, гдѣ прежде всего распорядился чрезъ сельскаго начальника, прапорщика князя Гургенидзе, чтобъ всѣ жители помѣстили свои семейства и имущества въ укрѣпленіи, а сами присоединились къ милиціи. Къ величайшему сожалѣнію, мѣра эта, по безпечности жителей, не была приведена въ исполненіе.

Въ то же время князь Давидъ послалъ 150 человѣкъ милиціонеровъ на подкрѣпленіе къ князю Ратіеву, а остальныхъ людей частью разсыпалъ по садамъ и по дорогѣ, ведущей къ укрѣпленію, а частью помѣстилъ въ каменныхъ домахъ, человѣкъ по 10 и по 15 въ каждомъ.

Размѣстившись такимъ образомъ, защитники Шильдъ цѣлую ночь оставались подъ ружьемъ, въ ожиданіи нападенія Но не

пріятель нигдѣ не показывался, и только вдали были видны вспышки перестрѣливавшихся у Похальской Башни. Такъ прошло время до 7-ми часовъ утра.

3-го іюля, въ 7 часовъ утра, Шильды были атакованы. Дѣло завязалось въ садахъ, на площади и на дорогѣ къ укрѣпленію. Селеніе вспыхнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ вдругъ. Кромѣ перваго натиска, на площади (откуда непріятель былъ прогнанъ), борьба, длившаяся до 2-хъ часовъ пополудни, вездѣ сохранила характеръ частныхъ схватокъ у плетней, оградъ и заваловъ, съ явнымъ преимуществомъ на сторонѣ защитниковъ. (*)

Къ 2-мъ часамъ пополудни горцы очистили Шильды и отступили къ мѣстечку Хандо.

При отступленіи ихъ князь Чавчавадзе замѣтилъ, что часть скопища переправилась черезъ р. Чальты, очевидно съ намѣреніемъ напасть на селенія Сабуи и Шакріани. Князь тотчасъ же объяснилъ милиціонерамъ свои опасенія и вызвалъ изъ нихъ охотниковъ.. Первый выступилъ изъ рядовъ отставной штабс-капитанъ князь Джорджадзе; къ нему присоединилось 150 человѣкъ милиціонеровъ. Движеніе этого маленькаго отряда увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Преслѣдователи обошли непріятеля справа и подошли къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ принимался зажигать крайніе домы селенія. Настигнутые въ-расплохъ, горцы бросились бѣжать, и тѣмъ кончилось ихъ покушеніе.

Въ семь часовъ вечера на помощь князю пришелъ изъ Кварели командиръ Грузинской Пѣшей Дружины подполковникъ князь Кобуловъ, съ двумя ротами Мингрельскаго Егерскаго Полка, при одномъ горномъ орудіи, а въ восемь часовъ, изъ укрѣпленія Кодоръ прибылъ подполковникъ князь Тумановъ съ однимъ батальйономъ Тифлисскаго Егерскаго Полка, при двухъ горныхъ

(*) По донесенію телавскаго уѣзднаго начальника, горцами оставлено въ Шильдахъ и на Алазани до 480 тѣлъ, а по свѣдѣніямъ, собраннымъ впослѣдствіи переводчикомъ Исаакомъ Громовымъ, посѣтившимъ Дагестанъ и Чечню, потеря лезгинъ въ ихъ нападеніи на Кахетію, простиралась до 1200 человѣкъ. Каждый наибъ доносилъ Шамилю особо... По объ этомъ молчали. Въ Дагестанѣ же, Чечнѣ и Аваріи не было селенія, гдѣ бы не останавливали Громова на пути, и гдѣ бы не спрашивали его: не остались ли такіе-то и такіе-то горцы въ плѣну у русскихъ? Громовъ постоянно отвѣчалъ, что плѣнныхъ нѣтъ никого, а убитыхъ насчитывали много.

орудіяхъ. Они расположились на площадкѣ, у лѣваго фаса шильдинскаго укрѣпленія.

Въ одиннадцать часовъ ночи непріятель покушался сдѣлать нападеніе на эти шесть ротъ, но былъ весьма-скоро опрокинутъ.

Тѣмъ кончился кровавый день 3-го іюля... Но въ числѣ событій этого дня, нѣкоторыя, еще неупомянутыя, заслуживаютъ особеннаго замѣчанія, такъ-какъ они имѣли важное вліяніе на судьбу дальнѣйшихъ происшествій.

Въ два часа пополудни, въ минуту перваго торжества надъ хищниками, когда они очистили Шильды и отступили къ м. Хандо, князь Чавчавадзе, еще озабоченный отправленіемъ отряда охотниковъ въ слѣдъ за отступавшимъ непріятелемъ, второпяхъ, карандашомъ написалъ записку въ Цинондалы. Въ этой запискѣ князь писалъ своимъ, что хотя и было нападеніе на Шильды, но что все благополучно кончилось, что непріятель отступилъ къ м. Хандо, и что, слѣдовательно, онѣ (то-есть княгиня и прочіе домашніе) *могутъ не безпокоиться.* Записка дошла до Цинондалъ чудеснымъ образомъ, потому-что посланный съ нею милиціонеръ, одинъ изъ всѣхъ, посыланныхъ позднѣе, успѣлъ пробраться живымъ до мѣста назначенія; прочіе были изрублены на дорогѣ. Но лучше бы не доходить запискѣ по адресу!... Обрадованный удачнымъ исходомъ перваго шильдинскаго дѣла, князь, конечно, успокоивалъ своихъ только *за себя,* и, конечно, не подозрѣвалъ, что въ послѣднихъ словахъ его записки заключается двусмысліе, долженствовавшее слишкомъ успокоить жительницъ цинондальскаго дома и, такъ-сказать, усыпить ихъ гибельною увѣренностью въ своей безопасности. Какъ бы то ни было, торопливая записка князя Давида можетъ назваться одною изъ роковыхъ причинъ его собственнаго бѣдствія (*).

(*) Къ числу такихъ же роковыхъ случайностей можно отнести еще два обстоятельства: 1) что телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, неудачной своей переправой за Алазань, быть-можетъ, указалъ хищникамъ мѣсто безопаснаго брода и тѣмъ, быть-можетъ, ускорилъ и ободрилъ ихъ переправу на ту сторону рѣки, гдѣ были расположены Цинондалы и прочія беззащитныя селенія, и 2) что посланный съ запискою отъ князя Чавчавадзе въ Цинондалы милиціонеръ, переправившись у имерліанской, а не у тогніанской переправы, ничего не зналъ о дѣлѣ князя Андроникова и не видѣлъ даже хищниковъ у Алазани, а потому и увѣрилъ цинондальскихъ жительницъ, что на Алазани все благополучно.

Въ слѣдующей главѣ читатели увидятъ, какое отношеніе имѣли всѣ эти случайности къ цинодальскимъ дѣламъ. Теперь же, чтобъ не прерывать нити ближайшихъ событій, не будемъ пока разставаться съ храбрыми шильдинскими защитниками.

4-го іюля, съ разсвѣтомъ, снова завязалось дѣло въ Шильдахъ. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ начала сраженія, къ князю Чавчавадзе явился одинъ изъ шильдинскихъ поселянъ съ извѣстіемъ, что огромная конная партія спустилась съ горъ ниже Шильдъ, пробралась по подошвѣ горы *Концхи* и пошла по направленію къ Алазани съ явнымъ намѣреніемъ переправиться вбродъ у тогніанской переправы.

Князь Чавчавадзе былъ пораженъ этой новостью: онъ еще ничего не зналъ о дѣлѣ князя Андроникова; но тратить время на размышленія было нѣкогда. Князь призвалъ сотника, князя Ратіева, и освѣдомился у него: можетъ ли онъ ручаться за шильдинское укрѣпленіе въ томъ случаѣ, если будетъ отдѣлена часть гарнизона для новаго движенія въ слѣдъ партіи хищниковъ, направившихся къ Алазани. Князь Ратіевъ отвѣчалъ положительно. Тогда князь Чавчавадзе приказалъ князю Туманову выстроить свои четыре роты и быть готовымъ къ выступленію. Къ-несчастью, не было кавалеріи. Когда все было готово, князь Давидъ приблизился къ людямъ, но въ это самое время наканунѣ-посланный въ Цинондалы милиціонеръ подалъ ему записку. Княгиня В. И. Орбеліани писала слѣдующее:

«Не знаю, до какой степени справедливы слухи, но здѣсь всѣ «перепуганы и въ настоящее время мы здѣсь однѣ съ дѣтьми и «женщинами. Всѣ сосѣди наши, семейства князя Гульбата и «князя Романа (*) ушли въ лѣсъ; мужики твои съ своими се-«мействами также оставили деревню. Ради-Бога, увѣдомь какъ-«можно-поспѣшнѣе, такъ ли велика опасность и нужно ли намъ «спасаться, и куда ѣхать?»

Прочтя такую записку, было отчего встревожиться. Надежда, однакожь, еще не покинула князя. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ около его семейства не осталось ни одного человѣка, который догадался бы хоть посовѣтовать уйдти въ лѣсъ, бывшій въ какихъ-нибудь пятидесяти саженяхъ отъ дома; въ лѣсу

(*) Чавчавадзе же, дальніе родственники и сосѣди по имѣніямъ.

всѣ были бы непремѣнно спасены (*). О домѣ же и имуществѣ, конѐчно, и думать было нѐчего.

Не сказавъ никому ни одного слова о содержаніи полученной записки, князь Давидъ приказалъ удвоеннымъ шагомъ спѣшить къ Алазани и самъ повелъ колонну; но не успѣлъ онъ выйдти изъ шильдинскихъ садовъ на равнину, съ которой уже виденъ весь правый берегъ Алазани, какъ кто-то изъ милиціонеровъ сказалъ:

— Князь, посмотрите!

Князь оглянулся и увидѣлъ, что пять или шесть деревень уже въ огнѣ и, въ томъ числѣ, Цинондалы.

Князь понялъ, что онъ уже опоздалъ, что горцы успѣли переправиться на правую сторону Алазани.

Приказавъ, однако, пѣхотѣ идти форсированнымъ маршемъ, князь съ милиціей опередилъ ее и поспѣшилъ къ переправѣ. Но, подойдя къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ всю невозможность переправиться съ пѣшими людьми вбродъ, по причинѣ волнованія рѣки. Когда подошла регулярная пѣхота съ орудіями, князь приказалъ сдѣлать шесть выстрѣловъ, чтобъ ободрить остававшихся на правомъ берегу: онъ еще не могъ вообразить, что тамъ уже давно никого не оставалось.

Здѣсь, въ первыя минуты вынужденнаго бездѣйствія, на берегу рѣки, отдѣлявшей князя отъ всего, что̀ было для него драгоцѣннаго на землѣ, и что̀, быть-можетъ, подвергалось уже всѣмъ ужасамъ хищническаго нападенія, въ первый разъ въ душѣ князя человѣческія чувства отца и мужа вступили въ борьбу съ чувствомъ служебнаго долга.

Чувство долга внушало князю желаніе столкнуться, во что̀ бы ни стало, съ непріятелемъ и наказать его за опустошенія, совершенныя имъ безъ всякаго сопротивленія; чувства же человѣка и семьянина внушали опасеніе, что, при преслѣдованіи, онъ легко могъ бы встрѣтиться съ шайкой, влекущей его семейство, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, плѣнники пали бы подъ кинжалами своихъ похитителей.

Борьба была тягостна. Она подрывала бодрость душевную и могла уничтожить всякое присутствіе духа; но, къ-счастію, она не была продолжительна.

(*) И дѣйствительно, всѣ искавшіе спасенія въ лѣсу были спасены.

Чувство служебнаго долга превозмогло всѣ прочія. Князь перекрестился, поручилъ Богу судьбу своего семейства, отступилъ отъ переправы, сдѣлалъ засаду и рѣшился выжидать возвращенія хищнической партіи.

Въ засадѣ оставался князь отъ двѣнадцати часовъ дня до пяти часовъ вечера (*). Въ этотъ промежутокъ времени находили на засаду двѣ или три партіи, но не тѣ (къ-счастью или къ-несчастію?!), съ которою было похищенное семейство князя. Засада была на весьма-выгодной позиціи; хищниковъ можно было подпускать на самое-близкое разстояніе, такъ-что они не могли и думать о спасеніи...

Князь еще ничего вѣрнаго не зналъ о положеніи цинондальскихъ жителей и потому распоряжался съ полнымъ хладнокровіемъ; но вскорѣ ужасная истина стала уясняться для него болѣе-и-болѣе. Послѣ уничтоженія второй партіи, наткнувшейся на засаду князя, люди его и милиціонеры, по древнему грузинскому обычаю, стали приносить и бросать къ ногамъ своего помѣщика и начальника головы убитыхъ хищниковъ, а также добычу, найденную въ ихъ сумахъ. Взглянувъ на груду набросанныхъ къ ногамъ его вещей, князь онѣмѣлъ отъ ужаса: передъ нимъ лежали разныя вещи изъ столовой, спальни, дѣтской и другихъ комнатъ его цинондальскаго дома. Князь не могъ вымолвить ни одного слова. Какъ-бы для-того, чтобъ убѣдиться въ поразительной истинѣ, онъ оглянулся на Оскара, преданнаго своего слугу, ни на минуту его неоставлявшаго: Оскаръ понялъ этотъ нѣмой вопросъ и отвѣчалъ:

— Вы сами, князь, видите, откуда всѣ эти вещи...

Но еще не настало время предаваться горести. Еще надобно было дѣйствовать, и потому не слѣдовало терять бодрости, остатокъ которой, впрочемъ, еще поддерживался въ душѣ князя слабою надеждой, что, можетъ-быть, хищники успѣли завладѣть только оставленнымъ въ Цинондалахъ имуществомъ, что, можетъ-быть, не всѣ покинули тамъ беззащитныхъ женщинъ, и что кто-нибудь успѣлъ вывести ихъ изъ дома...

Въ 5 часовъ вечера князь Чавчавадзе получилъ отъ князя Ратіева требованіе о подкрѣпленіи, и потому долженъ былъ сняться съ позиціи. На дорогѣ къ Шильдамъ князь освѣдомлялся у за-

(*) По показанію князя, въ это время мучительнаго недоумѣнія и ожиданія, онъ часто смотрѣлъ на часы.

алазанскихъ жителей, какою дорогой долженъ возвращаться непріятель при отступленіи къ Похали. Получивъ въ отвѣтъ, что хищники, по всѣмъ соображеніямъ, должны возвращаться по подошвѣ Концхевской Горы, князь тотчасъ отдѣлилъ отъ себя двѣ роты, при двухъ орудіяхъ, поручивъ начальство надъ ними Мингрельскаго Егерскаго Полка капитану *Хитровò* и приказалъ ему занять гору Концхи, выждать возвращенія главной партіи и, завязавъ съ нею дѣло, отбить хоть сколько-нибудь плѣнныхъ. Распоряженіе это обличало въ князѣ уже окончательный перевѣсъ внушеніи служебнаго долга надъ опасеніями за свое семейство, жизнь котораго этимъ самымъ распоряженіемъ подвергалась новой опасности!

Отправивъ капитана Хитровò, самъ князь Чавчавадзе поспѣшилъ къ Шильдамъ. При первомъ натискѣ его маленькаго отряда, бросившагося на горцевъ съ крикомъ ура, непріятель началъ отступать къ м. Хандо. Только человѣкъ съ пятнадцать осталось въ церкви для грабежа. Князь Давидъ приказалъ прапорщику Грузинской Пѣшей Дружины *Мамацеву* выбить изъ церкви грабителей. Прапорщикъ Мамацевъ бросился впередъ — и первый палъ замертво у дверей церкви; вслѣдъ за тѣмъ пали шестеро милиціонеровъ. Видя невозможность безъ значительной потери уничтожить хищниковъ, князь приказалъ обложить хворостомъ церковь и зажечь ее. Хищники погибли въ пламени, изъ церкви выбѣжали только четыре человѣка и были изрублены на мѣстѣ.

Тѣмъ и кончилось дѣло въ Шильдахъ.

Въ 9 часовъ вечера князь Давидъ получилъ записку отъ капитана Хитровò. Онъ писалъ, что непріятель, возвращавшійся съ добычею и плѣнными изъ Цинондалъ и другихъ селеній праваго берега Алазани, дѣйствительно имѣлъ намѣреніе пройдти у подошвы горы Концхи, но что онъ (Хитровò) встрѣтилъ его огнемъ изъ орудій и батальнымъ ружейнымъ; что есть нѣсколько оставленныхъ тѣлъ и отбито нѣсколько живыхъ плѣнниковъ. Въ заключеніе Хитровò спрашивалъ: сняться ли ему съ позиціи, или оставаться. Опасаясь, чтобъ ночью горцы не возобновили нападенія на отрядъ капитана Хитровò, князь Чавчавадзе послалъ къ нему приказаніе тотчасъ же возвратиться въ Шильды.

На другой день была послана команда къ горѣ Концхи для подобранія оставшихся тамъ мертвыхъ тѣлъ. Въ числѣ командированныхъ было и нѣсколько человѣкъ изъ собственныхъ людей князя Давида. Между мертвыми тѣлами была найдена младшая

дочь князя, четырехмѣсячная Лидія, безъ ранъ, только съ маленькимъ синимъ пятномъ на лѣвомъ вискѣ. Безъ вѣдома князя, тѣло малютки было отправлено въ Цинондалы и предано тамъ погребенію въ церкви св. Георгія. Еще въ числѣ убитыхъ при перестрѣлкѣ у горы Концхи, найдена Дареджана, жена Мераба Гамгрелидзе, управляющаго имѣніемъ князя Давида. У нея нашли двѣ пули въ головѣ и изрубленныя плечи. Все это, пока, скрыли отъ князя, оставивъ его въ недоумѣніи, еще болѣе мучительномъ, чѣмъ самая горькая извѣстность. Князю совѣтовали, да и самъ онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе съѣздить въ Цинондалы, но онъ не рѣшался оставить отрядъ до 6-го числа, когда въ Шильды прибылъ полковникъ Кульманъ; впослѣдствіи же не рѣшался ѣхать въ Цинондалы, потому-что ѣхать было уже не зачѣмъ: вся истина страшнаго событія была ему открыта помощникомъ и дальнимъ родственникомъ его, капитаномъ княземъ Романомъ Чавчавадзе.

8-го іюня князь Давидъ имѣлъ свиданіе съ начальникомъ Лезгинской Кордонной Линіи, генерал-майоромъ княземъ Меликовымъ, прибывшимъ въ этотъ день съ отрядомъ въ м. Кварель. Князь отдалъ начальнику отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и 10-го числа отправился въ Тифлисъ. Въ Телавѣ встрѣтили его мужъ сестры его: дѣйств. ст. сов. баронъ А. П. Николаи и тифлисскій вице-губернаторъ, полковникъ М. П. Колюбакинъ, которые еще 7-го числа приглашали князя въ Телавъ или просили дать имъ средства прибыть къ нему за Алазань.

Вмѣстѣ съ барономъ Николаи Давидъ отправился въ Тифлисъ.

Оканчивая здѣсь описаніе перваго эпизода трагическаго событія, нельзя пропустить безъ вниманія дѣйствія двухъ лицъ, наиболѣе въ эти дни доказавшихъ свою благородную неустрашимость и преданность семейству, посѣщенному бѣдствіемъ. То были: дальній родственникъ князя Давида, князь Бульбакъ Чавчавадзе, и имеретинскій дворянинъ прапорщикъ Мерабъ Гамгрелидзе, управляющій имѣніемъ князя Давида, тотъ самый, котораго жена была убита въ дѣлѣ у горы Концхи. Первый изъ этихъ лицъ, то-есть князь Гульбатъ, за нѣсколько дней до выѣзда князя Давида изъ Цинондалъ, отправился въ селеніе Мукузани, находящееся на правомъ же берегу Алазани, по дорогѣ отъ Телава къ Сигнаху. Второй же, по нѣкоторымъ хозяйственнымъ дѣламъ, былъ посланъ за Алазань въ деревню князя Давида, Напареули. Когда, 3-го іюля, съ двухъ совершенно-противоположныхъ концовъ завидѣли

они пожаръ въ Шильдахъ и догадались, что князь въ опасности, тогда оба захватили съ собою по пяти или по шести человѣкъ охотниковъ и поскакали на вѣрную смерть въ Шильды, чтобъ только узнать, въ какомъ положеніи князь Давидъ. Всѣ шильдинскіе защитники видѣли, какъ Гамгрелидзе попалъ на враждебную партію и бѣжалъ отъ нея къ Шильдамъ. Едва избѣгнувъ опасности за воротами шильдинскаго укрѣпленія, онъ, однакожь, прежде всего подумалъ не о себѣ, а о томъ, кого онъ такъ безстрашно отыскивалъ: завидѣвъ въ толпѣ князя Давида, онъ снялъ шапку и три раза медленно перекрестился.

Князь Гульбатъ прискакалъ въ Шильды часомъ позже.

Оба они оставались при князѣ Давидѣ въ теченіе 3-го числа, а на другой день участвовали въ движеніи князя къ переправѣ. Здѣсь, видя невозможность переправить пѣшій отрядъ, они, несмотря ни на какія увѣщанія князя Давида, переправились верхомъ вбродъ черезъ рѣку, и только съ пятнадцатью охотниками поскакали къ пылающимъ Цинондаламъ. Къ счастью своему, они опоздали: въ разграбленномъ дворѣ и домѣ уже никого не было; домъ, какъ свѣча, пылалъ посреди совершенной тишины, и только посреди пожарища нашли они почти столѣтнюю старуху, Марину, няньку трехъ поколѣній семейства Чавчавадзе (*). Въ одной рубашкѣ, съ распущенными сѣдыми волосами, ветхая старуха сидѣла на обгорѣлыхъ развалинахъ дома, создавшагося на ея памяти, и, по обычаю здѣшнихъ похоронныхъ плакальщицъ, выла и вопила съ разными причитаньями, безсвязную пѣсню о совершившемся на глазахъ ея бѣдствіи, чаще всего приговаривая: «Давидъ, Давидъ, гдѣ ты? Зачѣмъ тебя нѣтъ здѣсь, чтобы помочь своему семейству?...»

III.

Нападеніе на Цинондалы. — Первый эпизодъ похищенія.

Между-тѣмъ, нѣсколькими днями ранѣе, въ Цинондалахъ происходило слѣдующее:

(*) Марина-гаидели (то-есть няня-Марина) была въ Россіи съ дѣдомъ князя Давида, княземъ Герсеваномъ, бывшимъ тамъ въ качествѣ посланника отъ царя Ираклія къ императрицѣ Екатеринѣ II; нянчила отца князя Давида, потомъ его самого, и наконецъ пестовала дѣтей его.

Послѣ отъѣзда князя Давида за Алазань, а именно 3-го іюля, (въ субботу утромъ) съ балкона цинондальскаго дома уже были видны зарева пожаровъ по ту сторону рѣки (*). Зрѣлище было живописно, но не казалось ни грознымъ, ни опаснымъ (**), тѣмъ неменѣе, однако, хозяйка дома, княгиня Анна Ильинична Чавчавадзе, не упускала изъ вида предосторожностей.

Въ тотъ же день она отдала нѣсколько приказаній сельскому нацвалу (старостѣ) относительно мѣръ къ оборонѣ селенія и господскаго двора. Послѣдній въ-особенности легко было бы защитить съ самымъ малымъ количествомъ людей, такъ-какъ кругомъ всего двора выведена высокая каменная стѣна, которая, при малѣйшей оборонѣ, сдѣлалась бы необоримой для лезгинъ преградой. Но, по безпечности, или отъ страха, а болѣе всего потому, что многіе изъ нихъ въ то же утро были взяты въ милицію телавскимъ уѣзднымъ начальникомъ, княземъ Андрониковымъ, поселяне не исполнили ни одного изъ распоряженій княгини. Между ними были весьма-преданные люди. Такъ, напримѣръ, цинондальскій *гзыри* (то-есть подстароста) Туріамъ-Сукли-швили, и простой крестьянинъ Василій Месхіевъ, 3-го іюля являлись въ господскій дворъ съ арбами и убѣждали княгинь ѣхать съ ними въ лѣса.

«Мы обязаны» говорили они: «спасти васъ. Опасность велика. Изъ арбъ мы сдѣлаемъ для васъ ограду и будемъ васъ караулить. Для дѣтей разобьемъ палатку» и т. д. (***).

Увѣщанія поселянъ ни къ чему не послужили. Престарѣлая княгиня Тинія Орбеліани въ-особенности не вѣрила опасности и ни за что не соглашалась удалиться въ лѣсъ. Что касается до княгини Чавчавадзе, то она, хотя и вѣрила опасности, однако никакъ не могла предположить, чтобъ *никто* изъ родныхъ или ближнихъ сосѣдей не предупредилъ о ея близости, или не предложилъ какихъ-нибудь совѣтовъ или общихъ мѣръ къ спасенію. Въ томъ же селеніи жили семейства князей Гульбата и Романа Чавчавадзе, но они уѣхали заблаговременно. Жена князя Романа,

---

(*) Алазань протекаетъ отъ Цинондалъ верстахъ въ десяти.

(**) Показаніе француженки г-жи Дрансе: «ça a été pittoresque et ne nous paraissait nullement menaçant...»

(***) Сынъ Василья Месхіева, дворовый мальчикъ 13 лѣтъ, не согласился оставить дома и уѣхать съ отцомъ своимъ, говоря, что если его маленькій князь погибнетъ, то и онъ съ нимъ тоже.

передъ отъѣздомъ, присылала свою служанку сказать, что какіе-то молодые люди пріѣхали къ нимъ изъ Телава и совѣтуютъ выѣхать въ этотъ городъ; но когда княгиня Анна Ильинична послала просить къ себѣ этихъ молодыхъ людей для личнаго совѣщанія, то никто изъ нихъ не явился на ея приглашеніе. Это происходило поутру, въ то самое время, когда все цинондальское семейство находилось въ церкви и слушало молебствіе о благополучномъ окончаніи наступившаго тревожнаго времени. Священникъ, служившій молебенъ, только-что возвратился самъ изъ Телава и увѣрилъ всѣхъ въ совершенной безопасности.

Въ тотъ же день, часовъ въ 8 вечера, возвратился съ Алазани посланный туда княгинею человѣкъ и извѣстилъ, что одна партія лезгинъ уже переправилась по сю сторону рѣки и стоитъ на берегу, но что телавскій уѣздный начальникъ, князь Андрониковъ, стоитъ тамъ же съ сильной милиціей.

Этотъ моментъ былъ послѣднимъ удобнымъ моментомъ для бѣгства; но никто имъ не воспользовался.

Вѣстнику не повѣрили. Княгиня Тинія и Дареджана Гамгрелидзе увѣряли, что у него отъ страха были глаза велики. Княгиня Тинія даже стала строго наблюдать, чтобъ никто не говорилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ объ опасности. Княгиня же Анна Ильинична была такъ занята груднымъ своимъ ребенкомъ, четырехмѣсячной Лидіей (которую сама и кормила), что не имѣла возможности войдти во всѣ подробности своего положенія, и потому какъ-то охотно предоставляла другимъ распоряжаться въ домѣ вмѣсто себя.

Часа черезъ полтора привели въ домъ какого-то незнакомаго человѣка. Онъ былъ весь мокрый, разсказывалъ, что бѣжалъ отъ преслѣдованія лезгинъ, что спасся отъ нихъ перебравшись вплавь черезъ Алазань, выдавалъ себя за сигнахскаго духанщика (*) и просилъ ночлега въ цинондальскомъ домѣ. Просьбу его не смѣли исполнить безъ позволенія княгини. Княгиня дозволила: но черезъ нѣсколько времени замѣтила, что онъ во дворѣ заряжаетъ ружье; это возбудило въ ней подозрѣніе, и она немедленно снабдила троихъ изъ остававшихся еще въ домѣ людей (**), ружьями, порохомъ и пулями, приказавъ имъ ни на одно мгновеніе не остав-

(*) То-есть содержателя мелочной лавки.

(**) Бондаря Давида Батіа-швили, садовника Адама Чичіа-швили и столяра Соломона Чичіа-швили.

лять сигнахскаго духанщика безъ зоркаго присмотра, а въ случаѣ какого-нибудь подозрительнаго или злоумышленнаго съ его стороны поступка, убить его.

Во время этихъ распоряженій, прибылъ изъ Шильдъ милиціонеръ съ извѣстной уже намъ запиской отъ князя Давида. Записка эта, конечно, успокоила цинондальскихъ жительницъ за участь князя, но еще болѣе успокоила она ихъ за ихъ собственную безопасность. По прочтеніи записки, кто-то изъ нихъ сказалъ: «Хорошо, что мы не ушли въ лѣсъ: вотъ теперь поспѣемъ и въ Телавъ». Прочіе подумали то же самое. Но такъ-какъ на всякій случай не мѣшало спросить совѣта у князя, то княгиня Варвара Ильинична и написала ему записку, въ которой спрашивала о степени опасности и о томъ, куда имъ ѣхать. Читатели, конечно, хорошо помнятъ и эту записку, на которую князь уже не имѣлъ времени отвѣчать.

Въ ожиданіи отвѣта князя, княгини продолжали мѣшкать и оставаться дома. Впрочемъ, съ вечера же онѣ посылали въ Телавъ за почтовыми лошадьми, но получили отвѣтъ, что лошади не могутъ быть присланы ранѣе завтрашняго утра. Это обстоятельство тоже не слишкомъ встревожило княгинь, которыхъ болѣе всего обнадеживала близость лѣса, гдѣ, по увѣренію ихъ, можно было скрыться въ полчаса сто разъ. Лѣсъ этотъ былъ такъ густъ, что въ прежнее время чащею своею всегда представлялъ большія затрудненія искателямъ или искательницамъ грибовъ, и не выпускалъ изъ себя никого иначе, какъ съ разорваннымъ платьемъ.

Съ наступленіемъ ночи нужно было, однакожь, принять какія-нибудь предосторожности. Княгиня Анна Ильинична призвала тѣхъ же троихъ людей, которыхъ прежде вооружила для присмотра за подозрительнымъ духанщикомъ: одному изъ нихъ приказала караулить на высокой сушильнѣ, бывшей у воротъ; другому поручила продолжать присмотръ за духанщикомъ, прежде обезоруживъ его; третьяго послала она на бельведеръ, съ котораго можно было слышать конскій топотъ даже за Алазанью, и на которомъ, чрезъ нѣсколько времени, все семейство было найдено горцами...

.Вскорѣ послѣ этихъ распоряженій, все семейство предалось спокойному сну. Княгиня Анна Ильинична легла позже всѣхъ и, быть-можетъ, волнуемая предчувствіемъ, долго не засыпала. Она обходила караульныхъ и заставала ихъ на мѣстахъ; но зная, что всѣ болѣе хищническія нападенія дѣлаются обыкновенно ночью, а не днемъ, княгиня къ утру немного успокоилась и заснула съ

мыслью, что съ разсвѣтомъ и днемъ ничего подобнаго случиться не можетъ. На зарѣ со двора раздался выстрѣлъ... Это былъ предательскій сигналъ мнимаго духанщика, котораго, вопреки приказанію княгини, не обезоружили съ вечера. Во второй разъ не были исполнены распоряженія княгини—и это привело къ гибели весь домъ.

Сигналъ предателя, безъ-сомнѣнія, бывшаго лазутчикомъ горцевъ, увѣдомлялъ ихъ, что Цинондалы беззащитны, что можно безнаказанно прійдти и ограбить ихъ... По выстрѣлу, весь домъ поднялся на ноги. Ни духанщика, ни людей, разставленныхъ съ вечера на караулъ, уже не нашли ни во дворѣ, ни въ саду, ни на указанныхъ имъ мѣстахъ. Княгиня, по несчастью, утомленная безпокойною ночью, еще спала и ничего этого не слышала. Служанки всѣ были испуганы и растеряны, не будили княгини и боялись ей сказать о приближеніи хищниковъ, медленно одѣвали дѣтей, поили ихъ чаемъ... Кромѣ-того, тотъ, кто знакомъ съ Цинондалами и ихъ мѣстностью, вѣроятно, помнитъ, что въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ дома есть купа густыхъ деревъ, называемая *кондольскимъ деревомъ съ образомъ*: оно-то и дало прибѣжище хищникамъ на ночь, и они, какъ должно полагать, проведя тамъ ночь, оттуда, уже незамѣченные, пустились къ цинондальскому дому, и ихъ можно было усмотрѣть только въ пятиминутномъ разстояніи отъ дома. Между-тѣмъ, встала княгиня и начала торопить всѣхъ къ отъѣзду; было уже семь часовъ. Въ это самое время пріѣхалъ съ почтовыми лошадьми изъ Телава г. Горличенко, тамошній уѣздный врачъ и домашній докторъ семейства князя Чавчавадзе (*). По прибытіи лошадей, въ ту жь минуту стали запрягать ихъ въ дорожный экипажъ. Деньги, брильянты и нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи поспѣшно уложили въ экипажныя сумки и ящики. Княгиня Анна Ильинична стояла на балконѣ и нетерпѣливо торопила женщинъ, таскавшихъ и укладывавшихъ въ экипажъ разныя вещи. Было уже восемь часовъ, какъ вдругъ со двора раздался голосъ проживавшаго въ домѣ, отстав-

---

(*) Пріѣздъ г. Горличенко въ Цинондалы, въ такое время, когда явная опасность угрожала всей окрестной странѣ, составляетъ замѣчательную черту благороднаго самоотверженія. При вторженіи лезгинъ въ цинондальскій домъ, г. Горличенко выстрѣломъ изъ пистолета повалилъ перваго попавшагося ему въ дверяхъ горца и, выбѣжавъ въ садъ, успѣлъ найдти спасеніе.

наго штабс-капитана Егора Өедоровича Ахвердова. Онъ закричалъ *модіанъ* (идутъ!), и этотъ крикъ оцѣпенилъ ужасомъ всѣхъ его услышавшихъ (*). Люди отъ экипажа бросились въ разныя стороны. Княгиня съ балкона поспѣшила въ комнаты, собрала всѣхъ, бывшихъ въ домѣ, и приказала идти въ верхъ, по лѣстницѣ, ведущей на бельведеръ. Мѣра эта была принята не для спасенія, которое ни въ какомъ случаѣ уже не казалось возможнымъ, но для того, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ встрѣтить и раздѣлить одинаковую участь.

Когда всѣ были уже наверху, появился какой-то неизвѣстный крестьянинъ, съ пилою. Онъ предложилъ княгинямъ защищать ихъ и совѣтовалъ подпилить лѣстницу, что̀ и принялся немедленно исполнять; но княгиня Анна Ильинична, почитая безполезною защиту одного человѣка противъ несметной толпы, а уничтоженіе лѣстницы считая мѣрою, которая могла бы повести за собою только поджогъ бельведера хищниками, настоятельно приказала крестьянину перестать пилить лѣстницу и совѣтовала ему самому спасаться и взять съ собою мальчика (сына Василія Месхіева), который до этой минуты не хотѣлъ покидать господъ своихъ. Крестьянинъ взялъ мальчика, и они скрылись.

Женщины и дѣти остались однѣ на бельведерѣ. Невыразимый испугъ и отчаяніе овладѣли всѣми, кромѣ княгини Анны Ильиничны и княгини Варвары Ильиничны. Первая изъ нихъ прежде всего обращается къ француженкѣ, г-жѣ Дрансѐ, съ слѣдующими словами: «Madame Drancey! quelle fatale destinée vous reunit à nous en ce moment! Pardonnez moi d'en avoir été plus ou moins la cause(**)!..» Въ то же время княгиня опасается, чтобъ крикъ дѣтей не привлекъ вниманіе хищниковъ, уже наполнившихъ нижній этажъ дома. Она старается угомонить ихъ, а младшей своей малюткѣ, четырехмѣсячной Лидіи, даетъ сосать грудь свою.

(*) Возвѣстивъ страшную новость, больной и безоружный г. Ахвердовъ бросился въ садъ искать спасенія, добѣжавъ до крайнихъ деревьевъ сада, растущихъ наклонно надъ рѣкой Чобахура, взлѣзъ на одно изъ деревьевъ, которое подъ тяжестью его отклонилось въ сторону и, повиснувъ такимъ-образомъ на вѣтвяхъ, въ 30-ти-саженной высотѣ надъ водою, онъ пробылъ въ этомъ положеніи цѣлыя сутки, и тѣмъ спасся отъ гибели и отъ плѣна.

(**) То-есть: «Г-жа Дрансѐ! Какой роковой случай соединяетъ васъ съ нами въ такую минуту! Простите мнѣ, если я болѣе или менѣе была тому причиной!...»

Княгиня Варвара Ильинична также не лишается присутствія духа. Она боится только одного: быть свидѣтельницей гибели кого-нибудь изъ бывшихъ съ нею, и поэтому рѣшается умереть прежде всѣхъ; съ этой цѣлью она приближается къ дверямъ и, обратившись къ нимъ лицомъ, смѣло ожидаетъ появленія враговъ. Рядомъ съ нею становится княжна Нино Баратова. Въ это самое время княгиня Анна Ильинична, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, опускается на колѣни, спиною къ двери, *чтобъ не видѣть удара, когда его занесутъ надъ ея головою*, а остальныя лица всѣ группируются въ одну тѣсную толпу, стоя также на колѣняхъ и прижимаясь другъ къ другу.

Въ такомъ положеніи все семейство оставалось около часа, по возможности сохраняя молчаніе.

Этотъ часъ былъ необходимъ хищникамъ, чтобъ обшарить двадцать-двѣ комнаты нижнихъ этажей. Но каковъ былъ этотъ часъ для беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, пріютившихся въ бельведерѣ!.. Съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца прислушивались онѣ къ доходившимъ до нихъ звукамъ: то были звуки торопливой бѣготни, отворяемыхъ и затворяемыхъ дверей, отпираемыхъ и ломаемыхъ ящиковъ, разбиваемыхъ стеколъ... Иногда какъ-то странно звучали клавиши фортепьяно, вѣроятно, подвергавшіяся испытанію или любопытству дикарей...

Медленность хищниковъ, предавшихся исключительно грабежу, нѣсколько даже ободряетъ несчастныхъ: имъ приходитъ на мысль попытаться найдти хоть кому-нибудь спасеніе въ бѣгствѣ. Княгиня Варвара Ильинична смѣло отворяетъ дверь и спускается по лѣстницѣ на площадку втораго этажа, чтобъ посмотрѣть, нельзя ли оттуда спустить черезъ окно хоть старшихъ дѣтей, Саломе и Марію, которыя со двора могли бъ какъ-нибудь убѣжать въ лѣсъ; но рекогносцировка княгини убѣждаетъ ее въ несбыточности этого плана: чрезъ нижнюю лѣстницу она видитъ много народа, занятаго разбиваніемъ дверей въ кабинетъ князя Давида, и возвращается въ бельведеръ. Вскорѣ послѣ нея рѣшается спуститься съ лѣстницы княгиня Тинія Орбеліани—и уже не возвращается (*).

(*) Престарѣлая княгиня Тинія сама хорошенько не помнитъ, что въ это время сбылось съ нею. Кажется, что, завидѣвъ горцевъ, она, въ безсознательномъ испугѣ, искала безопасности въ какомъ-то чуланѣ, гдѣ, по особенному счастью, дѣйствительно нашла спасеніе.

Одна изъ служанокъ запираетъ дверь на крючокъ и тѣмъ еще на нѣсколько минутъ продолжаетъ мученія страшнаго ожиданія.

Княгиня Анна Ильинична молится и прислушивается.

Вотъ, наконецъ, идутъ...

Идутъ легкою и скорою поступью. Двое или трое вошли по лѣсенкѣ... Но сначала они отправились въ сосѣднюю комнатку бельведера и начали бросать оттуда, черезъ окно, внизъ подушки и матрацы, обыкновенно хранившіеся здѣсь на случай пріѣзда гостей. Исполнивъ это, хищники какъ-будто удаляются... Они сходятъ обратно внизъ по лѣсенкѣ... Можетъ-быть, они не заглянутъ въ комнату трепещущихъ заключенницъ... Можетъ-быть!.. Напрасная надежда! Они взбираются снова на лѣсенку... Но только ихъ уже не двое и не трое, а болѣе. Они приближаются къ запертой двери, колеблютъ ее, но несильно и не рѣшительно, такъ-что слабая дверь имъ не уступаетъ... Они какъ-будто опасаются встрѣтить вооруженную засаду...

Наконецъ, вотъ кто-то сильнѣе и рѣшительнѣе рванулъ дверь, и она отворилась. Толпа хищниковъ останавливается на порогѣ и... разражается громкимъ хохотомъ, который можно объяснить только тѣмъ, что хищники обрадованы и разсмѣшены встрѣчею беззащитной толпы женщинъ и дѣтей тамъ, гдѣ они, быть-можетъ, ожидали найдти засаду... На этотъ неожиданный, дикій, радостный и вмѣстѣ ироническій хохотъ, испуганныя дѣти отвѣчаютъ страшнымъ визгомъ и плачемъ. Княгиня Анна Ильинична, съ ребенкомъ у груди, подымается на ноги и готова уже лицомъ къ лицу встрѣтить смерть. Въ это самое время княгиню Варвару Ильиничну довольно-осторожно сводятъ съ лѣстницы... Вслѣдъ за княгиней Варварой Ильиничной и всѣ прочія заключенницы дѣлаются *плѣнницами*. Ихъ безъ разбора хватаютъ рослые и сильные чеченцы (какъ оказалось впослѣдствіи, то были не лезгины, а чеченцы) и толпою кидаются на лѣстницу. Лѣстница, снизу подпиленная, рушится подъ тяжестью похитителей и похищенныхъ. Всѣ кучею падаютъ внизъ, ушибаются, давятъ другъ друга. Ребенокъ выпадаетъ изъ рукъ княгини Анны Ильиничны, откатывается въ сторону, и она собственными глазами видитъ, какъ одинъ изъ чеченцевъ наступаетъ на него ногою... Нѣсколько оправившись отъ паденія, похитители торопятся снова завладѣть каждый своею жертвою. Со второй лѣстницы уже не несутъ и не влекутъ, а скатываютъ ихъ всѣхъ, какъ съ наклонной плоскости. Раздается слово «хапша», и всѣ бросаются къ

княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, оспориваютъ ее другъ у друга, кричатъ, обнажаютъ шашки и дерутся... Княгиня достается тому, кто первый завладѣлъ ею еще въ бельведерѣ.

Но здѣсь похищенные распредѣляются между похитителями, и каждое изъ похищенныхъ лицъ слѣдуетъ своей особой участи, отличающейся непохожими другъ на друга случайностями. Поэтому и разсказъ долженъ раздѣлиться на отдѣльные эпизоды, слѣдуя поочередно за каждымъ изъ главныхъ лицъ драмы. Но этимъ займутся слѣдующія главы разсказа.

IV.

Послѣдующіе эпизоды похищенія и возвращеніе хищниковъ изъ-за Алазани. — Засада у горы Концхи.

Было уже сказано, что, въ моментъ похищенія, княгиня Варвара Ильинична Орбеліани стояла впереди всѣхъ, у дверей бельведера, и что горцы прежде всѣхъ ее повели съ лѣстницы. Поэтому и мы послѣдуемъ за нею прежде, чѣмъ за прочими жертвами хищническаго нападенія.

Одинъ изъ первыхъ чеченцевъ, взошедшихъ по лѣстницѣ на бельведеръ, приблизился къ княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ и хотѣлъ взять ее за талію. Княгиня инстинктивно отстранилась отъ этого насильственнаго объятія. Тогда чеченецъ, кое-какъ порусски и кое-какъ погрузински, торопливо объяснилъ княгинѣ, что ей бояться нечего. Княгиня, съ своей стороны, объяснила, что она желала бы по-крайней-мѣрѣ быть взята вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ; чеченецъ отказалъ въ этомъ несчастной матери и, прекративъ дальнѣйшій разговоръ, взялъ ее за руку и повелъ съ лѣстницы. Со второй лѣстницы онъ уже не велъ, а несъ на рукахъ свою плѣнницу, перенесъ ее черезъ весь дворъ и посадилъ у колодца.

Здѣсь онъ оставилъ княгиню, чтобъ присоединиться къ прочимъ грабителямъ дома, но, уходя, запретилъ ей трогаться съ мѣста и совѣтовалъ прятаться отъ его товарищей, чтобъ не потерпѣть отъ нихъ обиды. Предостереженіе это со стороны чеченца конечно было не что иное, какъ боязнь, чтобъ кто-нибудь изъ его товарищей не завладѣлъ его живою и обѣщавшею хорошій выкупъ добычею въ то время, пока онъ будетъ продолжать грабежъ въ домѣ.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, такая попечительность со стороны дикаря ободрила княгиню такъ, что она рѣшилась потребовать, чтобъ ей принесли ея сына. Чеченецъ обѣщалъ и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени княгинѣ дѣйствительно принесли ребенка, но это была Лидія, младшая дочь княгини Анны Ильиничны.

Съ малютки тутъ же сорвали одѣяльце и пеленки, имѣвшія на себѣ кружева, и потому, вѣроятно, показавшіяся слишкомъ-роскошными.

Княгиня взяла на руки маленькую племянницу и оставалась съ нею у колодца до-тѣхъ-поръ, пока другой горецъ не пришелъ и не взялъ малютки, сказавъ, что ее требуетъ къ себѣ мать, то-есть княгиня Анна Ильинична.

Похититель же княгини Орбеліани долго не возвращался, оставляя ее въ страшномъ положеніи свидѣтельницы всѣхъ сценъ грабежа и опустошенія.

Изъ за-своего колодца княгиня видѣла, ка̀къ вывели изъ дому, а потомъ посадили на лошадей и вывезли за ворота г-жу Дрансé, дѣтей и одну изъ нянюшекъ; она видѣла, какъ навьючивалось и вывозилось домашнее имущество, ка̀къ поджигали домъ. . Сестры своей княгиня въ это время не видѣла, вѣроятно, потому, что княгиню Анну Ильиничну вывели со двора пѣшкомъ, а не на лошади, и, слѣдовательно, легко было ея не замѣтить посреди конной толпы.

Когда почти вся толпа уже выѣхала со двора, очередь дошла до княгини Варвары Ильиничны. Къ ней возвратился ея похититель съ четырьмя товарищами и предложилъ ей сѣсть на лошадь.

Лошадь и сѣдло были прекрасныя, и княгиня выѣхала такъ удобно и спокойно, какъ только это было возможно безъ привычки къ мужскому сѣдлу и съ чувствами, похожими на отчаяніе въ душѣ.

Одежда княгини, состоявшая изъ чернаго (трауpнаго) суконнаго платья, осталась на ней нетронутою.

Переѣздъ до р. Кизисхеви совершился довольно-медленно, но благополучно. Въ это время похититель и проводники княгини успѣли дать ей понять, что они знаютъ, кто̀ она, и знали ея мужа, когда онъ былъ въ плѣну у Шамиля. Горцы прибавляли, что онъ былъ храбрый *джигитъ*, то-есть молодецъ, и тѣмъ заслужилъ ихъ уваженіе.

До переправы ѣхали растянутою, разбросанною толпою. Кня-

гиню везли позади всѣхъ, и оттого она не могла видѣть никого изъ своихъ домашнихъ. Только спускаясь къ рѣчкѣ Кизисхеви, видѣла она вдали розовое платье кормилицы своего сына, и это нѣсколько ее успокоило: она была увѣрена, что съ кормилицею ѣдетъ и ея маленькій Георгій.

За рѣкою шествіе продолжалось въ прежнемъ безпорядкѣ и разбродѣ, до самаго того мѣста, гдѣ возвращавшуюся изъ Цинондалъ толпу ожидала засада подъ начальствомъ капитана Хитровò, то-есть дò горы Концхи. Здѣсь хищники соединились въ одну массу для дружнаго бѣгства отъ неожиданно-встрѣтившейся имъ опасности...

Но прежде, чѣмъ будетъ описано это мгновеніе, необходимо возвратиться къ другимъ плѣнницамъ и посмотрѣть, чтò досталось каждой изъ нихъ на долю со времени похищенія до минуты приближенія ихъ къ засадѣ, то-есть съ 8 часовъ утра до 6 часовъ вечера. (*)

Возвратимся на бельведеръ.

Въ то самое мгновеніе, когда взяли и повлекли съ лѣстницы княгиню Варвару Ильиничну, а за нею и княгиню Анну Ильиничну, г-жа Дрансè стояла на колѣняхъ и закрывала себѣ лицо руками, ничего не видя, чтò вокругъ нея дѣлалось, и только слыша крики, вопли дѣтей и т. п.

Черезъ нѣсколько мгновеній она почувствовала себя на рукахъ горца съ обнаженной и обритой головою, съ краснымъ лицомъ, съ отвратительнымъ запахомъ (**).

Горецъ, показавшійся *чудовищемъ* испуганной француженкѣ, понесъ ее съ лѣстницы, которая подъ ними обрушилась. На нижней площадкѣ со всѣхъ упавшихъ, ушибленныхъ и полумертвыхъ отъ страха женщинъ (со всѣхъ, за исключеніемъ княгини Орбеліани и княжны Баратовой) была болѣе или менѣе оборвана бывшая на нихъ одежда.

Г-жа Дрансè въ этомъ отношеніи потерпѣла не менѣе другихъ. Безжалостные и безстыдные грабители, торопившіеся захва-

---

(*) А, можетъ-быть, и позже, если принять въ соображеніе, что кн. Чавчавадзе только въ пять часовъ вечера отрядилъ капитана Хитровò къ горѣ Концхи.

(**) Je me sens prendre par un homme à la tête nue et rasée, à la figure rouge, sentant je ne sais plus quoi... Je me sens porter par ce *monstre*...

тить все, что только было возможно, разорвали все ея платье, и цѣлымъ остались на ней только рубашка, корсетъ и обувь (*). Въ такомъ положеніи вынесли ее на дворъ, посадили на порогъ старой прачечной и заставили держать въ-поводу двухъ лошадей, пока сами ходили доканчивать расхищеніе дома. Г-жа Дрансѐ всегда боялась лошадей, но въ эту минуту поняла, что нужно было повиноваться.

Въ то же время какой-то горецъ, въ чалмѣ (вѣроятно, мюридъ), отогналъ отъ нея чеченца, перенесшаго ее съ бельведера, и приставилъ къ ней стражу изъ своихъ нукеровъ.

Оставаясь на указанномъ ей мѣстѣ, г-жа Дрансѐ не видѣла никого изъ прочихъ соучастницъ бѣдствія. Но въ это время она успѣла прійдти въ самосознаніе и привести въ порядокъ свои мысли и ощущенія. Отчаяніе очень-скоро замѣнилось надеждою въ душѣ француженки.

Это доказывается тѣмъ, что, по собственному ея показанію, первою мыслью ея въ это время была слѣдующая: «Я вспомнила мою старушку-мать и моего десятилѣтняго сына, оставшихся во Франціи, и сказала себѣ, что мнѣ нужно только какихъ-нибудь три года, чтобъ успѣть научить французскому языку одного изъ этихъ *чудовищъ*, чтобъ заставить его понять меня и помочь мнѣ возвратиться на милую родину» (**).

Часа черезъ полтора, тотъ же чалмоносный мюридъ приблизился къ обнадеживавшей уже себя француженкѣ и, приказавъ ей сѣсть на лошадь, позади одного изъ своихъ нукеровъ, отправился съ нею вслѣдъ за остальной толпою...

Нукеръ, за которымъ сидѣла француженка, пригласилъ ее держаться покрѣпче за его поясъ, что она и не замедлила сдѣлать, замѣтивъ при этомъ, что чеченцы вообще сильны, ловки и статны...

Такимъ-образомъ доѣхали до переправы черезъ Кизисхеви. Скудная одежда г-жи Дрансѐ была совершенно-вымочена при этомъ случаѣ.

(*) ...ne me laissant rien éxcépté ma chemise, mon corset et mes bottines de Paris...

(**) ...Ma première pensée était à ma vieille mère et à mon enfant, garçon de dix ans, et je me suis dit, qu'il faut que j'émploie tout-au plus trois ans pour faire apprendre la langue française à un de ces monstres, pour me faire comprendre et m'aider à me sauver, afin de revoir ma chère patrie...

За рѣкою остановились на полчаса, и проводникъ г-жи Дрансѐ, вѣроятно, желавшій предохранить ее отъ сырости, одѣлъ ее своей буркою, а потомъ предложилъ ей горсть муки, которую онъ вынулъ у себя изъ кармана. Г жа Дрансѐ отказалась отъ этой жалкой и грязной пищи.

Дальнѣйшее шествіе ея совершалось посреди стада быковъ, безпрестанно тѣснившихъ ея лошадь.

Было и неудобно и опасно; но надо было все переносить съ терпѣніемъ.

Стадо, посреди котораго слѣдовала француженка, повели, какъ кажется, другою дорогой, то-есть не у подошвы горы Концхи, потому-что г-жа Дрансѐ не помнитъ никакой засады, никакой встрѣчи съ русскими.

Но горцы часто опасались преслѣдованія; въ нѣсколькихъ мѣстахъ пути они ускоряли ходъ стада и пускались почти вскачь...

Возвращаясь снова на бельведеръ, намъ остается прослѣдить приключенія княжны Баратовой и княгини А. И. Чавчавадзе.

На бельведерѣ княжна Баратова, какъ ужь и было сказано, стояла возлѣ княгини В. П. Орбеліани.

Когда княгиню увели внизъ по лѣстницѣ, княжну Баратову взялъ какой-то очень-молоденькій горецъ, лѣтъ шестнадцати или семнадцати. Этотъ юный похититель, если судить по его щеголеватому костюму и вооруженію, принадлежалъ къ какому-нибудь знатному чеченскому роду. Но онъ не надѣялся на свои силы: княжна была исполнена жизни и цвѣтущаго здоровья; она могла отбиться отъ безбородаго хищника. Поэтому онъ поспѣшилъ прежде всего связать ей руки, позади спины, крѣпкой веревкой, а потомъ ужь повелъ внизъ по лѣстницѣ свою плѣнницу.

Во дворѣ онъ далъ ей особую лошадь и оставилъ въ неприкосновенности весь, бывшій на княжнѣ, грузинскій костюмъ, пышность котораго, по всей вѣроятности, внушала ему болѣе уваженія, чѣмъ корысти или жадности.

Прочіе горцы, вѣроятно, также изъ особаго уваженія къ своему юному товарищу-*аристократу*, не покушались отбивать у него плѣнницу.

При переправѣ черезъ Алазань, княжна упала съ лошади въ воду, но ее вытащили за веревку, которою были связаны ея локти и которая только по ту сторону рѣки была развязана вслѣдствіе приказанія какого-то наиба.

Этотъ же самый наибъ, по просьбѣ княгини Орбеліани, рас-

порядился, чтобъ при молодой княжнѣ постоянно находились другія плѣнницы изъ грузинокъ, что и было постоянно исполняемо на всемъ пути до Похальской Башни, хотя молодой похититель княжны тоже ни на минуту не оставлялъ ея.

Слѣдуя такимъ образомъ за толпою, княжна, вмѣстѣ со всѣми, приближалась къ засадѣ у горы Концхи...

Но здѣсь мы должны въ послѣдній разъ вернуться назадъ, чтобъ разсказать о судьбѣ княгини А. И. Чавчавадзе, на долю которой съ самаго начала выпало наибольшее количество тяжкихъ впечатлѣній и поистинѣ самыхъ бѣдственныхъ, но въ то же время и самыхъ разнообразныхъ случайностей.

Мы разстались съ княгиней Анной Ильиничной въ ту минуту, когда, послѣ кровавой драки между похитителями, спорившими за нее, съ мыслью о большемъ за нее выкупѣ, какъ за хозяйку дома, за ханшу, какъ они тутъ ее называли, она снова досталась первому, взявшему ее съ бельведера, такому же чалмоносному мюриду, какимъ была взята и княгиня Орбеліани.

Первымъ послѣдствіемъ борьбы хищниковъ было то, что княгиня увидѣла себя почти безъ всякой одежды. Съ нея было по лоскутьямъ оборвано ея кисейное платье; за платьемъ послѣдовало и все прочее, и наконецъ княгиня, подобно несчастной г-жѣ Дрансе, осталась лишь въ корсетѣ и рубашкѣ.

Стыдливость женщины была, однакожь, нѣсколько пощажена особеннымъ случаемъ: по счастью, изъ косы княгини выпалъ гребень, и длинные, прекрасные еще въ то время ея волосы, упавъ на грудь, плечи и спину, прикрыли ихъ собою, какъ платкомъ или мантильей (*)...

Одна изъ туфлей княгини также упала съ ноги ея и затерялась въ суматохѣ, и это незначительное обстоятельство впослѣдствіи значительно увеличило страданія плѣнницы.

Мюридъ, окончательно-завладѣвшій княгинею, сначала помѣстилъ ее въ разбитой уже и разграбленной гардеробной, а самъ ушелъ для продолженія грабежа.

Здѣсь княгиня наступила на гвоздь той самой ногою, которая оставалась безъ туфли, и сдѣлала себѣ довольно-глубокую рану.

(*) Длинные, густые и прекрасные эти волосы впослѣдствіи сдѣлались рѣдки отъ душевныхъ и физическихъ страданій восьмимѣсячнаго плѣна.

Чрезъ нѣсколько времени мюридъ возвратился въ гардеробную и вывелъ оттуда княгиню на средину двора, посадилъ ее тамъ на землю и окружилъ нѣсколькими лошадьми, чтобъ сколько возможно закрыть свою добычу отъ завистливыхъ взоровъ своихъ товарищей.

Самъ же онъ въ это время прельстился брильянтовыми серьгами княгини и хотѣлъ вырвать ихъ изъ ушей: но княгиня употребила всѣ свои усилія, чтобъ защитить уши и серьги, и выразила, какъ могла, своему похитителю, что онъ получитъ серьги, если только отъищетъ и принесетъ къ ней ея груднаго ребенка.

Горецъ отправился въ поискъ и вскорѣ принесъ маленькую Лидію, которую нашелъ и взялъ у княгини Варвары Ильиничны.

На малюткѣ была уже только одна рубашечка... Но радость княгини была велика, и брильянтовыя серьги были съ удовольствіемъ отданы горцу.

Чрезъ нѣсколько времени подошли другіе горцы и привели съ собою переводчика, говорившаго порусски. Чрезъ него спрашивали княгиню, не спрятаны ли гдѣ-нибудь деньги?

— Ничего нѣтъ спрятаннаго, отвѣчала княгиня:—ищите, вамъ никто не мѣшаетъ: а что найдете, никто у васъ не отниметъ.

— Гдѣ мужъ твой? спросили опять горцы.

— Онъ военный, и на службѣ, отвѣчала княгиня:—а гдѣ онъ теперь — я и сама не знаю.

Княгиня отвѣчала такимъ образомъ длятого, чтобъ ей не могли сказать, что мужъ ея убитъ. Она не перенесла бы этого извѣстія, еслибъ даже и невполнѣ ему повѣрила.

Вслѣдъ затѣмъ княгиня просила привести остальныхъ четверыхъ дѣтей своихъ. Горцы не повѣрили, чтобъ у такой молодой женщины могло быть пятеро дѣтей (*). Однакожь они привели къ княгинѣ всѣхъ ея дѣтей, исключая старшей, Саломе, которую не могли отъискать въ толпѣ.

Княгиня попросила пить. Ей принесли воды въ кокосовомъ ящикѣ, всегда стоявшемъ на столѣ въ гостиной. Когда княгиня поднесла къ губамъ этотъ странный сосудъ, на рукахъ ея увидѣли кольца и перстни, и тотчасъ же сорвали ихъ съ пальцевъ.

(*) Вѣроятно, потому не повѣрили, что у нихъ, въ горахъ, женщины, отъ чрезмѣрныхъ физическихъ трудовъ, рано старѣютъ, и женщина, имѣющая пятерыхъ дѣтей, никогда не имѣетъ моложавой наружности.

въ томъ числѣ и обручальное. Мюридъ, похититель княгини, не замѣтилъ этого поступка своихъ товарищей.

Вскорѣ отъ княгини увели всѣхъ ея дѣтей, кромѣ грудной Лидіи, объяснивъ при этомъ, чрезъ того же переводчика, что всѣ дѣти будутъ невредимы, что ихъ отведутъ къ Шамилю и что, поэтому, княгиня можетъ быть совершенно за нихъ покойна.

Эти увѣренія и въ-самомъ-дѣлѣ нѣсколько успокоили княгиню.

Вслѣдъ затѣмъ поднялись и стали собираться въ путь. Мюридъ предложилъ княгинѣ сѣсть на лошадь: но княгиня не могла взлѣзть на сѣдло, имѣя на рукахъ ребенка; отдать же его, хоть на короткое время, кому-нибудь изъ чеченцевъ, боялась, и потому она предпочла идти пѣшкомъ.

Ходьба была трудна: песокъ и мелкіе камешки вмѣстѣ съ чулкомъ забивались въ рану ноги и причиняли нестерпимую боль. Княгиня поневолѣ отставала и тѣмъ навлекала на себя хотя и неслишкомъ-жестокіе, но тѣмъ неменѣе чувствительные и унизительные удары плети своего похитителя...

Эти страданія продолжались до переправы черезъ рѣку Кинсхеви.

Черезъ бродъ княгиня продолжала идти пѣшкомъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Ее окружали и тѣснили конные всадники. Въ одномъ мѣстѣ брода оказалась значительная глубина. Княгиня погрузилась въ воду до груди, потеряла равновѣсіе и была унесена теченіемъ.

Чеченцы успѣли выхватить ребенка изъ рукъ матери, а вскорѣ и сама княгиня была вытащена на противоположный берегъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ новаго, сильнаго испуга и совершенной влажности остававшейся на ней одежды.

На другомъ берегу рѣки княгиню, полуживую, совершенно-мокрую, мюридъ посадилъ къ себѣ на сѣдло, и, видя, что у самой у нея не было никакой силы держаться, правую ея руку заткнулъ себѣ напереди за ременный поясъ, крѣпко стянувъ его, чтобъ не вырвалась рука изъ-за пояса и чтобъ не упала его жертва.

Ребенка мюридъ взялъ къ себѣ на руки.

Черезъ часъ хищники съ своими плѣнницами прибыли въ деревню Кандолы и мимоходомъ подожгли ее. За деревнею остановились для кратковременнаго отдыха;

Тутъ княгиня видѣла въ толпѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ горничныхъ дѣвушекъ. Одна изъ нихъ, Василиса (русская), приблизи-

лась къ княгинѣ, держа на рукахъ сына ея, Александра (одного года и четырехъ мѣсяцевъ), и сообщила ей, что онъ остается безъ кормилицы, которая, вѣроятно, идетъ съ другой толпою. Мюридъ, понявъ въ чемъ дѣло, вытащилъ изъ своего кармана кусокъ сахару (конечно, взятаго изъ Цинондалъ) и далъ его княгинѣ, чтобъ она передала сыну...

Вскорѣ приблизился къ княгинѣ какой-то человѣкъ въ темной чухѣ съ галунами, въ красной шапкѣ съ бѣлой чалмою вокругъ. Онъ обратился къ княгинѣ съ вопросомъ на хорошемъ русскомъ языкѣ:

— Кто вы, и вашъ ли домъ сожженъ въ Цинондалахъ?

Княгиня назвала себя и отвѣчала утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ незнакомецъ: — не опасайтесь за себя: вы всѣ будете невредимы. Шамиль приказалъ, чтобъ никого изъ плѣнныхъ не обижали: если же отъ кого-нибудь изъ нихъ будетъ принесена жалоба, то слетитъ голова съ плечъ обидчика.

Княгиня, думая видѣть предъ собою человѣка съ вліяніемъ на своихъ единоземцевъ, попросила его приказать выдать ей ея платье. Незнакомецъ принялся немедленно отдавать какія-то приказанія, но его не послушали, и желаніе княгини осталось безъ исполненія.

Затѣмъ тронулись въ путь прежнимъ порядкомъ. До Алазани былъ еще одинъ привалъ. Здѣсь мюридъ, похититель княгини, самъ подалъ ей маленькую Лидію, чтобъ княгиня покормила ее грудью.

Въ то же время подошла и Василиса съ Александромъ, кричавшимъ и плакавшимъ въ разлукѣ съ своей кормилицей.

Василиса предложила княгинѣ покормить и Александра, но мальчикъ не взялъ незнакомой ему груди матери и продолжалъ раздирать ея сердце жалобнымъ крикомъ.

Было отъ чего дойдти до послѣднихъ границъ отчаянія...

Но княгиня вскорѣ была развлечена другимъ возмутительнымъ зрѣлищемъ: невдалекѣ отъ нея нѣсколько хищниковъ занялись сниманіемъ ризъ съ иконъ, похищенныхъ ими изъ цинондальскаго дома.

Одинъ изъ грабителей показалъ княгинѣ какую-то грузинскую книгу и сдѣлалъ видъ, что хочетъ разрубить ее.

Онъ желалъ этимъ оскорбить княгиню, предполагая, что книга, попавшаяся ему—изъ священныхъ книгъ, и что, потому, вѣроят-

но, княгинѣ будетъ больно видѣть ее разрубленною. Княгинѣ-христіанкѣ въ полномъ значеніи этого слова, да и всѣмъ раздѣлявшимъ съ нею постигшую ихъ участь, конечно, больно и тяжело было видѣть поруганіе святыни. Она сама въ эту минуту горячо молилась, чтобъ Богъ далъ ей силу и крѣпость претерпѣть все до конца.

Тутъ подошелъ опять мюридъ въ красной шапкѣ и заговорилъ порусски съ княгинею (*):

— Вѣроятно, вамъ хорошо извѣстно, сказалъ онъ: — каково укрѣпленъ Телавъ и можетъ ли быть успѣшно наше нападеніе на этотъ городъ?

— Я совѣтую вамъ идти туда, потому-что увѣрена, что никто изъ васъ оттуда не воротится, отвѣчала княгиня, хотя и знала, что въ Телавѣ не было почти никакой обороны.

Незнакомецъ прибѣгнулъ къ разнымъ, то льстивымъ, то угрожающимъ убѣжденіямъ, и въ-заключеніе вдругъ перешелъ къ вопросу:

— А сколько можетъ быть теперь войска въ Телавѣ?

Княгиня не задумавшись отвѣчала:

— Тамъ долженъ быть казачій полкъ, роты четыре пѣхоты и гарнизонъ въ крѣпости... Вы хорошо сдѣлали бы, еслибъ сходили туда...

— Мы и пойдемъ(**), заключилъ незнакомецъ, и отошелъ отъ княгини съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Между-тѣмъ поднялись съ привала.

Василиса отправилась съ маленькимъ Александромъ.

Лидія, завернутая въ какой-то кучерской армякъ, осталась на рукахъ у княгини, которая попрежнему помѣстилась на лошадь позади своего похитителя.

На пути къ Алазани встрѣтилась княгинѣ другая женщина изъ ея служанокъ, прачка Варвара (полька); она сидѣла на лошади и держала на рукахъ четвертое дитя княгини, двухлѣтнюю Тамару.

Встрѣтившіяся успѣли обмѣняться нѣсколькими словами:

— Что, Варвара, ты не боишься? спросила княгиня.

— Нѣтъ, княгиня: у насъ хорошій проводникъ: онъ давалъ

(*) Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ изъ армянъ.

(**) И однакожь, никто даже не приближался къ Телаву, хотя тамъ далеко не было тѣхъ войскъ, которыми княгиня пугала своего собесѣдника.

княжнѣ кушать, отвѣчала преданная женщина, болѣе помышлявшая о своей маленькой госпожѣ, чѣмъ о себѣ самой.

Впродолженіе пути мюридъ, везшій княгиню, досталъ какой-то платокъ и хотѣлъ имъ завернуть ей лицо. Впослѣдствіи княгиня узнала, что у горцевъ всѣ женщины порядочнаго происхожденія не путешествуютъ иначе, какъ съ закрытыми лицами, и поняла намѣреніе своего мюрида; но въ то время она видѣла въ этомъ что-то опасное и не согласилась обвернуть себѣ лицо платкомъ: чтобъ всякую опасность встрѣтить прямыми глазами... На бельведерѣ она не такъ разсуждала; но опасность и страданія съ тѣхъ-поръ уже успѣли пріучить къ себѣ душу страдалицы.

Вскорѣ пошелъ дождь и продолжался до самой переправы черезъ Алазань.

Во время переправы (вбродъ) ребенка взяли у княгини и возвратили снова только на другомъ берегу рѣки.

Здѣсь мюридъ хотѣлъ снять съ сѣдла свою плѣнницу для отдохновенія. Но всѣ члены княгини такъ отекли и онѣмѣли, что она была не въ-состояніи сойдти съ лошади и потому предпочла остаться въ прежнемъ положеніи.

За Алазанью княгиня обогнала свою дворовую дѣвочку, 14-тилѣтнюю Евфросинью. Она ѣхала въ бурнусѣ и въ соломенной фуражкѣ маленькаго князя Александра и горько плакала о томъ, что горцы считали ее за генеральскую дочь.

Далѣе попадались чеченцы въ странныхъ костюмахъ: одни были завернуты въ женскіе платки или платья; на другихъ, сверхъ папахъ, были надѣты дѣтскія шляпки. Все это для княгини

...было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

Нѣкоторые изъ хищниковъ ѣхали съ вилками, другіе съ серебряными ложками въ рукахъ или за поясомъ.

Около этого же времени княгиня издали видѣла свою сестру, княгиню Варвару Ильиничну.

Она ѣхала въ своемъ суконномъ черномъ платьѣ, но съ непокрытой головою.

Немного далѣе встрѣтилась Дареджана Гамгрелидзе, ѣхавшая на арбѣ вмѣстѣ съ другими домашними женщинами.

Дареджана подошла къ княгинѣ и сказала ей, что видѣла сына Шамиля (Кази-Магому) и просила его, чтобъ княгинѣ дали особую лошадь, и что Кази-Магома обѣщалъ это исполнить.

— Берегите себя, княгиня! прибавила Дареджана: — вы нужны детямъ; не бойтесь, успокоивайте и ободряйте себя; а вотъ я такъ чувствую, что не перенесу своего положенія: если не убьютъ, такъ умру сама.

Бѣдная женщина какъ-будто предчувствовала, что вскорѣ постигнетъ ее страшная гибель (*)...

Другая женщина, Нина, бывшая вмѣстѣ съ Дареджаной, предлагала полуобнаженной княгинѣ свою ваточную юбку; но княгиня отказалась отъ предложенія преданной женщины, сказавъ ей, что княгинѣ легче будетъ достать для себя все нужное, чѣмъ служанкѣ... Здѣсь подъѣхала княгиня Варвара Ильинична, и сестры соединились. Княгиня Чавчавадзе, чувствуя, что силы ея оставляютъ и голосъ пропалъ, ожидала, что она должна скоро умереть и просила сестру свою взять Лидію; но проводникъ княгини Орбеліани не позволилъ ей этого сдѣлать, говоря, что княгиня Варвара Ильинична не можетъ кормить и ребенокъ умретъ съ голоду.

Такимъ образомъ, многочисленный поѣздъ хищниковъ и плѣнныхъ приближался къ горѣ Концхи. Толпа болѣе-и-болѣе стягивалась въ одну сплошную массу, примѣняясь къ требованіямъ съуживающейся мѣстности. Можно достовѣрно сказать, что почти всѣ плѣнныя въ это время были недалеко другъ отъ друга, хотя и невсегда могли одна другую видѣть.

Княгиня Орбеліани ѣхала очень-близко позади княгини Анны Ильиничны.

Поѣздъ сталъ огибать Концехскую Гору, какъ вдругъ всѣ были приведены въ замѣшательство громомъ пушечнаго и ружейнаго залпа, и въ то же время осыпаны ядрами, картечью и пулями.

То была засада капитана Хитровò.

Чеченцы съ своей добычею шарахнулись въ сторону и, круто поворотивъ назадъ, помчались во весь опоръ.

Они разсчитывали дальнимъ объѣздомъ обогнуть засаду; но батальный огонь изъ русскихъ ружей преслѣдовалъ скачущихъ.

Мюридъ, державшій за сѣдломъ своимъ княгиню Анну Ильиничну, опередилъ почти всѣхъ. Сильная лошадь его скакала быстрѣе птицы...

(*) Испугъ чрезвычайно-сильно и страшно подѣйствовалъ на Дареджану Гамгрелидзе: еще будучи на бельведерѣ, она совершенно почернѣла, распухла и такъ растерялась, что, въ замѣшательствѣ, снимала съ пальцевъ кольца и выбрасывала ихъ за окно.

Княгиня, будучи лишена употребленія правой руки, которая была крѣпко захвачена тугимъ поясомъ ея похитителя, а въ другой рукѣ держа своего груднаго ребенка, въ эти мгновенія молила Бога только о томъ, чтобъ русская пуля настигла ее и положила конецъ настоящимъ и ожидаемымъ страданіямъ. И это легко могло бы случиться, потому-что ядра, картечь и пули съ визгомъ проносились вблизи княгини. Она даже видѣла, какъ подъ однимъ чеченцемъ лошадь была разорвана пополамъ русскимъ ядромъ... Но желанная смерть миновала княгиню и сберегла ее для гораздо-ужаснѣйшаго...

Оглянувшись назадъ, она видитъ за собою скачущую лошадь безъ сѣдока, съ развѣвающимся на сѣдлѣ чернымъ платьемъ.

Съ отчаяніемъ она представляетъ себѣ, что это черное платье— платье ея сестры, вѣроятно, упавшей съ лошади и, можетъ-быть, уже убитой (*)...

Подъ вліяніемъ новаго, сильнаго испуга и отчаянія, утомленная чрезвычайно-быстрой ѣздой въ самомъ неловкомъ положеніи позади скачущаго горца, княгиня чувствуетъ, что послѣднія силы готовы ее оставить.

Единственная рука въ которой она могла держать своего ребенка, нѣмѣетъ болѣе-и-болѣе; вырвать другую руку изъ-за пояса чеченца нѣтъ никакой возможности...

Княгиня готова выронить дитя свое изъ онѣмѣвшей руки...

Вотъ уже сама-собою опускается внизъ рука, а съ нею и плачущее дитя...

Но чеченецъ скачетъ быстрѣе-и-быстрѣе...

Вотъ уже только за одну ножку держитъ несчастная мать своего младенца. Рука ея нѣмѣетъ и ослабѣваетъ болѣе-и-болѣе..

Младенецъ, повиснувъ внизъ головой, раскачивается и бьется то о стремя, то о ноги скачущей лошади.

Но чеченецъ не останавливается, не слышитъ моленій своей жертвы.

Еще мгновеніе — и безсильные пальцы сами-собою разгибаются на рукѣ матери, и ребенокъ съ крикомъ падаетъ на землю...

Позади, черезъ трупъ упавшаго младенца, скачетъ толпа хищниковъ, испуганныхъ засадою и убѣгающихъ отъ преслѣдованія.

(*) Впослѣдствіи оказалось, что это было темное каленкоровое платье одной изъ служанокъ, упавшей съ лошади, но потомъ спасшейся отъ гибели.

Но никто изъ нихъ не ушелъ бы отъ бывшаго въ засадѣ отряда, еслибъ капитанъ Хитровò не захотѣлъ пощадить кровь невинныхъ.

Онъ прекратилъ свой огонь, когда увидѣлъ, что испуганныя плѣнницы гибнутъ подъ ударами своихъ похитителей. Такъ погибла Дареджана Гамгрелидзе и многія другія. Такъ непремѣнно погли бы и всѣ прочія, еслибъ горцамъ былъ совершенно прегражденъ путь къ спасенію.

V.

Отъ горы Кòнцхи до Похальской Башни.

Горцы, съ уцѣлѣвшими плѣнниками, успѣли миновать гору Кòнцхи и вскорѣ въѣхали въ лѣсъ.

Лѣсъ былъ густъ, но для горцевъ это не было препятствіемъ: боясь преслѣдованія, они продолжали съ возможной поспѣшностью пробираться сквозь чащу, рубили передъ собою сучья и вѣтви, и не ѣхали по прямому направленію, а безпрестанно сворачивали въ стороны, или отъискивая знакомыхъ тропинокъ, или, быть-можетъ, желая скрыть слѣдъ своего пути отъ преслѣдователей.

При такомъ положеніи убѣгавшей хищнической партіи, она, а съ нею и плѣнницы, естественно должны были снова раздѣлиться на особыя небольшія партіи, и, слѣдовательно, отсюда снова каждому изъ дѣйствующихъ лицъ нашего разсказа начали встрѣчаться на пути особыя случайности до-тѣхъ-поръ, пока всѣ плѣнницы опять не соединились вмѣстѣ; а это было уже на другой день, съ приближеніемъ ихъ къ Похальской Башнѣ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли княгиню В. И. Орбеліани недалеко отъ засады, ѣдущею позади сестры своей.

Здѣсь она видѣла, съ какимъ трудомъ княгиня Анна Ильинична удерживала въ одной рукѣ свою маленькую Лидію. При этомъ зрѣлищѣ въ первый разъ посѣтили княгиню слезы: перенеся безъ слезъ такъ много собственныхъ страданій, она теперь не могла перенести страданій сестры и заплакала...

Въ то же время глядя на ребенка сестры, она еще болѣе встревожилась о судьбѣ собственнаго своего малютки, Георгія, который съ самаго утра былъ отлученъ отъ матери.

Засаду у горы Концхи княгиня миновала съ своимъ проводникомъ, мюридомъ, довольно-благополучно, и, къ-счастью, не ви-

дѣла страшной гибели своей маленькой племянницы; но за-то, въ это же время она была свидѣтельницею другаго, почти столько же ужаснаго эпизода.

На глазахъ ея упала съ лошади Василиса, державшая на рукахъ Александра, сына княгини Анны Ильиничны. Какой-то чеченецъ схватилъ упавшую за руку и повлекъ по землѣ. Василиса, защищаясь отъ чеченца, могла бы въ эту минуту позабыть о малюткѣ, еслибъ княгиня Варвара Ильинична не ободряла и не умоляла ея не разставаться съ ребенкомъ... Но въ это самое время княгиню закрываютъ буркой и погоняютъ ея лошадь. Она уѣзжаетъ, не зная, что сдѣлалось съ Василисой и маленькимъ Александромъ Чавчавадзе.

Въѣхавъ въ лѣсъ, княгиня до самой ночи продолжала путь, отдѣлившись съ своимъ похитителемъ и его нукерами отъ остальной толпы.

При наступленіи ночи, еще до восхода луны, проводники княгини сдѣлали привалъ, то-есть спѣшились и усѣлись на землѣ, пригласивъ и княгиню послѣдовать ихъ примѣру. Для нея разостлали бурку, а сами немедленно принялись что-то закусывать.

Мюридъ предложилъ княгинѣ яблоко, говоря: «вы, грузины, привыкли ѣсть всякій день, такъ и ты, пожалуй, проголодаешься: возьми!»

Но княгиня, несмотря на все изнуреніе силъ, не чувствовала охоты раздѣлить ужинъ съ хищниками и отказалась отъ яблока.

Скоро взошла луна. Проводники княгини поднялись, сѣли на лошадей, посадили и свою плѣнницу и поѣхали далѣе.

На какомъ-то очень-крутомъ спускѣ всѣ трое съ чрезвычайной осторожностью помогали княгинѣ спускаться съ горы, придерживая ея лошадь.

Второй привалъ былъ рано поутру, 5-го іюля, на берегу какой-то рѣки.

Сюда привели и г-жу Дрансе, измученную, избитую, почти безъ всякой одежды. Несчастная француженка вытерпѣла свою долю страданій въ этотъ короткій промежутокъ времени.

Хотя она, вмѣстѣ со стадомъ воловъ и буйволовъ, слѣдовала своей особой дорогою, но къ ночи очутилась въ томъ же самомъ лѣсу, гдѣ были и прочія плѣнницы. Большую часть пути она сдѣлала пѣшкомъ. Путь былъ не короткій и утомительный; но когда она замедляла шаги, изнемогая отъ усталости, тогда плеть мюрида возбуждала новыя силы въ бѣдной женщинѣ.

Первый ударъ чеченской нагайки вызвалъ наружу все негодованіе, всю гордость женщины. Она обратилась къ своему оскорбителю и на энергическомъ своемъ нарѣчіи высказала ему—увы! совершенно-безполезные упреки.

Очень-понятно, что слова ея не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на чеченца и что жестокіе удары его плети не переставали падать на обнаженныя плечи француженки всякій разъ, какъ только она замедляла шаги свои. Позднѣе, когда на небѣ показалась луна, г-жа Дрансѐ заклинала своихъ похитителей этимъ небеснымъ свѣтиломъ, въ томъ предположеніи, что они, какъ мусульмане, питаютъ къ лунѣ особое уваженіе, но и это убѣжденіе было недѣйствительно по той весьма-простой причинѣ, что горецъ не понималъ языка своей плѣнницы.

Ночное свое отдохновеніе г-жа Дрансѐ совершила въ лѣсу, въ обществѣ горцевъ и буйволовъ. Похититель ея очень-удобно разлегся на буркѣ; но когда онъ пригласилъ къ отдохновенію и свою плѣнницу, она отвѣчала ему (пофранцузски же), что не привыкла принимать отъ незнакомыхъ подобныя приглашенія, и предпочла сосѣдство отдыхавшаго вблизи буйвола, спина котораго и сдѣлалась ея кратковременнымъ изголовьемъ.

Послѣ часоваго отдыха, путники поднялись и снова стали пробираться со стадомъ по пустому лѣсу.

Г-жа Дрансѐ снова перенесла много утомленія и ударовъ; но на зарѣ, какъ мы видѣли, присоединилась къ маленькой партіи княгини В. И. Орбеліани.

Вскорѣ послѣ г-жи Дрансѐ, сюда же, на привалъ княгини Варвары Ильиничны, принесли всю изрубленную няньку дѣтей княгини Анны Ильиничны, Александру Яковлевну. Ей жестоко досталось у горы Концхи. Зная понаслышкѣ объ искусствѣ горцевъ перевязывать раны, княгиня обратилась къ мюриду съ просьбою осмотрѣть раны этой несчастной женщины. Онъ не отказался, осмотрѣлъ и сказалъ, что никакой опасности нѣтъ, что надо только перевязать голову.

Въ то же время онъ занялся у огня приготовленіемъ чая и предлагалъ напиться княгинѣ; когда же княгиня отказалась отъ чая и попросила, чтобъ, вмѣсто нея, дали израненной нянюшкѣ, чеченецъ отказался и грубо отвѣчалъ, что она не княгиня и что потому ей грѣхъ пить чай.

Нельзя было не удивляться смѣси какой-то услужливости съ самой грубой жестокостью въ этихъ дикаряхъ. Безпрестанно пред-

ставились разительныя тому доказательства. Такъ, напримѣръ поднимаясь въ путь съ послѣдняго привала, мюридъ предоставилъ княгинѣ всѣ возможныя удобства для продолженія путешествія и въ то же время жестоко побилъ больную няньку за то только, что она не могла идти пѣшкомъ и княгиня просила дать ей лошадь.

Не успѣвъ въ своей просьбѣ, княгиня Варвара Ильинична забыла собственную усталость и до самой Нохальской Банши то вела и поддерживала раненую, то несла ее, то сажала на свою собственную лошадь. Въ этомъ, къ-счастью, никто княгинѣ не препятствовалъ.

Замѣчательно, что, оказывая истинно-христіанскую помощь страждущей, княгиня въ это самое время пришла къ грустному раздумью:

«Зачѣмъ во мнѣ остается столько силы?» съ сожалѣніемъ спрашивала она себя: «не-уже-ли длятого, чтобъ умѣть перенести всѣ ужасы плѣна? И не лучше ли было бы скорѣе изнемочь подъ бременемъ несчастія!...»

Странная несправедливость человѣческаго сердца!

Отъ утренняго привала повели, вмѣстѣ съ партией княгини Варвары Ильиничны, замѣчательныхъ плѣнниковъ. Это было незнакомое ей семейство простыхъ грузинъ, состоявшее изъ старухи-матери и двоихъ ея сыновей, изъ которыхъ одинъ, пятилѣтній, висѣлъ у нея на шеѣ, а другой, двѣнадцатилѣтній, шелъ впереди, съ связанными руками. Послѣдній до того былъ озлобленъ, что безпрерывно и неутомимо бранилъ то погрузински, то потатарски своего провожатаго, коннаго горца, ѣхавшаго рядомъ. Брань мальчика выводила горца изъ терпѣнія: удары нагайки сыпались на неугомоннаго маленькаго плѣнника; плечи его, буквально, были изорваны ударами; старуха-мать умоляла сына угомониться; но ничто на него не дѣйствовало: мальчикъ продолжалъ браниться нѣсколько часовъ сряду. Истекая кровью и изнемогая отъ утомленія съ пѣною на губахъ, плѣнникъ просилъ развязать ему руки длятого чтобъ онъ могъ хоть укусить проводника своего...

Удивляясь необычайной энергіи мальчика, княгиня Варвара Ильинична еще болѣе удивлялась неутомимости и самоотверженію его старой матери.

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ эта женщина не переставала то усмирять сына, то молить чеченца (непонимавшаго ея) о снисхожденіи къ строптивости мальчика, то бѣгать къ каждому

встрѣчавшемуся ручью и черпать горстями воду, чтобъ донести нѣсколько капель и освѣжить ими запекшіяся губы или окровавленныя плечи сына. Она не замѣчала, что у нея самой кровь выступала изъ ногъ, раздираемыхъ каменьями и колючими растеніями, и не чувствовала тяжести бывшаго на ея шеѣ другаго ребёнка.

Прибывъ къ слѣдующему привалу, старая грузинка и тутъ не подумала объ отдыхѣ: вся измученная, изнемогавшая, она еще полѣзла на крутую скалу, чтобъ достать оттуда какое-то растеніе въ видѣ лопушника; скользила, падала, но достала; потомъ сбѣгала къ ручью, намочила листья и приложила ихъ къ язвинамъ сына.

Нельзя было долго смотрѣть на этихъ людей... Но зрѣлище было наставительно. Оно какъ-бы остерегало отъ безполезнаго ропота.

Обращаясь къ остальнымъ цинондальскимъ плѣнникамъ, почти ничего нельзя сказать о приключеніяхъ княжны Баратовой въ этотъ промежутокъ времени.

Путешествіе молодой дѣвушки и первый ея ночлегъ въ лѣсу не ознаменовались ничѣмъ особенно-замѣчательнымъ, кромѣ того, что, при встрѣчѣ съ русской засадой Хитрово, княжна Баратова скакала во всю конскую прыть, поддерживаемая двумя чеченцами, ѣхавшими съ нею рядомъ на двухъ лошадяхъ; въ такомъ ужасномъ и тяжкомъ бѣгѣ княжна падала то на ту, то на другую сторону, но все-таки удерживалась, какъ могла, на лошади. Затѣмъ она постоянно ѣхала въ-сопровожденіи нѣсколькихъ цинондальскихъ служанокъ (между прочими, тутъ была дѣвушка князей Кобуловыхъ, сосѣдей по имѣнію) и своего молодаго похитителя, обращавшагося съ ней всегда съ уваженіемъ. Болѣе всего княжну безпокоило отсутствіе княгини Варвары Ильиничны.

Въ лѣсу, на привалѣ, чеченцы дали княжнѣ коверъ (похищенный изъ комнаты Н. А. Грибоѣдовой), а сами поодаль развели огонь и принялись печь для себя хлѣбъ. Предлагали хлѣба и плѣнницамъ, но ни одна изъ нихъ не могла принять пищи, точно также, какъ ни одна не могла сомкнуть глазъ до самаго утра. Княжна воспользовалась только огнемъ, разведеннымъ горцами, чтобъ обсушить одежду, промокшую на ней при переправахъ черезъ рѣки.

На другой день, проѣзжая по лѣсу, княжна слышала позади себя голосъ княгини Варвары Ильиничны, которая кого-то спрашивала: не видѣлъ ли кто-нибудь княжны?

Но княжна, слышавшая этотъ вопросъ и обрадованная имъ, все-таки не видѣла княгини: ихъ раздѣляла лѣсная чаща.

Къ Похальской Башнѣ княжна пріѣхала ранѣе княгини Варвары Ильиничны. Здѣсь она должна была разстаться съ своимъ юнымъ похитителемъ и проводникомъ.

Желая вознаградить его за безкорыстное и почтительное съ нею обращеніе, княжна сняла съ себя золотые маленькіе часы съ цѣпью и подарила ихъ молодому чеченцу.

Между-тѣмъ съ княгиней Анной Ильиничной Чавчавадзе въ тотъ же промежутокъ времени происходило слѣдующее:

Потерявъ дочь у горы Концхи, она была быстро увлечена впередъ всадникомъ, позади котораго сидѣла на лошади. Въ лѣсу ее посадили на особую лошадь, чтобъ дать возможность свободнѣе и скорѣе слѣдовать за партіеій въ лѣсной чащѣ; но это было къ худшему. Почти не будучи въ состояніи держаться одна на сѣдлѣ, отъ слабости и изнеможенія, княгиня упала съ лошади при первомъ встрѣтившемся ей препятствіи, то-есть отъ первой вѣтки, за которую она зацѣпилась. Лошадь, уронившая съ себя княгиню, ушла. Княгиню подняли и посадили на другую лошадь, обратившую на себя вниманіе княгини своею бѣлой мастью.

Дальнѣйшее странствованіе продолжалось извилинами, потому-что горцы все еще боялись преслѣдованія русо̀ (то-есть русскихъ) и часто проходили въ такой чащѣ, что нужно было прорубать себѣ путь шашками и кинжалами. Дорога шла постоянно въ гору и въ гору. Гдѣ-то на полугорѣ проводники княгини сдѣлали первый привалъ. У срубленнаго дерева положили конскій потникъ и посадили на него свою плѣнницу, а сами расположились у ногъ ея, окруживъ себя лошадьми. Нѣкоторые стали есть мясо и хлѣбъ, предлагая и княгинѣ раздѣлить съ ними ихъ трапезу; но княгиня просила только воды. Ей принесли небольшой кожаный мѣхъ (бурдюкъ) и напоили сквозь пустой пороховой патронъ, приложенный къ отверстію бурдюка,

Затѣмъ, очень-скоро чеченцы заснули, вѣроятно, тоже утомленные продолжительнымъ бѣгствомъ отъ преслѣдованія, котораго не было, но котораго они долго опасались.

Княгиня осталась одна съ своими страданіями и съ своимъ раздумьемъ, которому въ первый разъ она могла теперь свободно отдаться. Но эти минуты полнаго сознанія своего бѣдствія, по собственному свидѣтельству княгини, были едва-ли не самыми ужаснѣйшими мгновеніями въ-теченіе всего ея плѣна!

Обращеніе ко всему совершившемуся, гадательная оцѣнка страшнаго будущаго, живая боль, живое чувствованіе настоящихъ физическихъ страданій, мысль о только-что пережитой потерѣ ребенка, неизвѣстность о судьбѣ мужа и дѣтей, одиночество посреди дикаго лѣса, въ сосѣдствѣ съ еще болѣе-дикими виновниками всѣхъ этихъ бѣдствій — вотъ то простое, холодное перечисленіе невыразимыхъ ощущеній, въ которомъ только и можетъ быть выражена мѣра страданій женщины, жены, матери и просвѣщенной христіанки, въ первыя минуты ея самосознанія!... Всякія другія описанія были бы ничтожны и недостаточны для выраженія этихъ страданій. Вѣра и религія болѣе всего въ эти ужасные дни подкрѣпляли плѣнницу.

Чтобъ не разбиться, не умереть въ такія минуты отъ тяжести собственныхъ ощущеній, нужно было, по-крайней-мѣрѣ, избавиться хоть отъ одиночества. Нужно было встрѣтить хоть ничтожное утѣшеніе человѣческаго участія....

Это утѣшеніе было послано страдалицѣ.

Невдалекѣ отъ нея послышался въ темнотѣ голосъ кормилицы маленькаго Георгія Орбеліани. Кормилица была русская и порусски *гулила* и уговаривала плачущаго малютку.

Княгиня прислушивается и думаетъ: «Ну, слава Богу, хоть этотъ живъ! Что-то съ остальными?»

Черезъ нѣсколько минутъ княгиня снова слышитъ: —«Нѣтъ ли тутъ кого изъ христіанъ? Подайте голосъ, я прійду; а то я здѣсь одна одинехонька».

Это былъ голосъ служанки Нины, женщины лѣтъ сорока, той самой, которая поутру, увидѣвъ княгиню мокрую и безъ одежды, предлагала ей свою ваточную юбку.

Княгиня узнала ее, откликнулась и назвала себя. Нина приблизилась и сѣла возлѣ княгини. Чеченцы крѣпко спали. Огня вблизи не было, и въ лѣсу чувствовалась свѣжесть. Нина обняла княгиню и осталась въ этомъ положеніи, чтобъ отогрѣть ее, еще несовсѣмъ-просохшую послѣ паденія въ воду. Впрочемъ, это было напрасно: княгиня не чувствовала холода потому, что вся горѣла лихорадочнымъ жаромъ. Но если безполезны были старанія Нины согрѣть госпожу свою, то не было безполезно самое присутствіе этой преданной женщины для нѣкотораго утѣшенія княгини. Госпожа и служанка, уравненныя и сближенныя несчастіемъ, долго бесѣдовали посреди темнаго и глухаго лѣса, окруженныя спящими врагами. Между-прочимъ, здѣсь Нина разска-

зала княгинѣ, что она *послѣдняя* была выведена изъ цинондальскаго дома, что горцы, приложивъ кинжалъ къ ея горлу, водили ее по всему дому и требовали, чтобъ она показывала, гдѣ что спрятано, въ чемъ она имъ отказала, зная, что спрятаннаго ничего не было.

Такъ провела княгиня Анна Ильинична первую ночь плѣна, ни на минуту не сомкнувъ глазъ для отдохновенія, которое такъ нужно было бы ея изнуреннымъ силамъ.

На другой день, то-есть 5-го іюля, на разсвѣтѣ, поднялись и пошли далѣе. Княгиня помнитъ, что путешествіе прямо началось съ подъема на осыпавшуюся подъ ногами значительную землянную крутизну. Взъѣхать на нее верхомъ на лошади не было никакой возможности; поэтому всѣ шли пѣшкомъ, цѣпляясь руками за кусты и деревья. Нина, и еще другая, молодая дѣвушка, грузинка Катерина (служанка Кобуловыхъ), присоединившаяся поутру къ ихъ партіи, сопровождали княгиню и помогали ей взбираться на крутизну; но, несмотря на ихъ помощь, княгиня скоро потеряла послѣднія силы и упала въ изнеможеніи. Тогда какой-то горецъ приложилъ остріе кинжала къ груди ея и угрожалъ заколоть, если она не поднимется, чтобъ продолжать шествіе. Угроза, однако, не произвела никакого дѣйствія на княгиню, до того изнуренную, что ей въ эту минуту смерть показалась бы даже облегченіемъ. Видя безуспѣшность своей жестокой попытки, горецъ вложилъ въ ножны кинжалъ, поднялъ княгиню къ себѣ на плечо и понесъ ее на гору... Утомляясь подъ ношею, онъ передавалъ ее другимъ своимъ товарищамъ, и такимъ образомъ они долго чередовались, не торопясь и уже не опасаясь преслѣдованія.

На горѣ, покрытой прекрасною муравой, для княгини сдѣлали привалъ, не останавливая прочихъ плѣнныхъ, которые и прошли далѣе.

Здѣсь къ княгинѣ подошла, щипля траву, лошадь безъ сѣдока, но навьюченная ковровыми мѣшками. Изъ одного мѣшка торчала маленькая дѣтская нога, обутая во французскій башмачокъ. Княгиня ужаснулась, предположивъ, что это нога которой-нибудь изъ дочерей ея. По просьбѣ испуганной матери развязали мѣшокъ, и дѣйствительно нашли въ немъ Тамару, четвертую дочь княгини, къ-счастію, совершенно-невредимую. Оказалось, что дѣвочку привязали къ сѣдлу, чтобъ она не упала, а мѣшокъ былъ надѣтъ на нее для-того, чтобъ лѣсные сучья не оцарапали ей

лица; но горцы, такимъ-образомъ устроившіе маленькую Тамару, не подумали, что лошадь на каждомъ шагу могла раздавить дѣвочку, прижавъ ее къ стволу дерева, или опустившись на землю поваляться, какъ это часто дѣлаютъ усталыя лошади. О томъ же, что дѣвочка могла задохнуться отъ недостатка воздуха, или изнуриться отъ крика и страха — и говорить нѣчего.

Несчастнаго двухлѣтняго ребенка вынули изъ мѣшка и посадили съ княгинею на ея бѣлую лошадь; но не надолго: вскорѣ снова ее взяли у матери и отдали какому-то чеченцу. Тамара кричала, плакала, но княгиня была даже рада, что при ней не оставили дочери: она боялась потерять и эту, какъ потеряла Лидію.

У какого-то озера чеченцы остановились снова, минутъ на десять, чтобъ совершить утренній *намазъ* (молитву). Здѣсь княгиня встрѣтила Элò, шестилѣтняго двороваго мальчика изъ Цинондалъ. Малютка безпечно ѣхалъ одинъ на лошади и передразнивалъ молившихся чеченцевъ. Княгиня спросила его, не видѣлъ ли онъ дѣтей ея, и была обрадована отвѣтомъ мальчика, который сказалъ, что онъ цѣлую ночь былъ вмѣстѣ съ Саломе, старшею дочерью княгини.

Дальнѣйшій путь продолжался все влѣво-и-влѣво, и проходилъ лугами съ превосходными травами. Видя изнуреніе княгини Анны Ильиничны, горцы довольно-часто останавливались для отдыха. На слѣдующемъ привалѣ расположилась большая партія. Горцы зарѣзали жеребенка и принялись его жарить себѣ на завтракъ. Княгиня оставалась съ служанкой Кобуловыхъ и гдѣ-то невдалекѣ отъ себя слышала голосъ своей дочери Тамары, которая о чемъ-то спрашивала свою тётку, княгиню Варвару Ильиничну, и получала отъ нея отвѣты. «Слава Богу, и эти живы!» подумала про-себя княгиня съ глубокою признательностью къ Провидѣнію.

Здѣсь же, на привалѣ, лихорадка княгини обнаружилась сильнымъ ознобомъ, вслѣдствіе чего, и по странному стеченію случайностей, ее прикрыли тѣмъ самымъ армякомъ, въ который была завернута ея маленькая Лидія до минуты своего паденія изъ рукъ матери. Видъ армяка вызвалъ у княгини слезы — первыя слезы со времени похищенія—и княгиня не удерживала ихъ, чувствуя, что ими облегчается боль ея душевныхъ страданій. Послѣ слезъ явилась даже въ душѣ несчастной матери надежда, что, можетъ-быть, какимъ-нибудь счастливымъ случаемъ, ея Лидія миновала гибели.

Между-тѣмъ, толпа прочихъ плѣнниковъ снова прошла мимо, впередъ, что̀ заставило бывшую при княгинѣ дѣвушку Кобуловыхъ опасаться, чтобъ не отстать отъ *своихъ*. Опасеніе было, однакожь, напрасно: горцы скоро кончили свой завтракъ и снова повели княгиню и ея спутницу далѣе, лѣсомъ и кустарниками, на которыхъ княгиня замѣтила какіе-то очень-красивые и незнакомые ей бѣлые цвѣты.

На пути встрѣтился опять тотъ армянинъ, въ красивой чухѣ и красномъ папахѣ, который хорошо объяснялся порусски и уже безпокоилъ княгиню своими разспросами о Телавѣ. Онъ и здѣсь не преминулъ огорчить ее непріятнымъ разговоромъ, какъ-бы находя въ томъ особенное удовольствіе.

— Княгиня! вы, говорятъ, потеряли своего ребенка? спросилъ онъ.

— Да̀, отвѣчала княгиня.

— Зачѣмъ же вы его бросили? Горцы говорятъ, что вы сами его бросили...

— Какъ вамъ не совѣстно говорить это! возразила княгиня съ негодованіемъ и въ короткихъ словахъ объяснила истину событія.

Тогда армянинъ принялся расточать безполезныя и холодныя утѣшенія, а потомъ вдругъ объявилъ:

— А знаете ли вы, что и мужъ вашъ тоже въ плѣну?

— Этого не можетъ быть! съ твердостью отвѣчала княгиня, хотя сердце ея замерло..

— Почему же не можетъ быть? съ улыбкой продолжалъ армянинъ.

— Потому-что мужъ мой никогда не отдался бы живой въ руки враговъ, заключила княгиня, и тѣмъ прекратила невыносимый для себя разговоръ.

Далѣе до самой Похальской Башни не встрѣтилось ничего особенно-замѣчательнаго, если не считать нѣсколькихъ новыхъ трудностей и физическихъ страданій, перенесенныхъ въ пути. Такъ, напримѣръ, много страдала княгиня, взбираясь пѣшкомъ на одну, почти отвѣсную, каменную крутизну. Она не чувствовала опухшихъ и одеревенѣлыхъ ногъ своихъ и какъ-то безсознательно преодолѣвала безчисленные подъемы и спуски, которыми была усѣяна вся послѣдняя часть пути до Похали.

Приближаясь къ Башнѣ, плѣнницы услышали выстрѣлы. Имъ объяснили, что это войско Шамиля знаменуетъ свою радость о счастливомъ окончаніи набѣга. Подойдя еще ближе, плѣнницы

увидѣли на горѣ множество палатокъ : это былъ лезгинскій лагерь; а у самыхъ воротъ башни виднѣлась палатка Шамиля.

VI.

Похальская Башня.

Плѣнницамъ предстоялъ еще одинъ, послѣдній, но очень-трудный подъемъ на гору, гдѣ стояла Похальская Башня и былъ расположенъ лезгинскій лагерь. Преодолѣвъ послѣднюю трудность, онѣ очутились посреди лагеря и замѣтили большую разницу между наружностью лезгинъ и своихъ похитителей чеченцевъ. Чеченцы отличались ростомъ, статностью, красотой, богатствомъ одежды и вооруженія; лезгины же были приземисты, широкоплечи, некрасивы, бѣдно одѣты, но вооружены хорошо, чрезвычайно-грубы, даже свирѣпы на видъ. По выраженію г-жи Дрансè, «c'étaient des gens durs...» Очевидно, они составляли массу войска, тогда-какъ чеченцы принадлежали, такъ-сказать, къ избранному классу, къ аристократіи шамилевыхъ скопищъ (*) и, по всей вѣроятности, были употребляемы имамомъ для отважнѣйшихъ и опаснѣйшихъ предпріятій.

Въ то время, какъ княгиня Варвара Ильинична, княжна Баратова, г-жа Дрансè и почти всѣ прочія плѣнницы были уже введены въ Похальскую Башню, княгиня Анна Ильинична съ своею спутницей (служанкою Кобуловыхъ) только-что подходила къ лезгинскому лагерю, гдѣ проводники ея немедленно скрылись въ толпѣ, вѣроятно, опасаясь отвѣтственности за потерю дочери княгини, и оставили плѣнницъ, совершенно однѣхъ, на жертву всеобщаго любопытства. Положеніе было до крайности неловкое. Вскорѣ, однакожь, подошли какіе-то чеченцы и сказали княгинѣ, чтобъ она шла въ палатку Шамиля. Княгиня отказалась на-отрѣзъ отъ этого приглашенія: ее смущалъ костюмъ ея, о которомъ прежде другихъ, болѣе-тягостныхъ лишеній и страданій, нѣкогда было и

(*) Слово *аристократія* должно быть понимаемо только въ относительномъ значеніи, такъ-какъ аристократическое начало совершенно-чуждо общественному устройству Чечни, Дагестана и вообще жителямъ такъ-называемаго *лѣваго фланга* Кавказскихъ Горъ, въ противоположность съ черкесами (Адиге) и вообще жителями *праваго фланга* и черноморскаго прибрежья. Эту разницу необходимо помнить при дальнѣйшемъ чтеніи настоящаго разсказа.

думать, но въ которомъ теперь она никакъ не могла рѣшиться показать себя Шамилю, или его приближеннымъ. Въ то же время княгиня услышала изъ окна башни голосъ одной изъ взятыхъ въ Цинондалахъ дѣвочекъ, которая узнала госпожу свою и звала ее въ башню, а вслѣдъ затѣмъ выбѣжалъ изъ дверей башни на встрѣчу княгинѣ князь Иванъ Чавчавадзе (*), несчастный командиръ малочисленнаго похальскаго гарнизона, взятый въ плѣнъ съ остаткомъ гарнизона, послѣ продолжительной и отчаянной защиты ввѣреннаго ему поста, съ самымъ ничтожнымъ гарнизономъ, въ 30-ть человѣкъ вооруженныхъ крестьянъ, противъ огромнаго шамилева скопища.

Князь Иванъ встрѣтилъ княгиню съ видомъ совершеннаго замѣшательства и отчаянія. Блѣдный, почти-безжизненный, онъ могъ произнести лишь нѣсколько краткихъ, отрывистыхъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: «Это вы?.. Это вы, княгиня?.. Ахъ!.. Несчастіе!.. Пожалуйте въ башню.. Тамъ вы успокоитесь...» и т. п.

Княгиня за нимъ послѣдовала, мимо закрытой со всѣхъ сторонъ палатки Шамиля, стоявшей у самыхъ воротъ или дверей башни.

По свидѣтельству княгини В. П. Орбеліани (которая уже находилась въ башнѣ, когда князь Иванъ привелъ туда сестру ея), невыразимо-грустно было впечатлѣніе, произведенное вошедшею княгинеї Анной Ильиничной на всѣхъ, встрѣтившихъ ее въ башнѣ — въ такомъ странномъ была она положеніи!..

Почти въ одной, и то разорванной, рубашкѣ; съ грудью, распухшею отъ прилива молока; съ распущенными и запутанными волосами, въ которые вплелись колючія растенія; съ запекшеюся кровью на плечахъ, съ окровавленными и опухшими ногами, почти лишенными кожи, вошла княгиня Анна Ильинична въ комнату Похальской Башни, шатаясь и дрожа отъ изнеможенія, которое доходило до того, что она не могла выпить болѣе одного глотка воды изъ стакана, поданнаго ей по ея требованію.

Прочія плѣнницы и дѣти были въ несравненно-лучшемъ положеніи, хотя тоже представляли неутѣшительное зрѣлище.

До непроходимой тѣсноты наполняли онѣ комнату, сидя и лежа на полу (**). Съ трудомъ можно было пройдти между ними. Всѣ

(*) Дальній родственникъ князя Давида.

(**) Это было въ нижнемъ этажѣ башни. Въ среднемъ помѣщались плѣнные мужчины, а верхній, вмѣстѣ съ крышею, былъ сбитъ пушками Шамиля.

онѣ плакали, стенали; дѣти кричали. Нѣкоторыя изъ простолюдинокъ въ какой-то экзальтаціи вопили на-распѣвъ тутъ же импровизируемыя жалобы, въ которыхъ было много поэзіи, раздиравшей душу. Чтобъ понять эти импровизаціи и всю ихъ надрывающую силу, надо быть знакому съ живописнымъ и богатымъ иперболическими выраженіями грузинскимъ языкомъ, заимствовавшимъ у Востока множество трогательныхъ метафоръ и цвѣтистыхъ преувеличеній.

Жалобы, произносимыя на-распѣвъ плѣнными простолюдинками, на этотъ разъ заключали въ себѣ сѣтованія о плѣненныхъ княгиняхъ и были почти такого содержанія: «До чего мы дожили! «Цвѣтъ и свѣтъ нашей Кахетіи въ рукахъ у ненавистныхъ «лезгинъ! Мы о себѣ не думаемъ. Мы должны только молиться «о княгиняхъ и ихъ дѣтяхъ! Въ нихъ погибла краса и надежда «Кахетіи», и т. п.

Это свидѣтельство народной любви, выраженное въ такихъ искреннихъ жалобахъ, съ тою потрясающею силой, какую словамъ способны придать только соотвѣтственные имъ звуки пѣсни, не могло не растрогать до глубины души плѣнницъ, къ которымъ оно было обращено. Княгини плакали навзрыдъ.

Онѣ были утѣшены только при видѣ дѣтей своихъ. Княгиня Варвара Ильинична нашла здѣсь своего Георгія и принялась съ нимъ няньчиться. Княгиня Анна Ильинична увидѣла спящихъ на полу двухъ дочерей, Марію и Тамару. Для совершеннаго ея успокоенія недоставало лишь двухъ другихъ, Саломе и Александра, которые еще не прибыли въ башню.

Въ числѣ плѣнницъ тутъ же нашли нянюшку Александру Яковлевну, изрубленную у Концхевской Горы. На ней было шесть ранъ, нанесенныхъ шашками. Княгини помогли бѣдной женщинѣ улечься поспокойнѣе и, какъ умѣли, старались утѣшить ее.

Въ это время къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ подошла плѣнная дѣвушка, изъ простыхъ грузинокъ, и, держа на рукахъ младенца, обратилась къ княгинѣ съ слѣдующей просьбою:

— У насъ, княгиня, чеченцы убили мать, и сестра моя, вотъ эта четырехмѣсячная дѣвочка, осталась безъ всякой пищи; она въ эти полторы сутки переходила изъ рукъ въ руки и непремѣнно должна умереть съ голоду, если вы надъ нею не сжалитесь: покормите ее вашей грудью, княгиня!

Княгиня съ удовольствіемъ исполнила желаніе дѣвушки. Младенецъ съ жадностью утолилъ свой голодъ и спокойно заснулъ.

Въ то же время княгиня почувствовала въ груди значительное облегченіе отъ боли, причиняемой избыткомъ молока, и невольно подумала, что Провидѣніе, въ-замѣнъ погибшей дочери пославшее посторонняго младенца, быть-можетъ, спасало ее въ эту минуту отъ опасности, сопряженной съ избыткомъ и очень-возможнымъ разливомъ молока...

При этомъ случаѣ нельзя воздержаться отъ замѣчанія, что какъ теперь, такъ и вообще въ-теченіе всего несчастія, перенесеннаго плѣнницами, во всѣхъ случаяхъ видится явное покровительство высшей невидимой Силы, недопускающее несчастныхъ женщинъ и дѣтей до *крайнихъ предѣловъ* бѣдствія. Безъ малѣйшаго усилія воображенія, читатель видитъ и будетъ постоянно видѣть, что самыя бѣдственныя случайности могли бы быть еще бѣдственнѣе, что въ самомъ несчастіи было еще много счастія, въ самомъ испытаніи много милости!..

Вскорѣ пріѣхала и вошла въ башню Василиса съ маленькимъ княземъ Александромъ. Княгиня Анна Ильинична увидѣла своего сына въ отчаянномъ положеніи. Онъ былъ безъ чувствъ и безъ движенія; руки и ноги его свѣшивались и раскачивались; голова была закинута назадъ; дёсны стиснуты, глаза закрыты. Оказалось, что малютка отъ самыхъ Цинондалъ ѣхалъ безъ кормилицы и оставался почти безъ всякой пищи; что кусокъ сахара, данный ему чеченцемъ на одномъ изъ первыхъ приваловъ, скоро выпалъ изъ рукъ ребенка; что Василиса могла утолять его голодъ только водою, да одинъ разъ давала ему лѣсныхъ орѣховъ, которые прежде жевала, чтобъ сколько-нибудь сдѣлать эту пищу годною для малютки.

Плѣнницы немедленно принялись приводить Александра въ чувство. Княгиня Анна Ильинична нацѣдила немного своего молока въ какой-то сосудъ и съ величайшимъ трудомъ влила нѣсколько капель сквозь сжатыя дёсны сына. Проглотивъ ихъ, ребенокъ очнулся, мало-по-малу сталъ оживляться, и вскорѣ спокойно заснулъ.

Это оживленіе своего сына княгиня Чавчавадзе называетъ *чудеснымъ воскрешеніемъ* и приписываетъ чему-то непонятному, сверхъестественному — тàкъ оно было неожиданно!

Въ сумерки плѣнницамъ принесли ужинъ, состоявшій изъ жареной баранины, хлѣба и воды. Княгиня Варвара Ильинична, непринимавшая никакой пищи двои сутки, не могла и здѣсь принудить себя съѣсть хоть что-нибудь. Княгиня Анна Ильинич-

на взяла небольшой кусокъ хлѣба, но не могла проглотить его. Голодъ свой утолили только г-жа Дрансè, нѣсколько уже успокоившаяся, и княжна Баратова, которая менѣе другихъ перенесла страданій, а здѣсь, въ башнѣ, пріобрѣла даже нѣкоторую бодрость вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ плѣнницъ утѣшили ее мыслью, что она, вѣроятно, недолго будетъ въ плѣну, что Шамиль узнаетъ о бѣдномъ состояніи родныхъ ея и отпуститъ за незначительный выкупъ (*).

Чрезъ нѣсколько времени пріѣхала съ своимъ проводникомъ старшая дочь княгини Анны Ильиничны, шестилѣтняя Саломе. Она очень обрадовалась свиданію съ матерью, много болтала и разсказывала, говорила, что встрѣтила княгиню въ лѣсу и спрашивала ее про Лидиньку, но что княгиня ничего ей не отвѣчала.

Дѣтей покормили и уложили спать.

Взрослыя также легли какъ могли и гдѣ умѣстились.

Княгиня Анна Ильинична не помнитъ, спала ли она въ эту ночь. Кажется, что обѣ сестры-плѣнницы оставались въ какомъ-то полузабытьи, безпрестанно просыпаясь то отъ неуспокоеннаго душевнаго волненія, то отъ жара и духоты въ комнатѣ.

6-го іюля поутру всѣ были пробуждены звуками духовой музыки. Оказалось, что музыканты Шамиля, что-то въ родѣ русскихъ горнистовъ, играли утреннюю зорю. Исполненіе было довольно-стройное, а мотивъ имѣлъ сходство съ какимъ-то знакомымъ маршемъ.

Въ башнѣ всѣ поднялись на ноги.

Вскорѣ вошли въ комнату князь Иванъ Чавчавадзе, слуга его Семенъ и урядникъ Потаповъ. «Мы плѣнные» сказалъ князь: «но объ этомъ теперь долго будетъ разсказывать; разскажемъ послѣ; а теперь мы пришли объявить вамъ пріятную вѣсть: мы просили Шамиля позволить намъ провожать васъ въ переходѣ до мѣста, то-есть до Даргы-Веденно̀, куда поведутъ васъ, и Шамиль разрѣшилъ намъ это.

Плѣнницы дѣйствительно были весьма обрадованы этимъ извѣстіемъ. Возможность имѣть при себѣ близкихъ людей, христіанъ и единоземцевъ, во время предстоявшаго длиннаго и труднаго

(*) Отецъ княжны весьма-небогатый человѣкъ, одержимый параличомъ. Матери и братьевъ у нея нѣтъ. Изъ двухъ сестеръ ея одна живетъ у дальнихъ родныхъ, а другая въ воспитательномъ заведеніи Общества Св. Нины, въ Тифлисѣ.

пути, конечно, было великимъ утѣшеніемъ и благодѣяніемъ Провидѣнія, тѣмъ болѣе, что отъ Похальской Башни проводниками плѣнницъ были уже не чеченцы, а лезгины—племя гораздо-болѣе грубое, хищное и суровое.

Едва-только плѣнницы успѣли выслушать пріятную для нихъ новость, какъ отворились двери и въ комнату вошли: сынъ Шамиля, Кази-Магома, или, какъ произносятъ нѣкоторые горцы, Кази-Махматъ, и съ нимъ нѣсколько человѣкъ наибовъ, то-есть военачальниковъ и приближенныхъ Шамиля. Нѣкоторые изъ нихъ хорошо говорили порусски. Кази-Махматъ спросилъ: гдѣ княгиня Чавчавадзе? Ему указали княгиню, которая въ это время сидѣла на полу, окруженная толпою другихъ плѣнницъ. Наибы спросили о здоровьѣ, совѣтовали покориться волѣ Божіей, толковали что-то о судьбѣ и увѣряли, что нѣтъ худа безъ добра. Княгиня отвѣчала, что напрасно безпокоятся утѣшать, что она уже перенесла все, самое тяжкое, а потому, вѣроятно, будетъ въ-состояніи перенести и все то̀, что̀ ей предстоитъ въ будущемъ; наконецъ, что она надѣется на защиту Шамиля.

Послѣ этого наибы принялись объяснять мнимую цѣль нападенія на Цинондалы. Они не стыдились говорить, что цѣль эта состояла въ привлеченіи кахетинскихъ князей и народа къ покорности Шамилю (какъ-будто грабежомъ и поджогами можно привлечь кого-нибудь!), потомъ они увѣряли, что многіе кахетинскіе князья уже обращались къ Шамилю съ покорными письмами. Княгиня выразила рѣшительное недовѣріе. Тогда наибы не постыдились свою ложь подкрѣплять новыми увѣреніями, и въ доказательство показали нѣсколько бумагъ, исписанныхъ погрузински, повторяя, что это и есть тѣ письма, о которыхъ они говорили. Княгиня взяла въ руки мнимыя письма и сейчасъ же узнала въ нихъ листы, выдранные изъ счетныхъ книгъ сельскихъ кахетинскихъ моуравовъ (управителей имѣній).

— Это не письма, а хозяйственные счеты, съ усмѣшкой сказала она, возвращая бумаги наибамъ.

— Почему ты знаешь? былъ простодушный вопросъ наибовъ, вѣроятно, предполагавшихъ, что княгиня не умѣетъ читать погрузински.

— Потому-что вижу, отвѣчала княгиня.

Смущенные посѣтители ушли, доложили обо всемъ Шамилю (какъ это оказалось впослѣдствіи) и получили отъ него приказаніе никогда болѣе не безпокоить плѣнницъ никакими предложе-

ніями. Въ то же время Шамиль прислалъ княгинямъ приказаніе, чтобъ онѣ написали письмо къ своимъ или къ кому пожелаютъ, въ Тифлисъ. Принесли туземную чернилицу —шелковую корпію, пропитанную чернилами, деревянное перо и клочокъ бумаги. Княгиня Анна Ильинична не могла писать отъ волненія неуспокоившагося еще негодованія на горцевъ и ихъ странную послѣднюю выходку. Поэтому принялась за письмо княгиня Варвара Ильинична. Она обращалась къ командующему войсками и начальнику гражданскаго управленія на Кавказѣ и за Кавказомъ, генералу-отъ-кавалеріи Н. А. Реаду, и писала слѣдующее:

«Генералъ!

«Мы и всѣ наши взяты въ плѣнъ; мы живы, но во всемъ «нуждаемся; помогите намъ и дайте знать всѣмъ роднымъ. Ад«ресъ нашъ: въ Даргы-Веденнò, въ домѣ Шамиля».

Письмо это подписала княгиня Анна Ильинична.

Къ князю Давиду ни жена его, ни сестра не писали ничего: онѣ боялись, что кто-нибудь изъ горцевъ скажетъ имъ: «да что вы къ нему пишете? Его нѣтъ въ-живыхъ»...

Посланные отъ Шамиля взяли письмо и ушли.

Затѣмъ плѣнницамъ принесли завтракъ: баранины и хлѣба, какъ и наканунѣ. Княгиня Варвара Ильинична опять ни до чего не прикоснулась, но княгина Чавчавадзе въ первый разъ ѣла съ нѣкоторымъ апетитомъ. Прочія тоже подкрѣпили свои силы.

Во время завтрака явился какой-то человѣкъ съ бѣлой чалмою на папахѣ, въ чухѣ, съ довольно-красивою, но отталкивающею наружностью; въ немъ узнали мюрида, похитителя и проводника г-жи Дрансè. Онъ просилъ княгиню Чавчавадзе встать и идти къ Шамилю, объясняя, что Шамиль хочетъ говорить съ нею. Но княгиня возражала, что она удивляется, почему Шамиль не желалъ ее видѣть тогда, когда имѣлъ много интереснаго сообщить ей, и сдѣлалъ это черезъ своего сына и наибовъ; а теперь, когда все уже переговорено, желаетъ лично съ нею видѣться! Въ заключеніе княгиня прибавила, что она не вѣритъ этому приглашенію.

— Если вы боитесь, то возьмите сестру, настаивалъ мюридъ.

— Не пойду и не позволю идти сестрѣ, рѣзко отвѣчала княгиня.—Я уже сказала, что въ этой одеждѣ я не могу показаться никому изъ вашихъ начальниковъ.

Озадаченный рѣшительными и рѣзкими отвѣтами княгини, мюридъ молча отвернулся и вышелъ. Вообще должно замѣтить, что

рѣшимость и смѣлость въ отвѣтахъ плѣнницъ были для горцевъ явленіемъ необыкновеннымъ и дѣйствовали на нихъ самымъ благопріятнымъ для плѣнницъ образомъ. Сначала это озадачивало дикарей, привыкшихъ встрѣчать въ своихъ женщинахъ только раболѣпное повиновеніе, а потомъ внушало имъ что-то похожее на уваженіе.

Послѣ ухода мюрида, пришли другіе какіе-то приближенные Шамиля и предложили плѣнницамъ, отрядивъ изъ среды себя кого-нибудь по собственному ихъ желанію, послать въ палатку Шамиля, чтобъ взять оттуда изъ награбленныхъ вещей все, что окажется нужнымъ для пополненія одежды плѣнницъ. Княгини обратились къ своимъ служанкамъ и вызывали желающихъ идти къ Шамилю. Вызвалась прачка Варвара (полька) и смѣло отправилась. По показанію ея, она ходила въ самую палатку Шамиля, видѣла его самого и около него двухъ часовыхъ съ ружьями, а поодаль, кругомъ палатки—кучи разныхъ узловъ съ вещами. Шамиль приказалъ отдать Варварѣ первый узелъ, какой ей попадется подъ-руку; она взяла какой былъ побольше другихъ и принесла къ своимъ госпожамъ.

Въ узлѣ оказались слѣдующія вещи: шелковая блуза темнаго цвѣта; катиба (*) (уже безъ пуговицъ и безъ жемчужнаго шитья), нѣсколько чулокъ и башмаки — всѣ на одну ногу. Къ-сожалѣнію, не было дѣтскихъ башмаковъ, и маленькая Марія, вторая дочь княгини Чавчавадзе, должна была оставаться безъ обуви до дома муллы.

Добытыя вещи были распредѣлены между плѣнницами сообразно съ ихъ надобностями.

Костюмъ княгини Анны Ильиничны вышелъ довольно-фантастическій и красивый. Волосы ея, кое-какъ приглаженные, улеглись подъ ярко-пестрый бумажный платокъ; станъ очень-прилично и удобно прикрылся темной шелковой блузой, а сверху была надѣта красивая шубка, или катиба, изъ малиноваго бархата.

По окончаніи туалета, плѣнницы увидѣли черезъ дверь плѣнныхъ грузинъ, выведенныхъ изъ втораго этажа башни. Ихъ разстроенныя, изнуренныя горемъ лица выражали что-то особенное, вызывавшее невольныя слезы у женщинъ.

(*) *Катиба*—очень-красивая туземная шубка, обыкновенно бархатная и вышитая у ворота жемчугомъ, а по краямъ вся отороченная куньимъ или собольимъ мѣхомъ.

Плѣнники и плѣнницы взаимно утѣшали и ободряли другъ друга; но вскорѣ приблизились лезгины и приказали готовиться въ путь, а черезъ нѣсколько минутъ и началось новое странствованіе едва-отдохнувшихъ плѣнницъ, странствованіе, которое должно было продлиться еще 22 дня.

VII.

Отъ Похальской Башни до аула Дидо.

Съ начала пути отъ Похальской Башни, князь Иванъ Чавчавадзе уступилъ свою лошадь княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ; но вскорѣ проводники пересадили княгиню на другую лошадь, некрасивую, но удивительно-спокойную, на которой сидѣть было ловко и удобно. Передъ отъѣздомъ всѣ плѣнные были поименно переписаны, и каждому данъ былъ особый проводникъ. Княгиня Анна Ильинична, сопровождаемая княземъ Иваномъ Чавчавадзе, опередила всю толпу своихъ спутниковъ, но, остановившись и оглянувшись назадъ, увидѣла сестру свою, княгиню Орбеліани, еще у воротъ башни, гдѣ она чего-то дожидалась, сидя верхомъ на лошади. Впослѣдствіи оказалось, что она, вмѣстѣ съ другими, была навремя остановлена для какой-то новой поголовной повѣрки плѣнныхъ, причемъ ее переспрашивали объ именахъ: ея, княгини Анны Ильиничны и прочихъ плѣнницъ, взятыхъ въ Цинондалахъ...

Наконецъ весь поѣздъ двинулся, въ сопровожденіи лезгинъ, а не чеченцевъ, какъ это было до Похальской Башни.

Было уже прежде замѣчено, что лезгины, въ-сравненіи съ чеченцами, то же самое, что̀ чернорабочіе въ-сравненіи съ классомъ привилегированнымъ. Грубость этихъ людей не замедлила вскорѣ высказаться. Одинъ изъ нихъ за что-то поссорился съ кормилицей маленькаго Георгія Орбеліани и разсвирѣпѣлъ до того, что хотѣлъ убить ребенка, что̀ и исполнилъ бы непремѣнно, еслибъ князь И. Чавчавадзе не вступился въ дѣло и не выхватилъ ребенка изъ рукъ лезгина. Дѣло кое-какъ уладилось; но послѣ этого князю Чавчавадзе связали по локтямъ руки.

Впродолженіе нѣкотораго времени вся партія шла въ глубокомъ ущельи, между двухъ значительныхъ высотъ. Потомъ всѣмъ плѣннымъ, за исключеніемъ княгини Анны Ильиничны, приказано было спѣшиться, чтобъ удобнѣе подниматься на какую-то ка-

менную гору. При подъемѣ, княгиня съ трудомъ держалась на своей лошади; еще съ бо́льшимъ трудомъ тащилась кормилица маленькаго Александра, потому-что, кромѣ своего вскормленника, она должна была нести на рукахъ еще и Тамару. Къ-счастью, тутъ же шли нѣкоторые изъ плѣнныхъ похальскихъ милиціонеровъ и могли помогать бѣдной женщинѣ, обремененной двойною ношей.

За труднымъ подъемомъ, какъ и всегда, послѣдовалъ столько же трудный спускъ; но этотъ спускъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что весь былъ покрытъ нерастаявшимъ снѣгомъ—явленіе, поразительное, но не рѣдкое въ горахъ, гдѣ часто, на одной сторонѣ высоты зеленѣетъ южная растительность, тогда-какъ на другой (почти-всегда на сѣверной) остается снѣгъ до іюля.

На снѣжной покатости княгиню Анну Ильиничну сняли съ лошади и повели подъ-руки, что̀ не мѣшало ея ногамъ проваливаться на полъаршина въ глубину снѣжнаго пути; то же самое было и съ прочими плѣнницами. Маленькая Тамара, вѣроятно, боясь паденія, сильно расплакалась и тѣмъ заставила лезгинъ отнять Александра у его кормилицы и отдать его на руки князю П. Чавчавадзе, который, при всемъ желаніи нести малютку, весьма былъ этимъ затрудненъ, такъ-какъ руки его, связанныя по локтямъ, не были совершенно свободны. Кое-какъ онъ, однакожь, управился съ своей ношею.

Спустившись по снѣжному спуску, путники направились вдоль берега какой-то рѣки. Здѣсь княгиня Чавчавадзе была испугана паденіемъ кормилицы ея сына, ѣхавшей съ Тамарой. Подъ кормилицей перевернулось сѣдло, но она упала довольно-счастливо, не сдѣлавъ вреда ни себѣ, ни бывшему на рукахъ ея ребенку.

Вскорѣ снова начался подъемъ, тянувшійся спиралью и длившійся неменѣе пяти часовъ. Будучи впереди всѣхъ, княгиня Анна Ильинична не могла видѣть никого изъ своихъ спутницъ дотѣхъ-поръ, пока, достигнувъ вершины подъема, не остановилась для отдыха и для ожиданія отстальныхъ путниковъ. Отсюда княгиня видѣла всѣхъ цинондальскихъ плѣнницъ: онѣ шли пѣшкомъ, держась за хвосты лошадей. Когда всѣ собрались на горѣ, княгиня В. П. Орбеліани разсказала сестрѣ своей о приключеніи съ ея маленькой Тамарой. Разставшись какъ-то съ кормилицей Александра, малютка неутѣшно плакала, крикомъ своимъ вывела изъ терпѣнія лезгинъ, и они, посадивъ ее на землю, бросили одну на полугорѣ. Къ-счастію, на плачущую и покинутую малютку наѣхала княгиня Варвара Ильинична съ нѣсколькими ми-

лиціонерами, и одинъ изъ нихъ поднялъ и понесъ на рукахъ покинутую дѣвочку. Вообще великимъ счастіемъ для плѣнницъ было то, что онѣ были сопровождаемы плѣнными милиціонерами. Во множествѣ случаевъ эти люди оказали безпомощнымъ женщинамъ неоцѣненныя услуги.

Далѣе княгиня Анна Ильинична поѣхала впереди другихъ и не безъ труда пробиралась по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ, тѣмъ болѣе, что путь снова сталъ подниматься въ гору. Вскорѣ княгиню догналъ князь И. Чавчавадзе, державшій на рукахъ маленькаго Александра. У малютки на губахъ лежалъ еще нерастаявшій кусокъ снѣга.

— Цѣлый день его несу, сказалъ князь: — и безполезно ожидаю его кормилицы; но она идетъ гдѣ-то позади, и я вынужденъ давать ребенку снѣгу, чтобъ только хоть успокоить его... Не прогнѣвайтесь, княгиня, если даже и уроню его: вы видите, что я не вполнѣ владѣю руками.

Княгиня обратилась къ проводнику съ просьбою, чтобъ позволили ей самой взять и везти ея сына; но тотъ отказалъ подъ предлогомъ, что княгиня, при переписи плѣнныхъ, была записана *одна, а не съ сыномъ* (*). Къ-счастью, тутъ подоспѣли нѣкоторыя изъ женщинъ, и между ними были кормилица, несшая Тамару, и прачка Варвара. Княгиня приказала кормилицѣ передать Тамару Варварѣ, а самой взять Александра съ рукъ утомленнаго князя И. Чавчавадзе. Кормилица исполнила это, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразила, что сама она изнемогла отъ ходьбы и легко можетъ уронить Александра. Княгиня попросила, чтобъ кормилицѣ дали особую лошадь. Лезгины засуетились, зашумѣли, стали отнимать лошадей другъ у друга, а между тѣмъ княгиню угнали впередъ, и она не видѣла, чѣмъ все это кончилось, и получила ли кормилица лошадь для продолженія тяжкаго пути.

Между-тѣмъ стало вечерѣть. Утомленіе овладѣвало всѣми: ѣхали шагомъ, но долго не останавливались для отдыха. Наконецъ, на берегу какой-то рѣки, проводникъ княгини Анны Ильиничны объявилъ, что настало время для давножеланнаго привала, и, снявъ княгиню съ лошади, предложилъ ей сѣсть на траву, а самъ принялся молиться.

При этомъ случаѣ, также какъ и впослѣдствіи, княгиня имѣ-

(*) Плѣнницамъ было не трудно объясняться съ лезгинами, потомучто весьма-многіе изъ нихъ знали порусски или погрузински.

ла возможность замѣтить, что лезгины и чеченцы вообще очень-усердны въ молитвѣ и, предаваясь ей, какъ-будто забываютъ обо всемъ, что̀ ихъ окружаетъ.

Чрезъ нѣсколько времени къ привалу княгини приблизилась жена кизис-хевскаго дьячка, молодая женщина, прекрасная собою, и тоже сошла съ лошади, чтобъ присѣсть на траву. Проводникъ ея о чемъ-то поговорилъ съ проводникомъ княгини и принялся скликать отсталыхъ. Тутъ подъѣхала г-жа Дрансѐ. Плѣнницы обмѣнялись привѣтствіями и при этомъ случаѣ обѣ замѣтили, что чувства страха и испуга уже совершенно покинули ихъ и замѣнились какимъ-то притупленіемъ всѣхъ чувствъ. Разставаясь снова для продолженія странствованія, княгиня и гувернатка ея дѣтей обмѣнялись слѣдующими фразами:

— Я чувствую, сказала княгиня: — что не доѣду до мѣста нашего назначенія; если я умру въ дорогѣ, сберегите дѣтей и облегчите ихъ положеніе.

— Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю для нихъ все, что̀ только будетъ отъ меня зависѣть, отвѣчала съ искренностью француженка, которая сама была знакома съ чувствами матери, и онѣ разстались.

Лезгинамъ хотѣлось попасть на ночлегъ въ ближайшій аулъ, а потому они скоро подняли плѣнницъ съ привала и, несмотря на густыя сумерки, повели ихъ далѣе. По спуску съ высокой горы княгиня должна была идти пѣшкомъ. Проводникъ очень-осторожно и очень-тихо сводилъ ее съ горы и въ то же время велъ лошадей. Подъ горой очутилась рѣка, а за рѣкой невдалекѣ показались огни нѣсколькихъ ауловъ. Для переправы черезъ рѣку, лезгинъ посадилъ княгиню на лошадь, а самъ помѣстился сзади, за сѣдломъ ея, и такимъ образомъ переѣхали вбродъ неширокую, впрочемъ, рѣку. Здѣсь ихъ догнала, быстро скача верхомъ на лошади, какая-то дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Княгиня спросила, не видѣла ли она прочихъ цинондальскихъ плѣнныхъ. Дѣвочка отвѣчала, что всѣ они ѣдутъ позади.

Посреди ночи доѣхали до одного изъ ауловъ, лѣпившихся и разбросанныхъ по горѣ. Проходя мимо саклей, княгиня Анна Ильинична почти изъ каждой слышала окликъ на грузинскомъ языкѣ: то были голоса плѣнныхъ, ранѣе приведенныхъ въ аулъ и уже размѣщенныхъ по саклямъ. Они спрашивали: «откуда вы?» Княгиня имъ отвѣчала, что изъ Цинондалъ.

На ночлегъ княгиню привели въ *буйлятникъ* (*). Помѣщеніе это раздѣлялось плетнемъ на три отдѣленія: въ первомъ находился скотъ, во второмъ расположились проводники-лезгины и тотчасъ же развели на земляномъ полу огонь и принялись готовить себѣ кушанье; въ третье была введена княгиня и нашла здѣсь князя Н. Чавчавадзе, шесть милиціонеровъ и женщинъ, какъ цинондальскихъ, такъ и совершенно-незнакомыхъ. На вопросъ княгини о дѣтяхъ князь Н. Чавчадзе отвѣчалъ, что онъ ихъ не видѣлъ, что ихъ повели другою, ближайшею дорогой.

Размѣстившись, какъ было можно, въ своемъ мрачномъ, душномъ и нечистомъ пристанищѣ, плѣнницы до́лго не думали объ успокоеніи, потому-что ожидали другихъ, отставшихъ плѣнницъ. Въ полночь, около буйлятника послышались голоса и шумъ, а черезъ минуту вошла княжна Баратова съ маленькой Маріей Чавчавадзе (которая до того постоянно находилась при княжнѣ), и въ то же время привели израненную нянюшку.

«Здѣсь ли тётка Варвара Ильинична?» спросила, входя въ помѣщеніе плѣнныхъ, княжна Баратова, на которой плѣнницы съ величайшимъ изумленіемъ увидѣли въ неприкосновенности не только весь костюмъ ея, но даже кольца и перстни на пальцахъ и цѣнныя булавочки въ *тавсакрави* (**).

Княжнѣ отвѣчали, что княгиня Орбеліани еще не пріѣхала.

Освоившись съ темнотою буйлятника, княжна Баратова узнала всѣхъ, съ кѣмъ она здѣсь встрѣтилась, и присоединилась къ княгинѣ Чавчавадзе, чтобъ вмѣстѣ съ нею раздѣлить безпокойство ожиданія.

Безпокойство это было столько же сильно и живо, какъ и то, которое чувствовала княгиня въ первую ночь послѣ похищенія. Ея не покидала мысль о сестрѣ и о дѣтяхъ; она безпрестанно думала: гдѣ они? что̀ съ ними? и каждый порывъ вѣтра или шумъ за плетнемъ заставлялъ ее судорожно вздрагивать. Такими тревожными ощущеніями княгиня и молодая ея родственница замѣнили въ эту ночь сонъ, столь необходимый для нихъ обѣихъ; но ожиданія были напрасны. Не сомкнувъ глазъ до самаго разсвѣта, плѣнницы все-таки не дождались своихъ близкихъ.

(*) Такъ за Кавказомъ называются помѣщенія для буйволовъ и прочаго домашняго скота.

(**) Такъ-называется очень-красивая головная повязка, носимая, въ видѣ обруча, замужними и незамужними грузинками.

7-го іюля, утромъ, имъ было позволено выйдти на свѣжій воздухъ. Тутъ онѣ были окружены множествомъ женщинъ изъ разныхъ кахетинскихъ селеній, и, между прочими, замѣтили одну армянку, жену откупщика Антонова. Эта женщина была взята вмѣстѣ съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ самому старшему было только пять лѣтъ. Всѣхъ ихъ поочередно тащила на себѣ несчастная мать, а иногда всѣхъ младшихъ несла вдругъ въ одно время.

Знакомясь между собою, женщины вскорѣ увидѣли въ кругу своемъ какое-то новое лицо: это былъ незнакомый чеченецъ, по имени Нишка. Онъ хорошо говорилъ порусски, отъискалъ въ толпѣ княгиню Анну Ильиничну и, обратясь къ ней, объявилъ, что ему приказано встрѣтить здѣсь плѣнницъ, приготовить имъ завтракъ и провожать ихъ до аула Дидо̀.

Выслушавъ чеченца, княгиня сказала ему, что все это очень-хорошо, но что гораздо-важнѣе для ея спокойствія узнать о судьбѣ разлученныхъ съ нею дѣтей и сестры.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ Нишка:—я уже послалъ узнавать о нихъ и ожидаю отвѣта. Когда же мы выйдемъ изъ аула, я сведу васъ съ ними на дорогѣ.

Дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ человѣкъ, котораго Нишка называлъ своимъ посланнымъ, и донесъ Нишкѣ, что всѣ *цинондальскіе* сидятъ и отдыхаютъ на дорогѣ, по которой и княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ предстояло слѣдовать.

Княгиня несовсѣмъ этому повѣрила, думая, что ее хотятъ только успокоить, чтобъ расположить къ принятію приготовленной для нея пищи; однако, несмотря на сомнѣніе, она рѣшилась подкрѣпить свои силы и приступила къ завтраку, который на этотъ разъ былъ роскошнѣе многихъ прежнихъ и послѣдующихъ: онъ состоялъ изъ теплаго кипяченаго молока, свѣжаго горскаго сыра и мягкихъ *лавашей* (*).

Послѣ завтрака всѣ поднялись въ дальнѣйшій путь. Всѣ, собственно принадлежавшіе къ семейству Чавчавадзе, получили здѣсь особыхъ лошадей; князь Иванъ ѣхалъ на собственной своей, взятой имъ въ башнѣ, но оставался съ перевязанными за спиною локтями (**). Позади его привязали къ сѣдлу маленькую Марію.

(*) То-есть хлѣбовъ, приготовленныхъ въ видѣ плоскихъ лепёшекъ различной толщины и различныхъ размѣровъ.

(**) Руки князя Ив. Чавчавадзе были развязаны не прежде, какъ по прибытіи его въ аулъ Дидо̀.

лошадь князя, неуправляемая своимъ сѣдокомъ и непривычная ни къ горнымъ дорогамъ, ни къ дикой и разнообразной природѣ этихъ мѣстъ, безпрестанно пугалась или обрывалась на крутизнахъ. Это обстоятельство было причиной новыхъ и безпрерывныхъ тревогъ для княгини Анны Ильиничны, боявшейся, чтобъ лошадь князя Ивана не упала и не задавила собою ребенка, привязаннаго къ сѣдлу его. Опасенія матери дѣйствительно не замедлили оправдаться. Въ одномъ мѣстѣ пути пришлось перебираться по руслу рѣки, которая вдругъ представилась въ видѣ небольшаго, но стремительнаго водопада. Нужно было взбираться вверхъ противъ паденія этого каскада. Плѣнницы, кто верхомъ, кто пѣшкомъ, благополучно совершили этотъ страшный переходъ; но лошадь князя Ив. Чавчавадзе не хотѣла идти по каменьямъ, обливаемымъ шумными волнами и пѣной каскада. Она начала бить и кончила тѣмъ, что сбросила съ себя сѣдока и привязанную къ сѣдлу малютку. Княгиня бросилась къ дочери, но, къ-счастью, Марья не пострадала отъ своего паденія : она отдѣлалась лишь ушибомъ локтя и разсмѣшила княгиню тѣмъ, что разсердилась на генерала Р., котораго при этомъ случаѣ вспомнила потому, что въ его саду, въ Тифлисѣ, съ мѣсяцъ назадъ, она больно ушибла тотъ же самый локоть, убѣгая отъ шутливаго преслѣдованія генерала.

Отъ аула, въ которомъ плѣнницы провели тревожную послѣднюю ночь, къ ихъ поѣзду прибавилась многочисленная партія плѣнныхъ кахетинцевъ изъ разныхъ селеній. Отъ этого шествіе сдѣлалось нѣсколько-медленнѣе и приняло очень-оригинальную физіономію. Между множествомъ самыхъ странныхъ сценъ и картинъ, княгиня Анна Ильинична въ-особенности помнитъ несчастныхъ маленькихъ дѣтей, запрятанныхъ въ мѣшки, которые болтались по обоимъ бокамъ ословъ, навьюченныхъ ими. Еще помнитъ княгиня то непріятное и грустное впечатлѣніе, какое производили на нее лезгинскіе трофеи—отрѣзанныя ими и привязанныя къ высокимъ палкамъ человѣческія руки...

Но болѣе всего вниманіе княгини въ это время было обращено на троихъ плѣнныхъ дѣтей какого-то кахетинскаго священника. Старшій изъ нихъ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, былъ раненъ въ голову и, отъ потери крови, поблѣднѣлъ и ослабѣлъ до такой степени, что, казалось, долженъ былъ изнемочь и умереть на каждомъ шагу. Несмотря на это, онъ не оставлялъ маленькой сестры своей и несъ ее на рукахъ до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ,

не упалъ въ совершенномъ безсиліи. Тогда, обратясь къ брату, двѣнадцатилѣтнему мальчику, умирающій передалъ ему сестру и завѣщалъ не отдавать ея никому и тащить на себѣ до послѣдней возможности.

Вообще, въ большой картинѣ этого народнаго бѣдствія много было отдѣльныхъ эпизодовъ истиннаго героизма со стороны христіанъ-плѣнниковъ. Но были также и сцены невообразимаго варварства со стороны проводниковъ-мусульманъ. На протяженіи описываемаго перехода, княжна Баратова видѣла собственными глазами, какъ одного плѣннаго ребёнка, трехъ или четырехъ лѣтъ, плакавшаго о разлученной съ нимъ матери и нехотѣвшаго смирно сидѣть за сѣдломъ своего похитителя, лезгинъ взялъ за ноги, ударилъ головою о скалу и очень-равнодушно бросилъ въ пропасть.

Продолжая свое медленное шествіе, плѣнницы приблизились къ прекрасной сосновой рощѣ, гдѣ, между великолѣпными деревьями, недалеко отъ опушки, увидѣли отдыхающую другую партію плѣнныхъ. Тутъ, къ совершенной радости княгини Анны Ильиничны и ея спутницы, были *всѣ цинондальскіе.*

Княгинѣ помогли сойдти съ лошади, и она очутилась въ кругу близкихъ и дорогихъ ея сердцу. Тутъ же снова подали ей, чтобъ покормить молокомъ изъ своей груди, ту маленькую дѣвочку, которая еще въ Похальской Башнѣ спасла княгиню отъ разлива молока, и снова, накормивъ сначала ее (случайно), а потомъ своего Александра, княгиня почувствовала въ груди значительное облегченіе.

Дѣвочка, случайная питомица княгини, была дочь какого-то священника, и, потерявъ мать, путешествовала теперь, подъ присмотромъ старшей своей сестры, на ослѣ, въ одной изъ тѣхъ переметныхъ сумокъ, въ которыхъ помѣщались и многія другія дѣти, и которыя возбуждали за судьбу дѣтей такое сильное опасеніе въ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и сестрѣ ея.

Обѣимъ партіямъ, соединившимся у опушки сосноваго лѣса, весьма-похожаго на расчищенный паркъ, было позволено отдохнуть, вслѣдствіе чего онѣ и расположились здѣсь многочисленными отдѣльными группами. Здѣсь же княгиня Анна Ильинична узнала и о послѣднихъ приключеніяхъ сестры своей.

Княгиня Варвара Ильинична отъ Похальской Башни поѣхала позади сестры своей и только изрѣдка видѣла ее издали. Всѣ дѣти княгини Чавчавадзе (за исключеніемъ Маріи, бывшей на попеченіяхъ княжны Баратовой, а потомъ при матери) были съ

княгиней Варварой Ильиничной. Ночевали опѣ въ лѣсу, посреди болотъ, чрезвычайно страдая отъ сырости и холода; дѣти были уложены на буркахъ, но взрослымъ не оставалось ничего болѣе, какъ расположиться безъ всякихъ подстилокъ на болотистой лѣсной почвѣ. Отъ такого ночлега княгиня Варвара Ильинична вскорѣ почувствовала лихорадку, а къ разсвѣту изнемогла до того, что, отправившись къ одной ложбинѣ, въ которой сохранился снѣгъ, она, за четыре шага до цѣли, должна была отказаться отъ мысли утолить свою жажду снѣгомъ; ноги ея подкосились, и она упала, не дойдя до ложбины. Здѣсь должно припомнить, что до настоящаго дня (7-го числа) княгиня ни разу порядочно не удовлетворяла своего голода.

Кромѣ сырости, холода и лихорадки, княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ было еще суждено на ночлегѣ вытерпѣть одну очень-непріятную сцену. Какая-то старая кахетинская простолюдинка позавидовала, что лезгины, наконецъ, сжалились надъ княгиней и дали ей конскій потникъ, чтобъ подостлать подъ себя на сырую землю. Старуха негодовала на такое предпочтеніе въ пользу княгини, осыпала ее упреками и ругательствами, говорила, что «князьямъ вездѣ лучше, чѣмъ простымъ людямъ», и дошла до такой дерзости, что старалась силою вытащить изъ-подъ княгини потникъ, нисколько, впрочемъ, незащищавшій ея отъ влажности болотистаго ложа.

На разсвѣтѣ, часа въ четыре, продрогшія и почти неотдохнувшія женщины и дѣти поднялись и послѣдовали далѣе. На пути до привала у сосноваго лѣса (гдѣ, поутру, была ихъ встрѣча съ княгиней Чавчавадзе и княжной Баратовой) княгиня Варвара Ильинична не помнитъ ничего особенно-замѣчательнаго, если не считать одной, довольно-пріятной встрѣчи: какой-то незнакомый человѣкъ съ связанными руками, изъ числа плѣнныхъ, при встрѣчѣ съ княгиней, узналъ ее и, въ разговорѣ, выказалъ совершенное знаніе обстоятельствъ покойнаго мужа княгини и всѣхъ родныхъ ея. Этотъ разговоръ навелъ княгиню на грустныя, но въ то же время и пріятныя воспоминанія, а за воспоминаніями послѣдовали слезы, много-облегчившія ея душу. Дѣтямъ незнакомецъ далъ *кумели* (*), и они питались этимъ снадобьемъ до самаго привала

(*) Мука, которую смачиваютъ водою, мнутъ въ рукахъ и ѣдятъ по-большей-части въ дорогѣ, за неимѣніемъ другой пищи. Это что-то въ родѣ толокна.

у опушки сосноваго лѣса, гдѣ ихъ ожидала лучшая пища: княгиня Анна Ильинична и князь Ив. Чавчавадзе привезли сюда порядочный кусокъ хлѣба и кость баранины, украдкою взятые ими съ послѣдняго ихъ ночлега въ буйлятникѣ. Княгиня В. И. Орбеліани тоже, наконецъ, утолила здѣсь свой голодъ и распредѣлила хлѣбъ и баранину между всѣми дѣтьми и ближайшими женщинами. По собственному своему апетиту она чувствовала, что раздастъ слишкомъ-незначительныя порціи; но что жь оставалось ей дѣлать? гдѣ было взять бо̀льшаго?...

Послѣ скуднаго завтрака, по довольно-продолжительнаго отдыха, плѣнники и плѣнницы снова были принуждены продолжать утомительное шествіе. Каждый привалъ былъ ими оставляемъ съ величайшею неохотою, съ какимъ-то болѣзненнымъ отвращеніемъ къ неизбѣжнымъ новымъ трудностямъ, ожидавшимъ ихъ впереди. Но необходимость была сильнѣе всего, и нужно было ей покоряться. Впрочемъ, на этотъ разъ они оставили свой прекрасный, тѣнистый пріютъ у сосноваго лѣса, съ надеждою на хорошій ночлегъ въ аулѣ Дидо̀, который былъ уже недалеко. На пути къ этому аулу плѣнницы не потерпѣли никакихъ новыхъ бѣдствій; но за-то были свидѣтельницами чужаго бѣдствія, трогательнаго и вмѣстѣ умилительнаго. На половинѣ дороги до Дидо̀ къ нимъ присоединилась новая партія плѣнныхъ кахетинскихъ поселянъ изъ разныхъ деревень. Къ этой партіи принадлежалъ одинъ армянскій священникъ, шедшій вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Сыновья и дочери вели и поддерживали почтеннаго старца, когда онъ самъ лишался силъ для продолженія пути. Но часто помощь преданной семьи дѣлалась недостаточна: священникъ останавливался и падалъ отъ изнеможенія. Тогда жестокіе проводники безпощадно били его нагайками, не уважая ни лѣтъ его, ни слабости, ни физической невозможности идти съ израненной и опухшей ногою, которая у него истекала кровью и оставалась безъ перевязки... но ни одной жалобы, ни одного упрека не произносилъ христіанскій пастырь. Оправдывая свое пастырское назначеніе, онъ терпѣливо переносилъ всѣ страданія и всѣ униженія, и еще научалъ другихъ терпѣнію и покорности: «Христосъ больше терпѣлъ за грѣхи наши» громко говорилъ онъ всѣмъ, его окружавшимъ: «не-уже-ли же мы не захотимъ потерпѣть за собственныя наши прегрѣшенія?..»

Примѣръ и христіанская рѣчь старца могущественно дѣйствовали на прочихъ плѣнниковъ... По-крайней-мѣрѣ для несчастныхъ

героинѣ нашего разсказа этотъ примѣръ и эти поученія были елеемъ цѣлебнымъ и успокоительнымъ.

Къ Дидо̀ наши путники стали приближаться только къ вечеру, пройдя почти весь этотъ день безъ отдыха и безъ пищи. Они удивлялись непонятной неутомимости и воздержности своихъ проводниковъ—лезгинъ: эти люди почти ничего не ѣли во всю дорогу; нарвутъ какихъ-нибудь лѣсныхъ цвѣтовъ, или наберутъ луговой травы — и довольствуются этой пищей въ-теченіе цѣлыхъ дней.

Передъ самымъ ауломъ Дидо̀ нужно было спускаться со страшной крутизны, къ рѣкѣ, сверкавшей внизу своими свѣтлыми струями. На берегу рѣки плѣнницы повстрѣчали дидоійскихъ женщинъ. Эти дикарки съ жаднымъ любопытствомъ бросились къ княжнѣ Баратовой разсматривать ея грузинскій костюмъ и такъ столпились, что непремѣнно столкнули бы ее въ рѣку, еслибъ не были разогнаны проводниками плѣнницъ.

Въ самомъ Дидо̀ плѣнные были очень-дурно приняты: стекавшійся со всѣхъ сторонъ народъ бросалъ въ нихъ палками и каменьями, и никто изъ домохозяевъ не хотѣлъ пустить ихъ къ себѣ на ночлегъ.

VIII.

Аулъ Дидо̀ и дальнѣйшій путь до неизвѣстнаго аула, прозваннаго плѣнницами «Ауломъ Сыра».

Наконецъ, однако, нашелся въ негостепріимномъ аулѣ пріютъ для нашихъ плѣнницъ: то былъ домъ какой-то странной, истинно-горской постройки. Начать съ того, что во дворѣ дома являлась высокая гора, на которую нужно было взъѣхать, чтобъ ужь съ нея попасть прямо въ дверь втораго этажа. Потомъ представлялась не мѐньшая странность: изъ комнаты втораго этажа, по небольшой, но очень-крутой лѣстницѣ нужно было подняться до какого-то подъёмнаго трапа, и сквозь эту лазейку пролѣзть на плоскую крышу, до половины прикрытую навѣсомъ, а до половины ничѣмъ неприкрытую. Вотъ здѣсь-то и размѣстились плѣнницы и плѣнники: первыя, подъ навѣсомъ около небольшаго домашняго пчельника, а вторые на открытой части кровли.

Вскорѣ по прибытіи плѣнницъ явился къ нимъ какой-то мулла и объяснилъ, что онъ когда-то былъ въ плѣну у русскихъ, но былъ обмѣненъ на бывшаго въ то же время въ плѣну у Шамиля

мужа княгини Варвары Ильиничны, князя Илью Орбеліани. Это обстоятельство, какъ увѣрялъ мулла, внушало ему признательность къ фамиліи Орбеліани, вслѣдствіе чего онъ просилъ у Шамиля позволенія сопровождать теперь плѣнницъ до самаго Ведено̀, на что̀ и получилъ согласіе имама.

Помѣщеніе плѣнницъ подъ навѣсомъ, на открытомъ и чистомъ воздухѣ, было бы вполнѣ-удобно для отдыха, еслибъ изъ близьстоявшихъ ульевъ не вылетали пчелы и не тревожили, въ-особенности дѣтей, которыя боялись ихъ не безъ основанія, потому-что нѣкоторыя изъ нихъ были даже ужалены. Это обстоятельство долго не давало покоя и взрослымъ: нужно было успокоить дѣтей и оградить ихъ отъ дальнѣйшаго нападенія летучихъ враговъ. Другое обстоятельство, еще сильнѣе подѣйствовавшее на плѣнницъ, и особенно на княгиню Анну Ильиничну, было слѣдующее: дѣти, долго не засыпая, обращались къ ней съ разспросами: *зачѣмъ мы здѣсь?* да *зачѣмъ папа не съ нами?* да *гдѣ Лидинька?* и т. п. Эти дѣтскіе толки надрывали душу матери и волновали ее, съ одной стороны, воспоминаніями обо всѣхъ недавнихъ подробностяхъ ея несчастія, а съ другой—мучительными недоумѣніями о судьбѣ мужа и потерянной дочери (*)... Душевныя мученія княгини на этотъ разъ выразились совершеннымъ упадкомъ всегда-свойственной ей энергіи, безнадежностью и, наконецъ, молчаливою, мрачною задумчивостью. Она даже не сохранила никакого воспоминанія о своемъ пребываніи въ Дидо̀, такъ-что всю эту часть разсказа мы должны были заимствовать изъ воспоминаній княгини Варвары Ильиничны, и это можетъ быть принято за лучшее доказательство сильнаго душевнаго упадка княгини Чавчавадзе, потому-что до того времени и послѣ, воспоминанія ея и показанія были постоянно самыми ясными и самыми полными.

Что касается до княгини Орбеліани, то она и здѣсь невольно повторила свои сѣтованія о томъ, что болѣе, чѣмъ сестра, имѣла силъ для перенесенія своего горестнаго положенія: она желала бы подѣлиться ими съ сестрою и страдала оттого, что не могла этого сдѣлать, а утѣшить и успокоить не умѣла.

Утѣшителемъ, впрочемъ, явился новый ихъ знакомецъ, мулла, котораго впослѣдствіи плѣнницы прозвали *благодѣтельнымъ муллою*,

---

(*) Княгиня еще не была вполнѣ увѣрена въ гибели ея Лидіи, да нѐ кому было сказать ей объ этомъ съ достовѣрностью.

за многія съ его стороны доказательства участія и сострадапія къ ихъ участи. Старикъ уговаривалъ ихъ не горевать и угощалъ разными горскими яствами, а, въ довершеніе всѣхъ своихъ попеченій, далъ плѣнницамъ слово, что ихъ не р. злучатъ до самаго Веденно̀.

Сонъ очень-поздно посѣтилъ плѣнницъ.

8-го іюля, то-есть, на другой день поутру, привели князя Вагнадзе, также плѣннаго, а около полудня всѣ поднялись изъ Дидо̀ въ дальнѣйшее странствованіе, причемъ, наконецъ, были развязаны руки князю Ив. Чавчавадзе.

Передъ отправленіемъ, однакожь, не обошлось безъ непріятности. Для Нины, той самой служанки, которая жертвовала для княгини Анны Ильиничны своей одеждой, а потомъ, ночью, въ лѣсу, такъ много способствовала къ утѣшенію госпожи своей, для этой самой женщины недостало лошади. Благодѣтельный мулла обѣщалъ, что ей дадутъ лошадь черезъ часъ послѣ отъѣзда прочихъ плѣнницъ, и что она догонитъ ихъ. Но этотъ *часъ* показался княгинямъ какъ-то подозрителенъ, хотя онѣ и не могли понять, какая выгода была горцамъ удерживать въ Дидо̀ пожилую и даже некрасивую женщину, простолюдинку, за которую они не могли ожидать и большаго выкупа. Княгини упрашивали муллу не отлучать отъ нихъ Нины, но мулла остался непреклоненъ и продолжалъ обѣщать, что она ихъ догонитъ. Нужно было уступить, и княгини съ грустнымъ предчувствіемъ оставили въ Дидо̀ преданную свою служанку. Предчувствіе ихъ оправдалось: онѣ съ-тѣхъ-пору не видали Нины, которая оставалась въ плѣну, и даже неизвѣстно, въ какомъ именно аулѣ.

Дорога изъ Дидо̀ шла въ гору узкой тропинкой, безпрестанно-обсыпавшейся. Это заставляло княгинь бояться за дѣтей, которыя легко могли бы обвалиться съ тропинки въ кручу. Саломе, привязанная къ сѣдлу, ѣхала одна на своей лошади; отъ боязни и отъ боли въ ногахъ, для которыхъ слишкомъ-жостко и широко было лезгинское сѣдло, дѣвочка не переставала кричать и плакать. Проводникъ ея, которому, вѣроятно, наскучилъ крикъ, снялъ ее съ лошади и, посадивъ на землю, отправился далѣе. Эта сцена совершилась позади всего поѣзда, а потому покинутая Саломе легко могла бы остаться навсегда тамъ, гдѣ ее оставили; но, къ-счастью, княгиня Варвара Ильинична замѣтила свою племянницу и съумѣла настоять, чтобъ ее опять посадили на лошадь. То же самое случилось наканунѣ съ Тамарой, которая точно также была спасена княгиней Варварой Ильиничной.

Черезъ нѣсколько времени, еще болѣе опасный случай угрожалъ маленькому Георгію Орбеліани. Кормилица, съ малюткой на рукахъ, ѣхала одна по рыхлой и обсыпавшейся тропинкѣ. Вдругъ лошадь ея поскользнулась и полетѣла въ кручу... Къ-счастью, обрывъ въ этомъ мѣстѣ не превышалъ двухъ саженъ глубины, а кормилица успѣла уцѣпиться за деревья и, держа въ подолѣ своего платья мальчика, а подолъ придерживая зубами, благополучно выкарабкалась на дорогу. Лошадь также вытащили невредимою.

Этой послѣдней сцены не видѣла княгиня Варвара Ильинична и тѣмъ была избавлена отъ новаго страшнаго потрясенія, отъ новаго испуга матери за жизнь сына.

Къ вечеру путники прибыли въ какой-то аулъ, гдѣ, въ первый разъ на всемъ пути, встрѣтили нѣкоторое радушіе и гостепріимство со стороны жителей, и въ первый же разъ нашли очень-красивыхъ женщинъ. Костюмъ этихъ женщинъ былъ весьма-живописенъ и въ-особенности отличался головнымъ уборомъ, который состоялъ изъ небольшихъ шапочекъ, разукрашенныхъ металлическими кольцами, монетами и другими блестящими бездѣлками. Прекрасныя и привѣтливыя горянки, встрѣтившія плѣнницъ въ своемъ аулѣ, окружили ихъ съ участіемъ и немедленно оказали всю возможную помощь заболѣвшей здѣсь кормилицѣ маленькаго Георгія Орбеліани. Въ то же время вышелъ на встрѣчу княгинямъ одинъ изъ мѣстныхъ жителей, пожилой и почтеннаго вида человѣкъ. Онъ сказалъ плѣнницамъ, что знавалъ князя Александра Чавчавадзе (отца князя Давида), спросилъ, изъ той ли онѣ фамиліи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, пригласилъ и повелъ плѣнницъ въ свой домъ. Тутъ опять соединились всѣ собственно *цинондальскіе*, и гостепріимный хозяинъ щедро угостилъ ихъ всѣхъ свѣжимъ сыромъ, молокомъ и прекраснымъ хлѣбомъ. Не довольствуясь угощеніемъ, онъ не скупился и на слова утѣшенія, которыя произносилъ не холодно, а съ замѣтнымъ чувствомъ. Между-прочимъ, онъ увѣрялъ плѣнницъ, что, по всей вѣроятности, заключеніе ихъ продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ. и тутъ же съ удовольствіемъ принялся перевязывать раны нянюшки, Александры Яковлевны. Такая благонамѣренность старика была очень-пріятна его случайнымъ посѣтительницамъ, тѣмъ болѣе, что онѣ встрѣтили подобное обхожденіе въ первый разъ со времени своего бѣдственнаго странствованія.

9-го іюля, поутру, плѣнные вышли изъ гостепріимнаго аула. Дорога имъ лежала черезъ горы, то голыя и каменистыя, то лѣ-

систыя. Въ послѣднихъ часто встрѣчались снѣжные обвалы, скатившіеся весною съ высотъ и нерастаявшіе до іюля мѣсяца. Иногда приходилось пробираться прямо чрезъ эти снѣжныя массы; при этомъ лошади глубоко проваливались, и потому всѣ плѣнники и проводники должны были идти пѣшкомъ, чтобъ не подвергнуться участи, постигшей здѣсь старшую дочь священника: она провалилась въ глубину обвала и насилу была оттуда вытащена (*). Пѣшеходное странствованіе въ-особенности было трудно для княгини Анны Ильиничны: раненая нога ея отъ ходьбы страшно разболѣлась и распухла. На одномъ изъ длинныхъ и чрезвычайно-крутыхъ спусковъ, княгиня почувствовала головокруженіе и не могла идти далѣе. Князь Вагнадзе и урядникъ Потаповъ понесли ее на рукахъ.

Вообще очень-нелегко описать однообразныя, но тѣмъ не менѣе трудныя и многочисленныя побѣды, которыя нашимъ путешественникамъ нужно было въ этотъ день одержать надъ природою. Кто знакомъ съ природой Чечни и Дагестана, тотъ пойметъ, чего эти побѣды стоили въ-особенности слабымъ женщинамъ... Для прочихъ же нашихъ читателей достаточно будетъ сказать, что переходъ 9-го іюля былъ, по свидѣтельству нашихъ плѣнницъ, самый изнурительный изъ всѣхъ, какъ по трудности самой дороги, такъ и потому, что плѣнные шли безъ остановки цѣлый день. Къ вечеру остановились они у какой-то рѣки, видѣли невдалекѣ аулы и думали, что здѣсь будетъ ихъ ночлегъ; но оказалось, что остановка была сдѣлана лишь длятого, чтобъ дождаться отставшихъ, и что ближніе аулы не были назначены для вожделѣннаго отдохновенія. Собравшись у рѣки, вся партія пошла далѣе, берегомъ. Отсюда было позволено Варварѣ нести на рукахъ маленькую Тамару, но лошади имъ не дали. Вообще лезгины чрезвычайно жалѣли и берегли лошадей.

Рѣчка, путеводившая странниковъ, постоянно извивалась въ своемъ теченіи, а потому часто приходилось имъ то переходить ее вбродъ, то опять слѣдовать по берегу: все это только увеличивало всеобщее утомленіе.

Поздно вечеромъ опять на короткое время остоновились, чтобъ дождаться отсталыхъ, и здѣсь княгиня В. П. Орбеліани была снова встревожена отсутствіемъ своего сына и его кормилицы:

(*) Четырехмѣсячная сестра ея, питавшаяся молокомъ княгини Чавчавадзе, ѣхала въ мѣшкѣ, на особой лошади.

они были въ числѣ отсталыхъ и долго не присоединялись къ прочимъ плѣнникамъ.

Слѣдуя далѣе, вскорѣ приблизились къ послѣднему, но *страшному*, по своей высотѣ и крутизнѣ, подъему. Взбирались на него не прямо, но безконечными зигзагами, и вершины достигли тогда, когда, казалось, совершенное безсиліе готово было овладѣть всѣми отъ перваго до послѣдняго.

На вершинѣ всѣ соединились у мечети, которой существованіе въ аулѣ свидѣтельствовало о его величинѣ и многолюдствѣ. Дѣйствительно, вскорѣ очень-многолюдная толпа собралась около партіи нашихъ плѣнныхъ. Любопытство горцевъ при этомъ случаѣ доходило до самой грубой дерзости. Они не только тѣснили и толкали утомленныхъ плѣнницъ, но даже безъ церемоніи ощупывали ихъ одежду и поворачивали имъ головы, чтобъ посмотрѣть въ лицо. Этотъ непріятный осмотръ продолжался бы неизвѣстно до какого времени, еслибъ *благодѣтельный мулла* (дѣйствительно сопровождавшій плѣнницъ отъ Дидо) не ограждалъ ихъ отъ нагнаго любопытства своихъ единоплеменниковъ и не повелъ, наконецъ, къ какому-то дому, рѣзко-отличавшемуся отъ другихъ большимъ балкономъ, окрашеннымъ въ яркую красную краску (*). Въ домъ было введено до восьмидесяти человѣкъ плѣнныхъ обоего пола. Женщины помѣстились въ одной, но очень-большой комнатѣ, гдѣ стоялъ большой каминъ, но не было оконъ: они замѣнялись дверью, сквозь которую воздухъ и свѣтъ проходили съ балкона. На балконѣ помѣстились мужчины.

Здѣсь наши плѣнницы прожили отъ 9-го до 16-го іюля, то-есть почти цѣлую недѣлю. Характеристическія случайности этой недѣли заслуживаютъ подробнаго описанія наравнѣ съ разсказанными случайностями томительнаго странствованія.

Помѣщеніе ихъ въ *сырномъ* домѣ (maison à fromage; мы вскорѣ увидимъ, почему былъ такъ названъ плѣнницами ихъ временный пріютъ въ неизвѣстномъ аулѣ) было до-крайности неудобно. Балконъ ихъ дома составлялъ изъ себя навѣсъ надъ помѣщеніемъ лошадей, ословъ и буйволовъ. Отъ этого самыя удушливыя испаренія, поднимавшіяся снизу, постоянно заражали атмосферу балкона, а оттуда проникали въ комнату чрезъ единственную дверь, которую даже нельзя было и затворять, такъ-какъ она замѣняла собою окна, и безъ нея въ комнатѣ было бы совершенно мрачно.

(*) Какъ это увидѣли плѣнницы на другое утро, при дневномъ свѣтѣ.

Кромѣ духоты и зловонія, здѣсь еще было много неудобствъ отъ тѣсноты, которую легко себѣ объяснить, если вспомнимъ, что въ одной комнатѣ помѣщалось 80 человѣкъ.

Наконецъ дурная пища, какую здѣсь нашли плѣнницы, довершила ихъ бѣдственное положеніе: имъ давали только *хинкалъ*, то-есть вареное въ водѣ, грязное и невкусное тѣсто, которое даже дѣти ѣли не иначе, какъ съ отвращеніемъ.

Изъ душной комнаты никого не выпускали. Только мужчинъ посылали по два раза въ день за водою. Отъ дурной пищи, тѣсноты, недостатка движенія и чистаго воздуха и, наконецъ, отъ неизбѣжной при такихъ условіяхъ неопрятности, вскорѣ заболѣли всѣ заключенницы (*). Дѣти, кромѣ того, не знали куда дѣваться отъ неопрятнѣйшихъ изъ насѣкомыхъ. Чтобы сколько-нибудь избавить ихъ отъ этого несчастія, нужно было остричь имъ волосы, всегда бывшіе для княгинь, какъ и для всякой матери, предметомъ особенно-нѣжныхъ попеченій. Но чѣмъ было произвести эту операцію? Княгинямъ принесли огромныя, тупыя, зазубренныя ножницы, которыми горцы стригутъ своихъ овецъ... Надо было хоть ими воспользоваться; но легко себѣ представить, съ какими чувствами каждая мать рѣшалась этимъ безобразнымъ орудіемъ уничтожать на прекрасныхъ головкахъ дѣтей ихъ лучшее украшеніе!...

Въ такихъ обстоятельствахъ были истинно-драгоцѣнны услуги князя Ив. Чавчавадзе. У него еще оставались деньги, зашитыя въ шапкѣ, и онъ покупалъ на нихъ провизію для цинондальскихъ плѣнницъ: хлѣбъ, куръ, яица, кислое молоко. Эта улучшенная пища, добываемая, впрочемъ, изрѣдка и въ весьма-маломъ количествѣ, освѣжала и подкрѣпляла силы нашихъ плѣнницъ. Когда же у князя Чавчавадзе всѣ деньги истощились, тогда онъ доставалъ куръ или молоко въ обмѣнъ за золотые галуны своей черкески. Но скоро и это средство истощилось. Тогда явился на помощь плѣнницамъ Семенъ, имеретинъ, слуга князя Ивана. Разумѣется, безъ вѣдома господъ, онъ очень-ловко воровалъ у горцевъ разные съѣстные припасы и приносилъ ихъ плѣнницамъ, для которыхъ оставались таинственными источники такихъ роскошныхъ приношеній.

Здѣсь (не хотѣлось бы упоминать, но нельзя и умолчать) въ первый разъ проявились между прислугою княгинь чувства эгои-

(*) Болѣзнью, похожею на холеру въ легкой степени.

стическія, которыя можно извинить только тѣмъ, что въ людяхъ, неразвитыхъ требованіями чувственной стороны, часто заглушаются другія, болѣе-возвышенныя внушенія: всякій разъ, когда случалась у плѣнныхъ провизія, князь Ив. Чавчавадзе раздѣлялъ ее между *всѣми*, наблюдая при дѣлежѣ всевозможное равенство и безпристрастіе. Но, не смотря ни на что̀, всякій разъ слышался отъ кого-нибудь ропотъ; всякій разъ являлись довольно-грубыя жалобы на скудость раздаваемыхъ порцій: недовольныя руководствовались только голосомъ желудка, и не хотѣли понимать, что нѐоткуда было взять бо̀льшаго количества провизіи.

Тяжкая жизнь плѣнницъ въ *сырномъ домѣ* не обошлась безъ траги-комическаго происшествія, которое и подало имъ поводъ назвать здѣшнее свое помѣщеніе *сырнымъ домомъ*.

Однажды, вечеромъ, старикъ, хозяинъ дома, вбѣгаетъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ комнату плѣнницъ, размахиваетъ своимъ оружіемъ и, въ величайшемъ гнѣвѣ, громко произноситъ нѣсколько разъ:

— Гдѣ мой сыръ? Убью того, у кого онъ найдется!

Плѣнницы поняли, что у горца похищенъ кружокъ сыра, и что онъ теперь хочетъ отыскать и наказать похитителя. Всѣ бывшіе въ комнатѣ страшно перепугались за себя и за своихъ ближнихъ: за себя потому, что къ каждому изъ нихъ могъ быть подброшенъ украденный сыръ, а за другихъ потому, что то же самое могло случиться и съ каждымъ изъ бывшихъ въ комнатѣ. Всѣ были готовы подозрѣвать другъ друга; каждый сталъ осматривать себя и сосѣда. Наконецъ, послѣ тщетныхъ поисковъ, князь Ив. Чавчавадзе посовѣтовалъ разсвирѣпѣвшему домохозяину воротиться къ себѣ и поискать хорошенько въ другой разъ, въ своемъ отдѣленіи. Старикъ ушелъ, а плѣнницы стали умолять всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ сознаться въ похищеніи сыра, возвратить или подкинуть его, если онъ дѣйствительно кѣмъ-либо похищенъ, и не навлекать жестокаго мщенія на невинныхъ въ преступленіи. Говорили, обыскивали другъ друга, но виноватаго не оказалось. Это всѣхъ повергло въ отчаяніе. Всѣ съ сердечнымъ трепетомъ ожидали вторичнаго появленія грознаго старика. Онъ вскорѣ пришелъ опять; но, къ величайшей и всеобщей радости, объявилъ, что драгоцѣнная его пропажа отъискалась гдѣ-то подъ лѣстницей.

Въ этотъ же день, поутру, случилось другое, не столь патетическое, но довольно-характеристическое происшествіе. Приходитъ домохозяинъ и вызываетъ княгинь Анну Ильиничну и Варвару

Ильиничну, прося ихъ послѣдовать за нимъ внизъ, во дворъ, къ воротамъ, гдѣ, по его словамъ, ожидаетъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и желаетъ непремѣнно видѣться съ плѣнницами. Княгини сошли внизъ и у воротъ дѣйствительно нашли незнакомца, который объявилъ имъ, что онъ грузинъ, былъ когда-то крѣпостнымъ человѣкомъ князей Челокаевыхъ, но уже давно находится въ плѣну, живетъ у какого-то татарина-купца и съ товарами его разъѣзжаетъ по ауламъ.

— Но чего же тебѣ нужно отъ насъ? спросила его княгиня.

— Я узналъ, что вы попали въ плѣнъ; вѣроятно, вы нуждаетесь въ деньгахъ: такъ вотъ не хотите ли взять у меня рублей двадцать или тридцать на дорожные расходы? Отдалите послѣ, когда будете въ состояніи.

Предложеніе незнакомца весьма тронуло княгинь и расположило ихъ въ его пользу. Дѣйствительно, терпя нужду и уже не разъ прибѣгнувъ къ обмѣну разныхъ частей своей одежды на какія-нибудь луковицы, княгини были готовы съ благодарностью принять предложеніе незнакомца, и только затруднялись однимъ вопросомъ: какимъ образомъ, гдѣ, и когда найдутъ онѣ случаи расплатиться съ своимъ заимодавцемъ?

— Вы дадите мнѣ расписку, а съ распиской мы васъ вездѣ отъищемъ.

Эти слова совершенно измѣнили взглядъ плѣнницъ на одолженіе, имъ предлагаемое. Онѣ усомнились въ чистотѣ намѣреній торгаша, увидѣли въ нихъ корысть или, быть-можетъ, даже какое-нибудь предательство. Подозрѣнія эти были усилены еще тѣмъ, что грузинъ требовалъ, чтобъ расписка была написана на незнакомомъ имъ татарскомъ языкѣ (такой-то далъ такимъ-то столько-то изъ денегъ своего хозяина, такого то), а княгини должны были подписать эту татарскую грамоту. Богъ-знаетъ, что могло быть въ ней написано! Притомъ же, принимать одолженіе, которое сопровождалось недовѣрчивостью со стороны одолжавшаго, княгинямъ не хотѣлось Онѣ поблагодарили незнакомца и, отказавшись отъ его услугъ, возвратились въ свою душную комнату.

Вскорѣ послѣ этихъ происшествій плѣнники и плѣнницы покинули *сырный домъ*. Выходя изъ воротъ, они встрѣтили другую партію плѣнныхъ, весьма-многочисленную. Эта толпа была въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Изъ среды ея раздавались вопли, стенанія и поистинѣ *страшныя* проклятія, доходившія даже до богохульства.

IX.

Отъ Сырнаго Дома до Большаго Аула, или до второй продолжительной остановки.

При отправленіи, 17 іюля, въ дальнѣйшій путь, плѣнницы замѣтили, что проводники ихъ смѣнились; явились все новыя лица, и притомъ уже не лезгивы, а снова чеченцы.

Первый переходъ былъ очень-длиненъ и утомителенъ, но это отчасти вознаграждалось новизною и разнообразіемъ живописныхъ видовъ страны, несравненно-болѣе оживленной и населенной, чѣмъ всѣ тѣ мѣстности, которыя уже были пройдены плѣнными. Аулы, одинъ другаго живописнѣе, встрѣчались безпрестанно. Рѣка, по берегу которой пролегалъ путь, часто образовывала изъ себя превосходные каскады, а около вечера открылся прекрасный, тѣнистый сосновый лѣсъ, напомнившій нашимъ плѣнницамъ очаровательные лѣса прохладнаго Боржома (*).

Только-что въѣхали въ этотъ лѣсъ наши утомленныя путешественницы, какъ со всѣхъ сторонъ услышали ружейную стрѣльбу: этимъ знаменовали ихъ проводники свою радость о вступленіи въ границы родной земли...

Здѣсь же, въ лѣсу, всѣ расположились отдыхать. Отсюда же показывали плѣнницамъ владѣнія *Кази-Махмата* (сына и наслѣдника Шамиля) и аулъ, въ которомъ онъ постоянно живетъ (**).

Вскорѣ къ отдыхавшей группѣ плѣнныхъ подъѣхали какіе-то молодые люди, грязно-одѣтые и нисколько непривлекательные. Они съ любопытствомъ осматривали плѣнницъ. Оказалось, что это были сыновья ближайшаго мѣстнаго начальника, или наиба.

По выходѣ изъ лѣса, плѣнные спустились съ горы къ рѣкѣ и здѣсь въ первый разъ увидѣли обработанные сады и прекрасные виноградники. На пути встрѣчались великолѣпныя деревья грецкаго орѣшника.

Между-тѣмъ, пошелъ дождь и заставилъ подумать о какомъ-нибудь пріютѣ. На дорогѣ встрѣтился маленькій необитаемый домикъ, стоявшій у самаго берега рѣки: въ немъ-то и пріютились

(*) Боржомъ—ущелье Горійскаго Уѣзда, извѣстное своими минеральными водами и бывшее любимымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ главнокомандовавшихъ на Кавказѣ: Головина и князя Воронцова.

(**) Это, вѣроятно, аулъ Каратай, такъ-какъ Кази-Махматъ оттуда управляетъ своими семью наибствами. См. III ч. гл. 2.

плѣнницы, уже успѣвшія порядочно промокнуть отъ дождя. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, онѣ, а за ними и всѣ прочіе, перебрались пѣшкомъ чрезъ рѣку по зыбкому плетеному мостику; мостикъ упирался въ другой маленькій домикъ, точно такой же, какой былъ только-что оставленъ плѣнницами (*). Отъ переправы дорога пошла въ глинистую гору, сдѣлавшуюся чрезвычайно-скользкою отъ недавняго дождя. Плѣнницы, почти всѣ пѣшія, едва могли взбираться, скользили, падали и вязли въ глинѣ. Лошадь князя Ивана Чавчавадзе, которую онъ еще въ *сырномъ* аулѣ уступилъ раненой нянюшкѣ Александрѣ Яковлевнѣ, не хотѣла идти въ гору и угрожала сбить съ себя больную женщину. Тогда княгиня Анна Ильинична помѣнялась съ ней лошадью, уступивъ свою, кроткую и спокойную, и пересѣвъ на капризную и пугливую. Но, по показанію княгини, это не было съ ея стороны великодушіемъ, потому-что за себя она не боялась: возлѣ нея постоянно были проводники изъ милиціонеровъ, или даже самъ князь Ив. Чавчавадзе велъ подъ уздцы ея лошадь, тогда-какъ нянюшка по-большей-части ѣхала одна и гораздо-болѣе нуждалась въ спокойствіи. Притомъ же за жизнь княгини строго должны были отвѣчать провожавшіе ее чеченцы, и слѣдовательно, не допустили бы ее до явной опасности.

На полугорѣ вдругъ сдѣлалась тревога между чеченцами: они поспѣшно вынули изъ чахловъ свои винтовки и окружили плѣнницъ и плѣнниковъ. Долгое время шествіе продолжалось съ замѣтнымъ безпокойствомъ со стороны горцевъ. Плѣнницы также не могли быть спокойны: онѣ не понимали причины внезапнаго усиленія бдительности своихъ проводниковъ и не безъ страха ожидали, чѣмъ все это кончится. Горцы успокоились и вложили въ чахлы свои винтовки только тогда, когда, миновавъ одинъ узкій поворотъ, вся партія выѣхала на болѣе-открытое мѣсто. Тутъ объяснилось безпокойство чеченцевъ: они были предупреждены, что у поворота ожидаетъ ихъ засада, что горцы изъ ближнихъ ауловъ намѣревались отбить у нихъ плѣнныхъ, съ той, вѣроятно, цѣлью, чтобъ впослѣдствіи воспользоваться выгодами выкупа. Вѣ-

(*) Всѣ эти *мѣстныя* подробности, конечно, не интересны *для* читателей, слѣдящихъ *только* за судьбою героинь нашего повѣствованія; но эти, повидимому излишнія, подробности болѣе или менѣе характеризуютъ край, почти намъ неизвѣстный; и потому мы рѣшились не выпускать ихъ изъ разсказа.

роятно, извѣстіе, полученное чеченцами объ этой засадѣ, было ложно, или, можетъ-быть, засада еще не успѣла состояться, только плѣнные прошли благополучно весь переходъ этого дня, и никакого *новаго* похищенія не было. Но, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ замѣчанія это обстоятельство, какъ характеризующее хищные нравы страны и въ то же время показывающее, какъ мало, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подвластные Шамиля уважаютъ даже *его* собственность.

Миновавъ нѣсколько горныхъ высотъ, плѣнницы прошли прекрасными садами и пашнями до какого-то аула, гдѣ и были помѣщены *на мельницѣ*. Это была небольшая, душная комната, съ примыкавшимъ къ ней навѣсомъ, подъ которымъ на землѣ была разбросана солома. Мужчины уступили комнату женщинамъ, а сами расположились на соломѣ подъ навѣсомъ; но какъ тѣмъ, такъ и другимъ было одинаково-неудобно отъ крайней тѣсноты. Къ тѣснотѣ прибавился еще голодъ, и плѣнницы, долго, но тщетно ожидавшія пищи, были вынуждены мѣнять крючки отъ своихъ платьевъ — на луковицы, чтобъ хоть чѣмъ-нибудь утолить голодъ. Но черезъ нѣсколько времени явился *благодѣтельный* мулла и принесъ имъ кислаго молока, хлѣба, яблоковъ и абрикосовъ—ужинъ роскошный и неожиданный...

Ночлегъ на мельницѣ ознаменовался только нестерпимой духотой, которая была причиной всеобщей безсонницы, да еще однимъ, довольно-замѣчательнымъ поступкомъ урядника Потапова. Отважный милиціонеръ, узнавъ, что отъ аула недалеко русское укрѣпленіе *Андреевское*, рѣшился попытать счастія въ бѣгствѣ и даже успѣлъ навести справки о дорогѣ къ укрѣпленію. Онъ ожидалъ, чтобъ только наступила темная полночь и покрѣпче заснули усталые проводники-чеченцы. Но совсѣмъ ужь рѣшившись на смѣлое предпріятіе, и даже не встрѣчая никакихъ препятствій для его исполненія, Потаповъ вдругъ сообразилъ, что бѣгство его повлечетъ за собою новыя притѣсненія плѣнницамъ со стороны ихъ проводниковъ, и рѣшился остаться.

Съ разсвѣтомъ мельница была оставлена и плѣнныхъ погнали далѣе. Сдѣлавъ одно доброе дѣло, урядникъ Потаповъ вскорѣ рѣшился и на другое: онъ сжалился надъ участью подрядчицы Антоновой и обременилъ себя двумя изъ четверыхъ ея дѣтей; привязавъ ихъ къ сѣдлу своему, онъ заботился о малюткахъ съ примѣрной нѣжностью. Положеніе маленькихъ князей и княженъ тоже весьма улучшилось на пути отъ послѣдняго ночлега; они

были размѣщены слѣдующимъ образомъ: Тамара ѣхала съ Семеномъ, слугою князя Ив. Чавчавадзе; Александръ на рукахъ у своей кормилицы; Саломе и Марія у двоихъ муллъ, которые очень-удобно ѣхали подъ зонтиками; наконецъ маленькій Георгій Орбеліани также очень-удобно былъ привязанъ, въ мѣшкѣ, къ груди своей кормилицы.

Дорога плѣнницамъ открылась прелестная; она шла по берегу игривой и свѣтлой рѣки, подъ навѣсомъ изъ превосходныхъ деревьевъ, составлявшихъ какъ-бы нарочно-насажденную, тѣнистую аллею, которая предохраняла путниковъ отъ неимовѣрно-сильнаго, истинно-*палящаго* зноя, какого наши плѣнницы не испытывали даже на своей знойной родинѣ. Красоты окрестностей поражали и занимали плѣнницъ, несмотря даже на ихъ душевныя и физическія страданія. Только княгиня В. П. Орбеліани не была въ состояніи любоваться дивной панорамой безпрестанно-развертывавшихся картинъ природы: княгиня занемогла съ самаго утра и едва могла держаться на лошади.

Около полудня чеченцы сдѣлали привалъ близь какого-то отдѣльнаго, небольшаго домика, стоявшаго подъ навѣсомъ, и, дождавшись здѣсь всѣхъ отсталыхъ, дали часа три отдыха своимъ плѣнникамъ. Къ привалу собралось множество народа изъ ближняго аула, и тутъ произошло весьма-характеристическое, совершенно-*горское* происшествіе. Изъ толпы народа выступила одна старуха и съ ожесточеніемъ бросилась на князя Ив. Чавчавадзе. Она вцѣпилась въ князя и старалась задушить его, говоря, что у нея былъ точно такой же молодой сынъ, что этотъ сынъ убитъ и *не отомщенъ* въ послѣднемъ набѣгѣ Шамиля на Кахетію и что, поэтому она, какъ мать, должна теперь отмстить за смерть сына смертью перваго попавшагося ей на глаза христіанина. Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы борьба разсвирѣпѣвшей старухи съ молодымъ и сильнымъ княземъ Иваномъ, еслибъ княгиня В. П. Орбеліани не вмѣшалась въ дѣло и не объяснила чеченкѣ, что сынъ ея уже *отомщенъ*, потому-что мужъ княгини тоже недавно убитъ въ сраженіи съ мусульманами. Эти слова видимо подѣйствовали на старуху: она оставила въ покоѣ князя Чавчавадзе и мало-по-малу сама успокоилась.

Послѣ хорошаго трехчасоваго отдохновенія, опять началось путешествіе, и началось прямо съ подъема на чрезвычайно-крутую каменную гору. Лошади едва лѣпились по утесамъ и часто были принуждены дѣлать такіе прыжки съ камня на камень, которые

показались бы невѣроятными незнающимъ всѣхъ достоинствъ лошади здѣшней горской породы. Послѣ одного изъ такихъ прыжковъ лошадь княгини Анны Ильиничны оторвала себѣ подкову вмѣстѣ съ копытомъ, и княгиня должна была слѣзть съ несчастнаго животнаго и продолжать путь пѣшкомъ. Впрочемъ, въ этомъ мѣстѣ пути и всѣ прочіе, принадлежавшіе къ поѣзду, также были принуждены спѣшиться, потому-что дорога проходила подъ низкимъ навѣсомъ скалы, съ одной стороны надвинувшейся къ дорогѣ; съ другой стороны дорога ничѣмъ не была ограждена отъ обрыва въ глубокую пропасть, на днѣ которой клокотала по уступамъ рѣка.

Опасный этотъ путь, тянувшійся, по-крайней-мѣрѣ, на полверсты, по всѣмъ признакамъ былъ искусственный, а не естественный. Это было не что иное, какъ *тоннель*, или высѣченное въ видѣ жолоба, вдавшееся въ бокъ горы полуверстное углубленіе, которое и составляло дорогу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ безъ этой замѣчательной, можно-сказать, троглодитической дороги, не было бы никакого сообщенія.

Весьма-жаль, что какъ этой замѣчательной мѣстности, такъ и почти всѣхъ, пройденныхъ плѣнницами, невозможно ни опредѣлить географически, ни даже назвать по имени; а отъ этого нельзя опредѣлить и того маршрута, которому слѣдовали плѣнницы.

До того ли имъ было, чтобъ разузнавать или помнить названіе проходимыхъ ими мѣстностей? Да еслибъ онѣ ихъ и запомнили, то и въ такомъ случаѣ все-таки очень-трудно было бы съ точностью опредѣлить путь ихъ слѣдованія, потому-что путь этотъ былъ не прямой: проводники очевидно вели ихъ не по ближайшему направленію, а по значительнѣйшимъ ауламъ, находящимся внутри страны, и представлявшимъ наиболѣе способовъ для помѣщенія и продовольствія многолюдной партіи.

Вдоль замѣчательнаго *тоннеля* плѣнницы шли какъ по балкону, висящему надъ пропастью, и шли неменѣе получаса. Выбравшись снова на открытую долину, онѣ увидѣли передъ собою мѣста, столь изумительныя по красотѣ и величію, что позабыли на-время и о своемъ плѣнѣ, и о своихъ страданіяхъ, и невольно предались созерцанію. По единогласному ихъ показанію, ничего подобнаго не встрѣчали еще онѣ на Кавказѣ, гдѣ такъ много живописныхъ мѣстностей!

Здѣсь плѣнные снова сѣли на лошадей, а изувѣченную лошадь княгини Анны Ильиничны горцы замѣнили весьма-смирнымъ *ка-*

теромъ (*). Проѣхавъ нѣсколько времени по черной, какъ уголь, и топкой землѣ, переѣхали вбродъ довольно-широкую рѣку, и тутъ чуть-чуть не случилось новое трагическое происшествіе. Дорога по ту сторону рѣки начиналась низкимъ и тѣснымъ проходомъ между берегомъ и нависшею надъ нимъ скалою. Кормилица Георгія Орбеліани, проѣзжая въ этомъ проходѣ, зацѣпилась сѣдломъ за скалу и, не будучи въ-силахъ остановить свою лошадь, непремѣнно должна была раздавить о скалу ребенка. Испуганная женщина вскрикнула и совершенно потерялась... Но, къ-счастью, вблизи шелъ одинъ изъ милиціонеровъ: онъ быстро выхватилъ ребенка изъ мѣшка, въ которомъ онъ былъ привязанъ къ груди кормилицы, а кормилица успѣла спрыгнуть съ сѣдла, и такимъ образомъ сперва лошадь, а за нею женщина съ ребенкомъ благополучно прошли въ тѣснинѣ.

Княгиня Варвара Ильинична, къ-счастью, не была свидѣтельницей опасности, угрожавшей ея сыну: она была гдѣ-то позади, въ числѣ отсталыхъ, да и постоянно отставала потому, что ѣхала совсѣмъ больная, часто чувствовала дурноту и должна была безпрестанно сходить съ лошади, чтобъ хоть по нѣскольку минутъ отдыхать на травѣ.

Дорога шла то съ горы, то на гору. На одну изъ этихъ горъ нужно было взбираться по уступамъ, въ видѣ натуральной каменной лѣстницы. Здѣсь раненую нянюшку заставили спѣшиться, увѣряя, что она слишкомъ-тяжела для лошади, взбирающейся на такую высокую и крутую гору.

На вершинѣ горы остановились для отдыха, впрочемъ, ненадолго, такъ-что не всѣ изъ отсталыхъ успѣли даже и собраться къ привалу. Между-прочимъ, здѣсь сказали княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ, что въ одинъ ближній аулъ недавно привезена плѣнная дѣвочка четырехъ или пяти мѣсяцевъ. Княгиня вообразила, что это ея Лидія, какимъ-нибудь чудомъ спасенная и увезенная горцами съ мѣста ея паденія, и просила благодѣтельнаго муллу распорядиться, чтобъ послали въ аулъ разузнать о дѣвочкѣ. Мулла обѣщалъ исполнить желаніе княгини, но не прежде, какъ по пріѣздѣ на ночлегъ, который былъ назначенъ въ слѣдующемъ аулѣ, въ домѣ какого-то другаго муллы. Аулъ былъ недалеко, и наши странники дошли до своего ночлега еще засвѣтло, не встрѣчая болѣе никакихъ препятствій и непріятностей, кромѣ довольно-

---

(*) Такъ на Кавказѣ называются лошаки.

хлопотливой переправы черезъ рѣку, протекавшую у аула, причемъ конные, переправлявшіеся вплавь, были порядочно вымочены, а пѣшіе безпрестанно рисковали обрушиться въ воду, проходя по зыблющимся бревнамъ, переброшеннымъ съ одного берега на другой.

Въ аулѣ собрались всѣ; не было только Саломе и Маріи. Довольно-долго прождавъ ихъ, княгини встревожились и встревожили всѣхъ своихъ спутниковъ. Но всеобщая тревога ни къ чему не послужила бы, и дѣти вѣроятно были бы потеряны навсегда, еслибъ урядникъ Потаповъ и при этомъ случаѣ не отличился не только самоотверженіемъ, но и замѣчательнымъ удальствомъ: выпросивъ у благодѣтельнаго муллы позволеніе взять съ собой нѣсколько проводниковъ изъ туземцевъ, онъ отправился въ поискъ за пропавшими маленькими княжнами, успѣлъ по горячимъ слѣдамъ найдти ихъ похитителей (дѣти были украдены жителями одного изъ ближнихъ къ дорогѣ ауловъ) и благополучно привезъ въ аулъ, гдѣ ихъ ожидали встревоженныя княгини.

Происшествіе это, разумѣется, сдѣлало то, что нашимъ плѣнницамъ опять была ночь не въ ночь, потому-что онѣ провели ее безъ сна, въ страхѣ и ожиданіи; и если сосчитать всѣ тѣ ночи, которыя слабыми и изнѣженными женщинами были проводимы, послѣ неимовѣрныхъ дневныхъ трудовъ, постоянно такимъ же образомъ и притомъ почти сряду одну ночь послѣ другой, то поистинѣ невозможно не изумиться, какъ не потеряли онѣ досихъ-поръ послѣднихъ искръ слабо-теплившейся въ нихъ жизни!

Поутру, однакожь, опять нужно было подниматься, чтобъ опять протомиться цѣлыя сутки въ изнурительномъ странствованіи, начинавшемъ походить на безконечность. Плѣнницы поднялись, но, передъ отправленіемъ, ихъ ожидало еще огорченіе. До-сихъ-поръ онѣ имѣли по-крайней-мѣрѣ то утѣшеніе, что всѣ шли вмѣстѣ, болѣе или менѣе неразлучно. Но здѣсь слугъ отдѣлили отъ ихъ господъ и объявили княгинямъ, что онѣ могутъ выбрать и взять съ собою одну или двухъ женщинъ, но что всѣ прочія должны быть оставлены въ аулѣ. Предоставленный княгинямъ выборъ чрезвычайно затруднилъ ихъ. Какъ было рѣшиться избрать одну и оставить другую, когда всѣ одинаково были привязаны къ княгинямъ и всѣ успѣли обнаружить одинаковую имъ преданность въ общемъ несчастіи! Оставалось руководствоваться необходимостью. Княгини взяли кормилицъ Александра и Георгія и еще одну 13-лѣтнюю дѣвочку, которая, по самой молодости своей,

ОБОЗРѢНІЕ ЧАСТЕЙ СУШИ.

Опредѣленіе географическихъ терминовъ относительно суши.

Небольшія части суши, окруженныя со всѣхъ сторонъ водою, называются *островами.*

Острова лежатъ либо отдѣльно, либо расположены кучами, либо рядами, и составляютъ *группы* и *цѣпи* острововъ.

Острова, очевидно, произошли различнымъ образомъ. Иные изъ нихъ отдѣлились отъ материковъ дѣйствіемъ воды, напр. Великобританія. Иные поднялись отъ вспучиванія дна морского. (Во внутренности Земного Шара отъ огня, тамъ содержащагося, образуются пары, которые напираютъ на наружныя твердыя толщи земли и ихъ приподнимаютъ). Такіе острова называются *вулканическими.* Такъ произошли многіе острова и нынѣ видимо еще вновь происходятъ. Иные острова составились изъ кораллов: маленькіе морскіе животные — полипы, строятъ на днѣ морскомъ древообразныя каменныя жилища и доходятъ мало-по-малу до поверхности океана; промежутки между кораллами наполняются пескомъ, и такимъ образомъ происходятъ низкіе острова, у которыхъ въ срединѣ по большой части бываетъ озеро. Такихъ острововъ много въ Великомъ океанѣ; они называются *кораллловыми.* Наконецъ, есть еще небольшіе острова *намывные,* которые образовались изъ наноснаго песку.

Гряды кораллов, окружающія острова, называются *коралловыми рифами.*

Чавчавадзе, князь Вагнадзе и ихъ милиціонеры. Другіе плѣнные, какъ это было и на прежнихъ ночлегахъ, были расположены особо, по саклямъ аула, и при этомъ, къ величайшему огорченію княгини Анны Ильиничны, отъ нея отлучили и куда-то увели дочь священника съ маленькой ея сестрой, которую кормила княгиня во время всего путешествія.

Помѣщеніе плѣнныхъ раздѣлялось на четыре, довольно-порядочныя комнаты, изъ которыхъ одну заняли княгини и ихъ семейства, другую — бывшія съ ними женщины, третью — князья Чавчавадзе и Вагнадзе съ милиціонерами, а въ четвертой помѣстился благодѣтельный мулла, который, впрочемъ, на другой же день уѣхалъ въ Дарги-Веденно̀, къ Шамилю.

Передъ отъѣздомъ благодѣтельный мулла сказалъ имъ, что здѣсь они останутся впредь до его возвращенія изъ Веденно̀; и дѣйствительно, всѣ наши плѣнники и плѣнницы около двухъ недѣль жили въ Большомъ Аулѣ. Жизнь ихъ здѣсь была тихая, ничѣмъ почти нетревожимая, и потому, сравнительно, пріятная. Онѣ отдохнули отъ своего страшнаго путешествія и совершенно собрались бы съ силами, еслибъ могли пользоваться хоть нѣсколько-болѣе изъисканною пищею. Но въ пищѣ, какъ и прежде, плѣнницы часто встрѣчали и здѣсь тотъ же недостатокъ. За галуны съ одежды милиціонеровъ онѣ вымѣнивали иногда нѣсколько молока или хлѣба; иногда же на плоскую кровлю, на которую вела дверь изъ комнаты плѣнницъ, жители аула бросали имъ фрукты преимущественно сливы и абрикосы. Одинъ разъ плѣнницы достали даже кусокъ мыла, отдавъ за него бусы, еще уцѣлѣвшія на шеѣ одной изъ кормилицъ. Это пріобрѣтеніе было истинной драгоцѣнностью, потому-что дозволяло княгинямъ омыть дѣтей, да и самимъ хоть сколько-нибудь уничтожить на себѣ слѣды пыли и грязи, оставленные на нихъ продолжительнымъ путешествіемъ и неопрятными ночлегами.

Бо̀льшую часть времени плѣнницы проводили на плоской кровлѣ, наблюдая оттуда за ежедневною жизнью аула. Такимъ-образомъ довелось имъ увидѣть много замѣчательнаго; и изъ того, что̀ сохранилось въ ихъ памяти, заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующій эпизодъ, совершенно-запечатлѣнный мѣстнымъ колоритомъ. Очень-недалеко отъ кровли, на которой любили сидѣть плѣнницы, была въ землѣ яма, которой настоящее назначеніе долго оставалось для нихъ непонятной загадкой. Но однажды онѣ увидѣли, ка̀къ привели къ ямѣ и спихнули въ нее женщину, еще

б. Въ Атлантическомъ океанѣ.

а) *Собственно:*

7. **Исландія,**	обширный Датскій островъ, покрытый лавою, съ огнедышащими горами и горячими ключами, между которыми особенно примѣчателенъ *Гейзеръ.*
8. Архипелагъ **Фарёръ,**	уединенные Датскіе острова, безлѣсные, окруженные бурнымъ моремъ подъ пасмурнымъ небомъ.

9. **Британскіе,** а именно:

а) *Большіе.*

а. **Великобританія** и	гдѣ заключаются королевства Англія и Шотландія. Примѣчательнѣйшій въ Свѣтѣ по мануфактурамъ, механическимъ искусствамъ и торговлѣ.
б. **Ирландія,**	съ тучными пастбищами, всегда зеленѣющими.

б) *Малые:*

в. **Шетландскіе,**	представляютъ истерзанные съ боковъ бурнымъ моремъ утесы, съ пещерами, нависшими каменными громадами, безчисленными заливами, съ печальною природою, безъ лѣса, мохомъ поросшія пространства.
г. **Оркадскіе,**	здѣсь примѣчается чрезвычайное множество морскихъ птицъ. Отдѣляется отъ Великобританіи страшнымъ для мореплавателей *Пентландскимъ* проливомъ.
д. **Гебридскіе,**	съ остроконечными утесами, суровой печальной наружности, покрытые турфомъ, мало населенные. Между ними маленькой островъ *Стаффа* примѣчателенъ по базальтовой пещерѣ, называемой Фингаловою.

Изъ денегъ муллы пять копеекъ дѣйствительно было употреблено на покупку курицы, но, другая бѣда — не въ чемъ было сварить ее: никто изъ правовѣрныхъ не хотѣлъ дать своей посуды христіанамъ. Благодѣтельный мулла устранилъ и это затрудненіе: онъ у кого-то досталъ горшокъ, впрочемъ, непрежде, какъ обязавшись вымыть посудину *семь разъ* послѣ употребленія ея нечистыми *гяурами*. Но на этомъ еще не остановились услуги старика: услышавъ отъ плѣнницъ жалобы на дурное качество добываемаго ими хлѣба, онъ привелъ къ нимъ двухъ женщинъ и приказалъ имъ сложить для плѣнницъ печь на плоской кровлѣ, смежной съ ихъ комнатой. Печь была очень-скоро готова, и плѣнницы сами начали приготовлять для себя хлѣбъ. Черезъ нѣсколько времени мулла опять нашелъ средство оказать имъ новую услугу: онъ гдѣ-то досталъ нѣсколько красныхъ сафьянныхъ кожъ и принесъ плѣнницамъ, чтобъ онѣ скроили и сшили для себя *чевяки*, то-есть, башмаки по туземному образцу, и не явились бы къ Шамилю безъ обуви.

Всѣ эти поступки благодѣтельнаго муллы никакъ нельзя было приписать какому-либо постороннему вліянію, ни даже внушенію Шамиля—нѣтъ, они очевидно проистекали изъ благодарной и добродѣтельной души стараго мусульманина, и оттого еще бо̀льшую цѣну получали въ мнѣніи о немъ признательныхъ плѣнницъ.

Шитьё башмаковъ, однакожь, весьма затруднило нашихъ дамъ, совсѣмъ-незнакомыхъ съ этимъ дѣломъ. Князь Ив. Чавчавадзе успѣлъ кое-какъ сдѣлать выкройку, но еще оставалось главное— шитье, и недоставало необходимыхъ для того инструментовъ, то-есть иголки, нитокъ и т. п. Тогда, съ позволенія благодѣтельнаго муллы, княжна Баратова отправилась къ мѣстной башмачницѣ за помощью. По возвращеніи, княжна разсказывала, что нашла у этой чеченской ремесленницы прекрасное помѣщеніе и убранство (по бо̀льшей части состоявшее изъ цинондальскихъ вещей, тарелокъ и т. п.), что сама хозяйка была очень-богато одѣта, и что по всему было видно, ка̀къ прибыльно въ Чечнѣ башмачное ремесло. Получивъ отъ башмачницы урокъ въ ея мастерствѣ и всѣ нужныя пособія, княжна сильно подвинула впередъ шитье чевяковъ, и княгини усердно занялись этой работой.

Между-тѣмъ, пришло извѣстіе о возвращеніи Шамиля въ Веденно̀ *изъ экспедиціи*. Благодѣтельный мулла объявилъ плѣнницамъ, что завтра выступятъ онѣ изъ аула въ *послѣднее*, на этотъ разъ, путешествіе. Въ то же время, провинившіеся милиціонеры

окончили урочную работу на поляхъ домозяина, и онъ выразилъ полное свое удовольствіе тѣмъ, что зарѣзалъ и изжарилъ цѣлаго быка для угощенія всѣхъ плѣнныхъ, помѣщавшихся въ его домѣ. Обѣдъ былъ великолѣпный, и наши плѣнницы могли еще взять съ собой порядочный запасъ мяса и хлѣба на дорогу.

Изъ Большаго Аула всѣ безъ исключенія выѣхали верхомъ на добрыхъ лошадяхъ. Дорога шла между садовъ и съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлалась лучше и живописнѣе. Взорамъ плѣнницъ то представлялась рѣка, игриво-прыгавшая по порогамъ, то являлись горы, съ вершины до подошвы покрытыя зеленью и превосходными цвѣтами, какихъ княгинямъ не удавалось видѣть и въ оранжереяхъ. Здѣсь онѣ замѣтили много стадъ чрезвычайно-красиваго, но не рослаго рогатаго скота. Аулы слѣдовали за аулами, но ни одинъ изъ нихъ не былъ расположенъ въ долинахъ, а, напротивъ, всѣ лѣпились на каменныхъ крутизнахъ, и это дало поводъ служанкамъ княгинь замѣтить, что «еслибъ гор-«цы были не черти, то не могли бы жить на такихъ скалахъ, «не свернувъ себѣ шеи».

Первый переѣздъ былъ довольно-продолжительный, а для привала, остановились на открытомъ мѣстѣ, гдѣ невозможно было ничѣмъ защитить себя отъ лучей истинно-палящаго солнца. Княгини пожелали болѣе-прохладнаго пріюта, и благодѣтельный мулла поспѣшилъ исполнить ихъ желаніе. Онъ повелъ ихъ къ берегу близь протекавшей рѣки; берегъ оканчивался отвѣснымъ обрывомъ въ сажень высоты; но это не остановило муллу ловко спрыгнуть съ обрыва на какой-то камень и помочь княгинямъ спуститься туда же вслѣдъ за собою. Съ большаго камня, на которомъ очутились плѣнницы, онѣ увидѣли въ обрывистомъ берегу углубленіе, въ видѣ просторнаго грота. Въ этомъ, совершенно-прохладномъ пріютѣ, плѣнницы прекрасно отдохнули, наслаждаясь превосходнымъ видомъ, открывавшимся имъ изъ грота на противоположный берегъ рѣки, усѣянный садами и аулами. Вблизи же грота нашли онѣ множество самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ и нарвали ихъ для дѣтей.

Мысль ли о скоромъ окончаніи тягостнаго путешествія, вліяніе ли времени и хорошаго отдохновенія въ Большомъ Аулѣ, созерцаніе ли великолѣпной природы, или, можетъ-быть, всѣ эти причины вмѣстѣ, сдѣлали то, что плѣнницы чувствовали ужь гораздо-менѣе душевнаго безпокойства, чѣмъ при началѣ и въ продолженіе путешествія. Страданія ихъ теперь готовы были перейд-

ти въ чувство покорности передъ участью, ниспосланной имъ Провидѣніемъ, а на будущее смотрѣли онѣ столько же со страхомъ, сколько и съ надеждою, представляя себѣ Шамиля, какъ врага суроваго, но въ то же время не безразсуднаго и не совершенно-безжалостнаго,

Что касается собственно до княгини Анны Ильиничны, то бодрость и нѣкоторое душевное спокойствіе ея обусловливались здѣсь еще двумя обстоятельствами: она на послѣднемъ привалѣ имѣла радость опять встрѣтить маленькую свою вскормленницу, дочь священника (*), а въ Веденò надѣялась найдти потерянную Лидію.

Съ такими чувствами и мыслями плѣнницы оканчивали свое слишкомъ-четырехнедѣльное странствованіе. Но до Веденò еще оставалось пути болѣе, чѣмъ на цѣлыя сутки, и какъ ни велико наше желаніе поскорѣе довести до мѣста злополучныхъ плѣнницъ, мы должны обуздать свое нетерпѣніе и съ прежнею подробностью изобразить всѣ обстоятельства ихъ послѣднихъ переходовъ.

Отдохнувъ въ прохладномъ гротѣ, княгини присоединились къ прочимъ плѣннымъ и поѣхали далѣе, по очень-ровной и гладкой дорогѣ, которая нѣсколько разъ пересѣкалась небольшими и неглубокими рѣчками, и наконецъ приводила къ узкому ущелью. Ущелье это образовывалось отъ сближенія между собою двухъ огромныхъ горъ, покрытыхъ зеленью, а на одной изъ горъ, на самой вершинѣ, плѣнницы не могли не полюбоваться исполинскимъ деревомъ совершенно-одинокимъ на недоступной высотѣ и какъ-будто царствовавшимъ оттуда надъ всею окрестностью. По ущелью протекала рѣка, или, вѣрнѣе, потокъ, къ которому горы тѣснились все ближе-и-ближе, такъ-что ущелье превращалось наконецъ въ узкій корридоръ, по которому пришлось ѣхать не менѣе получаса.

Миновавъ эту длинную тѣснину, плѣнницы выѣхали на открытое мѣсто, съ котораго являлась передъ ними пространная, изобильная зеленью мѣстность, а невдалекѣ — знаменитый аулъ *Анди*, или, какъ его называютъ русскіе, *Андія*. Не доѣзжая до аула, плѣнницы встрѣтили нѣсколько женщинъ: онѣ шли за водою, неся на головахъ, или за спиною, очень-большіе кувшины изъ бѣлой жести. Княгини сохранили въ памяти костюмъ андійскихъ жительницъ, женъ мѣстнаго *наиба*, какъ это объяснилось

(*) Здѣсь разсказали княгинѣ, что пропадавшую дѣвочку кормила какая-то лезгинка, вопреки горскимъ обычаямъ. Благодѣтельный мулла что-то подарилъ за это доброй женщинѣ.

впослѣдствіи. Рубашки и шаравары были на нихъ изъ самой толстой *бязи*; съ головы до ногъ опускались *чадры* изъ бѣлаго толстаго миткаля; лица были обвернуты небольшимъ кускомъ холста, съ выдерганною рѣдью противъ глазъ. По этому простому костюму никакъ нельзя было предположить, чтобъ встрѣченныя плѣнницами женщины были *наибши*, и притомъ наибши такого аула, который въ цѣлой Чечнѣ и во всемъ Дагестанѣ считается *гнѣздомъ* горской *аристократіи* (*)! Но такова вообще простота въ этихъ странахъ, истощенныхъ разорительной войною.

Въ *Анди* привели плѣнныхъ уже въ сумерки и всѣхъ вмѣстѣ помѣстили въ саклѣ объ одной комнатѣ, похожей на просторный сарай, не столько, однакожь, просторный, чтобъ въ немъ плѣнные не чувствовали значительной тѣсноты. Чтобъ пособить этому неудобству, нашимъ плѣнницамъ было позволено выйдти на плоскую кровлю сакли. Здѣсь онѣ отдохнули и подкрѣпили себя неприхотливымъ ужиномъ (**), а потомъ оставались еще нѣсколько времени, чтобъ полюбоваться превосходною ночью и яркимъ луннымъ освѣщеніемъ аула. Тутъ же, на крышѣ, одинъ изъ милиціонеровъ принялся играть на *чунгури* (***), и плѣнницы не безъ грустнаго удовольствія внимали простымъ звукамъ, какъ голосу потерянной родины.

Богъ знаетъ, какими судьбами сохранилась *чунгури* у своего обладателя, но только звуки ея, какъ кажется, очень понравились андійскимъ женщинамъ, потому-что онѣ собрались огромной толпою и, въ молчаніи, окружили саклю, отъ которой далеко разносилось въ ночной тишинѣ унылое бренчанье плѣннаго чунгуриста.

По окончаніи этого концерта, плѣнницы расположились на ночлегъ, заперевъ прежде внѣшнія двери. Благодѣтельный мулла съ милиціонерами помѣстились особо, кажется, на крышѣ. Но,

---

(*) То-есть аристократіи по богатству или зажиточности. Мы ужь говорили выше, что въ Чечнѣ и Дагестанѣ нельзя понимать это слово въ другомъ значеніи.

(**) Ужинъ былъ принесенъ доброхотными андійскими наибшами, которыя были очень-довольны апетитомъ княгинь и ихъ дѣтей, но чрезвычайно обидѣлись, когда княгини, утоливъ свой голодъ, передали остатки кушанья своимъ служанкамъ. «Мы принесли кушанье *для княгинь*, а не *для рабынь*», сказали гордыя наибши, и удалились съ видомъ негодованія. Княгини очень жалѣли, что нечаянно отплатили оскорбленіемъ за услугу.

(***) Народный музыкальный инструментъ въ Грузіи, нѣчто въ родѣ маленькой гитары, съ металлическими струнами.

видно, и въ эту послѣднюю ночь путешествія княгинямъ не было суждено предаться полному отдохновенію; онѣ не спали почти до утра вслѣдствіе вотъ какого новаго приключенія:

Когда уже всѣ женщины улеглись, а многія изъ нихъ и заснули, съ легкимъ скрипомъ отворилась дверь, повидимому запертая съ вечера. Лунный свѣтъ проникъ въ темную комнату, и въ то же время обрисовалась какая-то черная фигура. Княгиня Анна Ильинична первая замѣтила это неожиданное явленіе и громко окликнула посѣтителя. Отвѣта не было; но на крикъ княгини всѣ въ домѣ поднялось на ноги. Незваный гость исчезъ, но ненадолго: его захватили во дворѣ и обличили въ намѣреніи что-нибудь украсть на ночлегѣ плѣнницъ. На шумъ явился и благодѣтельный мулла и, по просьбѣ перепуганныхъ служанокъ и раздосадованныхъ милиціонеровъ, тутъ же распорядился произвести расправу надъ воромъ: невдалекѣ отъ дома его подвергли исправительному тѣлесному наказанію.

Вся эта исторія длилась почти цѣлую ночь, и потому наши плѣнницы могли спокойно заснуть только на разсвѣтѣ.

Поутру благодѣтельный мулла поднялъ всѣхъ для сборовъ въ дальнѣйшій путь, а двумъ княгинямъ и княжнѣ Баратовой принесъ по темному фуляровому покрывалу, объясняя, что женщинамъ высокаго происхожденія нехорошо въ этой сторонѣ путешествовать съ незакрытыми лицами.

На пути плѣнницамъ показали, въ сторонѣ отъ дороги, мѣсто стараго *Даргô*, бывшаго, десять лѣтъ назадъ, резиденціей Шамиля, но въ 1845 году разореннаго русскими войсками подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, князя М. С. Воронцова. На мѣстѣ когда-то недоступнаго и грознаго аула теперь видѣли плѣнницы только груды камней, разбросанныхъ по песчаному склону горы.

Немного не доѣзжая до этого мѣста, благодѣтельный мулла вручилъ плѣнницамъ неизвѣстно кѣмъ доставленное изъ Темир-Хан-Шуры письмо отъ князя Джорджадзе (*). Письмо было написано порусски и погрузински, и чрезвычайно обрадовало плѣнницъ: это была первая вѣсть отъ *своихъ!* Князь Джорджадзе въ письмѣ къ княгинямъ освѣдомлялся живы ли, здоровы ли онѣ, не нужно ли имъ чего, и просилъ, чтобъ онѣ исходатайствовали ему у Шамиля разрѣшеніе продолжать съ ними переписку и посылать имъ, что̀ онѣ пожелаютъ.

(*) Родственника княгинь.

По прочтеніи письма, плѣнницы должны были возвратить его благодѣтельному муллѣ, такъ-какъ онъ почиталъ за лучшее лично представить письмо Шамилю и даже скрыть отъ него, что плѣнницамъ оно уже было показано. Добрый старикъ помнилъ запрещеніе имама входить плѣнницамъ въ какія бы то ни было письменныя сношенія, но, по добротѣ сердца, нарушилъ приказъ, и теперь опасался за это отвѣтственности. Плѣнницы успокоили его обѣщаніемъ сохранить дѣло въ тайнѣ.

До Даргы-Веденѝ было уже недалеко. Плѣнницы ѣхали подъ вуалями, закрывавшими ихъ лица. Имъ приходило въ голову подозрѣніе, не затѣмъ ли заставили ихъ покрыться, чтобъ не видѣть, а увидѣвъ не запомнить мѣстностей, бывшихъ на ближайшей дорогѣ къ резиденціи Шамиля, и отъ этого подозрѣнія еще сильнѣе подстрекалось ихъ любопытство. Онѣ внимательно всматривались во все, встрѣчавшееся на дорогѣ и по сторонамъ ея, а вуали не слишкомъ имъ въ томъ препятствовали: сквозь рѣдкую ткань фуляра все было видно довольно-явственно, но только въ темномъ цвѣтѣ. Впрочемъ, ничего особенно-замѣчательнаго не довелось имъ замѣтить. Онѣ запомнили только множество переправъ черезъ рѣки и рѣчки, а потомъ лѣсъ, густой и мрачный, со множествомъ перепутывавшихся тропинокъ. Особенныхъ происшествій съ плѣнницами тоже не было, и только съ г-жею Дрансѐ случилось маленькое приключеніе. Она попросила пить; благодѣтельный мулла поспѣшилъ услужить ей и, приблизившись верхомъ на лошади, подалъ ей кожанный мѣшокъ, въ родѣ табачнаго кисета, съ шелковымъ снуркомъ для держанія, наполненный водою; самый мѣшокъ онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Француженкѣ показалось, что пить изъ такого сосуда неудобно, и что, притомъ, руки у муллы, поднимавшаго къ устамъ ея тотъ мѣшечекъ, были несовсѣмъ-чисты... Сидя на лошади и боясь приближенія лошади муллы, который самъ подносилъ ей мягкій сосудъ, держа его за снурокъ, она, вмѣсто-того, чтобъ осторожно пить, вздумала сама схватить мѣшокъ и тогда вся вода выплеснулась изъ мѣшечка и буквально окатила съ ногъ до головы некстати-прихотливую француженку. Всѣ, видѣвшіе эту сцену, не могли удержаться отъ смѣха; не смѣялись только обиженный мулла да сконфуженная г-жа Дрансѐ. Она не знала, что̀ ей дѣлать съ мокрой своей одеждой, и въ-особенности горевала, что въ такомъ невыгодномъ видѣ представится Шамилю... Но, къ утѣшенію француженки, вскорѣ та же судьба постигла и всѣхъ ея сопутницъ:

загремѣлъ громъ и полился проливной дождь. Всѣ были промочены до нитки, хотя мулла и позаботился укрыть кого чухой, кого ковромъ или буркой.

Подъ густой завѣсой ливня плѣнницы приближались къ Дарги-Веденно; къ дождю вскорѣ прибавились еще и сумерки наступившаго вечера, и потому-то плѣнницы не могли хорошенько различить и понять, что окружало знаменитый аулъ Шамиля. Онѣ видѣли только сначала нѣсколько заборовъ, вѣроятно, загоны для скота, потомъ ровъ, валъ и ворота, наподобіе тѣхъ, какія встрѣчаются на Кавказѣ въ казачьихъ станицахъ, и наконецъ нѣсколько крышъ, обличавшихъ мѣстность самого аула.

Не доѣзжая еще до воротъ, плѣнницы встрѣтили нѣсколько всадниковъ со значками на длинныхъ древкахъ, а впереди ихъ мальчика лѣтъ четырнадцати. Это былъ младшій сынъ Шамиля отъ первой (уже умершей) жены. Впослѣдствіи плѣнницы узнали, что его зовутъ *Махматъ-Шаби*, а теперь не могли не обратить вниманія на поразительную красоту мальчика, которую онѣ замѣтили даже и сквозь дождевую завѣсу. Затѣмъ онѣ безпрепятственно въѣхали въ аулъ и были привезены къ какому-то большому сараю, въ которомъ собрались и всѣ прочіе плѣнные. Отсюда собственно-цинондальскихъ плѣнницъ повели къ дому Шамиля. Князь Ив. Чавчавадзе, идя пѣшкомъ, велъ лошадь княгини Анны Ильиничны; прочіе слѣдовали позади. Но когда приблизились къ воротамъ дома, двое чеченцевъ бросились къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ: одинъ изъ нихъ взялъ подъ уздцы лошадь княгини, а другой удержалъ князя Ивана; княгиня взглянула на своего родственника и замѣтила на лицѣ его неимовѣрную блѣдность: онъ былъ встревоженъ за княгиню, которая съ этой минуты оставалась одна и безпомощная, посреди чуждаго и непріязненнаго міра... Они простились грустными взглядами, и княгиня въѣхала въ ворота перваго или *внѣшняго* двора. Оглянувшись назадъ, она увидѣла за собою только одну княжну Баратову съ маленькою Тамарой, и въ эту минуту почувствовала, что и сама она, какъ князь Иванъ, готова поблѣднѣть отъ неописаннаго душевнаго волненія... Но возврата ужь быть не могло!... Отворились вторыя ворота, и двѣ одинокія плѣнницы въѣхали во второй или *внутренній* дворъ, то-есть собственно такъ-называемый сераль Шамиля...

Это было вечеромъ въ пятницу, 30-го іюля.

Планъ

Сераля или внутренняго двора Шамиля въ аулѣ Дарги-Веденно.

Составленный глазомѣрно Княгинею А. И. Чавчавадзе въ 1855 году

Ворота

Комната для приѣзжихъ гостей.

Старый кабинетъ Шамиля

Новый кабинетъ Шамиля

Незастроенное мѣсто

Заборъ.

Площадь Внутренняго двора.

Двухъ-Этажный флигель Шамиля

Крытая Галлерея

2. Комната

3. Комната

1. Комната

Доски положены на землю

Внѣшній дворъ.

Внѣшній дворъ.

Бассейнъ

Пекарня.

Конюшни.

Масштабъ въ Англійскомъ дюймѣ 15ти шаговъ.

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

Правдивая повесть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ (въ 1854—1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ: покойнаго генерал-майора *князя Орбеліани* и подполковника *князя Чавчавадзе,* основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

Часть вторая.

I.

Сераль и его обычные обитатели.—Первые дни заключенія.

Душевное волненіе, при вступленіи въ сераль Шамиля (*), со стороны княгини Чавчавадзе было совершенно-естественно; но страхъ ея за свое одиночество ничѣмъ не оправдался, потому-что, въѣхавъ съ княжной Баратовой въ первыя ворота, наши плѣнницы встрѣтили во дворѣ множество народа. Онѣ замѣтили одного мужчину, высокаго роста, въ бѣломъ ахалукѣ, стоявшаго на балконѣ. Впослѣдствіи они узнали, что это былъ самъ Шамиль, но въ это время и сумерки и внутреннее смятеніе не позволили имъ хорошенько разглядѣть всѣхъ, кѣмъ онѣ были окружены.

Если читатель потрудится взглянуть на планъ шамилева сераля, то онъ увидитъ на рисункѣ двѣ стрѣлки: одну прямую, а другую изогнутую и замѣтитъ, что обѣ онѣ идутъ отъ воротъ къ одной изъ комнатъ большаго четырсугельнаго строенія. Стрѣлки эти указываютъ направленіе пути плѣнницъ отъ воротъ къ комнатѣ, для нихъ предназначенной. Затѣмъ онѣ въѣхали во внутренній дворъ, то-есть, во вторыя ворота. Приблизившись къ галереѣ, которая составляетъ какъ-бы крыльцо передъ комнатой, предназначенной для плѣнницъ, и идетъ вокругъ всего сераля, княгиня и княжна были сняты съ своихъ усталыхъ коней нѣсколькими женщинами, которыя и ввели ихъ въ печальное мѣсто предстоявшаго имъ

(*) *Сераль* не должно смѣшивать съ *гаремомъ:* сераль — жилище семейства мусульманина, его внутренній дворъ, и больше ничего.

семимѣсячнаго заключенія. Толпа женщинъ за ними послѣдовала со двора. Нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, служанки, принялись раздѣвать и разувать плѣнницъ. Въ это время пріѣхала во дворъ и вошла въ комнату княгиня Варвара Ильинична. Около нея, также весьма-услужливо засуетились женщины, между которыми тотчасъ же обратила на себя вниманіе княгинь дѣвочка лѣтъ тринадцати, бѣлокурая, съ выразительнымъ лицомъ и прищуренными глазами. Это была *Написѐтъ*, дочь Шамиля. Еслибъ княгини прежде видѣли Шамиля, то ни на минуту не затруднились бы узнать дочь по ея сходству съ отцомъ, и особенно по этимъ каримъ, прищуреннымъ глазамъ, которые составляютъ отличительную фамильную черту Шамиля и всѣхъ дѣтей его (*). Черезъ нѣсколько времени вошли въ комнату двѣ женщины, одѣтыя въ длинныя рубашки сверхъ шальваръ: то были жены Шамиля. Одна изъ нихъ, маленькая, худая, рябая, съ закривленнымъ орлинымъ носомъ, съ карими глазами, съ хитрой и недоброю улыбкой на тонкихъ губахъ, называлась *Зайдетъ* и, повидимому, была не старѣе двадцати-четырехъ лѣтъ. Некрасивая, но чрезвычайно-выразительная ея наружность, соединенная съ ловкостью и даже граціей во всѣхъ движеніяхъ, обличала туземное происхожденіе, и плѣнницы дѣйствительно вскорѣ узнали, что Зайдѐтъ была татарка, дочь Джемаль-Эддина, воспитателя Шамиля и его наставника, человѣка съ огромнымъ вліяніемъ на народъ и на Шамиля, и съ сильнымъ голосомъ въ народномъ совѣтѣ. Другая была та самая моздокская армянка, о которой плѣнницы еще въ дорогѣ слышали такъ много хорошаго. Это была женщина лѣтъ за тридцать; высокая, бѣлая, полная, очень-свѣжая, хорошенькая, съ выраженіемъ довольно-простоватымъ, но добрымъ и располагающимъ. Имя ея *Шуанѐтъ*. Съ первой минуты плѣнницы почувствовали къ ней нѣкоторое довѣріе и, вслѣдствіе этого, тутъ же обратились къ ней черезъ переводчицу, съ вопросомъ: «привезутъ ли сюда дѣтей и прочихъ плѣнницъ?» Шуанѐтъ, тоже черезъ переводчицу, отвѣчала, что привезутъ всѣхъ, но что Шамиль желаетъ, чтобъ княгини прежде сами размѣстились и осмотрѣлись, а потомъ ужь выбрали изъ своихъ, кого пожелаютъ, для помѣщенія вмѣстѣ съ собою.

Вскорѣ прибыли двѣ кормилицы, съ двумя грудными мальчи-

(*) Поэтому и на силуэтѣ Шамиля, приложенномъ къ этому сочиненію, онъ изображенъ съ прищуреннымъ глазомъ.

ками: Александромъ и Георгіемъ, а за ними Саломе съ Василисой и г–жа Дрансè съ Маrіе.

Всѣ усѣлись, разумѣется, на полу, и тотчасъ же были окружены множествомъ любопытныхъ женщинъ и дѣтей. На всѣхъ были толстыя синія рубашки, а на женщинахъ головныя покрывала, или, какъ ихъ называютъ въ Грузіи, *легаки*, но не газовыя, какъ въ Грузіи, а бѣлыя и толстыя полотняныя.

Между любопытными княгини замѣтили очень–стройную и прекрасно–сложенную женщину лѣтъ семнадцати или восьмнадцати. Она была въ пестромъ ситцевомъ ахалухѣ, темной рубашкѣ и красныхъ шальварахъ; вмѣсто вуаля, или *легаки*, на головѣ ея былъ большой черный шелковый платокъ. Лицо ея отличалось бѣлизною, носъ былъ небольшой, тонкій, немножко–вздернутый (retroussé), ротъ довольно-большой, но зубы ослѣпительно-бѣлые, а губы самаго живаго розоваго цвѣта; изъ всего этого составлялась весьма–привлекательная наружность, которую прекрасные, большіе сѣрые глаза озаряли выраженіемъ доброты и живой, пылкой души. Это была *Аминѣтъ*, кистинка, третья жена Шамиля.

Различныя впечатлѣнія, съ первой встрѣчи оставленныя въ княгиняхъ разнохарактерными физіономіями трехъ женъ Шамиля, не измѣнились и впослѣдствіи, а, напротивъ, были оправданы всѣмъ тѣмъ, въ чемъ проявились характеры этихъ женщинъ въ теченіе семимѣсячнаго съ ними знакомства нашихъ плѣнницъ. Ихъ хорошія стороны и недостатки, можно сказать, были *судьбою* княгинь; ихъ поведеніемъ обусловливались минуты горя и радости, отчаянія и надежды въ продолжительномъ томленіи заключенницъ.

Княгини поняли это съ перваго дня и старались, съ помощью женской проницательности, изучить женъ своего *повелителя*. Это было нетрудно; но, повторяемъ, первыя заключенія, составленныя княгинями о характерахъ этихъ женщинъ, совершенно оправдались впослѣдствіи.

Вскорѣ двѣ старшія жены вышли изъ комнаты и вернулись съ разными угощеніями; тутъ были: чай, медъ, сыръ, пшеничный хлѣбъ и, къ великому удивленію плѣнницъ, прекрасные конфекты, какіе на Кавказѣ можно достать только въ Тифлисѣ, во французскомъ магазинѣ Толлѐ. Дѣти чрезвычайно обрадовались угощенію, особенно же чаю. Маленькая Тамара начала плясать и до–того расшалилась, что ее насилу могли уложить спать. Между–тѣмъ, вечеръ сильно подвинулся къ ночи; посѣтительницы княгинь ма-

ло-по-малу разошлись, а наконецъ и *хозяйки дома* оставили ихъ. Прощаясь съ ними, княгиня Чавчавадзе обратилась къ Шуанетѣ (армянкѣ), съ просьбою объ отысканіи маленькой Лидіи, которую княгиня все еще надѣялась найдти. Но Шуанѐтъ лаконически отвѣчала княгинѣ: «обратитесь къ старшей».

Княгиня, почитавшая Шуанѐту *старшею*, потому-что она и по возрасту была старѣе другихъ женъ Шамиля, теперь узнала, что на самомъ-то дѣлѣ старшею въ сералѣ считалась Зайдѐтъ, которая этимъ была обязана своему *высокому* происхожденію. Но чѣмъ обусловливалось это старшинство, и какія на-самомъ-дѣлѣ были отношенія женъ къ Шамилю и между собою — все это княгини узнали только впослѣдствіи.

Оставшись однѣ, плѣнницы стали приготовляться къ ночлегу, но прежде позаботились разсмотрѣть свое помѣщеніе. Это была комната длиною въ двадцать-шесть, а шириною въ двѣнадцать башмачныхъ подошвъ (которыми впослѣдствіи плѣнницы измѣряли свою комнату), что̀, приблизительно, равнялось десяти шагамъ длины и пяти ширины. Значительная часть этого тѣснаго пространства была еще занята очень-большимъ каминомъ. Внѣшній воздухъ могъ сообщаться комнатѣ только черезъ дверь и единственное четыреугольное маленькое окно, величиною въ четверть аршина. Мѐбели не было никакой. Полъ былъ устланъ бѣлыми войлоками и простыми горскими коврами. На два съ половиною аршина отъ пола, по стѣнамъ тянулись по̀лки, на которыхъ плѣнницы нашли три тюфяка, два одѣяла и двѣ подушки, набитыя шерстью и хлопками, и несовершенно-чистыя, также какъ и воздухъ въ комнатѣ.

Когда заснули дѣти, а взрослыя приготовлялись имъ послѣдовать, вдругъ отворилась дверь, и къ нимъ вошла Зайдетъ, *старшая* жена Шамиля, а съ нею его казначей, *Хаджіо*, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ доброй, но глуповатой физіономіей. Послѣдній несъ голову сахару и погребецъ, въ которомъ княгини нашли чай, стаканы и все, что̀ обыкновенно бываетъ въ погребцахъ; кромѣ-того, Хаджіо передалъ имъ записку, объяснившую, что всѣ эти дары посылались княгинею Ниной Эристовой (сестрою генерала Л. Меликова), изъ Закаталъ. Плѣнницы были очень обрадованы этимъ *вторымъ* голосомъ съ родной стороны; но начало записки сперва нѣсколько огорчило ихъ; оно заключалось въ словахъ: «*я* очень рада, что вы въ Веденяхъ»...—«Есть чему радоваться!» подумали княгини, но потомъ, прочтя далѣе, онѣ уви-

дѣли, что писавшая записку хотѣла выразить свою радость, что плѣнницы попали не въ какой-нибудь глухой и отдаленный аулъ, а въ Ведено, подъ ближайшій присмотръ самого Шамиля. Еще далѣе, въ запискѣ слѣдовали изъявленія искренняго сожалѣнія генерала Меликова о несчастіи, постигшемъ княгинь, и эти изъявленія были горячо и прекрасно выражены.

Хаджіо, уходя, объяснилъ княгинямъ, что, для перваго раза, имъ было позволено получить письмо на грузинскомъ языкѣ, но что на будущее время Шамиль приказалъ переписываться не иначе, какъ порусски, потому-что грамотныхъ переводчиковъ-грузинъ у нихъ здѣсь не имѣется.

Затѣмъ посѣтители окончательно оставили плѣнницъ.

На другой день, часовъ въ девять поутру, имъ принесли завтракъ, состоявшій изъ бараньяго сыра, масла, луку, разварной баранины и пшеничнаго хлѣба, у котораго верхняя корка была покрыта толстымъ слоемъ сала: это ужь такой здѣсь *адатъ*, то-есть, обычай; но съ такимъ обычаемъ ни княгини, ни дѣти ихъ не могли свыкнуться во все время своего плѣна; онѣ всегда срѣзывали верхнюю корку, а самый хлѣбъ промывали, выжимали и сушили до-тѣхъ-поръ, пока не уничтожался непріятный запахъ сала.

Въ это же утро прибыли въ сераль многія другія плѣнницы и, между ними, дочь священника съ своей маленькой сестрою, которую княгиня Анна Ильинична во время дороги кормила своей грудью. Молодая дѣвушка хотѣла видѣть княгиню, чтобъ она похлопотала о кормилицѣ для дѣвочки, такъ-какъ здѣсь уже не позволили самой княгинѣ кормить ее, подъ предлогомъ, что это не ея, а чужой ребенокъ. Княгиня не знала, къ кому обратиться съ просьбою; но въ числѣ любопытныхъ случилась одна татарка, по имени *Хан-ага*, маленькое, толстое и, какъ оказалось, очень-доброе созданіе, бывшее женою Лабазана, одного изъ сторожей сераля и походнаго повара Шамиля. Эта женщина, узнавъ о желаніи княгини, тотчасъ побѣжала къ шамилевымъ женамъ и выхлопотала кормилицу для дѣвочки, въ которой плѣнницы принимали участіе.

Кое-какъ прошелъ день, а вечеромъ явился казначей Хаджіо и объявилъ плѣнницамъ, что сейчасъ прійдетъ къ нимъ Шамиль для личныхъ переговоровъ. Дѣйствительно, вскорѣ пришелъ Шамиль, но не переступилъ за порогъ комнаты, а помѣстился внѣ ея, у отворенной двери, на галереѣ, куда ему принесли, для си-

дѣнья, что-то въ родѣ деревяннаго табурета. Рядомъ съ нимъ стали у двери Хаджіо и русскій переводчикъ, по имени *Индрисъ* (вѣроятно, прежде бывшій Андрей!)

Плѣнницы оставались внутри комнаты, и бесѣда началась черезъ дверь и черезъ переводчика.

Шамиль спросилъ о здоровьи.

— Устали съ дороги, но, слава Богу, здоровы, отвѣчали плѣнницы.

— Я самъ удивляюсь, что вы всѣ дошли сюда благополучно, и вижу въ этомъ явное доказательство, что Богъ сохранилъ васъ для исполненія давнишняго моего намѣренія: выручить сына, находящагося у русскихъ. Теперь я пришелъ сказать, чтобъ вы были спокойны, что васъ здѣсь никто обижать не будетъ, что съ вами будутъ поступать, какъ съ членами моего семейства, но только въ такомъ случаѣ, если вы будете строго исполнять мое требованіе, а именно: не писать и не предпринимать ничего безъ моего вѣдома. Если же вы попытаетесь войдти въ какія бы то ни было тайныя сношенія съ вашими, и если ваши будутъ писать къ вамъ что-либо недолжное, то я не пожалѣю васъ, не пощажу даже дѣтей вашихъ, а уничтожу васъ всѣхъ такъ, какъ я уничтожилъ десятерыхъ русскихъ плѣнныхъ офицеровъ за то, что они получили записку, запеченную въ хлѣбѣ: хитрость ихъ была открыта, и я всѣмъ имъ приказалъ отрубить головы. Еще можетъ для васъ служить примѣромъ одна молодая дѣвушка, графиня, которая должна была выйдти замужъ въ Ставрополѣ, но была захвачена въ плѣнъ моими людьми. Эта дѣвушка давно могла бы быть выкуплена, но я, несмотря ни на какія предложенія ея родныхъ, до-сихъ-поръ оставляю ее въ неволѣ, потому-что недоволенъ ея строптивостью и неповиновеніемъ (*). То же самое можетъ случиться и съ вами. Берегитесь...

Шамиль кончилъ длинную свою рѣчь и ожидалъ отвѣта; но плѣнницы не знали, которой изъ нихъ рѣшиться отвѣчать. Княгиня Анна Ильинична не хотѣла говорить ни слова, потому-что чувствовала въ себѣ негодованіе на Шамиля за его недостойныя угрозы. «Говори ты» сказала она сестрѣ. И княгиня Варвара Ильинична поднялась съ пола, приблизилась къ дверямъ и отвѣчала:

(*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ княгинями впослѣдствіи, никакой ставропольской графини въ плѣну у Шамиля не было, и потому разсказъ его о ней должно считать дипломатическимъ вымысломъ.

— Намъ не нужны угрозы; мы и безъ того ничего не сдѣлаемъ противнаго Шамилю. Ни званіе, ни воспитаніе наше не позволяютъ намъ лгать; стало-быть, вы вполнѣ можете положиться на наше честное слово. Что жь касается до писемъ, какія будутъ присылаемы къ намъ, то за ихъ содержаніе мы отвѣчать не можемъ.

На это Шамиль отвѣчалъ:

— Очень-хорошо; но не забывайте, что вы невольницы Шамиля.

Тѣмъ кончилась аудіенція. Шамиль всталъ и ушелъ; казначей унесъ за нимъ стулъ; плѣнницы вздохнули свободнѣе...

Вскорѣ по уходѣ Шамиля, увели изъ комнаты княгинь всѣхъ прочихъ плѣнницъ, приходившихъ видѣться съ княгинями; а нѣсколько позже приходили старшія жены и обѣщали похлопотать, чтобъ плѣнныхъ служанокъ помѣстили тутъ же, въ тѣсной комнатѣ княгинь: этого желали сами княгини, боясь, чтобъ ихъ женщины не затерялись въ какихъ-нибудь дальнихъ аулахъ.

На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ утреннимъ завтракомъ, явились въ комнату плѣнницъ дочери Шамиля: *Написѐтъ*, та самая тринадцатилѣтняя дѣвочка, которую княгини уже видѣли по прибытіи въ сераль; *Патиматъ*, лѣтъ десяти, и очень-похожая на старшую сестру (обѣ онѣ были единокровныя и единоутробныя сестры Джемаль-Эддина, Кази-Махмата и Махмата Шаби, трехъ сыновей Шамиля отъ умершей первой жены), и наконецъ *Нажабѝтъ*, дочь Зайдеты, шестилѣтняя дѣвочка, превосходящая старшихъ сестеръ красотою, но за то совершенно-кривоногая, что̀, однакожь, не мѣшало ей лазить по крышамъ и заборамъ съ истинно-кошачьимъ проворствомъ.

Дѣти не замедлили между собой познакомиться и, какъ дѣти, тотчасъ же отправились во дворъ бѣгать.

День до самаго вечера прошелъ въ разныхъ знакомствахъ и рекомендаціяхъ, давшихъ нашимъ плѣнницамъ возможность узнать почти всѣхъ обычныхъ жителей и жительницъ сераля, а намъ случай познакомить съ ними и нашихъ читателей.

Кромѣ поименованныхъ уже лицъ, въ сералѣ постоянно бывала *Бахтумъ*, мачиха Зайдеты и жена Джемаль-Эддина (воспитателя Шамиля, въ честь котораго то же имя было дано и старшему сыну имама, одному изъ главныхъ героевъ настоящаго разсказа). Бахтумъ не старѣе тридцати-пяти лѣтъ и отличается замѣчательной красотою. При ней находится семнадцатилѣтняя дочь ея, *Бабà*, добрая дѣвушка, скоро-выучившаяся у плѣнницъ говорить

погрузински и доставлявшая имъ, впослѣдствіи, если не всегда вѣрныя, то всегда утѣшительныя извѣстія; очень-хорошенькая, но, къ-несчастью, съ бѣльмомъ на глазу. Въ особомъ отдѣленіи сераля, вмѣстѣ съ старшими дочерьми Шамиля, живетъ *Баху́*, мать умершей жены его и, слѣдовательно, родная бабка всѣхъ его старшихъ сыновей и дочерей, старая, но еще далеко-недряхлая женщина, такъ-что иногда сама печетъ хлѣбъ для всего семейства; не злая и ничѣмъ особенно неотличающаяся. Кистинка *Пана̀*, мать третьей жены Шамиля, миловидной Аминеты, очень-худая и блѣдная женщина, уже немолодая и постоянно-отправляющая обязанности кухарки. *Хаджи-Ребиль*, татарка, воспитательница дочерей Шамиля, не молодая и неблагонамѣренная женщина, также бывала въ сералѣ. *Заинабъ*, жена Юнуса, приближеннаго Шамиля, женщина среднихъ лѣтъ, съ открытымъ, добрымъ лицомъ и съ неизмѣнной улыбкой на губахъ, и *Илйта*, жена казначея Хаджіо, постоянно-держащая своего мужа подъ башмакомъ.

Изъ мужской половины населенія сераля необходимо назвать *Махмата-Шаби*, третьяго сына Шамиля, четырнадцатилѣтняго мальчика, чрезвычайно-красиваго и столько же живаго и шаловливаго; *Салйма*, когда-то взятаго въ плѣнъ съ береговъ Кахетинской Алазани, а теперь оруженосца и тѣлохранителя Шамиля, весьма-преданнаго ему, и очень-способнаго и храбраго человѣка, замѣчательнаго еще тѣмъ, что Шамиль, желая навсегда и покрѣпче привязать его къ своей особѣ, женилъ его на плѣнной тушинкѣ *Тамарѣ*, которая гораздо-старше Салима, но любитъ его безъ памяти и служитъ Шамилю самымъ вѣрнымъ за мужа ручательствомъ, потому-что, изъ любви къ мужу, и вѣчно страшась потерять его, готова донести имаму о малѣйшемъ замыслѣ своего сожителя, еслибъ онъ когда-нибудь рѣшился на бѣгство. Впрочемъ, Салимъ до-сихъ-поръ и не покушался бѣжать изъ своей давнишней неволи: онъ не рѣшился бы оставить дѣтей, которыхъ любилъ очень-нѣжно и которыхъ у него было много.

Наконецъ назовемъ *Лабаза̀на* и *Бей-мирзу*. Первый изъ нихъ походный поваръ Шамиля (честь не малая и должность почетная) и мужъ услужливой Хан-агѝ, съ которою мы уже мимоходомъ познакомились, а второй лезгинъ тоже одинъ изъ преданнѣйшихъ слугъ Шамиля; оба весьма-добрые люди.

Конечно, не въ первые дни по прибытіи въ сераль плѣнницы познакомились со всѣми этими лицами (и множествомъ другихъ

второстепенной важности (*); но мы поспѣшили перечислить ихъ теперь съ тою цѣлью, чтобъ сразу показать читателямъ всѣхъ *дѣйствующихъ лицъ* дальнѣйшаго разсказа, какъ это обыкновенно дѣлается драматическими писателями. То же самое мы сдѣлаемъ и по отношенію къ *мѣсту дѣйствія*, то-есть къ подробному описанію шамилева сераля, хотя и сераль наши плѣнницы узнали гораздо-позже, и притомъ не вдругъ, а постепенно.

Такимъ-образомъ мы значительно облегчимъ и себя и читателей въ дальнѣйшемъ слѣдованіи за приключеніями нашихъ героинь.

Сераль, или внутренній дворъ Шамиля, состоитъ изъ большаго продолговатаго четыреугольника, почти-пустаго внутри, и сплошь-застроеннаго по краямъ. Площадь внутренняго двора приблизительно заключаетъ въ себѣ около 50-ти квадратныхъ шаговъ, если считать отъ *забора* до двухъэтажнаго флигеля. Отъ флигеля до окружающихъ его съ трехъ сторонъ строеній по 12-ти шаговъ во всѣ стороны. Флигель этотъ, окруженный, какъ и всѣ надворныя строенія, узкимъ, на столбикахъ, навѣсомъ, въ родѣ галереи, имѣетъ три комнаты, въ которыхъ чаще всего пребываетъ самъ Шамиль. Отъ флигеля въ двѣ стороны проведены по землѣ доски (къ отдѣленіямъ женъ: татарки и кистинки), служащія подмостками на случай грязи. Здѣсь сосредочивается собственно-домашняя жизнь Шамиля. Политическая же, если можно такъ выразиться, или дѣловая жизнь его проходитъ въ кабинетѣ, въ *старомъ* кабинетѣ, расположенномъ сейчасъ направо отъ воротъ. Тутъ имамъ принимаетъ посѣтителей, поучаетъ, творитъ судъ и отдаетъ распоряженія по управленію гражданскому и военному. *Новый* кабинетъ, что̀ налѣво отъ воротъ, только-что отстроенъ или, лучше сказать, пристроенъ къ деревянному полукруглому двухъэтажному помѣщенію казны, и плѣнницамъ еще не было извѣстно спеціальное его назначеніе. Возлѣ стараго кабинета довольно-большая комната для пріѣзжихъ наибовъ и другихъ почетныхъ гостей. Здѣсь они спятъ, здѣсь же и обѣдаютъ. Изъ

(*) Въ составѣ этого *множества* надо замѣтить большое количество дѣвушекъ, плѣнныхъ и туземныхъ, не свыше шестнадцати лѣтъ. Онѣ до шестнадцати лѣтъ остаются въ услуженіи у шамилева семейства, а достигнувъ этого возраста, выдаются непремѣнно за̀мужъ, доставаясь, какъ-бы въ награду тѣмъ изъ мюридовъ, которыхъ Шамиль хочетъ удостоить своей особенной милости.

этой комнаты два маленькія окна: одно во внутренній, а другое во внѣшній дворъ; чрезъ послѣднее иногда имамъ обращается къ народу, собираемому при такихъ случаяхъ на внѣшнемъ дворѣ, а черезъ первое носятъ со двора и подаютъ гостямъ кушанье. Шагахъ въ 12-ти отъ этой *пріемной* комнаты во дворѣ воздвигнутъ сплошной заборъ, котораго единственное назначеніе препятствовать взорамъ гостей проникать во внутренность двора и тѣмъ ограждать его жительницъ отъ посторонней нескромности. Наши плѣнницы назвали эту перегородку *ревнивымъ заборомъ*—и весьма-основательно! Остальныя помѣщенія съ полной ясностью изображены на планѣ, приложенномъ къ этому повѣствованію, и потому мы можемъ уволить себя отъ подробнѣйшаго ихъ описанія. Прибавимъ только, что каждая комната имѣетъ по одному окну и по одной двери; всѣ эти окна и двери выходятъ на галерею, окружающую весь сераль, а потому между комнатами непосредственнаго сообщенія не имѣется; только въ окнахъ комнатъ Шамиля и его женъ есть рамы съ крошечными стеклами; въ каждой комнатѣ стоитъ по камину; надъ флигелемъ Шамиля возведена сушильня для провѣтриванія баранины и говядины, и всѣ эти строенія деревянныя.

II.

Подозрительное участіе. — Лекарка — Сближеніе плѣнницъ съ женами Шамиля. — Посылка. — Посѣтитель. — Письмо. — Бесѣды на галереѣ. — Бюллетень. — Роли трехъ женъ Шамиля.

На слѣдующее, то-есть уже третье утро, встрѣченное плѣнницами въ сералѣ Шамиля, въ комнатку ихъ пришли опять старшія его жены и объявили, что Шамиль разослалъ по всѣмъ своимъ владѣніямъ нарочныхъ съ приказаніемъ отъискивать потерянное дитя княгини Анны Ильиничны, и доставить въ Веденно всѣхъ грудныхъ младенцевъ, которые будутъ найдены безъ матерей, равно какъ и пропавшую женщину Нину.

Плѣнницы изъявили благодарность за такое распоряженіе.

Вслѣдъ затѣмъ жены сообщили еще два извѣстія: что служанки княгинь будутъ къ нимъ приближены и что Шамиль желаетъ видѣть дѣтей своихъ плѣнницъ.

Дѣти немедленно отправились къ Шамилю и возвратились совершенно-счастливыя: они были щедро надѣлены фруктами и кон-

фектами. Жены имама, сопровождавшія дѣтей, разсказали, что повелитель ихъ нашелъ маленькаго Александра очень-слабымъ и предлагаетъ прислать для него лекарку, если на это будетъ согласна княгиня Анна Ильинична. Княгиня согласилась, и на другой же день явилась лекарка, простая горская женщина. Она намазала на тряпку какого-то густаго состава и этотъ пластырь приложила ребенку на желудокъ; потомъ приказала зарѣзать барана и на ночь завернуть ребенка въ свѣжую и теплую баранью шкуру. Уходя, она приказала повторять это ежедневно. Александръ дѣйствительно сталъ поправляться, хотя и медленно. Но, къ-несчастью, въ это же время у него стали прорѣзываться зубы, и появленіе каждаго новаго зуба сопровождалось такими припадками, которые заставляли княгинь отчаяваться за жизнь ребенка.

Шамиль самъ слѣдилъ за ходомъ болѣзни Александра и ежедневно требовалъ его къ себѣ... Княгини увѣрены, что это дѣлалось безъ всякихъ эгоистическихъ видовъ, но не стали бы спорить и съ тѣмъ, кто утверждалъ бы, что въ этомъ вниманіи Шамиля къ больному сыну княгини Чавчавадзе проявлялось эгоистическое желаніе сберечь мальчика, чтобъ имѣть возможность *на сына* вымѣнять *сына*, а за остальныхъ взять деньги... Послѣднее предположеніе получаетъ особую вѣроятность отъ собственныхъ отзывовъ Шамиля, который часто, не скрываясь, выражалъ ту же самую мысль при разныхъ случаяхъ.

Но Александръ не переставалъ хворать. Должно полагать, что главною причиной его упорнаго нездоровья было неудобство въ помѣщеніи. Со времени присоединенія къ княгинямъ ихъ служанокъ, тѣсная ихъ комнатка сдѣлалась еще тѣснѣе. На пространствѣ какихъ-нибудь двухъ квадратныхъ саженъ помѣщалось двадцать-два человѣка! Отъ этого по ночамъ часто невозможно было спать отъ духоты. Ребенка выносили на галерею, но и тутъ онъ спалъ только у кого-нибудь на рукахъ.

Въ слѣдующіе дни плѣнницы были, попрежнему, довольно-часто посѣщаемы старшими женами Шамиля. Онѣ стали приходить безъ церемоніи и безъ всякой другой цѣли, кромѣ желанія посидѣть и поболтать. Бесѣды эти происходили при посредствѣ двухъ переводчицъ: шестнадцатилѣтней дѣвушки, грузинки, взятой въ плѣнъ еще дитятею, и съ-тѣхъ-поръ почти позабывшей родное свое нарѣчіе, и тушинки, женщины лѣтъ тридцати-пяти, которая хотя и была взята взрослою, но, какъ тушинка, тоже не-

вполнѣ владѣла разговорнымъ грузинскимъ языкомъ. Однако, при помощи этихъ женщинъ, собесѣдницы понимали другъ друга. Разговоры ихъ были всегда характеристическіе, то-есть хорошо-рисовавшіе душевныя качества двухъ старшихъ обитательницъ сераля. Шуанетъ разспрашивала болѣе о мужѣ и о семейныхъ обстоятельствахъ княгинь, тогда-какъ Зайдетъ никогда не пропускала случая освѣдомиться о ихъ состояніи, нисколько не скрывая желанія узнать, какой можетъ быть предложенъ выкупъ за плѣнницъ со стороны ихъ родственниковъ. Подобные разспросы, однакожь, ни къ чему ея не приводили, потому что княгини совершенно-справедливо отзывались на нихъ увѣреніемъ, что, по разграбленіи Цинондалъ, онѣ лишились всего своего состоянія.

— Но, можетъ-быть, у васъ гдѣ-нибудь зарыты деньги? настаивала Зайдѣтъ.

— Нѣтъ ничего зарытаго, да у насъ и не зарываютъ, хладнокровно отвѣчали плѣнницы, и тѣмъ обыкновенно оканчивали непріятный для нихъ разговоръ.

Нельзя было не расположиться душою къ той изъ двухъ женщинъ, которая не отягощала и не возмущала плѣнницъ никакими подобными разспросами. Шуанѣтъ въ первое время вообще была видимо-осторожна и болѣе молчала, чѣмъ говорила, какъ-бы для-того, чтобъ лучше изучить нашихъ плѣнницъ. Впрочемъ, эта осторожность не всѣмъ имъ нравилась. Княгиня Варвара Ильинична видѣла въ Шуанетѣ скрытность, а г-жа Дрансé прямо подозрѣвала ее въ коварствѣ. Сравнивая Шуанѣтъ и Зайдѣтъ, француженка отдавала преимущество послѣдней: elle a l'air distingué, говаривала она, хваля ее; но княгиня Анна Ильинична была на сторонѣ Шуанѣтъ, и не ошибалась, какъ мы увидимъ впослѣдствіи.

Такъ прошло недѣли двѣ. Въ этотъ промежутокъ времени къ Шамилю пріѣзжали наибы и Даніэль-султанъ (*). Они останавливались и жили нѣсколько сутокъ въ комнатѣ для гостей, расположенной возлѣ стараго кабинета Шамиля. Имъ прислуживали Лабазанъ, Бей-Мирза и Салимъ, съ которыми мы уже нѣсколько познакомили читателей. Эти люди, во время пребыванія гостей

(*) Бывшій владѣтель Элисуйскаго Ханства и генерал-маіоръ русской службы, впослѣдствіи передавшійся Шамилю, имѣющій въ горахъ большой вѣсъ, но, какъ слышно, совершенно-непользующійся довѣріемъ подозрительнаго Шамиля.

въ сералѣ, носили имъ кушанье, а возвращаясь, всегда передавали нѣсколько лакомыхъ кусковъ княгининымъ служанкамъ, которыя всегда ожидали этого на галереѣ.

Жизнь княгинь (имъ было даже запрещено выходить и на галерею) потекла въ тягостномъ однообразіи терпѣнія и смутныхъ надеждъ. . Какъ вдругъ, однажды поутру, имъ объявили, что на ихъ имя получены вещи отъ родныхъ. Это была великая радость, не столько о полученіи самыхъ вещей, сколько о томъ, что снова достигло до нихъ хоть что-нибудь съ родной стороны. Всякая посылка оттуда олицетворялась для бѣдныхъ страдалицъ въ живые образы потерянныхъ друзей, или превращалась въ цѣлый хоръ живительныхъ воспоминаній...

Вещи, однакожь, были доставлены плѣнницамъ только въ сумерки: цѣлый день наполнился пріятными ожиданіями. Но нельзя выразить словами, что̀ почувствовали княгини при видѣ самой посылки. Каждая изъ нихъ выразила свой восторгъ посвоему: кто плакалъ, кто молился, кто прыгалъ... И чему же онѣ такъ обрадовались? Тутъ были сущія бездѣлицы: чулки, мыло, гребешки, башмаки, полотенца и т. п. Но отъ этихъ бездѣлицъ повѣяло на несчастныхъ всею прежнею ихъ жизнью, всѣмъ ихъ потеряннымъ счастіемъ...

Когда миновало первое увлеченіе радости, плѣнницы захотѣли узнать, кто именно такъ порадовалъ ихъ; но при посылкѣ не было никакого письма. Тутъ недоумѣнія, толки, предположенія... Наконецъ кто-то увидѣлъ на уголкѣ одного изъ присланныхъ носовыхъ платковъ вышитыя буквы L. N., и загадка разгадана. Нетрудно было понять, что французскія буквы означали Louis Nicolay. Обрадованныя плѣнницы и дѣти всѣ хоромъ закричали и сто разъ повторили имя своего родственника, и ужь, конечно, онъ, бывшій виновникомъ столь сильной радости, никакъ не могъ бы предположить, что̀ доставитъ ее такимъ незначительнымъ подаркомъ... Но тутъ дѣло было не въ значительности подарка, а въ неоцѣненной важности воспоминанія...

Дѣтское восхищеніе плѣнницъ возбудило удивленіе въ обитателяхъ сераля. Зайдѣтъ и другія татарки впослѣдствіи спрашивали о причинѣ ихъ шумной радости, но, получивъ объясненіе, не вѣрили ему, потому-что не понимали, какъ можно такъ радоваться *ничтожной*, по ихъ мнѣнію, посылкѣ...

Между вещами, присланными барономъ Николаи, плѣнницы

нашли книгу: «Imitation de Jésus Christ» и чрезвычайно ей обрадовались.

Черезъ недѣлю по полученіи посылки, плѣнницъ извѣстили о пріѣздѣ къ нимъ человѣка изъ Кахетіи. Кто? откуда? спрашивали княгини, но не могли добиться отвѣта до-тѣхъ-поръ, пока, на другой уже день, къ дверямъ ихъ комнаты не подвели Николая, крѣпостнаго человѣка одной изъ сестеръ князя Давида Александровича Чавчавадзе, княгини Е. А. Дадіанъ (*).

Свиданіе плѣнницъ съ Николаемъ продолжалось минутъ съ десять и происходило слѣдующимъ образомъ: ни ихъ, ни его не подпускали близко къ дверямъ; онѣ оставались въ своей комнатѣ, а Николай стоялъ на дворѣ, передъ галереей, въ кругу людей, слушавшихъ и вникавшихъ въ ихъ разговоръ, конечно, съ тѣмъ, чтобъ послѣ обо всемъ донести Шамилю. Поэтому Николай говорилъ немного; онъ только обнадежилъ плѣнницъ извѣстіемъ, что о нихъ будутъ хлопотать, и обрадовалъ положительнымъ свѣдѣніемъ о томъ, что князь Давидъ живъ, здоровъ, и находится въ Тифлисѣ. Съ своей стороны, плѣнницы передали Николаю, чтобъ онъ просилъ хлопотать прежде всего объ освобожденіи дѣтей и больныхъ. Затѣмъ надо было разстаться, и разставанье не обошлось безъ слезъ... Удаляясь, Николай выразилъ удивленіе о необыкновенной худобѣ всѣхъ плѣнницъ, и сказалъ, что онъ съ трудомъ узналъ ихъ.

Здѣсь мимоходомъ должно замѣтить, что черезъ два дня по возвращеніи вѣрнаго слуги изъ Веденно̀ въ Хасаф-Юртъ, было послано первое письмо отъ князя Давида къ Шамилю, и тѣмъ начались переговоры, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ свое время.

Между-тѣмъ Николай былъ еще оставленъ въ Веденно̀, чтобъ получить отъ плѣнницъ отвѣтъ на письмо, привезенное имъ отъ баронессы С. А. Николаи (**). Письмо это было вручено плѣнницамъ чрезъ казначея Хаджіо послѣ свиданія ихъ съ Николаемъ и, вѣроятно, по предварительномъ прочтеніи Шамилю. Съ трепетной радостью прочитали княгини письмо; въ немъ были

(*) *Николай* добровольно вызвался сходить провѣдать плѣнныхъ княгинь, и за этотъ, конечно, опасный подвигъ, впослѣдствіи получилъ свободу отъ своей владѣтельницы.

(**) Урожденной княжны Чавчавадзе, младшей изъ трехъ сестеръ князя Давида.

извѣстія, что князь Давидъ здоровъ, что онъ у нихъ, въ Тифлисѣ (то-есть въ домѣ барона А. П. Николаи, старшаго брата генерал-маiора Л. П. Николаи), что вмѣстѣ съ нимъ и баронесса собирается на-дняхъ въ Хасаф-Юртъ, что въ Москву дали знать роднымъ о несчастіи княгинь, но что отъ отца ихъ (престарѣлаго царевича Ильи Георгіевича) скрыли это событіе, и т. под.

Наши читатели уже знаютъ, что царевичъ умеръ ранѣе, чѣмъ въ Москву пришло извѣстіе о событіи въ Кахетіи; но родственница княгинь не увѣдомляла ихъ о кончинѣ отца, конечно, съ той цѣлью, чтобъ не поразить ихъ, уже и безъ того столько страдавшихъ въ плѣну, новымъ ударомъ... Для этого-то и было сказано, что отъ царевича скрываютъ извѣстіе о плѣнѣ дочерей и внучатъ его... Но этотъ невинный и даже благонамѣренный обманъ навлекъ на плѣнницъ нѣсколько важныхъ непріятностей, которыя впослѣдствіи заставили ихъ думать, что лучше было бы имъ прямо узнать о смерти отца... Казначей и Заiлетъ явились къ княгинямъ съ упреками въ томъ, что будто-бы онѣ обманываютъ Шамиля. «Зачѣмъ вамъ совѣтуютъ скрывать имя отца» говорили они, «если вы не хотите насъ обманывать?» Плѣнницы увѣряли, что въ письмѣ нѣтъ никакихъ подобныхъ совѣтовъ, что тамъ только извѣщаютъ, что *отъ отца* ихъ *скрыли* несчастіе, ихъ постигшее, что это сдѣлали съ цѣлью избавить стараго человѣка отъ печали, которая могла бы приблизить его къ могилѣ, и что, наконецъ, вѣроятно, Шамилю дурно перевели письмо, ими полученное.

Но увѣренія княгинь были напрасны: онѣ были осыпаны упреками и даже угрозами. Тогда плѣнницы потребовали, чтобъ письмо было вторично переведено Шамилю, и притомъ не Индрисомъ, а какимъ-нибудь другимъ переводчикомъ. Казначей отвѣчалъ, что это напрасно, что переводъ письма былъ вѣренъ, потому-что Индрисъ переводчикъ хорошій.

Княгини ожидали серьёзныхъ послѣдствій отъ навлеченнаго на нихъ подозрѣнія, и потому сильно опечалились неимѣніемъ возможности оправдаться.

Тогда въ первый разъ явилась къ нимъ на помощь долго-скрываемая доброта Шуанеты. Она взяла несчастное письмо и отправилась къ мужу. Въ тотъ же день Шамиль потребовалъ другаго переводчика (карабагскаго армянина Шах-Аббаса) и приказалъ ему перевести письмо. Этотъ вторичный переводъ вполнѣ оправдалъ княгинь, но за-то нажилъ имъ мститель-

наго врага въ лицѣ Индриса, который послѣ этого случая получилъ выговоръ и былъ удаленъ отъ переговоровъ. Индрисъ оправдывался тѣмъ, что письмо было неразборчиво написано, но никакія оправданія не могли возвратить ему прежней полной довѣренности его повелителя, и озлобленный перебѣжчикъ затаилъ месть противъ плѣнницъ. За-то съ какою радостью исполнялъ онъ впослѣдствіи свою обязанность, когда ему поручали передавать имъ грозныя велѣнія народнаго совѣта, и когда Шах-Аббасъ, по добротѣ души, отклонялъ отъ себя эти порученія!... Впрочемъ, все это мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь повторимъ здѣсь замѣчаніе плѣнницъ о *народномъ совѣтѣ*.

Учрежденіе это совсѣмъ не такъ ничтожно, какъ полагали бы тѣ, которые по-наслышкѣ знаютъ о деспотизмѣ Шамиля. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить описываемое событіе, во все продолженіе котораго Шамиль *не имѣлъ власти* уменьшить *денежныхъ* требованій за плѣнницъ, хотя самъ не желалъ ничего болѣе, какъ только возвращенія своего сына; народъ, а не онъ настаивалъ о мильйонѣ, и только настойчивое и рѣшительное поведеніе князя Д. Чавчавадзе могло помочь Шамилю склонить свой *народный совѣтъ* къ уступкѣ; да и тутъ полновластный имамъ Чечни и Дагестана былъ принужденъ прибѣгнуть къ святошеству и разнымъ хитростямъ, безъ которыхъ не надѣялся успѣшно подѣйствовать на свой народъ, и которыя мы вскорѣ разоблачимъ передъ нашими читателями.

Возвращаясь къ прерванному разсказу, мы съ удовольствіемъ находимъ нашихъ плѣнницъ въ болѣе-отрадномъ положеніи, чѣмъ прежде. Послѣ исторіи съ письмомъ, вѣѣ онѣ получили большое довѣріе къ Шуанетѣ и уже не расходились между собою въ мнѣніяхъ объ этой женщинѣ. Съ своей стороны, и Шуанѐтъ болѣе-и-болѣе выражала свое расположеніе къ плѣнницамъ. Она чаще-и-чаще стала посѣщать ихъ, тогда-какъ Зайдѐтъ приходила рѣже-и-рѣже Вскорѣ Шуанѐтъ оказала и вторую услугу княгинямъ: она выхлопотала имъ позволеніе выходить изъ душной комнаты на галерею, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобъ никогда не попадаться на глаза Шамилю. Кажется, что это условіе было изобрѣтено близорукой ревностью Зайдѐты безъ всякаго основанія... Но, какъ бы то ни было, плѣнницы строго исполняли предписанное имъ правило, и выходили на галерею только по вечерамъ, когда Шамиль, совершивъ вечернюю молитву, уже заключался въ свою комнату.

На галереѣ для плѣнницъ поставили скамеечку у самыхъ дверей ихъ комнаты, и здѣсь-то, по вечерамъ, предавались онѣ наслажденію дышать свѣжимъ воздухомъ, котораго были лишены въ-теченіе дня. Сюда приходили къ нимъ *на бесѣду* жены и дѣти Шамиля, а иногда и прислуга и просто любопытные... Но чаще другихъ здѣсь проводила свои вечера съ плѣнницами прекрасная Шуанѐтъ. Она уже давно рѣшилась говорить съ ними на русскомъ языкѣ, хотя и съ трудомъ на немъ объяснялась. Это, очевидно, было дѣлаемо съ той цѣлью, чтобъ избавиться отъ *свидѣтеля* въ лицѣ переводчицы.

Въ бесѣдахъ своихъ съ княгинями, Шуанѐтъ объясняла имъ нравы и обычаи сераля, разсказывала о своемъ плѣнѣ, о братьяхъ, которые прежде къ ней ѣздили, но которымъ впослѣдствіи это запрещено подъ предлогомъ, будто русское правительство тому противится (*), о своей прежней жизни, о замужствѣ за Шамиля, но болѣе всего о восторженной своей любви къ нему.

Повторимъ, что эти поистинѣ-отрадныя бесѣды обыкновенно совершались поздними вечерами, когда Шамиль отужинаетъ, сотворитъ послѣдній намазъ и уйдетъ къ себѣ, и при этомъ случаѣ прослѣдимъ распредѣленіе часовъ Шамиля и домашнія его обыкновенія.

Просыпается онъ часу въ шестомъ; въ семь часовъ пьетъ чай, обыкновенно съ молокомъ и сдобными булками. Все это приготовляетъ и подаетъ ему Шуанѐтъ. До обѣда занимается одинъ, или принимаетъ своихъ приближенныхъ. Обѣдаетъ въ часъ пополудни. Кушанья, обыкновенно самыя простыя и незатѣйливыя, подаются ему обѣими женами, то-есть Шуанетой и Заидетой. До ужина опять занимается. Ужинаетъ въ девять часовъ; спать ложится въ одиннадцать. По пятницамъ ходитъ въ мечеть.

Изъ этого *бюллетеня*, между-прочимъ, видно, что третья жена Шамиля, семнадцатилѣтняя красавица, кистинка Аминѐтъ, какъ-будто удалена отъ непосредственнаго участія въ услугахъ своему повелителю...

Дѣйствительно, Аминетъ — болѣе прихоть, чѣмъ жена или подруга Шамиля. Трудно опредѣлить настоящія чувства его къ ней, но на дѣлѣ, въ ежедневной жизни сераля, она постоянно является какъ-будто на второмъ планѣ. Несмотря на это, Аминѐтъ все-

---

(*) См. въ приложеніяхъ къ III части *Разсказъ моздокскаго армянина* и т. д.

таки едва-ли не болѣе любима Шамилемъ, чѣмъ старшая его жена, Зайдѣтъ.. Плѣнницы имѣли много случаевъ убѣдиться, что *старшею* считается Зайдѣтъ единственно потому, что она дочь старшаго, или почетнѣйшаго изъ приближенныхъ Шамиля. Легко можетъ быть, что, со стороны Шамиля, связь съ Зайдетой была нѣчто похожее на наши *браки по разсчету*. Черезъ нея, можетъ-быть, онъ хотѣлъ тѣснѣе сблизиться съ отцомъ ея, Джемаль-Эддиномъ; сильнымъ по своему вліянію на народъ и въ то же время, возвысивъ до себя дочь его, воздать ему долгъ признательности, какъ своему воспитателю и учителю...

Но *царицею сердца*, безспорно, должно признать Шуанѣтъ... Нужды нѣтъ, что всѣмъ домомъ, всѣмъ хозяйствомъ сераля деспотически управляетъ скупая и тщеславная Зайдѣтъ... Шуанѣтъ съ удовольствіемъ уступаетъ ей всѣ эти мелочныя заботы, чтобъ самой имѣть болѣе времени заниматься главнымъ: искусствомъ постоянно нравиться своему владыкѣ и постоянно удерживать за собою нѣжнѣйшія чувствованія его сердца. И разсчетъ Шуанѣты вѣренъ. Въ то время, когда Зайдѣтъ, грязная и растрёпанная, гремитъ ключами посреди безчисленныхъ владѣній своей скупой домовитости, и всѣмъ существомъ своимъ погружена въ мелочи обширнаго хозяйства, Шуанѣтъ не занимается ничѣмъ, кромѣ красоты своей, ничего не придумываетъ, кромѣ новыхъ и всегда новыхъ средствъ для развлеченія или утѣшенія мужа, котораго она любитъ глубоко и искренно... Немудрено послѣ этого рѣшить, которая изъ двухъ для него милѣе и привлекательнѣе...

А Аминѣтъ?

Аминѣтъ еще пока не въ силахъ бороться съ такими соперницами: она еще слишкомъ-молода... Но молодость такой порокъ, который иногда лучше всякаго достоинства, да притомъ же и проходитъ безъ особеннаго затрудненія.. Соперницы это понимаютъ и задумываются о своемъ будущемъ...

III.

Два рода любви. — Горе Зайдеты. — Первые переговоры и нелѣпыя убѣжденія. — Поступки старшихъ женъ. — Исторія Аминеты.

Однажды вечеромъ плѣнницы, по обыкновенію, вышли на галерею посидѣть на своей завѣтной скамеечкѣ и отдохнуть, при

лунѣ, отъ жаркаго лѣтняго дня (это было еще въ августѣ); къ нимъ подсѣли старшія жены Шамиля, и между собесѣдницами послѣдовалъ такой разговоръ:

— Вотъ сегодня, начала Зайдѐтъ: — говорила намъ одна женщина, что сынъ ея участвовалъ въ набѣгѣ на Кахетію и былъ въ вашемъ домѣ, а послѣ того разсказывалъ, что они были удивлены богатствомъ и роскошью и не хотѣли вѣрить, чтобъ все это богатство принадлежало одному человѣку.

— Да̀, отвѣчали княгини: — все это было наше; но мы всего разомъ лишились и, право, не будемъ сожалѣть о потерянномъ, если Богъ поможетъ намъ возвратиться къ роднымъ...

— Ка̀къ? подхватила Зайдѐтъ: — такъ вы, стало-быть, надѣетесь получить все, что̀ потеряли?

Княгиня Анна Ильинична поняла всю мѣру жадности Зайдѐты, но удержалась отъ выраженій негодованія и спокойно отвѣчала:

— Я не получу и четверти того, что̀ имѣла; но не буду объ этомъ сожалѣть, потому-что буду жить вмѣстѣ съ дѣтьми и мужемъ.

— Да̀, вы счастливы! У васъ въ семействѣ всегда *одна* жена, а вотъ у насъ такъ...

Тутъ Шуанѐтъ, горячась, прервала Зайдѐту:

— Это правда! сказала она порусски: — здѣсь такой законъ; но я ему охотно покоряюсь, потому-что Шамиль такъ справедливъ и благороденъ, такъ хорошо съ нами обращается, что мы не имѣемъ никакого права жаловаться; а кто это дѣлаетъ, тотъ не умѣетъ цѣнить его. Онъ никакого различія не дѣлаетъ между нами.

Шуанѐтъ хитрила: она очень-хорошо знала, что *она* настоящая жена своего повелителя, а Зайдѐтъ только экономка.

Затѣмъ она продолжала:

— Дѣтей нашихъ онъ любитъ всѣхъ равно. Я была прежде въ Россіи, и хотя была еще очень-молода, однако ужь кое-что̀ понимала. Я изъ большаго семейства, видѣла многихъ и слышала многое... И что̀ жь? Увѣряю васъ, что Шамиль хоть и татаринъ, но, право, лучше иного христіанина.

Княгини съ величайшимъ любопытствомъ внимали этимъ прямымъ, чистымъ проявленіямъ двухъ совершенно-противоположныхъ натуръ, изъ которыхъ одна ограничивалась самымъ узкимъ эгоизмомъ, другая возвышалась до всеоблагороживающей любви...

Въ быту сераля часто встрѣчались подобные разговоры, или сцены, всегда представлявшіе живѣйшій интересъ нашимъ плѣн-

ницамъ и всегда выказывавшія имъ Зайдѐту и Шуанѐту въ полномъ разоблаченіи ихъ душевныхъ качествъ, какъ день и ночь несходныхъ между собою.

Вотъ, напримѣръ, сцена, или даже цѣлое происшествіе, неменѣе-характеристическое:

На другой день послѣ только-что описаннаго разговора, княгини замѣтили, что въ одномъ изъ угловъ внутренняго двора что-то строится (Это былъ новый кабинетъ Шамиля около его казначейства См на планѣ, влѣво отъ воротъ). Зайдѐтъ сказала, что это помѣщеніе для нихъ, тоесть для плѣнницъ, и пригласила ихъ сходить посмотрѣть на постройку. Княгини отправились вмѣстѣ съ своей путеводительницей. Но тутъ Зайдѐтъ таинственно отвела въ сторону княгиню Анну Ильиничну и еще таинственнѣе спросила ее черезъ свою переводчицу (дѣвочку лѣтъ тринадцати):

— Могу ли я съ тобой быть откровенна?

— Я никому не передамъ, что̀ отъ тебя услышу, отвѣчала княгиня.

— Послушай! Я больная женщина; вотъ ужь нѣсколько лѣтъ, какъ страдаю послѣ первыхъ родовъ и едва-ли буду еще имѣть дѣтей, а отъ этого съ каждымъ днемъ мое положеніе становится хуже; Шуанѐтъ совершенно завладѣла Шамилемъ...

При этихъ словахъ княгиня порадовалась въ душѣ.

Зайдѐтъ продолжала:

— Но еслибъ у меня родился сынъ, то Шамиль сталъ бы больше любить меня...

Княгиня подумала: «Эта тоже любитъ, но любитъ потатарски, для одной себя, тогда-какъ Шуанѐтѣ дорога̀ добрая слава Шамиля; она любитъ его *для него,* и готова возненавидѣть всякаго, кто хоть немного-дурно отозвался бы о повелителѣ ея сердца.

— Что̀ мнѣ въ томъ, что здѣсь отдаютъ мнѣ всѣ почести, какъ старшей? продолжала Зайдѐтъ: — я чувствую, я вижу, что въ-сущности первенствуетъ Шуанѐтъ... А ка̀къ помочь горю? Есть одно средство; я уже тебѣ о немъ сказала: мнѣ надо имѣть еще дѣтей...

— Но чѣмъ же я тутъ могу помочь тебѣ? съ любопытствомъ спросила княгиня.

— А вотъ чѣмъ: я много лечилась, но никакія лекарства не помогли; наконецъ мнѣ присовѣтовали выписать доктора изъ Россіи. Скажи, что ты больна и что тебѣ нуженъ русскій докторъ:

Шамиль тотчасъ пошлетъ къ вашимъ, а ваши для тебя не откажутъ.

— Нѣтъ, Зайдѣтъ, откажутъ; да и ни одинъ докторъ не согласится сюда пріѣхать, изъ опасенія, чтобъ не погибнуть или не остаться здѣсь навсегда.

— Ну, такъ потреебуй лекарства; напиши, что ты больна моею болѣзнью.

Княгиня согласилась, и дѣло уладилось. За лекарствами, по письму княгини, послали въ Хасаф-Юртъ, и это повторялось нѣсколько разъ. Зайдѣтъ тайно лечилась, и во все время, пока выписывались лекарства, была чрезвычайно-добра и милостива къ плѣнницамъ: увеличила ихъ обѣденныя порціи, чаще давала фруктовъ и не говорила никакихъ непріятностей... И этого уже было довольно отъ Зайдѣты! Но вскорѣ миновали всѣ эти милости. Неизвѣстно, въ какой степени помогло ей леченіе, но только княгини замѣтили, что хорошее обращеніе ея съ ними кончилось какъ-разъ вмѣстѣ съ леченіемъ: порціи опять понемногу сократились, о фруктахъ не было и помину, а при первомъ представившемся случаѣ жадная татарка выказалась во всемъ своемъ душевномъ безобразіи.

Вотъ этотъ случай:

Изъ Хасаф-Юрта пріѣхалъ Мухаммедъ съ письмами отъ князя Д. А. Чавчавадзе къ Шамилю и къ княгинямъ (*). Содержаніе этого перваго посланія къ Шамилю читатели увидятъ въ первой главѣ третьей части нашего разсказа. Изъ письма же, адресованнаго плѣнницамъ, онѣ узнали, что князь Давидъ въ Хасаф-Юртѣ, откуда и послалъ довѣренныхъ людей для начала переговоровъ съ Шамилемъ. Письмо болѣе ничего не заключало и оканчивалось ободреніями. На другой день плѣнницъ вызвали на галерею, гдѣ онѣ и помѣстились на скамеечкѣ. Тутъ представили имъ Мухаммеда, съ братомъ его, Хаджи, и буртунайскаго пятисотеннаго, Хассана, какъ людей довѣренныхъ въ дѣлѣ о выкупѣ. Они сказали княгинямъ о намѣреніи Шамиля требовать за ихъ освобожденіе пять мильйоновъ рублей серебромъ, и спросили, есть

(*) Мухаммедъ — житель мирной деревни Андреевской (близь Хасаф-Юрта), и Хассанъ, пятисотенный буртунайскій, были избраны генерал-майоромъ барономъ Николаи, какъ люди ловкіе и сметливые, для первоначальныхъ переговоровъ о выкупѣ плѣнницъ.

ли возможность со стороны ихъ родственниковъ исполнить такое требованіе.

Княгини отвѣчали, что такой суммы у всѣхъ ихъ родственниковъ вмѣстѣ никогда не было и не будетъ.

— Однакожь, приблизительно, сколько они могутъ дать за васъ? спросили повѣренные.

— Не знаемъ... Думаемъ, что ничего или очень-мало.

Послѣ такого отвѣта казначей Хаджіо, Зайдѣтъ и другіе приближенные Шамиля, бывшіе вмѣстѣ съ повѣренными, принялись доказывать княгинямъ, что за нихъ могутъ заплатить много; спорили, доказывали, но, разумѣется, не пришли ни къ какому результату. Эти споры, убѣжденія и доказательства продолжались на другой и на третій день. Между прочими, болѣе или менѣе нелѣпыми убѣжденіями, было одно очень-оригинальное: княгинямъ принесли листокъ «Русскаго Инвалида» (*) (отъ 6-го или отъ 9-го августа), въ которомъ, между иностранными извѣстіями, сообщалось о какой-то многомильйонной суммѣ, кому-то уплаченной по приказанію англійской королевы Викторіи. При этомъ Хаджіо сказалъ: «Вы видите, что существуютъ же на свѣтѣ такія суммы; если англійская королева имѣетъ мильйоны, то почему же не имѣть ихъ русской царицѣ?»...

— Конечно, русская императрица можетъ имѣть и гораздо-болѣе пяти мильйоновъ, но вѣдь вы взяли въ плѣнъ не ее, а насъ, отвѣчали княгини, внутренно смѣясь и вмѣстѣ досадуя на невѣжество своихъ мучителей.

Отвѣтъ понравился простяку Хаджіо; онъ улыбнулся и хотѣлъ прервать безполезный разговоръ; но тутъ вмѣшалась Зайдѣтъ.

— У васъ въ домѣ, сказала она, обращаясь къ княгинѣ В. И. Орбеліани:—захвачены бумаги, между которыми есть векселя на имя твоего умершаго мужа. Потребуйте, по-крайней-мѣрѣ, для насъ деньги по этимъ векселямъ.

— Деньги эти, по нашимъ законамъ, принадлежатъ наслѣднику моего мужа, то-есть моему сыну Георгію, и потому ихъ не выдадутъ намъ ранѣе совершеннолѣтія Георгія, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична.

(*) «Русскій Инвалидъ» и газета «Кавказъ», не извѣстно какими путями, постоянно получаются въ Веденѣ. Шамилю читаетъ эти газеты переводчикъ Шахъ-Аббасъ. Впослѣдствіи присылали ихъ и плѣнницамъ.

— А! если такъ, то сынъ твой доживетъ здѣсь до совершеннолѣтія, воскликнула Зайдѣтъ, видимо обрадованная, что нашла въ своей изобрѣтательной жадности хорошій отвѣтъ на возраженіе княгини.

Эта злобная выходка озадачила и опечалила всѣхъ плѣнницъ. Княгиня Варвара Ильинична заплакала.

— Что жь ты плачешь? Твой Георгій мальчикъ здоровый: онъ и въ горахъ выростетъ, продолжала жестокая женщина, какъ-бы забавляясь чужимъ огорченіемъ.

Княгини не находили отвѣта, да и не желали продолжать разговора.

Въ тотъ же день, вечеромъ, опять были приведены къ княгинямъ повѣренные, а пришедшіе съ ними Хаджіо и другіе предложили плѣнницамъ написать къ князю Давиду письмо, съ изложеніемъ требованій Шамиля и съ просьбою выполнить ихъ. Княгини написали письмо; его понесли Шамилю и возвратили назадъ, сказавъ, что оно не понравилось. Написали другое—это было одобрено и отослано съ повѣренными, то-есть съ Мухаммедомъ и Хассаномъ.

Вслѣдъ за тѣмъ произошла опять одна изъ тѣхъ сценъ, которыми такъ часто плѣнницы были обязаны Зайдетъ, и въ которыхъ всегда Шуанѐтъ являлась какъ какая-то благодѣтельная фея. Зайдѣтъ возобновила разговоръ о *пяти мильйонахъ* и въ заключеніе взяла находившуюся съ плѣнницами пятилѣтнюю дѣвочку Тэклу и отвела ее въ отдѣленіе тещи и дочерей Шамиля, какъ-бы въ отмщеніе за несговорчивость княгинь. Дѣвочку стали ласкать и внушать ей, что *здѣсь* она будетъ счастливѣе, чѣмъ въ Кахетіи, что здѣсь будетъ всѣмъ *равная*, а тамъ ее сдѣлаютъ служанкой. Разумѣется, дѣвочка ничего не понимала и только плакала. Княгини были возмущены этимъ насиліемъ, въ которомъ, кромѣ оскорбленія для себя, онѣ видѣли страшную для дѣвочки будущность, и наконецъ не хотѣли уступить исламизму христіанскую душу маленькой плѣнницы. Онѣ явно и громко возстали противъ такой несправедливости и позволили себѣ упрекнуть въ ней Шамиля. Тогда Зайдѣтъ вышла изъ себя и закричала на плѣнницъ:

— Какъ смѣете вы возставать противъ имама? Онъ святой человѣкъ, а вы его рабы и невольницы!

Эти слова перевела княгинямъ Шуанѐтъ и тотчасъ же поспѣшила прибавить порусски: «не говорите никогда дурно о Ша-

милѣ: вы поживете здѣсь и увидите, что онъ человѣкъ добрый и справедливый; но онъ долженъ же показать людямъ, взявшимъ васъ, и потому имѣющимъ на васъ всѣ права, что онъ хлопочетъ о ихъ выгодахъ. Притомъ же неосторожно съ вашей стороны говорить такъ смѣло при людяхъ, которые могутъ понять и передать ваши слова въ другомъ смыслѣ».

Княгини успокоились и съ этой минуты ужь окончательно расположились къ Шуанѐтѣ. Неосторожность ихъ не имѣла, однакожь, никакихъ послѣдствій: ихъ, по всей вѣроятности, устранила Шуанѐтъ.

Слѣдующіе дни плѣнницы проводили безъ особенныхъ приключеній, въ однообразномъ ожиданіи отвѣта отъ князя Давида на письма, посланныя къ нему съ Хассаномъ и Мухаммедомъ. Но въ это время съ ними начала понемногу сближаться младшая жена Шамиля, Аминѐтъ, и княгини не безъ удовольствія изучали эту замѣчательную дикарку.

Долго Аминѐтъ какъ-будто уклонялась отъ сближенія съ княгинями. Онѣ только встрѣчали ее мимоходомъ или видѣли издали, въ комнатѣ Шуанѐтъ, вмѣстѣ съ которой она часто работала или пѣла, и пѣла очень-пріятнымъ голоскомъ свои полузабытыя кистинскія пѣсни; иногда же находили ее въ кругу дѣтей, съ которыми она взапуски бѣгала, прыгала или лазила на крышу, откуда, порой, очень-долго и очень-задумчиво смотрѣла въ даль, быть-можетъ, въ сторону своей родины. Но наконецъ мало-помалу Аминѐтъ получила охоту бесѣдовать съ плѣнницами и незамѣтно сблизилась съ ними. Это дитя природы выказало плѣнницамъ много ума, но еще болѣе чувства, нѣжности и какого то ребяческаго простосердечія, привлекательнаго и иногда трогательнаго. Аминѐтъ понимала свое положеніе, но покорялась ему съ безпечностью; никому не завидовала и никого, кромѣ Заидѐтъ, не ненавидѣла, да и той всегда прощала съ истиннымъ великодушіемъ. Однажды, когда въ комнатѣ плѣнницъ не было старшихъ женъ Шамиля, вотъ что̀ разсказала она имъ о своемъ положеніи:

— Я всѣмъ обязана Шамилю. Въ плѣнъ я была взята маленькая, и привезли меня прямо къ нему въ домъ. Мы были почти одних лѣтъ съ его сыномъ, Кази-Махматомъ, играли и росли неразлучно, и мнѣ было недурно, хоть я и не переставала думать, что когда-нибудь возвращусь на родину къ сестрамъ и матери. Но когда я выросла, эта надежда навсегда рушилась, по-

тому-что Шамиль взялъ меня къ себѣ въ жены. Тогда я стала хлопотать о томъ, чтобъ ко мнѣ по-крайней-мѣрѣ привезли мать мою изъ Кистетіи. Шамиль согласился и исполнилъ мое желаніе. Кази-Махмата тоже вскорѣ женили и послали въ свое наибство. Я осталась одна... то-есть не одна, потому-что здѣсь очень-много народа, но только я ни съ кѣмъ ужь не могла такъ сблизиться, какъ мы были отъ самаго дѣтства близки съ Кази-Махматомъ... Зайдету я не люблю: она скупая, ревнивая, злая женщина во всѣхъ отношеніяхъ. Всего ей мало. Весь домъ порученъ ей, но никто ей не угодитъ; на всѣхъ она жалуется. Шуанету люблю; да и кто же ея не любитъ? она всѣмъ дѣлаетъ добро; сама не вмѣшивается ни въ хозяйство, ни въ домашнія дрязги, а хлопотать и ходатайствовать готова за всѣхъ. Но и съ нею дружбы у насъ нѣтъ: она гораздо-старше меня, и мы какъ-то не во всемъ сходимся. А Нанисѐтъ слишкомъ-молода для меня. Такъ вотъ я все больше и живу сама съ собою...

— А мужъ? а Шамиль? спросили княгини.

— Шамиль? Я какъ-то все еще не привыкну къ нему, будто все чего-то боюсь при немъ... вздохнувъ, заключила Аминѐтъ.

Откровенность прекрасной кистинки очень-многое изъ жизни сераля разъясняла княгинямъ, а во многомъ утверждала ихъ собственныя догадки и заключенія.

Въ другой разъ Аминѐтъ разсказывала плѣнницамъ о нравахъ, обрядахъ и обычаяхъ народа, посреди котораго ей суждено вести свою невеселую жизнь. Такимъ-образомъ княгини могли бы сообщить и намъ много любопытнаго о тамошнихъ свадьбахъ, похоронахъ и т. п., но, къ-сожалѣнію, наши плѣнницы не удержали въ своей памяти разсказовъ Аминѐты съ тѣми подробностями, которыя необходимы для вѣрнаго и интереснаго ихъ описанія.

IV.

Роды въ сералѣ. — Пріѣздъ Кази-Махмата. — Новости. — Второй пріѣздъ Мухаммеда. — Домашнія происшествія. — Пріѣздъ Захара. — Обрядъ именованія и праздникъ байрама. — Свиданіе съ плѣнниками. — Продѣлки съ казначеемъ и нѣсколько размышленій автора.

29-го августа заболѣла Шуанѐтъ, а 30-го у нея родилась дочь. Шамиль нѣсколько разъ навѣщалъ свою любимицу, иногда вхо-

дилъ къ ней въ комнату, иногда же только подходилъ къ дверямъ, и черезъ двери спрашивалъ о здоровьи. Аминётъ не отходила отъ больной; но Зайдётъ навѣщала ее рѣдко и негодовала на то, что Шамиль *слишкомъ* о ней безпокоился. Шамиль дѣйствительно былъ встревоженъ положеніемъ Шуанеты, которое послѣ родовъ приняло опасный оборотъ. Было время, когда и всѣ въ домѣ, и даже Зайдётъ, раздѣляли безпокойство Шамиля за Шуанету. Въ общей суматохѣ, Зайдётъ однажды прибѣжала въ комнату плѣнницъ и очень-важно имъ объявила :

— Увасъ, вѣроятно, есть какія-нибудь *нехорошія* вещи, которыя вредятъ намъ : часы, напримѣръ, или что-нибудь подобное. Поэтому не выходите на галерею до-тѣхъ-поръ, пока не поправится Шуанётъ...

Это суевѣрное наставленіе было не совсѣмъ такъ нелѣпо, какъ сначала показалось плѣнницамъ. Онѣ скоро догадались, что въ немъ скрывается прежнее опасеніе Зайдеты, а именно, чтобъ Шамиль, часто ходившій мимо нихъ въ комнату Шуанеты, какъ-нибудь не увидѣлъ ихъ поближе и не получилъ къ нимъ болѣе расположенія, чѣмъ сколько слѣдовало по разсчетамъ Зайдеты.

Плѣнницы покорились безразсудной волѣ и снова заперли себя на нѣсколько дней въ душной комнатѣ.

Въ это время по сералю разнесся слухъ, что пріѣхалъ Кази-Махматъ. Со внѣшняго двора доносились до плѣнницъ звуки привѣтственныхъ выстрѣловъ. Внутри сераля все пришло въ восторгъ, выражавшійся шумомъ, бѣготней и всеобщимъ движеніемъ. Служанки княгинь побѣжали къ воротамъ и, возвратясь, разсказывали, что на первомъ или внѣшнемъ дворѣ толпа народа окружила пріѣзжаго и цаловала пòлы его одежды. Но вотъ отворились ворота, и Кази-Махматъ, верхомъ, въѣхалъ во внутренній дворъ. Онъ направился прежде всего къ отдѣленію своей бабушки, Баху́, остановилъ коня у ея галереи, спѣшился и побѣжалъ въ комнаты. Черезъ минуту въѣхалъ въ ворота его слуга, молодой мальчикъ, съ вьюкомъ. Впослѣдствіи княгини узнали, что этотъ мальчикъ, любимецъ Кази-Махмата, былъ изъ плѣнныхъ, родомъ армянинъ, а звали его *Муслӣнъ*.

Княгини еще въ Похальской Башнѣ имѣли случай видѣть Кази-Махмата; но въ то время имъ было не до того, чтобъ обратить особенное вниманіе на *наслѣдника* Шамиля. Теперь же онѣ имѣли возможность хорошо разсмотрѣть его. Это былъ молодой человѣкъ около двадцати лѣтъ, бѣлокурый, рябоватый, съ крупными и слиш-

комъ-рѣзкими чертами лица, но высокій, тонкій, стройный и очень-ловкій. Онъ, какъ мингрельцы, сопровождаетъ всѣ свои слова нѣсколько-изысканными жестами, но эти ненатуральныя движенія идутъ къ нему, потому-что въ нихъ у него проявляется много природной граціи.

Пока Муслимъ развьючивалъ лошадей и ставилъ ихъ на конюшню, Кази-Махматъ вышелъ отъ бабушки и, повстрѣчавъ казначея, вмѣстѣ съ нимъ отправился къ отцу. Пробывъ тамъ недолго, онъ прошелъ черезъ дворъ къ дверямъ Шуанеты и освѣдомился о ея здоровьи, а оттуда опять воротился въ отдѣленіе бабушки и сестеръ, гдѣ и оставался до вечера; вечеромъ снова пошелъ къ отцу и, вмѣстѣ съ нимъ, ходилъ молиться въ мечеть (*).

Во время ихъ отсутствія, Аминѐтъ, очень-довольная и веселая, прибѣжала къ плѣнницамъ и пригласила ихъ послушать, какъ поютъ люди Кази-Махмата. Княгини вышли на галерею, сѣли на скамеечку и слушали отсюда горскихъ пѣвцовъ, которые расположились въ комнатѣ Махмата-Шаби и голосили хоромъ *Ляилляхй-иль-алла* — единственную, позволенную мюридамъ пѣсню. Напѣвъ ихъ былъ гораздо-пріятнѣе, чѣмъ мѣстный, который княгини слышали почти каждый день, и которому вскорѣ научились дѣти княгини Анны Ильиничны, такъ-что не забыли его и до-сихъ-поръ. Занимательно видѣть и слышать этихъ малютокъ-христіанокъ, когда онѣ затягиваютъ хоромъ священный припѣвъ злѣйшихъ враговъ христіанства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Кази-Махмата пріѣхалъ тесть его, Даніэль, султанъ элисуйскій, и съ нимъ нѣсколько наибовъ. Они обыкновенно составляли *верховный совѣтъ* Шамиля и на этотъ разъ съѣхались именно для совѣщаній. Салимъ, прислуживавшій имъ, передалъ плѣнницамъ, что дѣло идетъ о нихъ, но въ чемъ именно состоятъ совѣщанія—сказать не могъ, потому-что и самъ не зналъ хорошенько. Съ пріѣздомъ Даніэль-султана, княгини узнали, что такъ-какъ во время нападенія на Кахетію, князь Д. А.

(*) Въ мечеть они обыкновенно ходили по пятницамъ. Въ это время Шамиль всегда надѣваетъ на себя все бѣлое, или все синее, или все зеленое (исключая чалмы); а жены его бѣгаютъ къ *ревнивому* забору, чтобъ оттуда, черезъ щель, посмотрѣть на его торжественный выходъ на молитву. Когда же онъ уйдетъ, тогда Шуанѐтъ принимается убирать его спальню, а Аминѐтъ вытрясаетъ ковры и производитъ уборку кабинета.

Чавчавадзе защищалъ Шильды, то Шамиль на его счетъ отзывался почтительно и говорилъ, что онъ и во врагахъ высоко цѣнитъ храбрость. На этомъ основанiи Салимъ увѣрялъ княгинь, что теперь съ ними, вѣроятно, будутъ еще лучше обращаться. Но это предположенiе ничѣмъ не подтвердилось впослѣдствiи.

Вскорѣ вторично прiѣхалъ Мухаммедъ изъ Хасаф-Юрта. Ему было приказано видѣть всѣхъ плѣнницъ и отдать имъ письма и десять рублей денегъ (*). Плѣнницъ вывели во дворъ, чтобъ показать Мухаммеду. Онъ и переводчикъ Шах-Аббасъ были поражены перемѣною, замѣченною ими теперь въ плѣнницахъ—такъ онѣ снова похудѣли и измѣнились!

Письмо князя Давида заключало въ себѣ извѣщенiе, что онъ дѣятельно хлопочетъ о сынѣ Шамиля (Джемаль-Эддинѣ), но что до-сихъ-поръ надежды на успѣхъ мало.

Кромѣ этого, было еще отъ князя письмо *(второе)* къ Шамилю (**) и нѣсколько писемъ къ княгинямъ отъ ихъ родственниковъ. Въ этихъ послѣднихъ были утѣшенiя, доказательства горячаго участiя, и ничего особенно-замѣчательнаго.

Жизнь плѣнницъ потекла прежнимъ порядкомъ, разнообразясь лишь неважными *домашними* происшествiями. Такъ, напримѣръ, въ ночь съ 10-го на 11-е сентября, одна изъ бывшихъ съ княгинями женщинъ, взятая въ плѣнъ въ-состоянiи беременности, почувствовала приближенiе родовъ. Кухарка, находившаяся при плѣнницахъ, побѣжала разбудить Зайдѐтъ. Зайдѐтъ явилась немедленно съ своей переводчицей, приказала дать постель для родильницы и послала за повивальной бабкой (изъ плѣнныхъ грузинокъ). Родильница долго страдала. На разсвѣтѣ прибѣжала Аминѐтъ (она никогда не ходила, а всегда бѣгала), узнала въ чемъ дѣло, тотчасъ же отправилась къ Шуанетѣ и привела бабку-татарку, которая за нѣсколько дней повивала дитя Шуанеты. Въ полдень родился прелестный мальчикъ, и въ то же время во дворѣ раздался выстрѣлъ: горцы радовались рожденiю *мальчика*, считая это хорошимъ предзнаменованiемъ для дома. Въ тотъ же

(*) Болѣе десяти рублей послать было бы неблагоразумно, да и безполезно, потому-что *большiя* деньги по всей вѣроятности, не дошли бы по назначенiю.

(**) Содержанiе этого письма изложено въ первой главѣ *третьей* части нашего разсказа.

день зарѣзали и изжарили жирнаго барана и прислали его плѣнницамъ.

На другой день плѣнницы увидѣли Шуанѐтъ. Она выдержала десяти-дневный карантинъ и поспѣшила посѣтить своихъ случайныхъ пріятельницъ. Княгини въ этотъ разъ изумились красотѣ своей гостьи: она немножко похудѣла и поблѣднѣла, но эта худоба и блѣдность неимовѣрно шли къ ней, дѣлая ее томною и, какъ у насъ говорятъ, интересною. Всѣ плѣнницы въ одинъ голосъ поздравили съ этимъ Шуанету; Заидѐтъ, слышавшая поздравленія, сжала свои тонкія губы, вѣроятно, ужь не отъ удовольствія, а Шуанѐтъ немножко смутилась и сказала:

— Но ребенокъ мой очень-дуренъ: такой маленькій, худенькій... Шамиль хочетъ, чтобъ я сама его кормила (*), но у меня нѣтъ молока. Что̀ тутъ дѣлать? Я измучилась; не сплю по ночамъ отъ безпокойства...

— Если такъ, то ты должна взять кормилицу, замѣтили княгини.

— *Въ домъ къ намъ ни одна не пойдетъ*, а въ чужіе люди я отдать ребенка не хочу.

— Будутъ его носить къ себѣ.

— Да̀, если онъ будетъ здоровъ, а заболѣетъ, такъ я ужь его не увижу. Вы, вѣдь, знаете, что *изъ сераля мы выходить не можемъ ни подъ какимъ предлогомъ*.

Послѣ этого разговора Шуанѐтъ оставила княгинь весьма-озабоченная; но вскорѣ онѣ узнали, что дѣло ся устроилось: она взяла въ кормилицы *Хан-агу́* (жену Лабазана), и татарка стала кормить ребенка ночью, а Шуанѐтъ днемъ.

Всѣ эти мелочныя подробности быта въ сералѣ очень интересовали нашихъ плѣнницъ своей новизною и оригинальностью; но вскорѣ имъ сдѣлалось не до наблюденій: захворала княгиня Анна Ильинична. Тёща Шамиля, старушка *Баху́*, пришла вмѣстѣ со старшими женами навѣстить больную. Онѣ положили совѣтомъ удалить отъ княгинь половину ихъ многочисленной прислуги, чтобъ черезъ это убавить тѣсноту въ комнатѣ и сдѣлать ее менѣе-душною. Но служанки испугались такого распоряженія: онѣ боялись *затеряться* въ аулѣ, и потому со слезами и рыданіями

(*) Это желаніе Шамиля объяснялось интригами Заидѐтъ, которая хотѣла, чтобъ у Шуанеты *подольше* не было дѣтей съ этого времени.

стали умолять, чтобъ ихъ не разлучали съ княгинями. Княгини сами присоединились къ нимъ и упросили оставить всѣхъ попрежнему.

Около этого времени пріѣзжалъ въ Ведено *Захаръ*, человѣкъ князя Гр. Орбеліани (*). Умѣя говорить почеченски, онъ успѣлъ испросить себѣ позволеніе посѣтить княгинь. Его допустили. Онъ видѣлъ страшную тѣсноту, въ которой жили плѣнницы, и дурную пищу, которою ихъ кормили. Въ письмахъ, привезенныхъ Захаромъ отъ родныхъ плѣнницъ, были обыкновенныя ободренія, подавалась сомнительная надежда—и болѣе ничего.

Вечеромъ того же дня княгинямъ сказали, что князь Давидъ предлагаетъ за нихъ Шамилю четыре *азаріи*. Княгини не понимали этого слова и потому остались въ прежней неизвѣстности относительно своего выкупа (**).

Захаръ уѣхалъ съ отвѣтными письмами отъ плѣнницъ и отъ Шамиля.

Для плѣнницъ снова наступили дни грустныхъ ожиданій и мелочныхъ развлеченій: то развлекалъ ихъ обрядъ *именованія* новорожденной дочери Шуанеты, то были онѣ свидѣтельницами мусульманскаго праздника *байрама*, то утѣшались дѣтской наивностью Аминѐты, то участвовали въ важномъ событіи: въ прогулкѣ, единственной во все время ихъ заключенія, прогулкѣ по аулу, и т. д.

Но разскажемъ все это попорядку.

Именованіе дочки Шуанеты сопровождалось нѣкоторой торжественностью. Съ утра въ сераль прибыли почетныя *дамы* аула, то-есть *наибши*, или жены наибовъ. Онѣ собрались въ комнатѣ Шуанеты. Потомъ казначей Хаджіо прочиталъ надъ дѣвочкой какія-то молитвы изъ Курана и наименовалъ ее *Сайдетой*. Затѣмъ начался женскій пиръ: наибши и жительницы сераля ѣли баранину, рисъ и разныя сласти. Плѣнницы, разумѣется, въ пиру не участвовали, но за-то имѣли честь при-

---

(*) Генерал-лейтенанта, командующаго войсками въ Прикаспійскомъ Краѣ и Дагестанѣ, и роднаго брата покойнаго мужа княгини Варвары Ильиничны.

(**) Вѣроятно, лезгинская *азарія* равняется нашимъ 10,000, потому что князь Давидъ предлагалъ 40,000, и Лезгины называли эту сумму *четырьмя* азаріями.

нимать посѣщенія *наибъ*, которыя смотрѣли на княгинь съ видомъ необычайнаго любопытства.

Приближался великій праздникъ байрама. Къ празднику пріѣхалъ и Кази-Махматъ, который послѣ перваго пріѣзда оставался недолго. Въ этотъ разъ наслѣдникъ дагестанскаго имама жилъ въ Веденò гораздо-долѣе, но, къ-сожалѣнію, опять пріѣхалъ безъ жены, о которой плѣнницы слышали много хорошаго. Онъ занимался верховой ѣздой, или упражнялъ молодыхъ юношей въ стрѣльбѣ и джигитовкѣ, разумѣется, не на внутреннемъ дворѣ, а въ аулѣ. Это были, вѣроятно, чеченскіе манёвры.

Во все время пребыванія Кази-Махмата въ сералѣ, княгини не могли налюбоваться Аминѣтой—тамъ была она постоянно весела, игрива и счастлива. Причину угадать нетрудно: она ежедневно видѣлась съ другомъ своего дѣтства... Какъ-то утромъ ходила она къ старой Баху, гдѣ останавливался и жилъ Кази-Махматъ, пробыла тамъ довольно-долго и воротилась съ работой, за которую принялась съ величайшимъ восхищеніемъ. Оказалось, что Кази-Махматъ далъ ей починить свои желтые *чевяки* (башмаки) и кое-что изъ своей одежды. Въ другой разъ, въ отсутствіе Шамиля, она прибѣжала за княгинями и потихоньку повела ихъ въ кабинетъ его. Со страхомъ и трепетомъ рѣшились княгини на это похожденіе, но любопытство превозмогло всѣ опасенія. Въ комнатѣ Шамиля княгини видѣли прекрасные ковры и много книгъ, а Аминѣтъ показала имъ два пистолета въ грузинской серебряной оправѣ и въ суконныхъ чехлахъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Болѣе ничего замѣчательнаго не было. Аминѣтъ унесла одинъ чехолъ, въ комнатѣ плѣнницъ сняла съ него узоръ и выкройку, отнесла на свое мѣсто, и въ тотъ же день принялась за шитье и вышиванье. Она готовила чехлы въ подарокъ Кази-Махмату... Но впослѣдствіи эта любезность оказалась почему-то неудобною для исполненія, и великолѣпные чехлы были отосланы къ брату...

Наступилъ день *байрама*. Во дворъ привели множество быковъ и барановъ. Жители сераля столпились на срединѣ двора, въ своихъ лучшихъ одеждахъ. Наконецъ вышелъ Шамиль и, торжественно приблизившись къ народу, прочиталъ молитву и самъ зарѣзалъ одного барана. Это было сигналомъ страшной рѣзни, за которую съ замѣтной охотой принялись его приближенные. Море крови разлилось по большой площади двора. Но вскорѣ все это было мгновенно прибрано и очищено. Мясо, посоливъ,

развѣсили на крышѣ флигеля. Тутъ особенно Зайдѐтъ была въ своей сферѣ.

Пиръ происходилъ на другомъ, *внѣшнемъ* дворѣ. Мясо поглощалось въ огромномъ количествѣ, но вина, разумѣется, не было: его замѣняли медъ, сыта и буза. Плѣнницамъ тоже принесли пропасть мяса вареннаго, жаренаго и даже сыраго, которое онѣ должны были варить въ своемъ каминѣ (*).

Въ этотъ день были приглашены на обѣдъ даже и плѣнники. Изъ нихъ простолюдиновъ угощали на дворѣ, а князья обѣдали въ комнатѣ для гостей, въ той самой, изъ которой окно выходило на внутренній дворъ, и которая иначе называлась *кунацкою* (то-есть дружескою, отъ слова *кунакъ* — другъ). Одинъ изъ слугъ сказалъ княгинямъ: «Ваши грузины обѣдаютъ въ кунацкой; если хотите, можете ихъ видѣть». Княгини поспѣшили къ окну (**); сердце въ нихъ сильно билось отъ страха: что̀ если узнаютъ Шамиль или Зайдѐтъ? Но страхъ покорился любопытству и участью къ товарищамъ несчастія, и княгини привѣтствовали ихъ черезъ окно:

— Вы живы? Всѣ живы? спросили онѣ.

— И вы живы? Слава Богу! Слава Богу! Мы часто о васъ слышимъ, но не знаемъ, справедливы ли слухи, отвѣчали обрадованные плѣнники. Тѣмъ и кончилось свиданіе, которое продолжать было бы слишкомъ-опасно. Пожелавъ другъ другу всего лучшаго, плѣнники и плѣнницы разстались.

Возвращаясь къ себѣ въ комнату, княгини съ состраданіемъ говорили о перемѣнѣ, найденной ими въ физіономіяхъ князя И. Чавчавадзе и князя Вачнадзе: первый изъ нихъ страшно похудѣлъ, а второй обросъ густою бородою. Вѣроятно и плѣнники нашли не болѣе-утѣшительную перемѣну въ княгиняхъ.

Послѣ байрама прошло еще нѣсколько времени безъ всякаго

(*) Кромѣ скудной пищи, доставлявшейся княгинямъ отъ Зайдеты, онѣ покупали, когда могли, для себя особую провизію и приготовляли ее въ томъ же каминѣ. За курицу платили онѣ обыкновенно по 10 коп. сер.

(**) Когда въ *кунацкую* пріѣзжали какіе-нибудь наибы, то Зайдетъ и Шуанетъ точно такъ же подкрадывались къ крутому окну, чтобъ посмотрѣть на пріѣзжихъ. Аминетъ и Написетъ слѣдовали тому же примѣру.

улучшенія въ положеніи плѣнницъ. Зайдѣтъ попрежнему мучила ихъ то голодомъ, то непріятными разговорами; Шуанѣтъ и Аминѣтъ попрежнему приходили съ словами дружбы и расположенія. Аминѣтъ особенно подружилась съ княжной Баратовой, и иногда вмѣстѣ съ нею проказничала такъ, что княгини смѣялись отъ души ихъ шалостямъ и въ эти минуты забывали о своемъ грустномъ положеніи. Въ-особенности занимательны были продѣлки княжны съ простякомъ и святошей Хаджіо. Пользуясь его особеннымъ къ ней расположеніемъ, княжна позволяла себѣ жестокія съ нимъ шутки: она какъ-то узнала, что всякій добрый мюридъ долженъ всего болѣе избѣгать прикосновенія къ *нечистой* женщинѣ, то-есть къ женщинѣ христіанкѣ; если же съ мюридомъ случится подобное несчастіе, то, по закону, онъ долженъ семь разъ совершить омовеніе послѣ каждаго такого оскверненія. На этомъ основаніи (и, вѣроятно, по наущенію Аминѣты) княжна заставляла почтеннаго казначея разъ по двадцати въ день совершать омовеніе: завидѣвъ его гдѣ бы то ни было, она подкрадывалась къ старику и прикасалась къ нему рукою. Старикъ смущался, плевалъ, приходилъ въ ярость, но все-таки отправлялся мыться. Кончилось тѣмъ, что онъ сталъ бояться княжны какъ огня, околицами обходилъ тѣ мѣста, откуда могъ ожидать ея появленія, озирался во всѣ стороны и былъ въ постоянномъ, очень-забавномъ страхѣ. Несмотря на это, онъ ежедневно являлся къ плѣнницамъ узнать о ихъ здоровьи. Впрочемъ, это дѣлалъ онъ по приказанію Шамиля и, слѣдовательно, боязнь встрѣтить княжну превозмогалась въ немъ болѣе-сильнымъ опасеніемъ: подвергнуться гнѣву своего повелителя.

При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на ту разницу, которую мы встрѣчаемъ между нынѣшнимъ домашнимъ бытомъ и домашними правами Шамиля, и тѣми нравами, какіе мы встрѣчали лѣтъ 10 или 12 назадъ. Невозможно не замѣтить значительнаго смягченія. Какимъ образомъ произошло оно — это другой вопросъ, который мы не беремся разъяснять. Быть-можетъ, собственная зрѣлость Шамиля, быть-можетъ, вліяніе на него женщины, какова была и есть Шуанѣтъ, быть-можетъ, наконецъ, невидимое, такъ-сказать, *вліяніе* духа просвѣщенной жизни, который проникаетъ даже и въ недоступные вертепы закоснѣлаго, невѣжественнаго изувѣрства были причинами замѣченнаго нами явленія, но не замѣтить его невозможно всякому, кто читалъ хоть, напримѣръ, ужасающій разсказъ рус-

скаго офицера (*), бывшаго въ плѣну у Шамиля въ 1842 году. Нынче видите вы этого предводителя изувѣровъ въ болѣе или менѣе человѣческомъ образѣ, слышите отъ него человѣческія рѣчи. Вокругъ него встрѣчаете людей добрыхъ, несовершенно-подавленныхъ деспотизмомъ, и даже, что̀ всего удивительнѣе, не только преданныхъ ему по побужденію фанатизма, но любящихъ его искренно и нѣжно, какъ человѣка.

Ничего подобнаго только за двѣнадцать лѣтъ назадъ!...

Если существуютъ какія-нибудь добрыя вліянія на этихъ людей и на эту страну закоснѣлаго варварства, то, изъ любви къ человѣчеству, нельзя не молить Провидѣніе, чтобъ оно сохранило и усилило эти вліянія. Но Провидѣніе, быть можетъ, уже само печется объ этомъ. Быть-можетъ, не безъ великой и мудрой цѣли вкоренило оно въ душу изувѣра-отца желаніе возвратить къ себѣ сына, просвѣщеннаго русскимъ образованіемъ; быть-можетъ, возвращеніе этого юнаго представителя просвѣщенія, совершившееся такъ странно и такъ неожиданно, послужитъ новымъ и сильнымъ двигателемъ ко всему лучшему для народа, омраченнаго невѣжествомъ; быть-можетъ... Но воздержимся отъ утѣшительныхъ предположеній, предоставимъ будущее тому, кто имъ располагаетъ, и возвратимся къ... увы! еще къ грустному настоящему...

V.

Свои непріятели. — Прогулка. — Походъ. — Портретъ Шамиля. — За чашкой чая. — Подарки и обиженная Аминѣтъ. — Махматъ-Шаби. — Пріѣздъ Оскара. — Возвращеніе изъ похода. — Письма. — Индрисъ. — Свиданіе съ Оскаромъ.

Княгини терпѣли много непріятнаго отъ своихъ служанокъ, которымъ онѣ такъ охотно жертвовали и своими удобствами и своимъ спокойствіемъ. Эти женщины позволяли себѣ иногда несправедливыя и даже грубыя сѣтованія, а иногда общему дѣлу освобожденія вредили своею неосторожностью въ разговорахъ.

(*) Это разсказъ покойнаго князя И. Орбеліани, который мы помѣстили въ отрывкахъ, въ концѣ этого повѣствованія, въ третьемъ приложеніи.

Разскажемъ случай, въ которомъ ихъ безразсудство и неделикатность проявились рѣзкимъ образомъ.

Кромѣ той плѣнной служанки, которая недавно родила мальчика, въ общей комнатѣ плѣнницъ была еще другая, также въ положеніи беременности, захваченная горцами. Эта женщина приближалась къ сроку родовъ и начала хлопотать, чтобъ ее отпустили на родину, довольно-умно придумавъ предлогъ, которымъ она хотѣла въ свою пользу подѣйствовать на скупую Зайдѐтъ. Она говорила ей, что роды всегда были у нея сопряжены съ тяжкою болѣзнью, что и въ этотъ разъ она будетъ очень-больна и даже, вѣроятно, умретъ, а потому никакой выгоды не будетъ Шамилю, если онъ теперь не отпуститъ ея; что желаніе ея состоитъ только въ томъ, чтобъ умереть на родинѣ, и что, наконецъ, въ залогъ за себя, она готова оставить здѣсь своего шестилѣтняго сына. Зайдѐтъ склонилась на ея убѣжденія, обѣщала хлопотать, а на другой день торжественно объявила, что беременная служанка оцѣнена въ 1000 реблей серебромъ, и что она можетъ ѣхать домой, если надѣется собрать и прислать эту сумму.

Служанка обезумѣла отъ радости и вообразила, что ей ничего не будетъ легче, какъ собрать и внести за себя требуемую сумму, и тѣмъ выручить сына, оставляемаго заложникомъ. Къ-несчастью, она не умѣла считать, и напрасно внушали ей княгини, что достать 1000 рублей ей, простой женщинѣ, дѣло вовсе нелегкое, что мужъ ея не въ состояніи заплатить и ста рублей... ничто не помогало: безразсудная объясняла слова княгинь нежеланіемъ ихъ, чтобъ она освободилась.

— Я отъ васъ, княгиня, этого не ожидала; да и на что̀ я вамъ? говорила она въ истинномъ отчаяніи.

— Богъ съ тобою! вразумляли ее княгини: — мы тебя нисколько не удерживаемъ, но только хотимъ, чтобъ ты сама себя не обманывала. Ну откуда достанешь ты тысячу рублей?

— А Нина Александровна? развѣ она не поможетъ? (*).

— Нина Александровна, вѣроятно, отдастъ все, что̀ имѣетъ, но только для выкупа всѣхъ насъ вмѣстѣ, а не для одной тебя.

— Ну, такъ княгиня Екатерина Александровна (**): вѣдь она владѣтельница Мингреліи...

(*) Грибоѣдова, сестра князя Д. А. Чавчавадзе.

(**) Другая сестра князя Давида Александровича.

Княгини не знали, чѣмъ угомонить безразсудную женщину. Онѣ знали, что приближенные Шамиля слушаютъ и записываютъ каждый разговоръ ихъ, и опасались, чтобъ нескромность служанки не повредила въ ихъ дѣлѣ. Опасенія эти оправдались. Шпіоны узнали, что владѣтельница Мингреліи въ родствѣ съ плѣнницами и, на этомъ основаніи, вскорѣ снова заговорили въ сералѣ о пяти мильйонахъ за ихъ освобожденіе.

Къ великому огорченію служанокъ, но, конечно, къ-счастью и ихъ и злополучныхъ княгинь, строптивость беременной женщины и неугомонность раненой няньки (для которой такъ много перенесли княгини) наскучили всѣмъ въ сералѣ, и вскорѣ послѣдовало распоряженіе Шамиля переселить всѣхъ служанокъ въ аулъ, оставивъ при княгиняхъ только двухъ кормилицъ, няньку Георгія Орбеліани да одну маленькую дѣвочку, по имени Дарью.

Помѣщеніе княгинь сдѣлалось несравненно-просторнѣе и удобнѣе; непріятныя и опасныя сцены съ своими служанками не угрожали имъ болѣе; но другая бѣда: княгини стали безпокоиться за судьбу, постигшую изгнанныхъ. Онѣ воображали, что ихъ женщинъ угнетаютъ и подвергаютъ разнымъ лишеніямъ, и безпрестанно о нихъ освѣдомлялись. Поэтому служанкамъ было позволено навѣщать княгинь, а одинъ разъ Шуанётъ выхлопотала и княгинямъ позволеніе навѣстить своихъ женщинъ, чтобъ лично убѣдиться въ хорошемъ ихъ содержаніи. Была назначена прогулка въ аулъ. Это случилось въ пріѣздъ Даніэль-султана, когда-то хорошаго-знакомаго отца князя Давида, и потому плѣнницы подозрѣваютъ, что много содѣйствовало ихъ прогулкѣ желаніе султана посмотрѣть на нихъ.

— Плѣнницъ и дѣтей ихъ повели изъ сераля въ сопровожденіи дочерей Шамиля и всей домашней прислуги женскаго пола, а у первыхъ воротъ окружили вооруженными людьми, съ вынутыми изъ чехловъ винтовками: это была предосторожность не противъ плѣнницъ, а противъ черни, которая въ аулѣ могла бы чѣмъ-нибудь оскорбить ихъ.

Во время прогулки княгини видѣли немного, потому-что лица у нихъ были закрыты, да и день подвигался уже къ сумеркамъ. Онѣ замѣтили только очень-большое движенье на многолюдной улицѣ, да издалека видѣли темный домикъ съ навѣсомъ, гдѣ, какъ говорили ихъ провожатые, заключались плѣнные князья съ своими милиціонерами.

Женщинъ своихъ княгини нашли въ порядочномъ помѣщеніи, успокоились за нихъ, но недолго съ ними оставались: свѣжій воздухъ и движеніе, отъ которыхъ такъ отвыкли заключенницы, скоро утомили ихъ чрезвычайно, и онѣ поспѣшили *домой*, на отдыхъ. Вся прогулка продолжалась не болѣе получаса.

Въ непродолжительномъ времени послѣ прогулки поднялась въ сералѣ суматоха. Шамиль собирался въ походъ. Но прежде Шамиля долженъ былъ отправиться Кази-Махматъ, во главѣ особаго отряда. Передъ отъѣздомъ его, сборы и хлопоты всполошили весь домъ; но всѣхъ болѣе, кажется, хлопотала Аминéтъ: она и день и ночь кроила и шила ахалухи для отъѣзжающаго. Наконецъ, наступилъ часъ отъѣзда. Кази-Махматъ изъ сераля выѣхалъ верхомъ, въ бѣлой папахѣ и подъ бѣлой буркой, окрашенной шафраномъ, или другой краской шафраннаго цвѣта. Со внѣшняго двора раздались привѣтственные выстрѣлы; затѣмъ около молодаго предводителя развернулось знамя — и отрядъ тронулся съ пѣніемъ: *Ля-илляхъ-иль-Алла!* Всѣ женщины сераля бѣгали къ забору смотрѣть сквозь щели на эту церемонію.

Въ тотъ же день, вечеромъ, княгиня Анна Ильинична вышла посидѣть на галлереѣ (прочія не были къ тому расположены и остались въ комнатѣ) и замѣтила, что возлѣ дверей комнаты Аминèты кто-то сидитъ на землѣ. Это была сама Аминèтъ. Княгиня подошла къ ней и замѣтила, что она очень-разстроена.

— О чемъ ты такъ задумалась? спросила она грустящую свою пріятельницу.

— Жду своего брата. Скучно! У насъ все, кажется, есть, а чего-то все не достаетъ. Зайдèтъ обижаетъ... Право, хотѣлось бы уйдти отсюда.

— А что, Кази-Махматъ надолго уѣхалъ? спросила опять княгиня, догадываясь о настоящей причинѣ грусти Аминèты.

— Шамиль сначала самъ хотѣлъ ѣхать, а потомъ *его* послалъ... Всегда такъ дѣлаютъ, отвѣчала Аминèтъ и, нахмуривъ брови, премило надула свои розовыя губы. Потомъ она перемѣнила разговоръ, стараясь не говорить о главномъ предметѣ своихъ помышленій (*); но чувство часто ей измѣняло, и она возвращалась къ прерванному разговору.

(*) Аминèтъ ужь успѣла порядочно выучиться погрузински, часто болтая съ княгинями.

— Теперь опять русскіе стали нападать на насъ. Когда и чѣмъ все это кончится? Воротятся ли всѣ *наши?* и т. д. Княгиня не могла разсѣять меланхолическаго настроенія дикарки.

Черезъ два дня прискакалъ верховой, нарочный, отъ Кази-Махмата, и Шамиль сталъ самъ собираться въ походъ. Засуетились старшія жены. Зайдѣтъ хлопотала съ холодной заботливостью; но Шуанѣтъ не скрывала, что она въ отчаяніи.

— Видно, худы наши дѣла, коли самого Шамиля потребовали, говорила она плѣнницамъ (*).

Наконецъ Шамиль совсѣмъ собрался въ путь Ему подвели къ дверямъ бѣлаго коня, покрытаго малиновымъ чапракомъ. Самъ онъ вышелъ на галерею въ полушубкѣ изъ чернаго мѣха, покрытаго коричневымъ сукномъ. На ногахъ его были цвѣтные чевяки и узкія ногавицы, обшитыя простой тесьмою. Золота и серебра нигдѣ не было видно на его костюмѣ: будучи врагомъ всякой роскоши, онъ не позволяетъ себѣ никогда никакихъ цѣнныхъ украшеній. На головѣ его была обвитая бѣлой чалмою папаха съ плоскимъ краснымъ верхомъ, надъ которымъ возвышалось что-то небольшое, черное, въ видѣ кисточки. Сзади отъ чалмы спускался на плечо кусокъ той же бѣлой ткани, изъ которой была сдѣлана и чалма. (См. приложенный портретъ).

Въ этомъ костюмѣ, на прекрасномъ бѣломъ конѣ, Шамиль былъ очень-хорошъ и даже величественъ.

Все его семейство, вся прислуга и дѣти плѣнницъ провожали его до воротъ. Но когда онъ выѣхалъ со двора, ворота затворились, и никто не видѣлъ дальнѣйшаго его шествія.

Послѣ отъѣзда Шамиля, въ жизни плѣнницъ было замѣчательнаго только то, что ихъ стали содержать гораздо-хуже, чѣмъ прежде. Скупая Зайдѣтъ по три и по четыре дня не отпускала имъ ничего свѣжаго, да и то, что̀ присылала, было невыносимо-дурно и скудно. Къ-тому же еще наступили холода̀. Изъ маленькаго окна стало холодно и сильно дуло; заложить его чѣмъ-нибудь—значило бы погрузиться въ постоянную темноту (**); за-

---

(*) Это было смѣлое движеніе генерал-майора барона Врангеля и полковника (нынѣ генерал-майора) Бакланова за Аргунъ, къ гойтскортскимъ высотамъ, 16-го сентября 1854 года.

(**) Было уже сказано, что во всемъ сералѣ окна заклеены бумагою, и только въ кабинетѣ Шамиля (во флигелѣ) да въ комнатахъ женъ стекольныя рамы.

клеили его бумагою, но все-таки стало темно. Дѣти постоянно плакали; когда ихъ выводили на снѣгъ, то они, не имѣя обуви и ничего теплаго, безпрестанно простужались и болѣли. Такая жизнь продолжалась недѣли двѣ. Дрянной каминъ, когда его топили, распространялъ слишкомъ-сильный жаръ, котораго не могли вытерпѣть ни дѣти, ни взрослыя. Къ довершенію всѣхъ этихъ непріятностей, простудилась и занемогла княгиня Варвара Ильинична.

Какъ-то разъ въ это грустное время Шуанѐтъ позвала къ себѣ на чай княгиню Анну Ильиничну. За чаемъ княгиня спросила: не знаетъ ли Шуанѐтъ чего-нибудь о Шамилѣ? нѣтъ ли извѣстій изъ отряда?

— Пока еще ничего нѣтъ вѣрнаго. Меня безпокоитъ этотъ походъ: онъ слишкомъ-продолжителенъ. Вотъ ужь двѣ недѣли, какъ они уѣхали... Шамиль потребовалъ къ себѣ казначея, и онъ завтра ѣдетъ отсюда, грустно отвѣчала Шуанѐтъ.

Во время этой бесѣды пришла Зайдѐтъ, усѣлась и вмѣшалась въ разговоръ. При ней толковали о постороннихъ и незначительныхъ предметахъ. Но Зайдѐтъ свернула на свое.

— Ну что? какъ идетъ ваше дѣло? сказала она (хотя и знала ходъ дѣла лучше самихъ плѣнницъ):—на что̀ вы теперь разсчитываете? Поможетъ ли вамъ ваше правительство?

— Выкупъ со стороны правительства — дѣло невозможное. У насъ каждый долженъ самъ заботиться о своемъ семействѣ. Мы пострадали отъ собственной безпечности, сами должны и терпѣть за нее, осторожно отвѣчала княгиня.

— Но Шамиль говорилъ, что вашъ государь долженъ вознаградить твоего мужа за храбрую защиту Шильды, возразила Зайдѐтъ. (Переводила ея слова Шуанѐтъ.)

Княгиня отвѣчала:

— У насъ, у русскихъ, есть пословица: «до Бога высоко, а до царя далеко»; да къ-тому жь въ русской арміи много примѣровъ такой храбрости, какую мужъ мой оказалъ въ Шильдахъ. У насъ замѣчаютъ только трусовъ, а храбрыхъ невозможно всѣхъ и отличить, потому-что всѣ храбры.

Шуанѐтъ прервала этотъ разговоръ, замѣтивъ, что онъ принималъ непріятный для княгини оборотъ.

— Ну, разскажи про своего мужа, сказала она: — какого онъ нрава? Какъ вы съ нимъ жили?

Княгиня разсказала все, что̀ считала понятнымъ для этихъ

женщинъ горъ; она говорила о своемъ потерянномъ счастьи, о семейномъ согласіи, и вообще старалась приноровиться къ понятіямъ и требованіямъ своихъ слушательницъ. О состояніи своемъ, напримѣръ, она выражалась слѣдующимъ образомъ:

— Наше состояніе заключалось въ земляхъ, произведеніями которыхъ мы жили; къ намъ многіе пріѣзжали, и мы слыли за богатыхъ. Но денегъ у насъ никогда много не бывало.

Княгиня говорила такимъ-образомъ потому, что слушательницы ея не знали, что земля составляетъ большую цѣнность, которую можно обращать въ наличныя деньги. Слова княгини были приняты съ полнымъ довѣріемъ, и наконецъ Шуанѐтъ вздохнула и сказала:

— Не понимаю, чего ищутъ люди! Зачѣмъ они воюютъ, когда могли бы жить мирно и счастливо съ своими семействами.

Княгиня хорошенько не помнитъ, чѣмъ кончилась эта бесѣда.

Вечеромъ казначей Хаджіо, обходя, по обыкновенію, съ фонаремъ весь сераль и перекликая всѣхъ, живущихъ въ немъ, сказалъ нашимъ плѣнницамъ, что завтра онъ ѣдетъ къ Шамилю, неизвѣстно на долго ли, и что, окончивъ походъ, Шамиль отправляется по ауламъ *учить народъ шаріату*.

Плѣнницы, съ своей стороны, сказали, что весьма желали бы скорѣйшаго возвращенія Шамиля, потому-что, уже нѣсколько дней назадъ, пріѣхали люди изъ Хасаф-Юрта, ѣздили къ Шамилю, но воротились отъ него безъ всякаго отвѣта и теперь живутъ здѣсь безполезно. Хаджіо обѣщалъ доложить объ этомъ Шамилю.

Люди, пріѣхавшіе изъ Хасаф-Юрта, на этотъ разъ привезли подарки женамъ Шамиля и его тестю, старому Джамаль-Эддину: женамъ по куску атласа, а старику богатыя чотки и кисеи на чалму гораздо-лучшую, чѣмъ та, что̀ у нихъ носятъ и дѣлаютъ въ Чечнѣ. Всѣ эти дары были первоначально доставлены княгинямъ. Получивъ ихъ, княгини пригласили къ себѣ женъ Шамиля и вручили имъ приношенія. Заідѐтъ очень обрадовалась, но тутъ же замѣтила, что третій кусокъ, предназначенный для Аминеты, не можетъ быть ей отданъ, потому-что она этого не сто̀итъ, да притомъ она и *не настоящая* жена, и т. п. Вслѣдствіе этого рѣшили третій кусокъ атласа раздѣлить на дочерей Шамиля; а такъ-какъ безъ Шамиля ни въ чемъ окончательно распоряжаться нельзя, то и положили отнести всѣ три куска въ его комнату и ожидать его возвращенія. Аминетъ жестоко обидѣлась и такъ разсердилась, что дня два не приходила къ плѣнницамъ, а когда, наконецъ, пришла, то растрогала ихъ своими, впрочемъ, совершенно-

справедливыми жалобами на судьбу и на притѣсненія старшихъ женъ.

— Уйду отсюда, говорила она:—не хочу здѣсь жить: у всѣхъ много платья и вещей, а у меня ничего!...

— Да ты попроси Шамиля, когда онъ вернется: онъ, вѣрно, тебѣ не откажетъ въ томъ, что̀ принадлежитъ тебѣ, замѣтили княгини.

— Просить? Нѣтъ, я на это неспособна!

Забавна была плѣнницамъ эта безполезная гордость молодой дикарки, но въ то же время она была такъ благородна, да и такъ шла къ красотѣ ея, что княгини не могли не полюбить еще болѣе Аминету, почти такую же заключенницу въ сералѣ Шамиля, какъ и онѣ сами.

До возвращенія Шамиля ничего замѣчательнаго болѣе не было. Вообще, въ отсутствіе его чувствовался какъ-будто нѣкоторый безпорядокъ въ сералѣ: какъ-будто недоставало устрашающей силы. Этимъ объясняется выше-описанный поступокъ Зайдѣты съ Аминетой; этимъ же должно объяснить шалости Махмата-Шаби, который, ничѣмъ не занимаясь по цѣлымъ днямъ, вымышлялъ безконечныя проказы: то ломалъ замки на дверяхъ у бабушки Баху̀, то билъ стекла, то бросалъ по двору горящія головни, одинъ разъ чуть-чуть непричинившія пожара. Унять шаловливаго мальчика никто не могъ, потому-что не было надъ нимъ другой власти, кромѣ отцовской, а Шамиль былъ въ отсутствіи.

Между-тѣмъ въ Веденно̀ пріѣхалъ съ письмами къ Шамилю и плѣнницамъ слуга князя Д. А. Чавчавадзе, Оскаръ, тотъ самый преданный и отважный Оскаръ, который ни на минуту не покидалъ своего господина въ критическіе дни шильдинскаго побоища. Его не допустили до плѣнницъ, а имъ не дали привезенныхъ отъ князя Давида писемъ. Все это оставили впредь до возвращенія Шамиля. Но нѣкоторыя, приходившія къ княгинямъ плѣнныя служанки были такъ неосторожны, что ходили видѣться съ Оскаромъ. Зайдѐтъ, узнавъ объ этомъ, не позволила имъ возвратиться къ княгинямъ, а отослала въ аулъ, къ прочимъ цинондальскимъ женщинамъ.

Наконецъ возвратился Шамиль, но возвратился нерадостно и неторжественно; по его унылому и раздражительному расположенію духа, всѣ въ сералѣ догадывались, что походъ былъ неудаченъ. Такое настроеніе отразилось и на плѣнницахъ. Прежде всего имъ было запрещенно видѣться съ Оскаромъ, а потомъ приказано имъ сказать, что такъ-какъ имамъ не получилъ удо-

влетворительнаго отвѣта отъ ихъ родныхъ, то всѣ сношенія между ними и плѣнницами отнынѣ прекращаются впредь до полученія Шамилемъ *положительныхъ* свѣдѣній о возвращеніи его сына.

На другой день пришелъ къ княгинямъ Индрисъ и спросилъ ихъ, не могутъ ли онѣ обратиться съ просьбою объ исполненіи условій Шамиля къ кому-либо другому, кромѣ родныхъ своихъ, такъ-какъ родные *уже отказались хлопотать* о ихъ освобожденіи. Княгини отвѣчали, что не имѣютъ, кромѣ родныхъ, никакихъ за себя ходатаевъ. Озлобленный Индрисъ сказалъ княгинямъ съ видимымъ удовольствіемъ:

— Вы не хотите хлопотать о себѣ, такъ ужь не пѣняйте, если съ вами будетъ дурно поступлено!

— Напрасно насъ пугаютъ, отвѣчали княгини: — мы ничего не въ состояніи предпринять отсюда; и если не понимаютъ этого лезгины, то какимъ-образомъ ты, прежній русскій солдатъ, до-того забылъ русскіе законы, что думаешь, будто возможно поступать противъ желанія или приказанія государя?

Индрисъ оскорбился этими словами и отвѣчалъ:

— Я вовсе не русскій; я горецъ; но Шамиль посылалъ меня учиться въ Россію.

— Ты можешь это проповѣдывать нашимъ женщинамъ, но мы никогда такому вздору не повѣримъ.

Индрисъ не зналъ, что̀ возражать, и сказалъ:

— Ну, такъ пишите къ кому хотите!

Княгиня написала къ князю Давиду, къ генерал-лейтенанту князю Григорью Орбеліани и къ флигель-адъютанту, полковнику барону Л. Николаи. Индрисъ взялъ письма и понесъ ихъ къ Шамилю, но черезъ нѣсколько минутъ возвратился, отдалъ письма плѣнницамъ и сказалъ:

— Не годятся; пишите другія.

Княгиня Анна Ильинична взяла возвращенныя письма, бросила ихъ въ огонь камина и съ гнѣвомъ сказала:

— Хорошо; но я больше писать не буду.

Тогда княгиня Варвара Ильинична принялась писать и вскорѣ написала другія письма; но и эти были возвращены чрезъ Индриса, съ приказаніемъ написать новыя. Въ это самое время въ комнату плѣнницъ вошли повѣренные въ ихъ дѣлѣ: Хассанъ и Могаммедъ, сѣли на ковры и начали разговоръ:

— Я столько уже разъ ѣздилъ сюда, сказалъ Хассанъ: — а дѣло наше не подвигается.

— Я больной человѣкъ, прибавилъ Могаммедъ: — ѣзжу сюда съ большимъ трудомъ, но не вижу успѣха; мною и здѣсь и тамъ (то-есть, въ Хасаф-Юртѣ) недовольны; а все оттого, что ваши родные слабо дѣйствуютъ. Но если они ничего не могутъ сдѣлать, то не можете ли вы сами предпринять что-нибудь въ свою пользу?

Эти слова Могаммеда показались княгинямъ совсѣмъ-недружественными и какъ-будто продиктованными Шамилемъ. Княгиня Анна Ильинична съ неудовольствіемъ отвѣчала Могаммеду:

— Ты, который избранъ барономъ Николаи въ наши повѣренные, ты лучше насъ долженъ знать наши дѣла; зачѣмъ же ты къ намъ обращаешься съ вопросами?

Могаммедъ отвѣчалъ очень-спокойно:

— Сердясь, вы ничему не поможете. Лучше что-нибудь придумайте полезное.

— Я повторяю, что, вѣроятно, наши родные хлопочутъ и, конечно, дадутъ за наше освобожденіе все, что успѣютъ собрать; слѣдовательно, намъ и писать нечего, возразила княгиня Анна Ильинична.

На это двуличные татары отвѣчали:

— Какъ хотите, пишите или не пишите, намъ все-равно; но только знайте, что сообщенія между вами и нами прекращаются, и вы съ-этихъ-поръ не получите уже никакого извѣстія отъ своихъ.

— Тѣмъ лучше! отвѣчала княгиня Анна Ильинична: — чѣмъ менѣе васъ слушать, тѣмъ менѣе безпокойства.

Хассанъ и Могаммедъ встали и вышли.

Между-тѣмъ княгиня Варвара Ильинична изготовила *третье, исправленное изданіе* требуемыхъ отъ плѣнницъ писемъ. Индрисъ понесъ ихъ къ Шамилю, но опять возвратился съ отвѣтомъ, что *не годятся,* и прибавилъ:

— Пишите къ императрицѣ.

— Мы не осмѣлимся на это, потому-что не имѣемъ никакого права.

— Ну вотъ на этомъ-то я васъ и уличаю въ обманѣ Шамиля! радостно воскликнулъ Индрисъ: — вы обѣщали ни въ чемъ его не обманывать и во всемъ повиноваться; а теперь и обманули и не послушались. Сами на себя пѣняйте, если будете за это наказаны.

— Чѣмъ же мы обманули Шамиля? спросили озабоченныя плѣнницы.

— А вотъ чѣмъ: вы говорите, что не имѣете права писать къ императрицѣ, а между-тѣмъ, у васъ, въ Цинондалахъ, взяты ваши шифры, доказывающіе, что вы ея фрейлины; а мы знаемъ, что фрейлины всегда имѣютъ право обращаться прямо къ императрицѣ.

— Но мы не знаемъ, гдѣ теперь императрица. Она часто ѣздитъ въ теплыя страны, и теперь, можетъ-быть, находится тамъ же, отвѣчали княгини своему мучителю, и потомъ еще долго объясняли ему, что не могутъ и не смѣютъ обратиться къ государынѣ. Индрисъ какъ-будто убѣдился ихъ доводами и наконецъ сказалъ:

— Если вы не хотите обращаться къ императрицѣ, то напишите хоть къ князю Воронцову.

Плѣнницы не нашли никакихъ предлоговъ къ отказу исполнить это послѣднее ultimatum, и рѣшились писать, подъ диктовку бѣглаго русскаго солдата, письмо къ бывшему намѣстнику кавказскому, свѣтлѣйшему князю М. С. Воронцову. Онѣ краснѣли и ужасались, слѣдя за выраженіями своего собственнаго письма. Никогда ничто подобное не слилось бы съ пера ихъ безъ помощи человѣка, подобнаго Индрису — такъ пошлы и унизительны были диктуемыя имъ выраженія. Но что жь оставалось имъ дѣлать въ ихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Онѣ повиновались своимъ палачамъ.

Индрисъ ходилъ показывать письмо Шамилю и на этотъ разъ воротился съ одобреніемъ и самое письмо оставилъ у плѣнницъ; но, уходя отъ нихъ, не могъ отказать себѣ въ злобномъ удовольствіи испугать ихъ служанку, Варвару, занимавшуюся въ это время мытьемъ бѣлья на галлереѣ. Индрисъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Знаешь ли, что̀? княгини взбунтовались противъ Шамиля и Шамиль приказалъ сейчасъ же всѣмъ имъ отрубить головы!

Легковѣрная Варвара упала безъ чувствъ и нѣсколько часовъ не приходила въ себя, несмотря на горячіе угли и другія *домашнія* средства, которыя употреблялись для приведенія ея въ память.

Вскорѣ къ княгинямъ пришли Зайдѣтъ, Шуанѣтъ, Хаджи-Ребинь и цѣлая толпа прислужницъ сераля.

— Я удивляюсь, начала Зайдѣтъ: — какимъ-образомъ вы, будучи въ плѣну—и у кого же? у Шамиля, такъ рѣшительно отказываетесь исполнять то, что̀ вамъ приказываютъ! Ка̀къ можете вы его не бояться?

На это княгиня Анна Ильинична имѣла неосторожность отвѣчать, что она не боится никого, кромѣ Бога, и этимъ вызвала на себя цѣлую бурю.

— Неслыханная дерзость! кричала Зайдѣтъ.

— Имамъ святой человѣкъ! еще громче восклицала Хаджи-Ребиль (воспитательница дочерей Шамиля):—кто осмѣлится прекословить его священнымъ велѣніямъ?

— Можетъ-быть, что онъ и святой, возражала княгиня, не будучи въ-состояніи долѣе себя удерживать:—но онъ не возвратитъ мнѣ моего потеряннаго младенца!

Шумъ поднялся ужасный, но княгиня обратилась къ Шуанѐтѣ, бывшей молчаливою свидѣтельницей этой сцены, и сказала ей:

— Скажи этой женщинѣ, чтобъ она ушла отсюда.

Шуанѐтъ вывела Хаджи-Ребиль изъ комнаты и, возвратившись, обратилась къ плѣнницамъ съ тихимъ увѣщаніемъ быть поспокойнѣе и поосторожнѣе.

— Но къ-чему жь насъ укоряютъ въ неповиновеніи, когда мы во всемъ повинуемся? Отъ насъ требовали писемъ, и мы ихъ написали, замѣтила княгиня Варвара Ильинична.

Шуанѐтъ взяла письмо, оставленное у княгинь Индрисомъ, сама отдала его Шамилю, и вслѣдствіе этого на другой же день имъ было разрѣшено видѣться съ Оскаромъ.

Свиданіе это происходило довольно-страннымъ образомъ.

Плѣнницъ привели къ воротамъ и поставили поодаль; когда ворота отворились, онѣ увидѣли Оскара, также стоящаго въ нѣсколькихъ шагахъ за воротами и окруженнаго мюридами, винтовки которыхъ были обращены на него дулами.

Княгини не могли понять причины такихъ небывалыхъ предосторожностей и спросили Оскара:

— Ты, вѣрно, сдѣлалъ или сказалъ что-нибудь недолжное, что тебя такъ окружили стражею?...

— Ничего недолжнаго не говорилъ и не дѣлалъ, отвѣчалъ Оскаръ (юноша лѣтъ девятнадцати или двадцати, изъ татаръ, взятый мальчикомъ въ домъ князя Чавчавадзе).

По голосу Оскара можно было замѣтить, что онъ оскорбленъ обращеніемъ горцевъ. Княгини обратились къ нему съ вопросами о родныхъ, о ходѣ переговоровъ, и молодой посланецъ объяснилъ имъ, что князь Давидъ давно писалъ о сынѣ Шамиля, но что рѣшительнаго отвѣта нужно ожидать не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Потомъ Оскаръ, какъ умѣлъ, ободрялъ и обнадеживалъ

княгинь, и княгини съ особеннымъ удовольствіемъ слушали простодушныя убѣжденія своего слуги, болѣе потому, что въ нихъ видѣли онѣ, что онъ не испугался грозныхъ предосторожностей, какими его окружили. Имъ пріятно было видѣть неустрашимость въ *своемъ* человѣкѣ.

Замѣчательно, что Оскаръ невдругъ и даже нескоро узналъ княгинь при свиданіи съ ними—такъ казались онѣ худы и блѣдны отъ изнуренія силъ и отъ горя, а, можетъ-быть, и оттого, что день былъ пасмурный и скудно озарялъ ихъ своимъ угрюмымъ освѣщеніемъ.

VI.

Домашняя расправа.—Чотки.—Раненый панъ.—Предложенія и отказы.—Таинственные посѣтители.—Заботливость Шамиля о плѣнницахъ.—Извѣстіе изъ Константинополя.—Вѣсти о Джемаль-Эддинѣ.—Второй походъ.—Землетрясеніе.—Возвращеніе изъ похода.—Шамиль на любовномъ свиданіи.—Пожаръ.—Письмо.—Еще вѣсть о Джемаль-Эддинѣ.

По возвращеніи Шамиля изъ похода, не остались безъ послѣдствій ни шалости Махмата-Шаби, ни исторія съ шелковой матеріей, которою была обижена Аминѣтъ. Махматъ-Шаби былъ посаженъ подъ арестъ въ комнату, бывшую по сосѣдству съ комнатой плѣнницъ (см. на планѣ), и оставался тамъ довольно-долго(*). Относительно же дѣла о шелковыхъ матеріяхъ, Шамиль разсудилъ, что съ Аминетой было поступлено несправедливо, но что, во всякомъ случаѣ, гораздо-лучше всѣмъ тремъ кускамъ атласа оставаться собственно въ распоряженіи его самого, а потому и приказалъ положить ихъ на храненіе въ своемъ кабинетѣ. Въ поступкѣ своемъ съ Аминетой хитрая Зайдѣтъ оправдалась передъ Шамилемъ тѣмъ, что (какъ сказала она ему) она знала, какъ не любитъ онъ роскоши на своихъ женахъ, и потому хотѣла приберечь атласы для дочерей.

Чотки, присланныя для Джемаль-Эддина, плѣнницы вскорѣ увидѣли на рукѣ Зайдѣтъ. Честный старикъ не хотѣлъ принять отъ плѣнницъ подарка до-тѣхъ-поръ, пока не сдѣлаетъ чего-либо въ

(*) Тѣлесному наказанію дѣти имама подвергаемы быть не могутъ.

пользу ихъ освобожденія. Чотки онъ поручилъ передать Шамилю: но Зайдѣтъ ими завладѣла, вѣроятно, увѣривъ отца, что Шамиль подарилъ ихъ ей, а Шамиля — что она получила ихъ въ подарокъ отъ отца.

Также, вскорѣ по возвращеніи Шамиля, было привезено въ Веденò тѣло наиба, убитаго въ недавнемъ сраженіи. За возвращеніе тѣла былъ освобожденъ одинъ кахетинскій плѣнникъ, и это дѣло устроилось при посредствѣ княгини Анны Ильиничны, которую просили объ этомъ ходатайствовать у барона Николаи особымъ письмомъ. Въ Веденò были торжественныя похороны, на которыхъ присутствовалъ самъ Шамиль.

Вѣроятно, довольный такимъ содѣйствіемъ княгини, Шамиль приказалъ предложить ей свиданіе съ мужемъ. Княгиню увѣряли, что князю Давиду будетъ позволено пріѣхать въ Веденò и свободно возвратиться въ Хасаф-Юртъ; но княгиня отклонила это предложеніе, хотя оно было довольно-настоятельно и повторялось не одинъ разъ, то черезъ переводчиковъ или Хаджіо, то черезъ Зайдету или Шуанету. Однажды Шуанѣтъ сказала княгинѣ:

— Напрасно отказываешься: Шамиль видитъ, что скучаешь и хочетъ тебя утѣшить.

— Я знаю, отвѣчала княгиня: — что посторонній мужчина не можетъ быть допущенъ въ сераль; а видѣться съ мужемъ, какъ Аминѣтъ видится съ своимъ братомъ, то-есть черезъ заборную щель — я не желаю.

— Для тебя сдѣлаютъ иначе: мужа твоего позовутъ въ кабинетъ Шамиля, настаивала Шуанетъ.

Но княгиня рѣшительно отказалась; она не хотѣла переиспытать горечь новой разлуки, а притомъ и опасалась, чтобъ измѣною не задержали князя въ плѣну.

Въ то же время подобныя предложенія были посылаемы и князю Давиду Александровичу (черезъ Хассана Буртунайскаго); но князь отказался отъ нихъ, говоря, что онъ хлопоталъ бы о разрѣшеніи ѣхать къ своему семейству только въ такомъ случаѣ, еслибъ надѣялся черезъ это кончить дѣло и увезти съ собою изъ Веденò жену, ея сестру и дѣтей; но такъ-какъ этого ожидать невозможно, то онъ и предпочитаетъ отказать себѣ въ счастіи свиданія, тѣмъ болѣе, что за нимъ послѣдовала бы новая скорбь при разлукѣ.

Послѣ разговора княгини съ Шуанетой, никогда уже болѣе не было рѣчи объ этомъ обстоятельствѣ.

Прошло еще нѣсколько дней. Однажды, за обѣдомъ, къ плѣнницамъ пришелъ казначей и объявилъ о пріѣздѣ какого-то *неизвѣстнаго,* желающаго ихъ видѣть. Княгини были на этотъ разъ не обрадованы, а встревожены извѣстіемъ о неизвѣстномъ посѣтителѣ: онѣ вообразили, что это долженъ быть князь Давидъ, который, быть-можетъ, склонился на приглашенія Шамиля. Со страхомъ пошли онѣ къ воротамъ, и здѣсь, окруженныя людьми сераля, выстроенныя въ рядъ, ожидали, когда ворота растворятся. Они растворились и взорамъ плѣнницъ представилось незнакомое лицо, все закутанное въ черномъ. Загадочный посѣтитель и плѣнницы молча посмотрѣли другъ на друга, и ворота затворились. Подобныя сцены повторялись впослѣдствіи нѣсколько разъ, но никогда княгини не могли добиться ни ихъ значенія, ни извѣстій о таинственныхъ лицахъ, для показа которымъ онѣ выводились къ воротамъ сераля. Должно полагать, что это были депутаты отъ народа, желавшаго удостовѣриться, сберегаются ли еще плѣнницы, а съ ними и ручательство за хорошій выкупъ, на выгоды котораго народъ имѣлъ право.

Слѣдующіе дни были полны разными событіями, болѣе или менѣе интересными.

Махмата-Шаби, за какія-то новыя проказы, отправили въ ученье въ отдаленное наибство.

По случаю наступившихъ холодовъ, по приказанію Шамиля, были вставлены стекла въ окно комнаты плѣнницъ.

Вообще Шамилю никакъ нельзя отказать въ нѣкоторой заботливости о плѣнницахъ. Такъ, напримѣръ, она выразилась въ слѣдующемъ случаѣ: по его же приказанію, въ комнатѣ плѣнницъ передѣлывали каминъ; по окончаніи этой работы, имамъ хотѣлъ лично убѣдиться, такъ ли она исполнена, какъ онъ приказывалъ, и онъ отправился въ комнату княгинь, которыхъ на это время вывели въ другую комнату, чтобъ не встрѣтиться съ священной особой имама (близкаго лицезрѣнія его были недостойны христіанки). Осматривая каминъ, Шамиль нашелъ въ немъ стоящій на угольяхъ котелокъ съ водою, въ которой плавало нѣсколько тощихъ луковицъ. Открывъ крышку и увидѣвъ, какая скудная пища готовилась на обѣдъ плѣнницамъ, Шамиль разразился гнѣвомъ, потребовалъ Зайдѣтъ, сдѣлалъ ей строгій выговоръ за скупость и ушелъ весьма-разсерженный, а черезъ полчаса прислалъ съ Шуанетой чаю, масла, рису и всего, что̀ можно было достать на-скорую-руку. При этомъ Шуанѣтъ разсказала, что Шамиль

долго укорялъ Зайдету, говоря ей: «Развѣ такъ надо кормить плѣнницъ? Какъ осмѣлилась ты не исполнять моей воли?» и т. д.

Но всего интереснѣе въ эти дни было слѣдующее обстоятельство: Княгини замѣтили необыкновенное движеніе въ seралѣ: женщины суетились и бѣгали; казначей ходилъ по двору и объявлялъ всякому встрѣчному о какой-то пріятной новости; а черезъ нѣсколько времени со внѣшняго двора послышались безчисленные ружейные выстрѣлы, и самъ Шамиль торжественно отправился за ворота. Вскорѣ плѣнницы узнали, что все это торжество происходило по случаю прибытія въ Веденно̀ посланнаго отъ турецкаго султана съ извѣстіемъ, что султанъ побѣдилъ русскихъ, что пятьдесятъ губерній завоевано у Россіи султанскими войсками, и что Шамилю предлагается титулъ владѣтеля Грузіи (*), если онъ попрежнему будетъ содѣйствовать султану въ войнѣ противъ невѣрныхъ.

Княгини, разумѣется, знали, ка̀къ должно понимать нелѣпую прокламацію турецкаго правительства, успѣвшую пробраться до Чечни, но онѣ остерегались выражать о ней свое мнѣніе; и когда имъ говорили объ этой новости, онѣ отвѣчали: «Тѣмъ хуже для насъ: это можетъ воспрепятствовать нашему освобожденію».

Въ непродолжительномъ времени другая, еще болѣе радостная для Шамиля вѣсть пришла въ Веденно̀: какой-то горецъ, вѣроятно изъ шпіоновъ Шамиля, привезъ извѣстіе, что сынъ его, Джемаль-Эддинъ, рѣшился воротиться къ отцу и уже выѣхалъ изъ Петербурга на Кавказъ.

Шамиль щедро наградилъ вѣстника, но несовсѣмъ ему повѣрилъ. Нуждаясь хоть въ какомъ-нибудь подтвержденіи радостной новости, онъ призвалъ Шах-Аббаса и спросилъ его, что̀ онъ объ этомъ думаетъ. Хитрый армянинъ, понявъ, что отеческое сердце требуетъ утѣшенія, какъ ребенокъ игрушки, отвѣчалъ, что сынъ пріѣдетъ, что въ этомъ уже не можетъ быть сомнѣнія, и что онъ, Шах-Аббасъ, готовъ поручиться въ томъ своей головою.

Шамиль подарилъ Шах-Аббасу превосходную лошадь.

По случаю радостнаго извѣстія, въ сералѣ опять поднялась суматоха, превратившаяся, впрочемъ, весьма-скоро въ хлопоты, по случаю сборовъ Шамиля въ новый походъ.

(*) То-есть титулъ валія Гурджистана. См. въ послѣднемъ приложеніи къ III части.

дитъ отъ того, что Африка лежитъ широкою полосою въ жаркомъ поясѣ, что почва ея песчана и сильно накаливается отвѣсными лучами солнца.

Въ Африкѣ, какъ вообще въ жаркомъ поясѣ, два времени года: продолжительное сухое и короткое дождливое. Къ С. отъ экватора дождливое время бываетъ между Маемъ и Сентябремъ, а сухое между Октябремъ и Маемъ; къ Ю. на оборотъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ въ Египтѣ и въ Сагарѣ, дождей вовсе не бываетъ. Въ Египтѣ дожди замѣняются разлитіемъ Нила. Послѣ наводненій дуетъ въ Египтѣ изсушающій и удушливый для человѣка *шамсинъ*, въ другихъ мѣстахъ *гарматанъ*; на западномъ берегу свирѣпствуютъ ужасные вѣтры съ грозою.

Въ Африкѣ находятся самыя колоссальныя растенія и животныя. Замѣтимъ нѣкоторыя, свойственныя одной только Африкѣ. Изъ растеній, огромный *боабабъ*, дерево въ три сажени въ поперечникѣ, дерево *шитулу*, изъ зеренъ котораго вываривается масло, подобное коровьему, *камедные лѣса*, доставляющіе гумми (Аравійскую камедь.) Нигдѣ *финиковая пальма* столь не важна, какъ на южной сторонѣ Атласа, составляя почти единственное пропитаніе жителей. Множество другихъ растеній, общихъ всему жаркому поясу, полезныхъ для человѣка, разводится здѣсь: *пшеница*, *рисъ*, *маисъ*, *просо*, *манёкъ* и *ямъ*; изъ растеній, вступающихъ въ общую торговлю: *перецъ*, *хлопчатая бумага*, *александрійскій листъ*, *сахарный тростникъ*, *индиго*, *черное дерево*, *кофе*, на

что въ экспедиціи противъ Шамиля участвуетъ и мужъ ея, князь Давидъ Александровичъ, командующій будто-бы какими-то *бѣлыми* казаками. Но княгиня не повѣрила этому слуху: она знала, что князь Давидъ не командуетъ никакою отдѣльною частью; по описанію же наружности предводителя *бѣлыхъ* казаковъ узнала командира Моздокскаго Казачьяго Полка, полковника Едлинскаго.

Въ этотъ разъ отсутствіе Шамиля продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ онъ воротился, но ка̀къ? Ночью, безъ стрѣльбы, безъ торжественной встрѣчи и даже безъ всякой свиты, кромѣ лишь одного Салима (*). Въ сералѣ тоже было тихо и ничѣмъ не обнаруживалась радость встрѣчи. Все это давало плѣнницамъ поводъ заключать, что Шамиль или раненъ или сильно разбитъ русскими. Въ послѣднемъ онѣ и не ошиблись: Салимъ разсказывалъ, что они *бѣжали* вдвоемъ съ Шамилемъ и спаслись только тѣмъ, что не были обременены многочисленной свитой. Въ одномъ мѣстѣ, вблизи отъ русской границы, Шамиль обращался къ Салиму съ такими словами: «Я давно замѣчаю, что ты не прочь бы отъ побѣга къ русскимъ, еслибъ была возможность. Вотъ теперь случай удобный: ты можешь меня оставить и бѣжать, не опасаясь преслѣдованія». Но Салимъ остался при Шамилѣ, не желая покинуть своихъ дѣтей (**).

Вскорѣ послѣ Шамиля прибылъ Кази-Махматъ, котораго тоже не встрѣчали съ прежнею торжественностью. Плѣнницамъ показалось, что онъ хромалъ, но имъ объяснили, что это вслѣдствіе открывшейся старой, а не новой раны. Въ то же время привезли одного раненаго, котораго и положили въ кунацкой комнатѣ. И Кази-Махматъ и раненый гость очень-долго оставались въ сералѣ.

Между-тѣмъ жизнь плѣнницъ стала еще грустнѣе и однообразнѣе по причинѣ продолжительнаго всеобщаго унынія, водворившагося вокругъ нихъ послѣ неудачнаго похода Шамиля, а также вслѣдствіе наступившихъ зимнихъ холодовъ и снѣжныхъ метелей,

---

(*) Шамиль воротился изъ втораго похода за два дня до праздника Рождества, то-есть 23-го декабря. Незадолго до него пріѣхалъ Исаакъ Грамовъ, переводчикъ при князѣ Гр. Орбеліани, и главный повѣренный въ переговорахъ о выкупѣ плѣнницъ. Княгини не видѣли его въ это время, но получили привезенныя имъ письма отъ родныхъ.

(**) Чего не сдѣлалъ счастливый случай, то сдѣлала любовь: впослѣдствіи Салимъ бѣжалъ, влюбившись въ одну изъ выкупленныхъ плѣнницъ. Объ этомъ будетъ разсказано ниже.

удерживавшихъ плѣнницъ въ ихъ душной комнатѣ. Изрѣдка приходили къ нимъ жены Шамиля; изрѣдка утѣшала ихъ Аминѣтъ своимъ милымъ простосердечіемъ. Съ пріѣзда Шамиля она уже успѣла поссориться съ Зайдѣтой (опять за атласъ), и говорила княгинямъ, что она очень-рада, что матеріи у Шамиля и никому не достались. Въ другой разъ разсказывала, что она жаловалась на Зайдѣту Кази-Махмату и грозилась убѣжать изъ сераля съ своимъ братомъ, если Шамиль за нее не вступится и не уйметъ Зайдѣты, что Шамиль, вслѣдствіе этого, былъ съ нею ласковѣе обыкновеннаго и даже сказалъ, что если ужь ей такъ хочется воротиться на родину, то онъ ее удерживать не станетъ. Аминѣтъ радовалась своимъ успѣхамъ, а между-тѣмъ не знала, что братъ ея уже никогда болѣе не навѣститъ ея, что въ это же самое время Шамиль отдалъ приказаніе прекратить его посѣщенія.

Такъ поступали съ Аминѐтой, пользуясь ея пылкостью и простосердечіемъ. Но иногда и она умѣла платить тою же монетой своимъ притѣснителямъ. Вотъ, напримѣръ, какія проказы позволяла она себѣ дѣлать съ самимъ Шамилемъ:

Разъ, позднимъ вечеромъ, княгини рѣшились выйдти на галерею, чтобъ посидѣть на своей скамеечкѣ и подышать холоднымъ воздухомъ лунной зимней ночи. Аминѣтъ была съ ними. Вдругъ показался Шамиль. Одѣтый въ бѣлую шубу, онъ шелъ черезъ дворъ изъ своей комнаты къ комнатѣ Аминѣты. Замѣтивъ это и не говоря ни слова, Аминѣтъ спряталась за скамью, на которой сидѣли плѣнницы. Между-тѣмъ Шамиль вышелъ изъ ея комнаты, прошелъ раза два по галереѣ, очевидно, ожидая, что она выйдетъ откуда-нибудь изъ другихъ комнатъ; но, не дождавшись, заперъ ея дверь, взялъ къ себѣ ключъ и спрятался за уголъ дома. Долго стоялъ за угломъ важный святоша, *имамъ* Чечни и Дагестана, уподобляясь простому грѣшному юношѣ, мерзнущему въ ожиданіи любовнаго свиданія. Но онъ караулилъ напрасно: Аминѣтъ не хотѣла показаться изъ-за скамьи плѣнницъ. Наконецъ, вѣроятно, холодъ и скука напраснаго ожиданія заставили Шамиля подумать о теплой комнатѣ, и онъ воротился въ свой кабинетъ.

Во время всей этой сцены положеніе нашихъ плѣнницъ было чрезвычайно-опасно. Легко себѣ вообразить, какъ жестоко поплатились бы онѣ за укрывательство жены имама, и въ-особенности за то, что были невольными свидѣтельницами его забавнаго ночнаго похожденія, еслибъ Шамиль замѣтилъ ихъ на галереѣ! Но, къ-счастью, этого не случилось; а Аминѣтъ чрезъ нѣсколько ми-

нутъ вылѣзла изъ-за скамьи, и съ словами: «А! онъ сталъ за мною присматривать! Это Зайдѣтъ, это все Зайдѣтъ сплетничаетъ... Такъ хорошо же; пусть будетъ правда!» ушла ночевать къ Написѣтѣ.

Плѣнницы опасались, что Аминѣтѣ сильно достанется отъ Шамиля, но на другой день онѣ съ удовольствіемъ узнали, что Кази-Махматъ успѣлъ примирить съ нею отца своего.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описанной сцены, въ комнатѣ плѣнницъ сдѣлался пожаръ. Отъ дурнаго устройства каминной трубы загорѣлась потолочная балка, и плѣнницы, задыхаясь отъ дыма, едва спаслись, выбѣжавъ на галерею. При этомъ случаѣ княгиня В. И. Орбеліани обожгла себѣ руку. Между-тѣмъ поднялась суматоха. Кухарка княгинь побѣжала за ворота и призвала людей. Салимъ пришелъ съ топоромъ, и пожаръ былъ потушенъ прежде, чѣмъ успѣлъ принять серьёзные размѣры. На другой день плѣнницы ожидали себѣ выговора, но дѣло обошлось даже и безъ замѣчанія, вѣроятно, потому, что Шамиль богатъ лѣсомъ.

Послѣ долгаго молчанія всѣхъ родныхъ плѣнницъ, около этого же времени получено письмо отъ князя Гр. Орбеліани. Онъ увѣдомлялъ, что уже давно писали въ Петербургъ о сынѣ Шамиля и что дѣло начинаетъ принимать хорошій оборотъ. Плѣнницамъ дозволили написать, въ отвѣтъ, что онѣ живы и здоровы.

Послѣ этого часто пріѣзжали къ Шамилю разные люди съ извѣстіями о его сынѣ. Это были хорошіе шпіоны, и надо было удивляться точности доставляемыхъ ими свѣдѣній. Наконецъ кто-то привезъ извѣстіе, что молодой Джемаль-Эддинъ уже въ Ставрополѣ... Эта новость была встрѣчена торжественной радостью: шумѣли, стрѣляли, поздравляли другъ друга. Но княгини не вѣрили, конечно, и для нихъ пріятному извѣстію до-тѣхъ-поръ, пока не услышали его подтвержденія изъ устъ Могаммеда и Хассана, которые вскорѣ пріѣхали изъ Хасаф-Юрта и сообщили ту же самую вѣсть, прибавляя, что многіе, посланные отсюда, лично видѣли Джемаль-Эддина въ Ставрополѣ.

Шуанѣтъ съ шумною радостью прибѣжала поздравить плѣнницъ; но Зайдѣтъ, явившаяся слѣдомъ за нею, сдѣлала ей замѣчаніе:

— Очень-странно, сказала она: — что ты такъ бѣгаешь и радуешься! И чему тутъ радоваться? Развѣ у Шамиля одинъ сынъ?

Эта новая выходка Зайдѣты объяснялась тѣмъ, что она не хотѣла обнаружить передъ плѣнницами, какую высокую цѣну имѣло въ сералѣ извѣстіе о возвращеніи Джемаль-Эддина. Кромѣ-того, ей было досадно, что радуются не о ея кривоногой дочери, которую, кажется, только одну и любила она въ цѣломъ мірѣ.

VII.

Пріѣздъ Грамова.—Исторія Шуанеты.—Первые выкупы.—Самоубійство. — Вѣсти изъ Ставрополя. — Новая обида Аминетѣ. — Мильйонъ. — Свадьба. — Вѣсти изъ Владикавказа и Хасаф-Юрта. — Уполномоченные Шамиля и ихъ разсказы о Джемаль-Эддинѣ. — Отеческое чувство. — Хаджи-Ребиль или возстаніе въ сералѣ.

Исаакъ Грамовъ, лицо, чрезвычайно-важное въ дѣлѣ освобожденія нашихъ плѣнницъ, пріѣхалъ въ Веденно почти въ то же время, какъ и Шамиль, по возвращеніи изъ втораго похода. Гдѣ и какимъ образомъ произошла первая ихъ встрѣча — читатели узнаютъ впослѣдствіи; а теперь, дорожа непрерывностью разсказа о плѣнницахъ, мы только скажемъ, что Грамовъ, по прибытіи въ Веденно, былъ помѣщенъ въ комнатѣ казначея Хаджіо.

Въ день праздника Рождества Христова (*) къ Грамову носили сыновей плѣнницъ, маленькаго Георгія Орбеліани и Александра Чавчавадзе; но сами плѣнницы въ этотъ разъ не видѣли уполномоченнаго родныхъ своихъ. Затѣмъ Шамиль отпустилъ Грамова съ письмами и словесными инструкціями, изъ которыхъ главная состояла (по показанію плѣнницъ) въ томъ, чтобъ никто болѣе не являлся къ княгинямъ отъ русскихъ до-тѣхъ-поръ, пока Джемаль-Эддинъ не прибудетъ въ Хасаф-Юртъ. Какъ ни прискорбно было плѣнницамъ такое распоряженіе, но оно имѣло для нихъ и свою хорошую сторону: оно избавляло ихъ отъ полученія безполезныхъ писемъ, которыя влекли бы за собою только тревоги и безпокойства.

(*) Плѣнницы не ошиблись во времени наступленія праздника: онѣ считали свои дни отъ 4-го іюля, и въ-теченіе восьмимѣсячнаго плѣна, обсчитались только однимъ днёмъ: по ихъ счету освобожденіе ихъ выходило 9-го, а на-самомъ-дѣлѣ оно произошло 10-го марта.

По отъѣздѣ Грамова, княгини стали жить попрежнему. Шуанѣтъ, успокоенная возвращеніемъ Шамиля, начала чаще посѣщать ихъ. Возобновились бесѣды, нелишенныя интереса для плѣнницъ. Въ этихъ бесѣдахъ Шуанѣтъ окончательно разоблачила свою прекрасную душу и нѣсколько-легкомысленный нравъ. Она часто разспрашивала о европейскомъ образѣ жизни; говоря о *модахъ*, припоминала, что въ ея время въ Моздокѣ русскія дамы носили такія-то *шляпы* и такіе-то *салопы*, и интересовалась знать, какіе носятъ нынче.

— Вотъ теперь тамъ святки, продолжала Шуанѣтъ: — всѣ веселятся, ѣздятъ другъ къ другу съ поздравленіями по случаю новаго года, наряжаются, а у насъ здѣсь однообразіе... Я помню церкви: въ нихъ можно лучше молиться, чѣмъ въ нашихъ мечетяхъ или простыхъ комнатахъ... Впрочемъ, Богъ вездѣ одинъ...

Какъ-бы въ доказательство искренности послѣднихъ словъ Шуанѣты, она часто присутствовала при молитвѣ плѣнницъ и даже сама молилась иногда въ ихъ присутствіи. Но разговоровъ о религіи избѣгала, всегда отдѣлываясь отъ нихъ словами: «Богъ у всѣхъ одинъ» и т. п.

А вотъ что̀ разсказывала она княгинямъ о своей біографіи:

— Я была взята въ плѣнъ вмѣстѣ съ своими родными. Долго мы томились въ неволѣ; но наконецъ родные мои были всѣ освобождены цѣною денежнаго выкупа и моей свободы. Шамиль не отпускалъ только меня; но я согласилась собою пожертвовать для родныхъ. Три года я находилась при первой, уже умершей женѣ Шамиля. Въ это время меня склоняли къ принятію исламизма, но, впрочемъ, не приневоливали. Я долго не соглашалась отказаться отъ своей вѣры; но когда увидѣла и ближе узнала Шамиля, онъ мнѣ понравился, и тогда, изъ любви къ нему, я рѣшилась на все... тѣмъ болѣе, что, не принявъ исламизма, я не могла бы сдѣлаться женою человѣка, къ которому уже была привязана всей душою. Теперь мнѣ хорошо; но только жаль...

Шуанѣтъ прервала свою рѣчь, какъ-бы совѣстясь докончить ее.

— Чего же жаль? спросили княгини.

— Жаль, что Шамиль не любитъ, чтобъ мы получше наряжались...

Въ этой исповѣди была вся Шуанѣтъ: добрая, любящая и легкомысленная.

Между-тѣмъ начались переговоры о выкупѣ плѣнныхъ, постороннихъ княгинямъ простолюдиновъ. Ни одинъ выкупъ не обо-

шелся безъ непріятностей. Положеніе выкупаемыхъ нарочно дѣлали невыносимымъ, чтобъ заставить ихъ требовать отъ родныхъ своихъ какъ можно болѣе денегъ: ихъ сажали въ яму или морили голодомъ. Но поспѣшимъ сказать, что всѣ эти истязанія изобрѣтались безъ вѣдома Шамиля, скупостью и усердіемъ Зайдѣты и казначея Хаджіо, который, при всей добротѣ своей, дѣлался жаденъ и жестокъ, когда дѣло касалось денегъ.

Дошла очередь до дочери кизисхевскаго священника. За нее, за двухъ ея братьевъ, маленькую сестру и бабушку родные прислали около полуторы тысячи рублей серебромъ. Эта сумма, по всей вѣроятности, была собрана съ величайшими усиліями; но въ сералѣ требовали больше. Молодая дѣвушка упрашивала, молила своихъ тюремщиковъ, представляла имъ, что отца и мать ея убили, что она и сама не знаетъ, откуда и кѣмъ были присланы деньги за ея выкупъ—все было тщетно. Наконецъ согласились отпустить всѣхъ, но удерживали маленькую сестру. Дѣвушка обратилась къ посредничеству княгини Анны Ильиничны. Княгиня просила похлопотать Шуанѣту. Шуанѣтъ долго хлопотала, просила Шамиля и принесла въ отвѣтъ, что, по ихъ законамъ, дѣти безъ матерей принадлежатъ имъ, *какъ посланные отъ Бога для просвѣщенія ихъ исламизмомъ;* но что, въ награду княгинѣ за кормленіе ребенка собственной своей грудью, Шамиль даритъ ей маленькую сироту и отпуститъ ее на свободу вмѣстѣ съ семействомъ княгинь. Дѣвушка успокоилась. Но вскорѣ стали дѣлать ей новыя притѣсненія: просили надбавки. Тогда дѣвушка пришла въ отчаяніе и повѣсилась. Къ-счастью, Лабазанъ успѣлъ спасти ее. Спасенная самоубійца была очень-недовольна услугою Лабазана, обѣщала убить себя непремѣнно, однакожь осталась жить. На шумъ, причиненный этимъ происшествіемъ, прибѣжала жена стараго Джемаль-Эддина, узнала въ чемъ дѣло, и, въ ужасѣ, поспѣшила обо всемъ разсказать мужу. Джемаль-Эддинъ доложилъ о происшествіи Шамилю, и Шамиль приказалъ немедленно отпустить несчастную дѣвушку и все ея семейство, исключая маленькой вскормленницы княгини Анны Ильиничны: дѣвочка осталась при княгиняхъ. Послѣ этого, казалось бы, все уже кончено; но нѣтъ. Хаджіо и Зайдѣтъ, подъ предлогомъ, что отпускаемыхъ плѣнницъ необходимо одѣть и снабдить кое-чѣмъ на дорогу, оставили ихъ еще на три дня въ аулѣ и въ это время придумали потребовать отъ нихъ голову сахару. Несчастныя плѣнницы обѣщали прислать хоть двѣ, лишь-бы поскорѣе вырваться

на волю. Тушинъ, который пришелъ за ними, принесъ съ собою только половину денегъ, определенныхъ за выкупъ; остальная половина долженствовала быть уплачена на границѣ: поэтому съ освобожденной дѣвушкой и ея семействомъ отправили Салима и нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ всадниковъ для принятія должной суммы. Салимъ самъ вызвался исполнить это порученіе. Княгини давно подозрѣвали его въ сердечномъ расположеніи къ дочери священника, а теперь были увѣрены, что онъ взялся провожать ее не безъ цѣли. Такъ и случилось: Салимъ не возвратился въ горы. Жена его была въ отчаяніи и оглашала весь сераль своими воплями.

Много было примѣровъ, подобныхъ разсказанному. Никто не освободился изъ плѣна безъ величайшихъ затрудненій и непріятностей.

Между-тѣмъ шпіоны Шамиля дѣятельно сообщали ему свѣдѣнія о нетерпѣливо-ожидаемомъ сынѣ. Такимъ-образомъ онъ узналъ, что молодой Джемаль-Эддинъ уже двадцать дней живетъ въ Ставрополѣ, ожидая тамъ новаго намѣстника (главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и войсками, къ нему прикомандированными, и намѣстника кавказскаго, генерал-адъютанта генерала-отъ-инфантеріи Н. Н. Муравьева). Вслѣдъ затѣмъ Шамилю дали знать, что въ Ставрополь прибылъ главнокомандующій, но не князь Воронцовъ, а другой, *не князь, а генералъ*.

Нетерпѣливо ожидая болѣе-положительныхъ извѣстій о сынѣ, Шамиль предложилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ послать нарочнаго въ Хасаф-Юртъ за лекарствомъ для маленькаго Александра, который хворалъ въ это время, и написать что-нибудь къ своимъ. Шуанѐтъ при этомъ случаѣ сдѣлала и съ своей стороны порученіе: она желала имѣть на рубашку кусокъ двуличневой шелковой матеріи. Княгиня обо всемъ этомъ написала къ своимъ, и нарочный отправился. Черезъ нѣсколько дней онъ возвратился съ извѣстіемъ, что Джемаль-Эддинъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Петербурга; но когда будетъ на Кавказѣ — неизвѣстно. Кусокъ двуличневой матеріи также былъ полученъ и весьма понравился Шуанетѣ, которая не хотѣла воспользоваться имъ одна, а раздѣлила его съ Заидѐтой. При этомъ раздѣлѣ опять ничего не досталось Аминѐтѣ, и опять она перестала ходить къ плѣнницамъ, сердясь на нихъ *за обиду*. Шамиль узналъ о подаркѣ, полученномъ его старшими женами, и былъ этимъ весьма-недоволенъ; онъ предполагалъ, что шелковая матерія была прислана собственно для

княгинь, и упрекалъ своихъ женъ, замѣчая, что *неделикатно* отнимать у плѣнницъ матерію, изъ которой онѣ могли бы сдѣлать что-нибудь полезное для дѣтей своихъ.

Однажды вечеромъ къ плѣнницамъ зашла Зайдѣтъ. Появленіе ея не предвѣщало никогда ничего добраго. Дѣйствительно, и на этотъ разъ она повела разговоръ, нисколько-неутѣшительный.

— Шуанѣтъ и всѣ тамъ радуются, сказала она: — что Джемаль-Эддинъ возвращается изъ Россіи. Но вы не должны этому радоваться: я навѣрное знаю, что отъ этого ваше дѣло нисколько не подвинется впередъ: совсѣмъ не за васъ Шамиль требуетъ возвращенія сына.

— А за кого же?

— Вопервыхъ, Джемаль-Эддинъ не военноплѣнный, а аманатъ, слѣдовательно, на него нельзя вымѣнивать плѣнныхъ; а вовторыхъ, если ужь вымѣнять за него плѣнныхъ, то такихъ, которые сами не въ-состояніи внести за себя денежнаго выкупа.

— Хорошо, пусть будетъ такъ; но мы тоже навѣрное знаемъ, что если не за насъ, то ужь ни за кого не отдадутъ вамъ Джемиль-Эддина, и онъ возвратится въ Петербургъ.

— Пусть возвратится; это не бѣда; у Шамиля есть дѣти и кромѣ Джемаль-Эддина; Шамиль разстался съ нимъ давно и давно его оплакалъ... А за васъ все-таки меньше мильйона мы не возьмемъ.

— Это значитъ, что мы всѣ здѣсь умремъ въ неволѣ, потомучто мильйона вы не получите: намъ нѐ откуда взять такой суммы. Намъ смерть не страшна... А, впрочемъ, нѐчего теперь толковать объ этомъ; поговоримъ тогда, когда пріѣдутъ наши уполномоченные. Только знайте, что мильйона вы не получите, да у васъ и сосчитать его никто не съумѣетъ.

— Но мы требуемъ не мильйонъ *тумановъ* (*), а *только* мильйонъ рублей.

—Не съумѣете сосчитать и мильйона *абазовъ* (**)—такъ великъ у насъ мильйонъ!...

Зайдѣтъ ушла, и вскорѣ плѣнницы узнали, что казначей Хаджіо уже нѣсколько дней сидитъ въ-заперти и учится считать до мильйона, вмѣсто денегъ употребляя бобы, но что всѣ его старанія не приводятъ къ желанному результату.

(*) *Туманъ* — десять рублей.
(**) *Абазъ* — 20 коп. серебромъ.

Приходитъ Шуантѣтъ и проситъ плѣнницъ научить ее *по четкамъ* считать до мильйона. Княгини отвѣчали, что онѣ и сами не умѣютъ считать до такой большой суммы, потому-что никогда не имѣли и даже не видывали мильйона.

— А отчего же я помню, что отца моего звали мильйонщикомъ? Онъ былъ купецъ, а вы князья и, слѣдовательно, должны быть богаче, чѣмъ купцы.

— Будучи купцомъ, твой отецъ все свое состояніе имѣлъ въ деньгахъ, и потому легко могъ имѣть мильйоны; а у насъ, какъ у князей, все состояніе заключалось въ земляхъ, и потому большихъ денегъ никогда не было.

Шуанѣтъ опять не сообразила, что земли можно обращать въ деньги, и потому была совершенно удовлетворена уклончивымъ отвѣтомъ плѣнницъ.

Вскорѣ въ сералѣ случилась свадьба, которую нельзя совершенно прейдти молчаніемъ. Выдавали замужъ служанку Шуанѣты. Съ утра ее нарядили, набѣлили, выщипали ей часть бровей (чтобъ подравнять ихъ) и, накрывъ покрываломъ, посадили въ особой комнатѣ. Между-тѣмъ набралось множество женщинъ, принадлежавшихъ къ сералю и приходившихъ изъ аула. Поднялась стряпня, варенье и печенье; набивали сѣномъ тюфякъ, а одѣяло и подушку — шерстью. Прочее приданое состояло изъ нѣсколькихъ жестяныхъ тунгъ (*), двухъ котловъ, сковороды, жестянаго блюда и небольшаго сундука съ ахалуками и рубашками. Но самая великолѣпная часть приданаго, то-есть самая роскошная одежда была на невѣстѣ. Костюмъ ея заключался въ длинной рубашкѣ изъ клѣтчатой *бязи*, или сарпинки. Сверху былъ надѣтъ синій ситцевый ахалухъ съ желтымъ кантомъ изъ *канауса* (**); на головѣ же былъ черный бумажный платочекъ и сверху длинное бѣлое покрывало.

Когда стемнѣло, начали собираться гости. Всѣ, кромѣ невѣсты, собрались въ комнату Шуанѣты и усѣлись на полу ужинать. Послѣ ужина невѣсту повели за ворота, къ жениху. На пути она была привѣтствована Шамилемъ, который вышелъ на галерею своего кабинета и прочиталъ надъ невѣстой какую-то молитву.

(*) *Тунга* — сосудъ, мѣрою въ пять бутылокъ.

(**) *Канаусъ* — туземная и персидская шелковая матерія, грубаго издѣлія.

Затѣмъ ее вывели за ворота, и она скрылась. На внѣшнемъ дворѣ раздалось два или три выстрѣла, и тѣмъ кончился обрядъ.

Около этого времени (въ началѣ февраля) разнесся слухъ, что сынъ Шамиля уже во Владикавказѣ. Шамиль приказалъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ написать къ мужу письмо, въ которомъ просить ускорить пріѣздъ Джемаль-Эддина въ Хасаф-Юртъ.

Черезъ шестнадцать дней послѣ отправленія письма, княгиня получила отвѣтъ, въ которомъ заключалось извѣстіе, что Джемаль-Эддинъ уже въ Хасаф-Юртѣ (*). Великую радость произвело это извѣстіе въ сералѣ. Неизвѣстно, кàкъ оно было принято Шамилемъ, но, по особенному движенію и ликованію его приближенныхъ, можно было заключить, что таково же было душевное настроеніе и хозяина дома.

Вечеромъ было опять приказано плѣнницамъ писать письма къ роднымъ; но долго княгини были не въ состояніи приняться за письма, потому-что куча народа набилась въ ихъ тѣсную комнатку: всѣ спѣшили поздравить ихъ съ приближеніемъ благополучнаго окончанія ихъ плѣна. Наконецъ явились повѣренные Шамиля, и толпа поздравителей удалилась. Повѣренные отправились въ Хасаф-Юртъ дѣлать смотръ Джемаль-Эддину и теперь пришли къ плѣнницамъ за письмами. То были: Юнусъ, старикъ, помнившій дѣтство Джемаль-Эддина (тотъ самый мюридъ, который подъ Ахульго, въ 1839 году, передалъ малолѣтняго Джемаль-Эддина генералу Граббе), казначей Хаджіо и переводчикъ Шах-Аббасъ. Они дождались писемъ отъ плѣнницъ, взяли ихъ и отправились. Княгиня Анна Ильинична въ письмѣ своемъ къ мужу, между прочимъ, писала, что она желала бы, кромѣ собственно-цинондальскихъ плѣнницъ, включить въ число выкупаемыхъ Нину, неизвѣстно куда исчезнувшую еще на дорогѣ къ Веденнò, малютку, которую княгиня кормила своей грудью и которая была подарена ей Шамилемъ, и пятилѣтнюю дѣвочку, Теклу, отнятую у плѣнницъ Зайдèтой, ту самую, если припомнятъ наши читатели, которую эта *добрая* женщина соблазняла остаться въ сералѣ, обѣщая ей равенство и свободу.

(*) Письмо было отправлено 4-го февраля, а отвѣтъ посланъ изъ Хасаф-Юрта 17-го и достигъ до Веденнò 20-го числа того же мѣсяца. Джемаль–Эддинъ, вмѣстѣ съ кн. Д. А. Чавчавадзе, прибылъ въ Хасаф-Юртъ 17-го числа, выѣхавъ изъ Владикавказа 15-го.

Повѣренные Шамиля не замедлили возвратиться изъ Хасаф-Юрта, привезли Шамилю письмо отъ сына и сообщили много пріятнаго. Они разсказывали, что имъ не трудно было узнать въ Джемаль-Эддинѣ дѣйствительнаго сына Шамиля, что Джемаль-Эддинъ обращался съ ними весьма-хорошо и привѣтливо, что онъ свободенъ и находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ Давидомъ, и даже спитъ съ нимъ въ одной комнатѣ, но что одно только имъ не понравилось: онъ, сынъ святѣйшаго имама, въ бытность ихъ въ Хасаф-Юртѣ, ходилъ на вечеръ къ русскимъ офицерамъ, и—о ужасъ! танцовалъ тамъ съ женами гяуровъ; они сами это видѣли, скрытно наблюдая за нимъ черезъ окно, съ улицы.

Этотъ разсказъ, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе возмутилъ Зайдѣту. Посѣтивъ княгинь, она громко сокрушалась, что сынъ Шамиля забылъ Бога, обрусѣлъ, и что добраго ничего не будетъ отъ возвращенія его къ отцу. Княгини защищали Джемаль-Эддина, говорили, что онъ измѣнится, будетъ приноровливаться къ желаніямъ отца и обычаямъ страны. Шуанетъ поддерживала увѣренія княгинь, но все было напрасно: Зайдѣтъ твердила свое и прибавляла: «Лучше бы требовать не сына, а побольше денегъ», и т. п.

Однажды утромъ Шуанѣтъ зашла къ плѣнницамъ и сообщила имъ, что Шамиль чрезвычайно-счастливъ и веселъ, и сказалъ ей: «Шуанетъ, я очень-радъ, что ты несовсѣмъ забыла говорить по-русски; занимай Джемаль-Эддина, когда онъ пріѣдетъ: я тебѣ его поручаю».

Повѣренные вскорѣ снова отправились въ Хасаф-Юртъ, но въ этотъ разъ княгини не дали имъ никакихъ писемъ, и вотъ по какимъ причинамъ: имъ было приказано написать къ роднымъ, чтобъ они не жалѣли денегъ, если желаютъ когда-нибудь увидѣть освобожденіе плѣнницъ, что эти деньги требуетъ не Шамиль, а народъ, желающій получить никакъ не менѣе мильйона. Княгини отказались наотрѣзъ писать подобныя письма, объясняя, что это будетъ только излишняя переписка и безполезная проволочка времени, что дать мильйонъ родные ихъ никогда не будутъ въ состояніи, еслибъ даже продали все свое недвижимое имѣніе, тѣмъ болѣе, что оно опустошено набѣгомъ горцевъ, и теперь за него никто не дастъ даже десятой части требуемой суммы.

Шамилю передали о непослушаніи княгинь; но онъ нетолько не изъявилъ негодованія, а еще приказалъ не безпокоить болѣе

плѣнницъ, и взялся самъ продолжать переговоры о ихъ выкупѣ.

По мѣрѣ приближенія къ развязкѣ дѣла, плѣнницъ очевидно щадили и берегли болѣе-и-болѣе; но, несмотря на то, онѣ должны были соблюдать чрезвычайную осторожность въ своихъ поступкахъ и разговорахъ. Малѣйшее отступленіе отъ осторожности тотчасъ влекло за собою непріятности, иногда очень-чувствительныя, а иногда даже и опасныя. Разскажемъ примѣръ.

На другое утро послѣ исторіи съ письмами, въ комнату плѣнницъ зачѣмъ-то зашла служанка и переводчица Заидеты, а княжнѣ Баратовой вздумалось высказать при ней свое неудовольствіе на Шамиля. Княжна говорила, что Шамиль не оправдалъ своихъ намѣреній, потому-что сначала только и говорилъ о сынѣ, а теперь, когда сынъ почти уже возвратился, онъ опять заговорилъ о милліонѣ. Служанка отвѣчала, что въ этомъ нужно обвинять народъ, а не Шамиля, который совершенно довольствуется возвращеніемъ сына, а деньги требуетъ единственно по настоянію народа и народнаго совѣта.

— Все это очень-хорошо, возразила неосторожно княжна: — но только какое же понятіе будетъ имѣть Джемаль-Эддинъ объ отцѣ, когда узнаетъ о его невѣрности своему слову?...

Служанка продолжала защищать Шамиля и спорить съ княжною. Споръ принялъ рѣзкій оборотъ и кончился тѣмъ, что служанка побѣжала къ Заидѣтѣ съ донесеніемъ о случившемся.

Зная, что въ подобномъ донесеніи не могло обойдтись безъ преувеличенія преступленія, княгиня Анна Ильинична немножко испугалась за послѣдствія и пошла обо всемъ предупредить Шуанѣту.

— Я давно совѣтовала вамъ быть осторожнѣе въ своихъ разговорахъ, сказала Шуанѣтъ, выслушавъ княгиню, и собиралась уже отправиться къ Заидѣтѣ, какъ вдругъ влетаетъ въ комнату Хаджи-Ребиль (воспитательница дѣтей Шамиля) и, какъ фурія, бросается съ укоризнами на Шуанѣту. Княгиня не понимаетъ ихъ разговора, но видитъ, что Шуанѣтъ измѣнилась въ лицѣ и, въ смущеніи, ничего не отвѣчаетъ. На шумъ прибѣжала Аминѣтъ и тоже остановилась въ остолбенѣніи. Ярость Хаджи-Ребиль дошла до того, что она даже позволила себѣ толкнуть Шуанѣту. Тогда Шуанѣтъ вдругъ залилась крупными слезами и, обратясь къ княгинѣ, сказала ей порусски:

— Вотъ до чего дожила я! Она упрекаетъ меня самой большой жертвой, какую только я могла принести Шамилю изъ

любви къ нему: перемѣной моей религіи!... Она говоритъ, что я вамъ покровительствую оттого, что сама была христіанкой, и что теперь я первая измѣнница Шамилю!...

Княгиня Анна Ильинична не могла не прійдти въ справедливое и благородное негодованіе. Она просила Аминѣту перевести обезумѣвшей Хаджи-Ребиль, чтобъ она сейчасъ же вышла вонъ изъ комнаты, и что, въ противномъ случаѣ, княгиня, бывшая свидѣтельницей оскорбленія, нанесеннаго женѣ Шамиля, сама найдетъ время и случай обо всемъ разсказать ему.

Слова княгини подѣйствовали: Хаджи-Ребиль удалилась, притаивъ свою злобу, и Шуанѣтъ понемногу успокоилась.

Тогда княгиня обратилась къ Шуанѣтѣ съ просьбою поберечь себя и уже не приходить болѣе въ комнату плѣнницъ, чтобъ не раздражать злобы и фанатизма своихъ завистницъ и непріятельницъ.

Шуанѣтъ дѣйствительно стала рѣже посѣщать плѣнницъ, а Аминетъ тутъ-то и приблизилась къ нимъ, вторично позабывъ собственное свое неудовольствіе (за двуличную матерію) и увѣряя, что ей «весело бѣсить Зайдету».

VIII.

Коварное успокоеніе. — Рѣшительный разговоръ. — Болѣзнь и новыя нелѣпыя предложенія. — Хорошій оборотъ дѣла. — Старый Джемаль-Эддинъ. — Анахоретъ, или одна изъ тѣхъ комедій, которымъ Шамиль обязанъ своимъ вліяніемъ на народъ. — Формальное освобожденіе.

Въ концѣ февраля Юнусъ, Хаджіо и Шах-Аббасъ возвратились изъ вторичной поѣздки въ Хасаф-Юртъ и привезли Шамилю письмо отъ князя Д. А. Чавчавадзе. Содержаніе письма въ это время не было сообщено княгинямъ, а потому и мы приведемъ его впослѣдствіи, при подробномъ изложеніи переговоровъ о выкупѣ.

Плѣнницы безпокоились неизвѣстностью, тѣмъ болѣе, что собственно къ нимъ никакого письма въ этотъ разъ не было. На другой день, по возвращеніи уполномоченныхъ, княгиня Чавчавадзе пошла къ Шуанѣтѣ, чтобъ хоть отъ нея узнать что-нибудь о судьбѣ своей, но Шуанѣты не было въ ея комнатѣ:

она была у Зайдеты. Княгиня еще ни разу не была у женщины, къ которой не могла не питать презрѣнія; но теперь желаніе удовлетворить понятное любопытство, побудило княгиню пересилить свое отвращеніе и сдѣлать визитъ Зайдетѣ. Это было утромъ. Княгиня нашла Зайдету и Шуанету за чаемъ. Обѣ хозяйки пригласили гостью сѣсть съ ними на коверъ и предложили ей чашку чаю.

— Что новаго? спросила княгиня, принимая подаваемую ей чашку.

— Возвратившіеся посланные, отвѣчала Зайдетъ: — разсказывали, что въ Хасаф-Юртѣ мѣняютъ деньги на серебро. Шамиль завтра напишетъ и пошлетъ къ вашимъ свои послѣднія условія, и я надѣюсь, что очень-скоро ваше дѣло пріидетъ къ благополучному окончанію.

Княгиня едва могла скрыть свою радость при этомъ извѣстіи; но — увы! она была обманута Зайдетой. На другой же день для нашихъ плѣнницъ наступили новыя мученія, далеко отбросившія ихъ отъ надежды на скорое освобожденіе.

Началось съ того, что ихъ очень-рано пробудило появленіе Индриса на галересѣ, передъ дверью ихъ комнаты. Уже одно присутствіе этого человѣка знаменовало что-то недоброе: плѣнницы со страхомъ начали одѣваться.

— Полно вамъ бариться-то! закричалъ черезъ дверь Индрисъ, недовольный нѣкоторою медленностью туалета княгинь: — вотъ пошлютъ воду да дрова таскать, такъ перестанете важничать.

Молчаливо принявъ эту кровавую дерзость, княгини поспѣшно одѣлись, вышли на галерею и освѣдомились, съ какимъ важнымъ порученіемъ Индрисъ присланъ отъ своего повелителя.

Индрисъ отвѣчалъ:

— Послѣднее письмо князя Чавчавадзе привело Шамиля въ великое негодованіе. Имамъ рѣшился прекратить всѣ переговоры, а васъ всѣхъ разослать по ауламъ, въ подарокъ наибамъ. Такъ вотъ я пришелъ сказать вамъ, чтобъ вы приготовились къ путешествію: осмотрите одежду вашихъ дѣтей и скажите, не нужно ли имъ чего-нибудь изъ платья: ихъ тоже раздадутъ по разнымъ ауламъ, а тамъ ужь ничего необходимаго не достанутъ.

Невозможно изобразить всѣхъ чувствъ, которыми слова шамилева холопа взволновали несчастныхъ плѣнницъ. Негодованіе на своихъ палачей, ужасъ за обѣщаемое будущее, грусть при видѣ

АМЕРИКА.

а) Сѣверная.

1) Датскія владѣнія, въ которыхъ находится селеніе *Юліансгаабъ*.

2) Земли независимыхъ Индійцевъ.

3) Россійскія владѣнія, гл. г. *Ново-Архангельскъ*, на островѣ Ситхѣ.

4) Англійскія владѣнія, важнѣйшее Канада, гл. г. *Кингстонъ*, прежде *Квебекъ*.

5) Соединенные Сѣверо-Американские Штаты, гл. г. *Вашингтонъ*. Примѣчательнѣйшій городъ по торговлѣ *Нью-Іоркъ*.

6) Соединенные Мексиканские Штаты, гл. г. *Мексика*.

7) Республика Гватемала, или Соединенные Штаты Средней Америки, гл. г. *Гватемала*.

б) Южная.

1) Республика Новая Гренада, гл. г. *Богота*.

2) — — — Венесуэла, гл. г. *Каракасъ*.

3) — — — Экуадоръ, гл. г. *Квито*.

4) — — — Перу, гл. г. *Лима*.

5) — — — Боливія, гл. г. *Чукизака*.

6) — — — Чили, гл. г. *Сантъ-Яго*.

7) Патагонія.

8) Соединенныя области Ла-Платскія, гл. г. *Буэносъ-Айресъ*.

9) Республика Парагвай, гл. г. *Ассумсіонъ*.

10) Республика Уругвай, гл. г. *Монтевидео*.

11) Гвіана: а) Англійская, гдѣ гл. г. *Стабрукъ* или *Джоржъ-таунъ*.

b) Голландская, или Суринамъ, гдѣ гл. г. *Парамарибо*.

негъ гораздо-болѣе, чѣмъ намъ предлагаетъ за ваше освобожденіе.

Княгиня Анна Ильинична вспыхнула негодованіемъ и, вставъ съ своего мѣста, громко отвѣчала Кази-Махмату:

— Это неправда! Я увѣрена, что мужъ мой не пожалѣетъ и не спрячетъ ни одного *шаура* (*) для нашего освобожденія, а пожертвуетъ всѣмъ, что̀ имѣетъ. Въ-особенности теперь для чего ему деньги? Вѣроятно, онъ предлагаетъ все, что̀ успѣлъ получить подъ закладъ своего имѣнія.

Потомъ, обратясь къ Шах-Аббасу, княгиня прибавила:

— Если они этого не понимаютъ, то вы должны знать, что у насъ не даютъ денегъ безъ заклада. У моего мужа нѣтъ ничего болѣе!

— Какъ можешь ты говорить такъ утвердительно? замѣтилъ Кази-Махматъ: — а что̀ ты скажешь, если мужъ твой рѣшится дать болѣе?

— Ни одной копейки! я въ этомъ увѣрена.

— А если ему помогло правительство?

— Этого быть не можетъ; а еслибъ и было, то мужъ мой, конечно, предлагаетъ вамъ сполна все то, чѣмъ можетъ располагать.

— Можешь ли ты поручиться своей головою, что у него болѣе ничего нѣтъ и что онъ не дастъ намъ ничего болѣе предлагаемаго?

— Ручаюсь головою! отвѣчала княгиня безъ основанія, но побуждаемая какимъ-то вдохновеніемъ непостижимой смѣлости и рѣшимости.

Эта смѣлость, какъ и всегда, благодѣтельно подѣйствовала на горцевъ. Они значительно смягчили требовательный тонъ разговора. Кази-Махматъ продолжалъ:

— Хорошо, мы вѣримъ, что мужъ твой разоренъ. Но зачѣмъ же князь Григорій Орбеліани отступилъ отъ переговоровъ и даже уѣхалъ изъ Темир-Хан-Шуры?

— Вѣроятно, онъ не по своей волѣ, а по приказанію начальства уѣхалъ изъ Темир-Хан-Шуры; а отъ переговоровъ онъ, конечно, не отступалъ. Я увѣрена, что въ суммѣ, предлагаемой за наше освобожденіе, есть значительная доля и его денегъ, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична.

(*) *Шауръ* — пять коп. сер.

— Но онъ могъ бы вести особые переговоры о тебѣ и о княжнѣ Баратовой, какъ о своихъ ближайшихъ родственницахъ. Въ противномъ случаѣ, мы отпустимъ княгиню Чавчавадзе и дѣтей ея; а тебя съ сыномъ и племянницей задержимъ здѣсь.

Княгиня Анна Ильинична опять вмѣшалась въ разговоръ.

— Я удивляюсь, сказала она съ запальчивостью и достоинствомъ: — какъ не стыдитесь вы дѣлать намъ подобныя предложенія! Въ-особенности, какъ не стыдно это Кази-Махмату, который набѣгомъ своимъ на Кахетію пріобрѣлъ славу въ народѣ, а между-тѣмъ не можетъ по совѣсти сказать, что онъ вынималъ ружье изъ чехла! Онъ съ двумя тысячами чеченцовъ воспользовался беззащитностью женщинъ и взялъ ихъ какъ изъ клѣтки! Мы ничего вамъ не стоили; а между-тѣмъ черезъ насъ вы получаете великое счастіе видѣть посреди себя вашего старшаго брата. Кромѣ-того, вамъ даютъ денегъ столько, сколько дать могутъ. Такъ чего же вы еще отъ насъ требуете? И для чего такъ притѣсняете насъ? Знайте, что если вы будете требовать невозможнаго, то наши родные пожертвуютъ нами и отошлютъ обратно въ Россію Джемаль-Эддина. Чѣмъ тогда загладите вы свой стыдъ и посрамленіе?

Когда Кази-Махмату перевели слова княгини, онъ имѣлъ добросовѣстность не возражать, покраснѣлъ и, въ смущеніи, опустилъ глаза, какъ пристыженный ребенокъ.

Тогда заговорили муллы.

— Все это очень-хорошо, сказали они, видимо желая прекратить разговоръ: — но Шамиль позволилъ вамъ еще недѣлю остаться здѣсь, съ тѣмъ, чтобъ вы написали *хорошія* письма къ вашимъ родственникамъ.

Тѣмъ и кончилось это шумное и рѣшительное объясненіе. Но, уходя вмѣстѣ съ прочими, Шах-Аббасъ успѣлъ шепнуть плѣнницамъ:

— Не тревожьтесь: здѣсь ужь такой обычай, чтобъ пугать христіанъ; но я знаю, что все хорошо кончится.

Тѣмъ не менѣе плѣнницы, возвратясь къ себѣ въ комнату написали и отправили письма, исполненныя отчаяніемъ безнадежности (*), и послѣ того долго не могли прійдти въ себя отъ волненія; особенно же была взволнована княгиня Анна Ильинич-

(*) См. въ первомъ приложеніи къ III-й части, письма 1-е и 2-е.

на; и не мудрено, потому-что она съ особенной горячностью защищала свое дѣло въ разговорѣ съ Кази-Махматомъ и наибами. Впечатлѣніе этого разговора подѣйствовало на нее и физически: въ изнуреніи, она прилегла на тюфякъ. Тогда вошла въ комнату Шуанѐтъ и, замѣтивъ изнеможеніе княгини, отвела въ сторону княгиню Орбеліани и, какъ-бы конфиденціально, сказала ей слѣдующее:

— Послушай, *Варварѐ*, ты ужь не такъ молода, чтобъ тебя могла удивить всякая неожиданность; не удивляйся же, вотъ что̀ я скажу тебѣ: сестра твоя *кончается*, стало-быть, намъ все-равно, что оставить ее здѣсь, что отпустить на свободу; мы ее и отпустимъ съ дѣтьми, а тебѣ совѣтую остаться вмѣсто нея, въ залогъ мильйона.

— Остаться я готова, отвѣчала княгиня Варвара Ильинична: — я и прежде на это изъявляла готовность; но все-таки должна сказать, что мильйона вамъ не дадутъ ни въ какомъ случаѣ, а князь Давидъ никакъ не рѣшится выкупить насъ одну безъ другой. Дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Но попробуй, напиши къ нему, что ты согласна остаться здѣсь въ ожиданіи выкупа въ мильйонъ рублей. Шамиль этого желаетъ.

— Я готова писать, хотя совершенно убѣждена, что ни князь Давидъ, ни сестра моя не согласятся на такія условія.

Шуанѐтъ была довольна и побѣжала сообщить Шамилю объ успѣхѣ даннаго ей порученія.

Между-тѣмъ княгиня Анна Ильинична, заболѣвъ вслѣдствіе сильнаго раздраженія при разговорѣ съ Кази-Махматомъ и наибами, продолжала хворать, хотя совсѣмъ не была въ томъ опасномъ положеніи, въ какомъ находила ее Шуанѐтъ. Прошло нѣсколько грустныхъ, ничѣмъ-незамѣчательныхъ дней. Однажды вечеромъ пришли ее навѣстить старшія жены. Шуанѐтъ ушла на галерею съ княгиней Варварой Ильиничной, а Зайдѐтъ осталась въ комнатѣ.

— Зачѣмъ вы такъ сильно упорствуете? сказала она больной княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ: — почему бы не уйдти тебѣ отсюда съ твоимъ Александромъ? А сестра твоя и прочія дѣти остались бы здѣсь до-тѣхъ-поръ, пока вы не прислали бы за нихъ мильйонъ.

— Но откуда же мы возьмемъ мильйонъ? съ усиліемъ и отвращеніемъ произнесла больная.

— Ты взяла бы носовой платокъ и пошла бы по городамъ собирать деньги на выкупъ.

Какъ ни уклонялась больная отъ бесѣды съ Зайдѣтой, но послѣдняя ея выходка разсмѣшила княгиню и невольно вызвала ее на отвѣтъ.

— Напрасно ты стараешься уговаривать меня, сказала она Зайдѣтѣ: — я знаю и свое состояніе и средства, какими могу пріобрѣсти деньги. Происхожденіе мое не позволитъ мнѣ собирать милостыню; да еслибъ я и рѣшилась на это, то во всю жизнь не набрала бы и десятой части милліона.

— Отчего же происхожденіе твое тому препятствуетъ?

Княгиня спохватилась, что она напрасно упомянула о своемъ происхожденіи, и поспѣшила поправить ошибку отвѣтомъ, болѣе-сообразнымъ съ понятіями татарки.

— Оттого, отвѣчала она: — отчего и твое происхожденіе тому препятствовало бы: ты не можешь выйдти изъ дома; точно также и меня не пуститъ мужъ мой ходить по̀-міру.

— Ну, послѣ этого ужь право не знаю, что̀ и дѣлать! заключила Зайдѣтъ, поднялась съ своего мѣста и вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько дней возвратились изъ Хасаф-Юрта уполномоченные, ѣздившіе туда съ послѣдними письмами плѣнницъ. Съ замираніемъ сердца узнали онѣ о ихъ возращеніи и ожидали разсказовъ о результатѣ поѣздки. Но на этотъ разъ имъ не было суждено узнать ничего непріятнаго. Возвращеніе уполномоченныхъ ознаменовалось въ сералѣ тѣмъ всеобщимъ движеніемъ и суетливостью, которыя всегда были признакомъ добраго расположенія духа имама.

Казначей Хаджіо нашелъ случай разсказать княгинямъ, что князь Давидъ написалъ, или приказалъ сказать Шамилю что-то очень-рѣзкое и рѣшительное, но что Шамиль, сверхъ чаянія, остался доволенъ, вѣроятно, потому, говорилъ Хаджіо, что имамъ всегда цѣнилъ смѣлость и рѣшительность, а въ князѣ Чавчавадзе уважаетъ и цѣнитъ его прямоту, храбрость, энергію, и т. д.

— Ваше дѣло принимаетъ весьма-хорошій оборотъ, заключилъ казначей: — старикъ Джемаль-Эддинъ сильно держитъ вашу сторону.

Вслѣдъ за ушедшимъ казначеемъ, къ дверямъ плѣнницъ пришелъ и самъ Джемаль-Эддинъ. На галерею къ нему вышла одна

княгиня Варвара Ильинична; княгиня же Анна Ильинична, по нездоровью, не могла оставить своей комнаты.

Наружность Джемаль-Эддина была почтенная и располагающая. Это былъ высокій, худощавый, сѣдой старикъ, съ правильными чертами и умнымъ выраженіемъ лица.

— Какъ здоровье васъ обѣихъ? спросилъ онъ княгиню Варвару Ильиничну черезъ переводчицу Тамару.

— Сестра больна, отвѣчала княгиня.

— Я это давно слышалъ. Ты тоже похудѣла. Мнѣ жаль васъ; но вы сами себя убиваете. Я не понимаю, зачѣмъ вы такъ отчаяваетесь. Вамъ съ самаго начала мы говорили, что ничего худаго не будетъ.

— Это правда; но мы плѣнницы Шамиля и не можемъ быть спокойны, зная, что не сегодня, такъ завтра насъ могутъ разослать по ауламъ, разлучить другъ съ другомъ, отдать наибамъ.

— Если такъ, то зачѣмъ же ты къ брату твоего мужа (князя Григорія Орбельяни) не писала ничего такого, что̀ могло бы его *тронуть* и заставить согласиться на увеличеніе вашего выкупа?

— Затѣмъ, что я очень-хорошо знала, что онъ и безъ того сдѣлалъ *все*, и болѣе *ничего* сдѣлать не можетъ.

— Но отчего же ты, которая сильнѣе сестры, не хочешь остаться здѣсь и цѣною своего плѣна освободить сестру и слабыхъ дѣтей?

— Я была согласна, и сама говорила объ этомъ еще сначала нашего плѣна; но теперь поздно; теперь *наши* на это не согласятся.

Джамаль-Эддинъ, сидѣвшій до этого времени на скамьѣ, всталъ и сказалъ съ одушевленіемъ:

— Клянусь головой моей, что все для васъ благополучно кончится. Шамиль хоть и рѣшительный человѣкъ, но все же онъ сынъ мой!...

Съ этими словами добрый старикъ хотѣлъ удалиться, но княгиня остановила его вопросомъ:

— А если Шамиль будетъ не въ-состояніи склонить на уступку своихъ подвластныхъ? Мы слышали, что денегъ требуетъ народъ настойчивѣе, чѣмъ самъ Шамиль.

— Для-того, чтобъ убѣдить народъ, у насъ есть средство. Но объ этомъ я не могу сказать вамъ. Будетъ время, можетъ, и сами узнаете.

И старикъ удалился.

Дѣйствительно, вскорѣ княгини узнали, въ чемъ состояло средство, о которомъ намекнулъ Джемаль-Эддинъ и которое Шамиль употребилъ для убѣжденія народа принять отъ родственниковъ плѣнницъ, вмѣсто желаемаго мильйона, ту сумму, какую они предлагали.

Куда-то въ пустынныя горы и дикіе лѣса шамилевыхъ владѣній посылали за извѣстнымъ отшельникомъ, какимъ-то анахаретомъ мюридизма, пользующимся громкою славой святаго и угоднаго Богу человѣка, уже много лѣтъ созерцающаго Божество въ своемъ неприступномъ уединеніи (*). Анахаретъ прибылъ въ Веденно̀ и былъ помѣщенъ въ старомъ кабинетѣ Шамиля, изъ котораго дверь выходила во внутренній дворъ, а большое окно во внѣшній. На этотъ послѣдній дворъ сгоняли ежедневно огромное количество народа и, по всей вѣроятности, преимущественно ту часть народа, которая участвовала въ нападеніи на Кахетію, и слѣдовательно была наиболѣе заинтересована дѣломъ о выгодномъ выкупѣ плѣнницъ. Три недѣли сряду, каждый день, неутомимо проповѣдывалъ отшельникъ народу (черезъ окно) постановленія мюрюдизма. Въ промежуткахъ своей проповѣди онъ молился, употребляя при этомъ странныя тѣлодвиженія, похожія на движенія песта въ ступкѣ, а въ промежуткахъ молитвы пѣлъ раздирающимъ голосомъ *астафюр-Алла!* Въ то же время, всѣ присутствующіе въ комнатѣ, то-есть самъ Шамиль, Кази-Махматъ, Джемаль-Эддинъ и почтнѣйшіе приближенные имама пѣли хоромъ: *ля-илляха̀-иль-Алла̀!* и дѣлали такія же тѣлодвиженія, какія дѣлалъ отшельникъ. Пѣніе постепенно ускорялось вмѣстѣ съ тѣлодвиженіями до-тѣхъ-поръ, пока молящіеся такимъ образомъ не приходили въ экстазъ, или восторженное состояніе, и тогда пѣніе ихъ часто обращалось въ одинъ отрывистый, какъ-будто изъ глубины груди выходящій звукъ: *ля!... ля!...*

Изъ комнаты плѣнницъ были очень-хорошо слышны всѣ эти благочестивыя упражненія главнѣйшихъ представителей знаменитаго кавказскаго мюридизма.

Княгини, еще непостигавшія настоящей цѣли всей этой комедіи, задумывались о странномъ способѣ мусульманскаго богопочитанія, но г-жа Дрансѐ выходила изъ терпѣнія, слушая раздирающіе звуки однообразной молитвы: Ah! j'en ai assez de

---

(*) См. о мюридизмѣ въ 5-мъ приложеніи къ III-й части.

ces prières! восклицала она, затыкая себѣ уши. Нянюшка же маленькаго Георгія Орбеліани, благоразумная и добрѣйшая Катерина Яковлевна, при этомъ случаѣ, разсуждала такимъ образомъ: «не-уже-ли же, сударыня, Богъ этакую молитву пріиметъ?» На счетъ же возгласа отшельника, часто повторявшаго свое: *аста-фюр-Аллà*, Катерина Яковлевна замѣчала, что это въ переводѣ значитъ: *оставь мильйонъ*. Что касается до дѣтей, то онѣ были очень-довольны тѣмъ, что могли научиться подражать съ необыкновенною вѣрностью пѣнію мюридовъ.

Мы ужь сказали, что вся эта исторія продолжалась три недѣли, начавшись гораздо-ранѣе, чѣмъ плѣнницы были подвергнуты описаннымъ выше мучительнымъ для нихъ переговорамъ. Но только теперь поняли онѣ, для чего все это дѣлалось. Въ заключеніе своихъ проповѣдей, отшельникъ обыкновенно училъ народъ умѣренности въ жизни, толковалъ о суетности всего преходящаго и внушалъ, что излишнее богатство ведетъ человѣка ко всѣмъ порокамъ и къ погибели, какъ въ здѣшнемъ мірѣ, такъ и въ раю Мухаммеда.

Плѣнницы поняли, что Шамиль употребилъ содѣйствіе отшельника съ цѣлью подготовить народъ къ согласію принять за ихъ выкупъ ту сумму, которую за нихъ предлагали, и которая такъ далеко не достигала до мильйона, требуемаго народомъ, и удивлялись только тому, зачѣмъ Шамиль, распорядившись уже заблаговременно принять такую сильную мѣру къ убѣжденію своихъ подвластныхъ, и доказывая тѣмъ, что самъ онъ давно былъ согласенъ принять условія предлагаемаго выкупа — зачѣмъ, послѣ всего этого, допустилъ мучить своихъ плѣнницъ безполезными требованіями и настояніями. Еще удивительнѣе для нихъ были эти настоянія, когда онѣ узнали, что ужь двѣ недѣли назадъ, разработывалась дорога къ р. Мечику (мѣсту обмѣна) для проѣзда колесныхъ экипажей, то-есть доморощенныхъ горскихъ *арбъ*. Въ-самомъ-дѣлѣ, нетерпѣливое ожиданіе Шамиля поскорѣе устранить всѣ препятствія къ возвращенію своего старшаго сына было очевидно, и потому очень-трудно было бы истолковать причины допущенныхъ имъ притѣсненій и грубаго обхожденія съ плѣнницами, еслибъ мы ужь не знали, что многое въ сералѣ происходило безъ его вѣдома, или исполнялось не такъ, какъ онъ приказывалъ. Притомъ же, скупость и жестокость Заидеты могли быть однимъ изъ сильныхъ поводовъ ко всему тому, что̀ претерпѣли плѣнницы въ послѣдніе дни своего пребыванія въ сералѣ.

ЦѢНА ВЪ БУМАЖКѢ 30 КОП. СЕРЕБ.

емъ истину, *быль*, ненуждающуюся ни въ какихъ техническихъ авторскихъ ухищреніяхъ. Притомъ же, намъ жаль разстаться съ нашими плѣнницами послѣ восьми-мѣсячной жизни, такъ неразлучно-прожитой вмѣстѣ съ ними. Намъ не хочется оставить ихъ даже и на *шесть дней*: доведемъ же ихъ до дня, который избыткомъ радости вознаградитъ ихъ за всѣ претерпѣнныя страданія; передадимъ ихъ съ рукъ на руки счастію, и тогда обратимся къ послѣдней части разсказа, которая представитъ нашимъ читателямъ едва-ли не самые интересные факты по отношенію къ одному изъ главнѣйшихъ лицъ этой правдивой исторіи, то-есть по отношенію къ самому Шамилю.

Въ воскресенье, 6-го марта, по сералю разнесся слухъ, что въ Веденò ѣдетъ изъ своего наибства Кази-Махматъ съ женою, которая желаетъ вмѣстѣ со всѣми родными встрѣтить ожидаемаго изъ Россіи старшаго брата своего мужа и, кромѣ того, весьма любопытствуетъ видѣть плѣнныхъ княгинь.

Въ понедѣльникъ явился казначей и предложилъ княгинямъ написать письмо въ Хасаф-Юртъ съ увѣдомленіемъ, что Шамиль избралъ для *обмѣна* четверкъ, то-есть 10-е число того же мѣсяца. По показанію горцевъ, *четверкъ* — любимый день Шамиля, и онъ всегда старается начинать важныя свои дѣла и предпріятія въ этотъ день.

Легко себѣ представить, съ какимъ восторгомъ было написано это извѣщеніе.

Въ понедѣльникъ же вечеромъ прибыли въ аулъ Кази-Махматъ и жена его. Нѣсколько-ранѣе привезли въ сераль и Махмата-Шаби, въ которомъ княгини нашли большую перемѣну: хорошенькій мальчикъ нѣсколько возмужалъ, ходилъ степенно и не шалилъ, какъ прежде; видно было, что его порядочно вышколили въ чужихъ людяхъ.

Прежде, чѣмъ молодая чета, сынъ и невѣстка Шамиля, прибыли къ воротамъ сераля, на встрѣчу имъ поѣхали верхами дочери Шамиля съ своей гувернанткой, Хаджи-Ребиль, и съ нѣкоторыми другими женщинами. Когда онѣ уѣхали, вышелъ случайно изъ своей комнаты Шамиль и, увидѣвъ на дворѣ Махмата-Шаби, сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ не поѣхалъ вмѣстѣ съ другими встрѣчать брата и жену его. Юноша побѣжалъ въ конюшню, осѣдлалъ лошадь, но на встрѣчу брата не поспѣлъ: жена Кази-Махмата, *Каримàтъ*, показалась въ воротахъ. Она граціозно сидѣла (разумѣется, помужски) на прекрасномъ конѣ, а

костюмъ ея состоялъ изъ *собольей* шубы, покрытой старинной золотой парчею; съ головы опускалась на плечи и спину бѣлая чадра изъ довольно-тонкаго батист-д'экосса; лицо же было покрыто густымъ вуалемъ, вышитымъ золотомъ.

Еще въ первый разъ плѣнницы встрѣчали въ сералѣ такое богатство костюма. Въ-особенности ихъ удивляли парча и соболи, но онѣ скоро объяснили себѣ эту роскошь, странную въ горахъ Чечни: онѣ вспомнили, что Каримàтъ была дочь Даніэль, султана элисуйскаго, когда-то бывшаго независимымъ владѣтелемъ своего ханства и потомъ генерал-майоромъ въ русской службѣ и, слѣдовательно, имѣвшаго полную возможность доставать богатые костюмы женѣ своей, отъ которой они, по всей вѣроятности, перешли къ Каримàтъ, какъ материнское наслѣдіе.

Каримàтъ довольно-церемоніально была встрѣчена во дворѣ сераля. Ее поочередно привѣтствовали сначала Заидѐтъ, потомъ Шуанѐтъ и наконецъ Аминѐтъ, а приняли и посадили на коврахъ въ комнатѣ Заидѐты. Черезъ нѣсколько минутъ Шамиль отправился туда же; но, войдя въ комнату, онъ довольно-странно привѣтствовалъ свою невѣстку.

— Любезная Каримàтъ, сказалъ онъ ей докторальнымъ тономъ: — мнѣ очень-пріятно тебя видѣть, но непріятно, при первой же встрѣчѣ, замѣтить, что жена моего сына не измѣнила своимъ привычкамъ и попрежнему продолжаетъ одѣваться въ дорогіе наряды. Мнѣ кажется, это золотое покрывало совершенно ненужно, особенно здѣсь, гдѣ простота соблюдается всѣми.

Къ-сожалѣнію, неизвѣстно, что̀ отвѣчала Каримàтъ своему свекру.

На другой день, во вторникъ, утромъ, Заидѐтъ прислала сказать плѣнницамъ, что если онѣ хотятъ видѣть свои драгоцѣнныя вещи, изъ которыхъ, можетъ быть, пожелаютъ что-нибудь выкупить, то могутъ прійдти въ ея комнату. Обѣ княгини отправились по приглашенію и нашли большое общество, чинно сидѣвшее на коврахъ. Возлѣ Заидѐты съ одной стороны сидѣлъ Махматъ-Шаби, а съ другой Шуанѐтъ, за Шуанѐтой Каримàтъ, возлѣ нея Аминѐтъ, а за Аминетой дочери Шамиля, Хаджи-Ребиль и нѣсколько другихъ женщинъ. Тутъ же былъ и казначей Хаджіо, присутствіе котораго, къ сожалѣнію, помѣшало княгинямъ видѣть въ лицо жену Кази-Махмата, которая, какъ и всѣ прочія, оставалась съ закрытымъ лицомъ, потому-что тутъ находился мужчина.

На коврѣ передъ честною компаніей были разбросаны вещи и серебро — добыча горцевъ, расхитившихъ Цинондалы. Все это было разрознено и переломано и составляло только развѣ десятую часть всѣхъ цинондальскихъ драгоцѣнностей.

Княгинь пригласили сѣсть и предложили имъ выбрать что-нибудь изъ своихъ вещей для выкупа. Онѣ отвѣчали, что вещи такъ исковерканы и изуродованы, что даже не стоитъ и выкупать ихъ.

Грустно было плѣнницамъ смотрѣть на прежнія свои драгоцѣнныя и изящныя бездѣлицы, но не столько потому, что онѣ ихъ лишились, сколько потому, что видѣли такое невѣжественное съ ними обращеніе. Особенно жаль было княгинямъ найдти въ мелкихъ, искаженныхъ кускахъ брильянтовый букетъ чудной старинной работы, дѣлавшей изъ него, по выраженію г-жи Дрансе: un véritable objet d'art. Этотъ букетъ, кромѣ своей цѣнности, былъ въ-особенности *по воспоминанію* дорогъ для семейства князей Чавчавадзе: онъ былъ подаренъ императрицей Екатериной Великой бабушкѣ князя Давида Александровича, женѣ князя Герсевана Чавчавадзе, ѣздившаго въ Петербургъ посломъ отъ предпослѣдняго грузинскаго царя, Ираклія.

На болѣе-новыхъ вещахъ была исчерчена и обита эмаль, вѣроятно, отъ пробы ея кинжалами. Во многихъ брильянтовыхъ украшеніяхъ не доставало лучшихъ каменьевъ.

Между этими полуразрушенными и грустными свидѣтельствами прежней жизни, княгиня Анна Ильинична нашла маленькій и нецѣнный браслетъ, принадлежавшій ея старшей дочери, Саломе. «Вотъ эта вещица принадлежала моей дочери» сказала княгиня. Махматъ-Шаби, съ любезностью добраго мальчика, тотчасъ же схватилъ браслетъ и сказалъ: «я отнесу его Саломе»; но Зайдѣтъ съ сердцемъ выхватила вещь изъ рукъ Махмата-Шаби и сдѣлала ему строгій выговоръ. Она до конца не хотѣла измѣнить своему характеру.

Послѣ этого открыли ящикъ съ вещами княгини Варвары Ильиничны. Эти вещи гораздо-лучше сохранились, вѣроятно, потому, что попали въ лучшія руки. Княгиня Варвара Ильинична старалась отъискать какую-нибудь вещь, принадлежавшую ея покойному мужу, и дѣйствительно, нашла два кольца его; но она имѣла неосторожность обрадоваться своей находкѣ, и потому лишилась ея: всѣ видѣли, какъ Зайдѣтъ схватила оба кольца и спустила ихъ себѣ въ рукавъ. Послѣ этого княгини объявили,

что выкупать ничего не желаютъ. Тогда Шуанѐтъ обратилась къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и сказала, что ей очень нравится одинъ перстень, который оцѣненъ въ пятнадцать рублей, и что она желала бы купить его у *народа* (?!).

— Дѣлайте, что̀ хотите; все это въ вашей волѣ и въ вашемъ распоряженіи, отвѣчала княгиня.

Плѣнницы въ грустномъ расположеніи духа возвратились въ свою комнату. Невольно сравнивали онѣ свое настоящее положеніе съ прежнимъ, такъ живо олицетворившемся для нихъ въ обломкахъ утраченнаго богатства; но черезъ минуту онѣ вспомнили, что лучшія ихъ богатства — свобода и родина, по неизреченной благости Провидѣнія и правительства, черезъ нѣсколько дней будутъ возвращены имъ, и успокоились отъ минутнаго огорченія.

Каримàтъ, которую такъ хотѣлось имъ видѣть, онѣ еще не видѣли, потому-что въ комнатѣ Зайдѐты она, какъ мы уже сказали, была закрыта вуалемъ. За-то плѣнницы изъ дверей своей комнаты видѣли забавную сцену, въ которой была участницей Каримàтъ. Бабушка Баху́, у которой остановился и жилъ Кази-Махматъ (тогда-какъ жена его жила и ночевала въ комнатѣ Зайдеты или Хаджи-Ребиль), послала своихъ внучекъ, то-есть сестеръ Кази-Махмата, за Кариматой съ тѣмъ, чтобъ насильно привести ее въ бабушкину комнату; но Каримàтъ не шла, упиралась; тогда дочери Шамиля подстерегли ее на дворѣ, захватили и потащили силою со смѣхомъ и хохотомъ; но Каримàтъ все-таки успѣла вырваться и убѣжала въ комнату Зайдѐты.

Эта забавная сцена объяснила плѣнницамъ любопытную черту изъ нравовъ чеченскаго сераля. Онѣ узнали, что *приличіе* не позволяло Кази-Махмату не только что жить, но и встрѣчаться съ женою въ одной комнатѣ во все время, пока они были въ гостяхъ у отца. Поэтому-то Кази-Махматъ и жилъ въ отдѣленіи своихъ сестеръ и бабушки, а Каримàтъ оставалась въ другихъ отдѣленіяхъ сераля; поэтому же Каримàтъ даже и днемъ не хотѣла идти на приглашеніе старой Баху́ и не поддавалась насильственнымъ мѣрамъ, принятымъ противъ нея сестрами Кази-Махмата.

Вникая въ эту черту чеченскихъ приличій, можно объяснить ее чистотой и стыдливостью нравовъ. Но едва-ли это будетъ справедливо и едва-ли не вѣрнѣе будетъ истолковать описанную нами черту тѣмъ, что̀ г-жа Дрансé называла «de la pruderie qui

masque la nudité de l'impudeur, et qui met à tort des points sur les i...» (*).

Въ этотъ же день, передъ вечеромъ, Каримàтъ прислала сказать плѣнницамъ, что она очень желаетъ видѣть дагерротипный портретъ князя Давида (присланный княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ еще въ началѣ ея плѣна, вмѣстѣ съ разными другими вещами). Княгиня, съ своей стороны желавшая видѣть Каримату, поспѣшила сама отнести ей портретъ. Каримàтъ сидѣла въ комнатѣ Хаджи-Ребиль. Когда вошла княгиня, Каримàтъ, занимавшаяся шитьемъ чевяковъ (то-есть сафьянныхъ башмаковъ) для ожидаемаго Джемаль-Эддина, встала съ своего мѣста, сдѣлала два шага на встрѣчу княгинѣ, протянула ей руку и съ развязностью, поистинѣ изумительною въ жительницѣ Чечни, сказала:

— Благодарю васъ, что вы сами принесли то, о чемъ я васъ просила; это доставило мнѣ пріятный случай съ вами познакомиться. Я сама собиралась къ вамъ, но боялась, чтобъ вы не приняли моего посѣщенія за пустое любопытство...

Княгиня не знала, чему болѣе изумляться: языку ли дикарки, приличному только порядочной свѣтской женщинѣ, или величавой красотѣ ея. Рѣчь и наружность Каримaты заставили княгиню позабыть, что она еще въ сералѣ Шамиля. Въ первый разъ здѣсь привѣтствовали ее почеловѣчески. Шуанѣтъ и Аминѣтъ, конечно, всегда показывали много расположенія, но онѣ не умѣли ни такъ говорить, ни такъ обращаться, какъ говорятъ и обращаются между собою женщины образованныя и какъ говорила и обращалась къ княгинѣ жена Кази-Махмата.

Что касается до ея наружности, то и она заслуживаетъ особеннаго вниманія. Каримàтъ, по описанію княгини Анны Ильиничны, высока, стройна, съ тонкою, но очень-граціозною таліей. У нея каріе глаза, небольшой, прямой, острый носъ, прекрасно-обрисованный ротъ и превосходные зубы. Къ этимъ привлекательнымъ чертамъ лица должно прибавить и другія, неменѣе пріятныя принадлежности ея наружности: густые и длинные черные волосы, черныя брови и длинныя рѣсницы, очень-маленькія руки, бѣлыя, нѣжныя, съ тонкими пальцами и округленными, загнуты-

(*) То-есть (въ вольномъ переводѣ): «ложная, поддѣльная стыдливость, которая маскируетъ собою безстыдство и какъ-бы ставитъ ударенія на словахъ, которыя безъ того не обратили бы на себя особеннаго вниманія».

ми внизъ ногтями. Величавая гордость — общій характеръ цѣлаго, то-есть всей описанной нами наружности.

Костюмъ Кариматы, по своему оригинальному изяществу, вполнѣ соотвѣтствовалъ красотѣ ея. На ней была надѣта очень-бѣлая, тонкая рубашка, такая длинная, что даже лежала немного на землѣ и, къ-сожалѣнію, закрывала собою ноги красавицы. Сверхъ рубашки былъ надѣтъ темно-малиновый атласный ахалухъ, подбитый зеленой тафтою и кругомъ отороченный атласной лентой того же цвѣта. Разрѣзные рукава ахалуха не сходились въ разрѣзѣ, но были схвачены золотыми петлями и пуговицами. Такія же пуговицы были и на грудной части ахалуха. Изъ-подъ атласнаго рукава ахалуха виднѣлся длинный бѣлый рукавъ рубашки, чрезвычайно-граціозный для живописца. На головѣ черный шелковый платочекъ съ красными каймами, а надъ нимъ бѣлый кисейный вуаль, прихотливо-развѣвавшійся или ложившійся пріятными складками. Въ ушахъ красавицы были такія же серьги, какъ и у женъ Шамиля, то-есть въ видѣ полумѣсяца, но только у Кариматы онѣ были золотыя и украшенныя дорогими каменьями, тогда-какъ у женъ Шамиля серебряныя и безъ всякихъ дорогихъ украшеній.

Каримàтъ и княгиня сѣли, весьма-скоро познакомились и завязали разговоръ (черезъ переводчицу).

— Понимаете ли вы погрузински? спросила княгиня.

— Понимаю, но стыжусь говорить, отвѣчала Каримàтъ. — Меня еще маленькую родные взяли изъ Тифлиса, гдѣ мы жили съ моимъ отцомъ и матерью.

— Матушка ваша жива еще?

— Нѣтъ, она умерла нѣсколько лѣтъ назадъ.

Дальнѣйшій разговоръ касался бѣдственнаго странствованія княгинь изъ Кахетіи, потомъ Каримàтъ говорила разныя пустыя, но пріятныя вещи, пріятно-выраженныя.

Княгиня рѣшительно воображала себя въ гостиной порядочной женщины и не могла понять, откуда въ Каримàтѣ столько умнаго такта и привлекательной развязности.

Въ-самомъ-дѣлѣ, это явленіе почти-непонятное и только отчасти можетъ быть объяснено натуральнымъ внушеніемъ хорошей *породы*, или, какъ у насъ *порусски* выражаются, *рàсы*, либо вліяніемъ на воспитаніе Кариматы отца ея, проведшаго всю свою молодость въ соприкосновеніи съ русскими и ихъ европейскими нравами.

Не можетъ быть, чтобъ существованіе въ Чечнѣ такой женщины, и притомъ въ лицѣ жены шамилева преемника, осталось безъ благодѣтельнаго вліянія на него, а черезъ него и на нравы будущихъ его подвластныхъ!

Бесѣда княгини Чавчавадзе съ интересной Кариматой, къ сожалѣнію обѣихъ, была прервана служанкой Шуанеты, которая, будучи нездорова, приглашала къ себѣ княгиню, чтобъ провести съ нею *послѣдній вечеръ*. Впрочемъ, Каримать не разсталась съ княгиней, а пошла вмѣстѣ съ ней къ Шуанетѣ. Туда же вскорѣ пришли княгиня Варвара Ильинична и княжна Баратова. Шуанетъ то радовалась освобожденію плѣнницъ, то говорила сквозь слезы: «А ужь я — никогда!»

Собесѣдницы занялись приготовленіемъ чалмы на чеченскую шапку маленькаго князя Георгія Орбеліани. Вдругъ Кариматъ замѣтила, что *курпей* на шапкѣ недовольно-пушистъ и что его надобно взбить повыше, и съ этими словами встала, взяла въ одну руку тоненькій хлыстикъ, а въ другую дѣтскую шапку и принялась ее взбивать хлыстикомъ. Въ этомъ занятіи и въ этой позѣ она была такъ дивно-хороша и такъ граціозна, что княгини впились въ нее изумленными взорами и горько пожалѣли, что не могли нарисовать портретъ красавицы. Но ни сама красавица, ни всѣ ее окружающія, разумѣется, не понимали этого торжества красоты.

Разговоръ принялъ грустный оборотъ.

— И вотъ вы уйдете, забудете о насъ! меланхолически говорила Шуанетъ. — Тамъ, у себя, вы будете жить попрежнему. Но мы... мы полюбили васъ... Ваше присутствіе и занимало и развлекало насъ... Мы къ вамъ привыкли...

— Не забывайте, прибавила, съ своей стороны, Зайдетъ: — какъ сострадательно съ вами здѣсь поступали, какъ облегчали вашу участь...

— Мы, конечно, никогда не забудемъ тѣхъ, кто былъ добръ къ намъ и желалъ намъ добра, съ чувствомъ отвѣчала княгиня Анна Ильинична.

Тутъ кто-то пришелъ съ извѣстіемъ, что въ сераль привезены арбы, невиданныя до-тѣхъ-поръ въ Чечнѣ: *четырехколесныя*, нарочно-заказанныя для путешествія плѣнницъ къ мѣсту ихъ обмѣна. Въ то же время привезли изъ аула *Еву* (*), дѣвочку,

---

(*) Дочь кизисхевскаго священника.

которую Шамиль подарилъ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ за то, что она кормила ее своимъ молокомъ. Зайдетъ имѣла дерзость сказать отъ имени Шамиля, что за освобожденіе дѣвочки надо особо заплатить 30 рублей. Княгиня обѣщала уплатить эти деньги на мѣстѣ обмѣна. Другую, пятилѣтнюю дѣвочку, по имени *Тэклу*, рѣшительно отказались отпустить съ плѣнницами.

По возвращеніи плѣнницъ въ свою комнату, къ нимъ собралось множество народа; пришли также и женщины, еще оставляемыя въ плѣну. Княгини раздавали имъ все свое тюремное хозяйство—ненужную одежду, посуду, кострюли и т. п. Узнавъ объ этомъ, Зайдетъ, все-таки сохраняя свой милый характеръ, прибѣжала и захватила самоваръ.

X.

Приготовленія къ отъѣзду. — Прощанье и раздумье. — Благодарность. — Тэкла и завѣщаніе. — Отъѣздъ. — Радостная встрѣча. — Послѣднее бѣдственное приключеніе, впрочемъ, безъ послѣдствій. — Привалъ на дорогѣ. — Опять благодѣтельный мулла. — Послѣдняя ночь на чужбинѣ. — Разговоръ съ кучеромъ о судьбѣ русскихъ бѣглецовъ у Шамиля. — Послѣднія мгновенія плѣна.

Съ зарею 9-го марта наступилъ для нашихъ плѣнницъ счастливый, но въ то же время нелишенный и грустнаго оттѣнка день прощанія съ мѣстомъ семимѣсячнаго ихъ заключенія. Съ утра казначей Хаджіо хлопоталъ около *экипажей*. Въ арбы впрягались не волы, а лошади, цугомъ, попарно, что̀ очень изумило княгинь, тѣмъ болѣе, что на передка̀хъ арбъ увидѣли онѣ какія-то фигуры въ родѣ нашихъ кучеровъ, а на одной изъ переднихъ, или выносныхъ лошадей — форрейтора. Очевидно, Шамиль хотѣлъ блеснуть великолѣпіемъ.

Пока въ арбы укладывались ковры, жестяныя *тунги*, фрукты, караваи хлѣба, на этотъ разъ ненамазанные саломъ (вслѣдствіе особой любезности Аминѣты), пока дѣлались всѣ эти приготовленія къ путешествію, плѣнницы были приглашены въ комнату Зайдѣты. Тамъ былъ приготовленъ чай, а на коврѣ сидѣли всѣ жены и дочери Шамиля, Карима̀тъ и нѣсколько другихъ женщинъ изъ числа *пріятельницъ* отъѣзжающихъ, какъ-то: Зай-

на̀бъ (жена Юнуса), Хан-Ага̀ (жена Лабазана), Пли́та (жена казначея Хаджіо) и проч.

За чаемъ разговоръ не вязался. Отъѣзжающимъ и остающимся было грустно... да̀, было грустно и отъѣзжающимъ. Радость освобожденія не могла въ эти минуты заглушить въ нихъ печальнаго, меланхолическаго чувства, происходившаго отъ мысли, что онѣ *навсегда* разстаются съ міромъ, въ которомъ посреди тьмы зла, невѣжества и страданія встрѣчали онѣ блёстки радости, доброты и участія. Ка̀къ ни чужды были княгинямъ всѣ эти полудикія женщины, но все жаль было навѣки покинуть ихъ. Возвращаясь къ свѣту просвѣщенной и христіанской жизни, грустно и больно было сознавать, что всѣ эти покидаемыя существа остаются во власти невѣжества и подъ игомъ неистиннаго, мрачнаго вѣрованія. Но, Господи! и они тоже твои созданія: озари же, если не ихъ, то ближайшія къ нимъ, послѣдующія поколѣнія свѣтомъ твоей Божественой Истины и, возложивъ это великое призваніе на святую Русь, нашу великодушную родину, пошли ей скорѣйшій успѣхъ въ его осуществленіи! Такія, или почти такія думы и чувства наполняли собою отъѣзжающихъ въ послѣднюю ихъ бесѣду съ жительницами шамилева сераля.

Но наступила минута прощанія.

Княгини вѣжливо поклонились Зайдетѣ и поручили ей благодарить Шамиля за всѣ его о нихъ попеченія.

Потомъ онѣ дружески обнялись и поцаловались съ Шуанетой. «Не забудьте меня!» проговорила она сквозь слезы. Аминѐтъ не дала проститься съ собою: она, вся въ слезахъ, *убѣжала* изъ комнаты и, завернувшись въ свою чадру, пріютилась на дворѣ, у воротъ.

Послѣ нѣсколькихъ рукопожатій съ Кариматой и прочими, бывшими при прощаніи, княгини закрыли свои лица темными покрывалами и вышли на галерею. Тутъ, у дверей, встрѣтили онѣ шамилева воспитателя, стараго Джемаль-Эддина. Плѣнницы сказали почтенному старику, что онѣ знаютъ и чувствуютъ, чѣмъ ему обязаны. Онъ отвѣчалъ:

— Богъ да будетъ надъ вами! Будьте счастливы: вы много страдали!

Проходя вдоль галереи мимо старой *бабушки* Баху̀, княгини были остановлены ею. Старушка со слезами благодарила ихъ за то, что онѣ своимъ несчастіемъ и терпѣливо-перенесенными страданіями доставили ей радость увидѣть еще разъ передъ смертью

потеряннаго, но любимаго внука (она говорила о молодомъ Джемаль-Эддинѣ).

— Я никогда не забуду, продолжала Баху: — что̀ вы вытерпѣли!... Я буду молиться о вашемъ счастіи.

Возлѣ Баху стояла и грустно смотрѣла на княгинь бѣдная, оставляемая въ сералѣ дѣвочка Тэкла. При видѣ этой жертвы фанатизма, болѣзненно сжалось сердце княгини Анны Ильиничны. Она подошла къ дѣвочкѣ, перекрестила ее и сказала:

— Если ты выростешь здѣсь, никогда не забывай, что ты грузинка и, при случаяхъ, помогай христіанамъ.

Неизвѣстно, поняла ли пятилѣтняя малютка это высокое завѣщаніе (*).

Затѣмъ плѣнницы стали размѣщаться по *экипажамъ*. Въ первой арбѣ помѣстилась княгиня Анна Ильинична съ своими дѣтьми и маленькой питомицей, дочерью кизисхевскаго священника; во второй княгиня Варвара Ильинична, княжна Баратова, г-жа Дрансѐ и нянюшка Катерина Яковлевна съ маленькимъ княземъ Георгіемъ; наконецъ въ третью и четвертую арбы усѣлись служанки, взятыя изъ Цинондалъ и выкупленныя вмѣстѣ съ княгинями. Всѣхъ отъѣзжающихъ было, какъ и при похищеніи, 22 человѣка.

Изъ внутренняго двора плѣнницы выѣхали на внѣшній и проѣхали вторыя ворота. Здѣсь онѣ вздохнули свободнѣе: на нихъ повѣяло воздухомъ вольности и счастія.

Проѣзжая по аулу, онѣ изъ нѣсколькихъ домовъ слышали восклицанія на грузинскомъ языкѣ:

«Вы, которыя знаете, ка̀къ здѣсь страдаютъ, помогайте намъ!»

Поѣздъ плѣнницъ сопровождался большимъ конвоемъ, или даже цѣлымъ отрядомъ. Во главѣ отряда ѣхалъ на красивомъ конѣ Кази-Махма̀тъ. Махматъ-Шаби тоже гарцовалъ впереди своей

(*) Княгини не постигали упорства Шамиля въ его желаніи удержать Тэклу въ сералѣ; но, соображая, что почти всѣ жены Шамиля были изъ числа похищенныхъ плѣнницъ (что̀ дѣлалось въ избѣжаніе необходимости жениться на дочеряхъ своихъ наибовъ, или приближенныхъ, чтобъ удалить возможныя при такихъ бракахъ интриги), княгини догадывались, что, можетъ-быть, и Тэкла предназначалась кому-нибудь въ жены, и, почему знать? можетъ-быть, въ жены Махмату-Шаби.

сотни, составленной изъ мальчиковъ одинаковаго съ нимъ возраста и входящей въ составъ кази-махматова отряда.

Не выѣзжая еще изъ аула, княгини вдругъ увидѣли передъ собою князя Ивана Чавчавадзе; эта встрѣча была тѣмъ пріятнѣе, что была совершенно-неожиданною. Князь Чавчавадзе подъѣхалъ къ княгинямъ верхомъ на *своей* лошади и сказалъ, что самъ не знаетъ кому обязанъ своимъ освобожденіемъ.

— А князь Вагнадзе? спросили княгини.

— Онъ, увы! остается въ плѣну.

Подъ вліяніемъ слишкомъ-живыхъ впечатлѣній, княгини опять не замѣтили ничего, что̀ интересно было бы замѣтить въ аулѣ (*); но онѣ помнятъ, что за воротами аула, на пути ихъ встрѣтился подъемный мостъ, перекинутый черезъ очень-широкій ровъ, наполненный водою. Переѣхавъ по мосту, онѣ поворотили налѣво и тотчасъ же начали спускаться подъ гору. Переднюю арбу спустили благополучно; но вторую, въ которой сидѣла княгиня Варвара Ильинична, неловкіе *кучера* опрокинули. Къ-счастью, никто не пострадалъ при паденіи. Спустились съ горы, въѣхали въ лѣсъ и сейчасъ же выѣхали къ рѣкѣ, по берегу которой, а иногда и по самому руслу, слѣдовали очень-долго — почти цѣлый день. Съ обѣихъ сторонъ рѣки возвышались значительныя горы, покрытыя лѣсомъ. На привалъ останавливались въ лѣсу въ небольшомъ аулѣ, передъ которымъ разстилалась обширная зеленѣющая поляна; здѣсь происходила *джигитовка*: конные горцы скакали, перегонялись, стрѣляли въ разныя вещи, бросаемыя высоко въ воздухъ. Въ этихъ удалыхъ забавахъ всѣхъ болѣе отличался Кази-Махма̀тъ; Махматъ-Шаби тоже не отставалъ отъ старшаго брата, и оба они были замѣчательно-ловки, граціозны и красивы въ своихъ праздничныхъ чохахъ, которыя были на Кази-Махматѣ бѣлая, а на Махматѣ-Шаби синяя.

Здѣсь, на привалѣ, княгини дождались и Шамиля, который съ своими мюридами ѣхалъ нѣсколько позади, подъ большимъ чернымъ зонтикомъ и рядомъ съ своимъ сватомъ, Даніэль-султаномъ.

Послѣ короткаго отдыха и легкой закуски, поѣздъ отправился далѣе, и засвѣтло прибылъ въ Маіур-Тупъ, послѣдній аулъ ша-

---

(*) Объ этомъ предметѣ читатель найдетъ интересныя свѣдѣнія въ приложеніи къ III-й части нашего повѣствованія.

милевыхъ владѣній передъ русской границей. Въ Маіур-Тупѣ было предположено ночевать. Шамиль и плѣнницы были помѣщены въ двухъ, рядомъ стоявшихъ сакляхъ, сторожимыхъ мюридами — цвѣтомъ имамовыхъ тѣлохранителей.

Расположившись кое-какъ на *послѣднемъ* въ чужой землѣ ночлегѣ, плѣнницы на сонъ грядущій занялись письмами къ своимъ роднымъ. По желанію Шамиля, онѣ писали о часѣ и мѣстѣ, назначенныхъ *на завтра* для обмѣна. Между-прочимъ, княгини писали о присылкѣ имъ золотыхъ часовъ для подарка муллѣ, тому самому *благодѣтельному* муллѣ, который когда-то такъ сострадательно и такъ попечительно сопровождалъ ихъ отъ аула Дидò, а теперь опять явился, чтобъ проводить до мѣста обмѣна. Мы сдѣлали бы непростительный пропускъ въ разсказѣ, еслибъ забыли сказать, что *благодѣтельный мулла* раза два навѣщалъ плѣнницъ въ сералѣ.

Плѣнницы уже были готовы предаться сну, какъ явился къ нимъ посланный отъ Шамиля, Абдулъ (изъ русскихъ дезертировъ), и сказалъ княгинѣ Варварѣ Ильиничнѣ, что Шамиль проситъ написать въ Куринское Укрѣпленіе (до котораго было уже не болѣе двадцати верстъ и въ которомъ эту ночь ночевали князь Давидъ и молодой Джемаль-Эддинъ) о немедленной присылкѣ въ Маіур-Тупъ переводчика Исаака Грамова. Княгини немедленно исполнили желаніе Шамиля, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно встревожились подозрѣніями: не затѣваются ли еще какія-нибудь препятствія?

Въ ту же ночь Исаакъ Грамовъ пріѣхалъ изъ Куринскаго Укрѣпленія и во всю ночь оставался глазъ на глазъ съ Шамилемъ, а поутру навѣстилъ плѣнницъ и поторопилъ ихъ приготовиться къ отъѣзду.

— Но зачѣмъ вызывалъ васъ Шамиль? — спрашивали встревоженныя княгини.

— Чтобъ условиться насчетъ нѣкоторыхъ подробностей обмѣна и просить *нашихъ*, чтобъ не брали съ собою слишкомъ-много войска, отвѣчалъ Грамовъ, и затѣмъ передалъ княгинямъ требованные ими часы для благодѣтельнаго муллы, поспѣшно простился и уѣхалъ. (*)

(*) Объ интересномъ свиданіи Грамова съ Шамилемъ см. въ III-й части.

Отвѣтъ Грамова нисколько не успокоилъ въ княгиняхъ ихъ робкихъ подозрѣній; напротивъ, онѣ не понимали, зачѣмъ Шамилю хочется, чтобъ у русскихъ было поменьше войска, и опасались съ его стороны коварныхъ замысловъ. Такими подозрѣніями были отравляемы для плѣнницъ радостныя минуты пріятнаго ожиданія.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Грамова, плѣнницы, Шамиль и его войско поднялись изъ Маіур-Тупа и подвинулись по направленію къ р. Мечику. Впереди, тотчасъ за плѣнницами, ѣхалъ съ своимъ отрядомъ Кази-Махматъ, потомъ наибы съ своими отрядами, и позади всѣхъ Шамиль и Даніэль-султанъ, окруженные мюридами.

Въ этотъ разъ путешествіе было непродолжительно; Мечикъ былъ недалеко, но, до пріѣзда княгинь къ мѣсту условленной встрѣчи съ русскимъ отрядомъ, случилось еще одно небольшое и, такъ-сказать, побочное происшествіе, заслуживающее однако подробнаго описанія.

Мимо плѣнницъ проскакалъ, объявилъ направо и налѣво какое-то, повидимому, радостное извѣстіе Абдулъ, тотъ русскій перебѣжчикъ, котораго княгини въ первый разъ встрѣтили на послѣднемъ ночлегѣ, въ Маіур-Тупѣ; но теперь княгини не вдругъ его узнали и потому спросили у одного изъ своихъ кучеровъ, тоже русскаго:

— Что̀ это онъ объявляетъ и чему радуется?

— Извѣстно чему! Съ русскими случилось что-нибудь недоброе — ну вотъ онъ и радуется.

Кучеръ арбы, въ которой сидѣла княгиня Чавчавадзе обратился къ ней и замѣтилъ:

— Вотъ видите, барыня, какіе здѣсь есть молодчики!. Но вы не смотрите, что онъ этакимъ *джигитомъ* разъѣзжаетъ: житьё ему плохое, какъ и всѣмъ намъ, глупымъ дезертирамъ. На насъ здѣсь смотрятъ какъ на собакъ; работу намъ задаютъ, что̀ ни есть чернѣе и тяжеле; а чуть въ чемъ проштрафился, такъ сейчасъ голову долой; другаго наказанія для русскаго бѣглеца здѣсь и не бываетъ. Шамиль-атъ, вишь, намъ не довѣряетъ, да и не любитъ перебѣжчиковъ, а принимаетъ и держитъ ихъ для черной работы.

— Такъ отчего же ты не вернёшься въ полкъ?

— Мы бы рады-радёхоньки воротились, да боимся взысканія!

Въ такихъ разговорахъ княгини ѣхали далѣе и далѣе, по дорогѣ, очевидно разровненной и разработаной недавними усиліями. Черезъ одну рѣку переправлялись верхами, потомъ поднялись на какую-то высоту, сѣли опять на арбы и поѣхали далѣе. Вскорѣ позади ихъ, на горѣ, показался Шамиль съ своими мюридами. Возница княгини Чавчавадзе повернулся въ ту сторону и указалъ кнутомъ на всадника, ѣхавшаго вблизи Шамиля, въ чалмѣ и *шинели*.

— Кто это? спросила княгиня.

— Русскій генералъ, у котораго только и осталось генеральскаго-то, что одна шинелишка, отвѣчалъ насмѣшливо возница, и прибавилъ, въ видѣ объясненія, что это былъ Даніэль-Султанъ.

Спустившись съ одной лѣсистой возвышенности, путешественницы увидѣли передъ собою довольно-обширную равнину, по которой извивалась почти-пересохшая рѣка Мечикъ, а за рѣкой, на высотѣ, начали показываться русскія войска.

Арбы остановились. Съ неописаннымъ волненіемъ сердца княгини сошли на лужайку и стали молиться.

Черезъ нѣсколько минутъ Николай и Гиго (люди барона Николаи) подошли къ плѣнницамъ и привѣтствовали ихъ. Потомъ княгини были посажены опять на арбы и перевезены черезъ два рва, т. е. пересохшіе рукава Мечика. Въ одномъ изъ нихъ казначей Хаджіо остался съ узломъ, въ которомъ находилась чеченская одежда для молодаго Джемаль-Эддина. Потомъ поѣхали далѣе, на сторону русскихъ. Передъ арбами плѣнницъ ѣхали Кази-Махматъ, Махматъ-Шабй и 30 мюридовъ. Потомъ остановились арбы и дидойскій *благодѣтельный* мулла взялъ къ себѣ на руки маленькаго князя Александра, чтобъ отнести его къ князю Давиду. Въ это же самое время Джемаль-Эддинъ, въ мундирѣ русскаго офицера, подъѣхалъ къ княгинѣ Аннѣ Ильиничнѣ и, передавая ей письмо отъ родныхъ изъ Москвы, сказалъ, что онъ лично видѣлъ ихъ всѣхъ передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ. Княгиня молча взяла письмо, хотѣла благодарить, но сожалѣніе о судьбѣ, ожидающей Джемаль-Эддина, признательность за его самопожертвованіе и многія другія чувства лишили княгиню словъ. Она ничего не сказала главному виновнику своего освобожденія...

Потомъ арбы были окружены мюридами, а Кази-Махматъ, подъѣхалъ къ княгинямъ и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

— Имамъ поручилъ мнѣ просить васъ, княгини, не сохранить никакого дурнаго воспоминанія о томъ времени, которое вы у него провели. Если вы испытывали какія-нибудь непріятности въ нашемъ семействѣ, то это, конечно, происходило не отъ желанія дѣлать вамъ ихъ, но только отъ неумѣнья иначе содержать васъ и иначе съ вами обходиться.

Такъ передалъ слова сына шамилева, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательныя, переводчикъ.

Потомъ... но потомъ княгини помнятъ только то, что онѣ переживали счастливѣйшія мгновенія своей жизни...

شمويل

ШАМИЛЬ

ИМАМЪ ЧЕЧНИ И ДАГЕСТАНА.

(Рис. Кн. Чавчавадзе.)

ПЛѢНЪ У ШАМИЛЯ.

Правдивая повѣсть о восьмимѣсячномъ и шестидневномъ (въ 1854—1855 г.) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ: покойнаго генерал-майора *князя Орбеліани* и подполковника *князя Чавчавадзе,* основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи.

Часть третья.

I.

Содержаніе этой части разсказа.—Особенное счастіе.—Мѣсяцъ безвѣстности. — Первоначальная переписка. — Надежда и отъѣздъ къ Шамилю Исаака Грамова.

Въ предъидущей части нашего повѣствованія было уже сказано, что все касающееся до характеристики собственно Шамиля гораздо-полнѣе изображается въ перепискѣ и переговорахъ, веденныхъ съ нимъ родственниками плѣнницъ, чѣмъ въ ихъ собственныхъ показаніяхъ о жизни, проведенной въ сералѣ. Эти-то переговоры и эта переписка, вмѣстѣ съ подробнѣйшимъ описаніемъ *обмѣна*, о которомъ такъ мало могли разсказать намъ сами плѣнницы, и составятъ содержаніе настоящей, *третьей* части нашего разсказа. Въ ней же мы ближе познакомимся съ интересною личностью старшаго сына Шамиля, Джемаль-Эддина.

Судьба плѣнницъ Шамиля, продленіе или сокращеніе срока ихъ плѣна, ихъ гибель или освобожденіе преимущественно зависѣли отъ болѣе или менѣе дѣятельныхъ мѣръ, какія пріиметъ несчастный мужъ одной изъ нихъ, осиротѣвшій отецъ маленькихъ плѣнниковъ, князь Д. А. Чавчавадзе. Участіе въ этомъ дѣлѣ правительства, конечно, рѣшило участь двухъ благородныхъ семействъ: оно спасло и освободило ихъ; но участіе правительства,

быть-можетъ, встрѣтило бы гораздо-болѣе препятствій въ упорствѣ и умышленной медленности горцевъ, еслибъ переговоры были ведены съ меньшимъ искусствомъ и съ меньшею энергіей; еслибъ князь Чавчавадзе, генерал-майоръ баронъ Николаи и генерал-лейтенантъ князь Г. Орбеліани не соединили своихъ дружныхъ усилій для скорѣйшаго окончанія дѣла.

По особенному счастью, эти три лица были не только близкими родственниками плѣнницъ, принимавшими въ нихъ самое пламенное участіе (*), но они еще были главными военными начальниками тѣхъ частей горнаго края, которыя, по географическому своему положенію, всего-ближе къ убѣжищамъ подвластнаго Шамилю населенія Чечни и Дагестана.

Прослѣдимъ же съ прежнею подробностью всѣ ихъ дѣйствія.

Мы разстались съ княземъ Д. А. Чавчавадзе 10 іюля, когда онъ отдалъ начальнику отчетъ въ своихъ воинскихъ распоряжежеяхъ, а Всевышнему въ чувствахъ растерзаннаго своего сердца, и поѣхалъ черезъ Телавъ въ Тифлисъ.

Въ Тифлисѣ князь жилъ у мужа родной (младшей) сестры своей, члена Совѣта Главнаго Управленія Закавказскимъ Краемъ, попечителя Кавказскаго Учебнаго Округа, д. с. с. и камергера барона А. П. Николаи. Окружаемый родственнымъ и общественнымъ участіемъ, князь въ это время помышлялъ только объ одномъ своемъ бѣдствіи и, конечно, былъ очень-далекъ отъ того, чтобъ поддаться вліянію какого-бы то ни было утѣшенія, тѣмъ болѣе, что онъ долго не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ своего потеряннаго семейства. Только 10 августа получилъ онъ первое письмо изъ Веденнò, и это для насъ совершенно-понятно, если мы вспомнимъ, что плѣнницы сами прибыли туда только 6 августа. Содержаніе этого письма было несложное: въ немъ писали плѣнницы, что онѣ совершили трудный четырехнедѣльный путь; что Шамиль оказываетъ имъ вниманіе, обѣщалъ содержать ихъ всѣхъ вмѣстѣ, нераздѣльно, и непрочь отъ переговоровъ о выкупѣ.

Утѣшительнаго въ этомъ письмѣ было только послѣднее извѣстіе, потому-что до того времени не было надежды даже и на возможность переговоровъ. Еще до оставленія княземъ Шильдъ, отпустилъ онъ оттуда въ Похàли одного плѣннаго чеченца съ

(*) Такое же участіе принимали и всѣ родственники князя Чавчавадзе, но преимущественно старшая сестра его, Н. А. Грибоѣдова.

письмами къ Шамилю и Даніэль-Султану, прося ихъ не уводить плѣнницъ далѣе, пощадить и сберечь ихъ и подумать о томъ, что отъ дурнаго съ ними обращенія Шамилю никакой выгоды не будетъ; въ заключеніе князь предлагалъ тутъ же, на мѣстѣ, то-есть въ Похальской Башнѣ, назначить условія выкупа и обѣщалъ прислать все, что только будетъ въ силахъ прислать. Но на эти письма въ то время никакихъ отвѣтовъ не послѣдовало.

Поэтому-то теперь князь и былъ оживленъ надеждою, получивъ наконецъ возможность приступить къ переговорамъ.

Письмо отъ плѣнницъ было доставлено князю родственникомъ его, Свиты Е. И. В. генерал-маіоромъ (въ то время еще полковникомъ и флигель-адъютантомъ) барономъ А. П. Николаи, который, съ своей стороны, писалъ, что посланіе княгинь и нѣкоторыя о нихъ подробности, болѣе или менѣе успокоительныя, доставлены ему жителемъ селенія Андреевскаго (невдалекѣ отъ Хасав-Юрта) Могаммедомъ, который былъ избранъ барономъ для переговоровъ, какъ человѣкъ ловкій и расторопный.

Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, кн. Чавчавадзе тотчасъ же сталъ собираться въ Хасав-Юртъ. Но сборы продолжались пять дней: въ это время нужно было приготовить многое для отсылки изъ Хасав-Юрта плѣнницамъ. Наконецъ къ 15 августа были окончены всѣ приготовленія, и князь выѣхалъ изъ Тифлиса вмѣстѣ съ младшей сестрой своей, супругой д. с. с. барона А. П. Николаи, баронессой Софіей Александровной, которая не хотѣла еще разстаться съ братомъ въ это *первое* время его мучительной скорби.

Не доѣзжая сорока верстъ до Хасав-Юрта, путешественники были встрѣчены барономъ Николаи и Николаемъ, человѣкомъ княгини Дадіанъ мингрельской, тѣмъ самымъ, который, будучи въ услуженіи у полковника барона Николаи, по собственному своему побужденію, ходилъ въ Ведено, чтобъ провѣдать плѣнницъ. Николай былъ посаженъ въ экипажъ князя Чавчавадзе и сестры его и все время до самаго Хасав-Юрта утѣшалъ ихъ сравнительно-пріятными разсказами о плѣнницахъ.

По пріѣздѣ въ Хасав-Юртъ, князь Чавчавадзе немедленно написалъ и отправилъ къ Шамилю письмо слѣдующаго содержанія:

«Ни ваше положеніе, ни мое не позволяютъ намъ вести торговлю между собою, въ-особенности мнѣ, когда дѣло идетъ о моемъ семействѣ: это неприлично. Вамъ очень-хорошо извѣстно, до какой степени я разоренъ при послѣднемъ вашемъ

вторженіи въ Кахетію, а потому я, кажется, могу разсчитывать, что ваши требованія будутъ сообразны съ моими средствами. У меня ровно ничего не осталось. Изъ разныхъ рукъ я успѣлъ собрать 40,000 р. сер., и эту сумму я предлагаю вамъ на освобожденіе моего семейства и семейства сестры жены моей. Изъ письма жены моей я узналъ о вашемъ обращеніи съ плѣнницами и дѣтьми ихъ. Считаю долгомъ благодарить васъ и поручить ихъ особенному вашему вниманію...»

Это письмо было отправлено съ Могаммедомъ и человѣкомъ князя Гр. Орбеліани, Захаромъ.

Недѣли черезъ двѣ былъ полученъ отвѣтъ Шамиля. Въ отвѣтѣ были извѣстныя уже намъ требованія мильйона и возвращенія молодаго Джемаль-Эддина изъ Россіи. Вмѣстѣ съ Могаммедомъ и Захаромъ, возвратившимися съ этимъ отвѣтомъ, прибылъ отъ Шамиля Хассанъ, буртунайскій пятисотенный, съ тѣмъ, чтобъ взять отвѣтъ отъ князя Чавчавадзе къ Шамилю. Но князь Чавчавадзе, озадаченный чрезмѣрными требованіями, не рѣшался на отвѣтъ безъ предварительнаго совѣщанія съ своимъ родственникомъ, княземъ Григоріемъ Орбеліани, и потому немедленно поѣхалъ къ нему въ Темир-Хан-Шуру, взявъ съ собою и Хассана, но прежде отправилъ въ Тифлисъ, къ г. командующему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, генералу-отъ-кавалеріи Н. А. Реаду, письмо слѣдующаго содержанія (*).

«Ваше высокопревосходительство, м. г. Николаій Андреевичъ!

«Сегодня получено мною первое письмо Шамиля, заключающее въ себѣ условія на выводъ изъ плѣна семейства моего и семейства княгини Орбеліани со всѣми находящимися при нихъ лицами; сверхъ-того, мнѣ переданы также и словесно нѣкоторыя порученія Шамиля присланнымъ имъ, какъ довѣренное лицо, буртунайскимъ пятисотеннымъ Хассаномъ.

«Къ большому горю моему, ни въ письмѣ Шамиля, ни въ словахъ Хассана я не нашелъ ничего утѣшительнаго для себя. Требованія ихъ превосходятъ всякія ожиданія. Шамиль не хочетъ вести переговоры отдѣльно про мою семью; онъ ее включаетъ въ число 120 другихъ плѣнныхъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, и за всѣхъ проситъ: 1) сына своего *Джемаль-Эддина*, 2) племянника *Гамзада*, 3) сына Аварскаго Али-Бека, *Харасилау*, 4) сына Гамзада, *Шахъ-Ислама*, и 116 плѣн-

(*) См. въ 1-мъ приложеніи № 3.

ныхъ; сверхъ-того, мильйонъ денегъ. Условія несбыточныя — о чемъ я не рѣшился бы даже доводить до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, еслибъ, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Тифлиса, я не имѣлъ особеннаго приказанія вашего писать всѣ подробности хода этого дѣла, » и т. д.

По совѣщаніи съ княземъ Орбеліани, князь Чавчавадзе отправилъ изъ Шуры (съ Хассаномъ) къ Шамилю письмо, въ которомъ между-прочимъ говорилъ, что сына его принудить пріѣхать нельзя, что онъ офицеръ русской службы, а не плѣнный, что Государю Императору никто не рѣшится и доложить объ этомъ, но что, если самъ Джемаль-Эддинъ того пожелаетъ, то Государь, вѣроятно, не откажетъ ему въ своемъ на то соизволеніи...

Отзывъ Шамиля на это письмо, а также дальнѣйшая затѣмъ переписка долго не заключали въ себѣ ничего особеннаго, кромѣ повторенія тѣхъ же требованій съ одной стороны и тѣхъ же убѣжденій съ другой. Такой ходъ дѣла продолжался до-тѣхъ-поръ, пока въ Веденно былъ посланъ человѣкъ князя Чавчавадзе, Оскаръ. Пока Оскаръ былъ въ отсутствіи, князь Чавчавадзе получилъ отъ начальника Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта князя А. И. Барятинскаго увѣдомленіе, что г. командующій корпусомъ сообщилъ г. военному министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія, условія, предлагаемыя Шамилемъ, и намѣреніе его послать отъ себя въ Россію довѣренное лицо, чтобъ переговорить съ сыномъ: желаетъ ли онъ возвратиться на родину; что г. военный министръ увѣдомилъ генерала-отъ-кавалеріи Реада о соизволеніи Государя Императора на возвращеніе къ Шамилю его сына, съ тѣмъ, что Джемаль-Эддинъ самъ долженъ руководствоваться собственнымъ желаніемъ какъ относительно этого обстоятельства, такъ и на-счетъ отправленія къ нему довѣреннаго отъ Шамиля лица для переговоровъ. Въ заключеніе, князь Барятинскій увѣдомлялъ, что до полученія отзыва отъ поручика Уланскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полка, Джемаль-Эддина Шамиля, *нельзя войдти въ положительные по этому предмету переговоры съ Шамилемъ* (*).

Между-тѣмъ возвратился Оскаръ и привезъ самыя печальныя извѣстія: Шамиль, недовольный уклоненіями князя Орбеліани и

(*) Подлинное письмо см. въ 1-мъ приложеніи подъ № 4.

князя Чавчавадзе отъ *положительныхъ* переговоровъ о сынѣ, грозилъ прекращеніемъ всякихъ переговоровъ и раздачею всѣхъ плѣнницъ въ неволю своимъ наибамъ.

Князь Чавчавадзе поспѣшилъ обратиться къ генералу Реаду и князю Барятинскому.

Въ письмахъ своихъ къ нимъ (отъ 18 ноября) князь Чавчавадзе увѣдомлялъ о грозномъ оборотѣ дѣла и просилъ о возможно-скорѣйшемъ *положительномъ* отвѣтѣ на требованія Шамиля. Въ заключеніе же письма своего къ генералу Реаду, отчаянный мужъ и отецъ писалъ: «Вотъ, ваше высокопревосходительство, причи-«на, побудившая меня снова обратиться къ вамъ съ покорнѣй-«шею просьбою; она состоитъ не въ ходатайствѣ вашемъ у Го-«сударя Императора о возвращеніи Шамилю сына — ходатайствѣ, «на которое я не могу и не долженъ разсчитывать, но только въ «возможно-скорѣйшемъ отвѣтѣ на требованія Шамиля. Рѣшитель-«ный отказъ Его Величества дастъ мнѣ слабую надежду на то, «что Шамиль тогда, быть-можетъ, измѣнитъ свои условія; если же «нѣтъ, то мнѣ остается проститься навѣкъ съ женой и дѣть-«ми» (*).

Письма эти были отправлены съ посланнымъ курьеромъ въ Тифлисъ, командиромъ Мусульманскаго Конно-иррегулярнаго Полка, майоромъ княземъ Багратіономъ.

На нихъ князь Чавчавадзе имѣлъ нѣкоторое утѣшеніе получить отзывъ князя Барятинскаго, заключавшійся въ томъ, что командующій Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генералъ Реадъ, по полученіи послѣдняго извѣстія о ходѣ переговоровъ, немедленно сообщилъ о томъ г. военному министру для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору и просилъ о распоряженіяхъ, какія послѣдуютъ, относительно сына Шамиля, увѣдомить съ возможною поспѣшностью. Кромѣ-того, князь Барятинскій увѣдомлялъ, *что по случаю новой опасности, угрожающей нынѣ плѣннымъ семействамъ,* г. командующій корпусомъ (въ-ожиданіи отвѣта поручика Джемаль-Эддина) разрѣшилъ объявить Шамилю о предварительномъ соизволеніи Государя Императора на возвращеніе шамилева сына (**).

Получивъ (1-го декабря) такое разрѣшеніе, князь Чавчавадзе не замедлилъ увѣдомить Шамиля о пріятномъ для него извѣстіи.

(*) Подлинное письмо см. въ 1-мъ приложеніи подъ № 5.

(**) См. въ 1-мъ приложеніи № 7.

На этотъ разъ, сообразно съ желаніемъ Шамиля, еще прежде требовавшаго, чтобъ къ нему были посылаемы не простые люди, не слуги, а лица должностныя и настоящіе повѣренные, былъ командированъ къ Шамилю юнкеръ Исаакъ Грамовъ, состоящій въ званіи переводчика при генералъ-лейтенантѣ князѣ Гр. Орбеліани. Грамовъ отправился 2-го декабря. Но князю Чавчавадзе оставалось еще ожидать со страхомъ и надеждою, что̀ отвѣтитъ Джемаль-Эддинъ: не откажется ли молодой, просвѣщенный офицеръ русской службы возвратиться въ непросвѣщенную и полузабытую имъ страну?

Къ-счастью, эти сомнѣнія вскорѣ были разсѣяны самымъ удовлетворительнымъ отвѣтомъ молодаго Джемаль-Эддина. Отзывъ его заключался въ письмѣ г. военнаго министра (отъ 4-го декабря 1854 г. за № 810) къ г. командующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и состоялъ въ томъ, что поручикъ Джемаль-Эддинъ Шамиль изъявилъ готовность возвратиться къ отцу своему, не ожидая довѣреннаго лица, котораго Шамиль намѣревался прислать къ нему для переговоровъ (*).

Получивъ это новое радостное извѣстіе, князь Чавчавадзе не замедлилъ и о немъ дать знать Шамилю. Но о дальнѣйшемъ ходѣ переписки и переговоровъ читатели узнаютъ изъ слѣдующихъ главъ.

II.

Юнкеръ Исаакъ Грамовъ и его первая поѣздка къ Шамилю, для переговоровъ о выкупѣ.

Чрезвычайно-усердныя и ловкія дѣйствія юнкера Исаака Грамова въ дѣлѣ плѣнницъ Шамиля дали ему право на вѣчную ихъ признательность, а намъ даютъ основательный поводъ къ изложенію нѣкоторыхъ частныхъ подробностей объ этомъ замѣчательномъ участникѣ въ описываемомъ здѣсь событіи.

Исаакъ Грамовъ, уроженецъ карабагскаго городка Шуши, армянинъ по вѣрѣ и происхожденію, принадлежитъ къ разряду или даже типу тѣхъ туземцевъ Закавказья, которые, съ одной стороны, будучи одарены богатыми способностями, свойственными дѣтямъ Юга, и вскормлены посреди рано-развивающихъ человѣка то

(*) См. въ 1-мъ приложеніи № 8.

боевыхъ и дѣятельныхъ, то лѣнивыхъ и коварныхъ нравовъ здѣшняго населенія, а съ другой стороны, принявъ отъ Россіи и русскихъ просвѣщенное воззрѣніе на жизнь, отечество, долгъ службы и истинное благоустройство общественное, составляютъ полезный въ здѣшнемъ управленіи классъ служащихъ, и въ-особенности драгоцѣнны въ сношеніяхъ частныхъ начальниковъ съ управляемыми ими или сосѣдственными намъ непокорными племенами. До тонкости обладая познаніемъ ихъ языка и нравовъ, люди, подобные Грамову, должны почитаться, да и дѣйствительно почитаются ближайшими посредниками между правительствомъ и разноплеменными, разнохарактерными, часто полудикими обитателями Кавказа и Закавказья; а если къ описаннымъ нами качествамъ эти люди присоединяютъ еще и искреннюю преданность правительству, то по справедливости можно сказать, что нѣтъ достаточной цѣны для такого рода правительственныхъ органовъ въ странѣ, подлежащей воинственному миротворенію Россіи.

Наружность этого рода людей замѣчательна неменѣе тѣхъ внутреннихъ качествъ, изъ которыхъ слагается обстоятельствами нравственная сторона ихъ личности: азіатская сановитость, важность и медлительность въ походкѣ и движеніяхъ; живой, проницательный взглядъ и немногорѣчивый разговоръ, въ которомъ каждая мысль какъ-будто отчеканена въ опредѣленную и законченную форму—вотъ черты, очевидно заимствованныя у Востока и исламизма вслѣдствіе непрестаннаго съ ними обращенія. Эти черты получаютъ еще болѣе оригинальную физіономію отъ костюма, у Востока же ими заимствованнаго. Съ другой стороны, развязность, приличная почтительность къ старшимъ, исполнительность, точность и ревностная дѣятельность — вотъ другія черты, усвоенныя вслѣдствіе служебнаго навыка подъ руководствомъ русскихъ начальниковъ.

Таковы, въ краткомъ очеркѣ, закавказскіе туземцы, преданные службѣ русскому правительству.

Таковъ и Исаакъ Грамовъ.

Мы распространились о его личности не вслѣдствіе лишь его заслугъ героинямъ нашего разсказа: мы, кромѣ того, хотѣли показать читателямъ, что свѣдѣнія, собранныя такимъ человѣкомъ, какъ Грамовъ, должны быть особенно-вѣрны, потому-что этотъ полугорецъ долженъ былъ хорошо постигать все видѣнное и слышанное имъ у горцевъ, и что, слѣдовательно, показанія его заслуживаютъ преимущественнаго вниманія передъ всѣми, доселѣ-

имѣвшимися въ нашей литературѣ свѣдѣніями о Шамилѣ и о странѣ, составляющей его убѣжище.

Но портретъ Грамова былъ бы не полонъ, еслибъ мы позабыли прибавить, что ему 32 года, что онъ первоначально воспитывался въ шушинскомъ училищѣ нѣмецкихъ колонистовъ, гдѣ изучилъ и русскій языкъ такъ, что теперь владѣетъ имъ въ одинаковомъ совершенствѣ съ армянскимъ и татарскимъ. Не окончивъ, впрочемъ, воспитанія въ нѣмецкомъ училищѣ, онъ поспѣшилъ *доучиваться* на службѣ и поступилъ сначала переводчикомъ въ Шушинское Комендантское Управленіе, а потомъ, въ томъ же званіи, къ командующему Прикаспійскимъ Краемъ и Дагестаномъ, генерал-лейтенанту князю Гр. Орбеліани, которому нынче не только преданъ какъ начальнику, но и привязанъ какъ къ человѣку. Эти-то преданность и привязанность и побудили Грамова рѣшиться на путешествіе къ Шамилю по первому вызову князя Орбеліани. Грамовъ, по собственному его показанію, не искалъ награды за свое небезопасное участіе въ дѣлѣ плѣнницъ: онъ хлопоталъ только о томъ, чтобъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать къ освобожденію бѣдствующихъ родственницъ своего любимаго начальника.

Но пора намъ за нимъ послѣдовать къ Шамилю.

Грамовъ отправился изъ Андреевской Деревни, какъ и было уже сказано, 2-го декабря. Вмѣстѣ съ Грамовымъ поѣхалъ и Могаммедъ, до-сихъ-поръ употреблявшійся для переговоровъ. Кромѣ писемъ и словесныхъ наставленій, они везли одежду и разныя другія вещи, необходимыя для плѣнницъ.

Путь ихъ прежде всего лежалъ на Буртунай, главный аулъ непріязненнаго намъ Салатавскаго Общества. Здѣсь, у наиба Муртеза-Али нашли они письмо отъ Шамиля. Шамиль писалъ: «и «видѣлъ я сонъ, что переводчикъ князя Орбеліани ѣдетъ ко мнѣ «съ хорошими вѣстями о моемъ сынѣ. Глаза мои — на его до-«рогѣ»...

Грамовъ подивился доброкачественности шамилевыхъ шпіоновъ и, въ сопровожденіи двухъ проводниковъ, данныхъ ему отъ Муртеза-Али, отправился далѣе, черезъ Салатавію, въ Дерхёк-Отаръ, гдѣ въ это время Шамиль, дѣлавшій экспедицію противъ отряда полковника барона Николаи, стоялъ лагеремъ.

На четвертый день путешествія, часовъ въ десять утра, Грамовъ прибылъ въ лагерь, но прежде, чѣмъ явился къ Шамилю,

послалъ къ нему письмо, въ которомъ спрашивалъ, *какъ* къ нему представиться.

Отвѣтъ былъ: «по-русски».

Вслѣдствіе этого Грамовъ отправился въ ставку Шамиля, куда впустили его не иначе, какъ безоружнаго. Войдя, онъ увидѣлъ прямо передъ собою сидѣвшаго Шамиля, по правую его руку Даніэль-Султана, а по лѣвую Кѣр-Эффенди кази-кумыкскаго, полуслѣпаго старика, никогда-неразлучающагося съ Шамилемъ въ походахъ и даже спящаго съ нимъ постоянно вмѣстѣ. Послѣ уже извѣстнаго намъ старика Джемаль-Эддина, этихъ обоихъ можно назвать самыми ближайшими изъ приближенныхъ дагестанскаго имама, хотя, впрочемъ, носится слухъ, что Даніэль-Султана Шамиль ласкаетъ лишь по родству съ нимъ, а на дѣлѣ весьма-мало обнаруживаетъ къ нему довѣрія.

Прочіе наибы (до 12-ти) и въ числѣ ихъ сынъ Шамиля, Кази-Махматъ, *стояли* поодаль.

Исаакъ Грамовъ поклонился и молча подалъ Шамилю письмо отъ князя Орбеліани. Въ этомъ письмѣ заключалась рекомендація Грамова, какъ довѣреннаго лица, и поздравленіе Шамилю съ тѣмъ, что Государь Императоръ соизволилъ изъявить согласіе на выдачу ему сына.

Принявъ и прочитавъ письмо (черезъ переводчика), Шамиль пригласилъ Грамова сѣсть и спросилъ о здоровьи князя Орбеліани и князя Чавчавадзе.

— Слава Богу! отвѣчалъ Грамовъ: — они благодарятъ васъ за вниманіе къ плѣнницамъ. Мы тоже люди: чувствуемъ добро; и если не мы, то Богъ заплатитъ вамъ за это.

При этихъ словахъ Даніэль-Султанъ улыбнулся, какъ-будто принялъ ихъ за двусмысліе (*); но Шамилю они были пріятны; онъ велѣлъ возвратить Грамову его оружіе и даже разсердился на нукеровъ, обезоружившихъ такого любезнаго гостя, а потомъ, обратясь къ Грамову, прибавилъ:

(*) Впослѣдствіи Даніэль-Султанъ, въ частныхъ разговорахъ съ Грамовымъ, сожалѣлъ о семействѣ князя Чавчавадзе и говорилъ, что скорѣе заболѣлъ бы, чѣмъ идти на Кахетію, еслибъ зналъ, какая участь постигнетъ это семейство. Извѣстно, что набѣгомъ на Кахетію предводительствовали: Кази-Махматъ (остававшійся за Алазанью) Даніэль-Султанъ и наибъ Каир-Бекъ, вскорѣ потомъ убитый.

— Благодаренъ за довѣріе ко мнѣ. Въ первый разъ вижу у себя *посланникомъ* русскаго офицера, и считаю это за счастіе.

На комплиментъ Грамовъ отвѣчалъ комплиментомъ, зная, что это необходимая приправа при началѣ всякаго разговора съ мусульманами.

— Пріѣдетъ ли ко мнѣ сынъ мой? спросилъ, наконецъ, Шамиль.

— Хотя сынъ вашъ и сдѣлался полурусскимъ, но если онъ наслѣдовалъ отъ васъ обширность разума, то конечно пріѣдетъ, ибо лучше ему повелѣвать здѣсь тысячами, чѣмъ въ Россіи командовать сотнями.

Шамиль съ улыбкой обратился къ Даніэль-Султану и сказалъ:

— Что вы о немъ думаете? Я думаю, что это дѣйствительно переводчикъ князя Орбеліани... и затѣмъ вынулъ изъ-подъ верхней одежды часы съ репетиціей, заставилъ ихъ прозвонить половину двѣнадцатаго, и сказалъ:

— Однако мнѣ пора на молитву.

Поблизости бывшій мулла прокричалъ призывъ къ намазу, и тѣмъ кончилась аудіенція.

Грамова проводили въ особую ставку.

По окончаніи намаза, пришелъ къ нему Кѣр-Эффенди, и послѣ множества комплиментовъ, принялся разспрашивать о ходѣ военныхъ дѣйствій подъ Севастополемъ. Грамовъ отвѣчалъ, что зналъ изъ доходившихъ въ то время до Шуры извѣстій, то-есть что зима производитъ значительныя опустошенія въ рядахъ англичанъ и французовъ, и т. д.

На другой день, рано поутру, Шамиль присылалъ узнать о здоровьи Грамова, а часу въ пятомъ принесли ему на кругломъ деревянномъ подносѣ калмыцкаго (такъ-называемаго кирпичнаго) чаю въ чашѣ, вмѣщающей въ себѣ стакановъ двѣнадцать Надо было выпить все до капли; иначе было бы обидно для хозяина.

Нукеры, чисто и красиво одѣтые, приносили Грамову чай, обѣдъ и ужинъ. По вечерамъ его требовали къ Шамилю для бесѣды глазъ-на-глазъ; но бесѣда по-большей-части была незначительная: были шутки, были разспросы объ извѣстныхъ русскихъ генералахъ; о выкупѣ вовсе не упоминалось. Наконецъ, дня черезъ три, Шамиль объявилъ, что онъ завтра ѣдетъ въ Веденно и тамъ ужь все покончитъ о плѣнницахъ. На другой день Шамиль и двѣ сотни его тѣлохранителей-мюридовъ дѣйствительно поднялись часу въ пятомъ и тронулись въ путь въ Веденно. Въ то же

время весьма-невдалекѣ раздались частые выстрѣлы изъ орудій: это было жаркое дѣло главнаго шамилева отряда подъ предводительствомъ Эски-наиба съ отрядомъ генерал-маіора барона Врангеля, окончившееся извѣстнымъ пораженіемъ горцевъ. Самый отъѣздъ Шамиля въ Веденно объяснялся дурнымъ для него оборотомъ экспедиціи. Этотъ отъѣздъ былъ ни что иное, какъ благовременное бѣгство отъ несомнѣнной опасности; но Шамиль не показалъ и виду неудовольствія или страха. Онъ шутилъ съ Грамовымъ, который ѣхалъ отъ него въ трехъ шагахъ, а бывшій тутъ же пятисотенный буртунаійскій, Хассанъ, опередилъ ихъ и сталъ кричать нараспѣвъ: «ля-илляхэ-иль-алла», и этотъ священный припѣвъ былъ подхваченъ и продолжительно поддерживаемъ и повторяемъ всѣми мюридами (*). Такимъ-образомъ, шагъ-за-шагомъ, проѣхали около трехъ верстъ, какъ вдругъ артиллерійская пальба, слышанная позади, верстахъ въ двѣнадцати, чрезвычайно усилилась. Шамиль остановился, минуты двѣ задумчиво прислушивался, и снова, съ прежнимъ спокойствіемъ, поѣхалъ далѣе. Внутреннее волненіе свое скрывалъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, то прикрывая его шуткою, то прямо прибѣгая ко лжи. И то и другое Грамовъ имѣлъ возможность замѣтить при настоящемъ случаѣ.

— Исай-Бекъ, сказалъ ему Шамиль, какъ бы желая отвлечь его мысли отъ всякаго подозрѣнія: — ты видишь эту лошадь съ двумя переметными сумками, составляющими вьюкъ ея?

Грамовъ отвѣчалъ утвердительно.

— Вотъ такъ надо ѣздить на войну, продолжалъ Шамиль: — это мой вьюкъ; въ немъ все мое походное имущество, и другихъ вьюковъ я никогда въ походѣ не имѣю, несмотря на то, что имамъ и предводитель моего войска... А у васъ едва-ли не у каждаго прапорщика найдется поболѣе... отъ этого и хвостъ у

(*) Во всѣхъ поѣздкахъ Шамиля съ нимъ неразлучны 200 человѣкъ аварцевъ—отборныхъ и по-большей-части старыхъ наѣздниковъ. Всѣ они отлично вооружены и одѣты и имѣютъ свой особый значокъ. Въ поѣздкахъ обыкновенно сто изъ нихъ ѣдутъ впереди, а сто позади Шамиля, и каждая сотня ѣдетъ пятью рядами или взводами, непрестанно повторяя тотъ же припѣвъ изъ Алкорана, но притомъ такъ, что передняя сотня чередуется въ пѣніи съ заднею. По правую руку отъ Шамиля всегда ѣздитъ Даніэль-Султанъ —честь особенная и ни для кого другаго недоступная.

васъ всегда длинный, а съ длиннымъ хвостомъ, согласись самъ, въ походахъ несовсѣмъ-удобно.

Грамовъ отвѣчалъ молчаливой улыбкой.

Проѣхавъ еще съ версту, Шамиль и его мюриды были остановлены прибытіемъ вѣстника, который, въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ, во весь опоръ прискакалъ съ той стороны, откуда еще не переставали раздаваться выстрѣлы, хотя уже и менѣе-частые. Вѣстникъ подалъ Шамилю донесеніе отъ Эски-наиба, написанное на маленькомъ клочкѣ грязной бумаги. Шамиль, прочитавъ донесеніе, поздравилъ всѣхъ окружающихъ съ побѣдой надъ русскими, а потомъ снялъ съ себя шашку и, отдавая ее вѣстнику, громко произнесъ: «благодарите отъ меня Эски-наиба и отдайте ему эту шашку, въ знакъ моего совершеннаго удовольствія...»

Грамовъ не вѣрилъ побѣдѣ горцевъ надъ русскимъ отрядомъ, но въ то же время, наблюдая за Шамилемъ, онъ не постигалъ, какимъ-образомъ человѣкъ можетъ до такой степени владѣть собою, чтобъ ни въ одной чертѣ лица, ни въ одномъ словѣ или движеніи не выразить чувства, совершенно-противоположнаго удовольствію!

Но комедія, разъигранная Шамилемъ, вскорѣ уяснилась для Грамова: когда вѣстникъ ускакалъ обратно къ Эски-наибу, Грамовъ поотсталъ отъ Шамиля и присоединился къ заднимъ рядамъ его тѣлохранителей. Тутъ нашелъ онъ нѣсколько горцевъ, прискакавшихъ съ мѣста боя вслѣдъ за вѣстникомъ. Они передавали мюридамъ извѣстіе объ истинномъ ходѣ дѣла, и Грамову немудрено было убѣдиться, что они разсказывали о пораженіи Эски-наиба русскими. Другое доказательство тому, что горцамъ приходилось плохо, Грамовъ вскорѣ увидѣлъ въ измѣненіи шамилевыхъ намѣреній: Шамиль остановилъ свой конвой и, обратясь къ Грамову, сказалъ:

— Ну, Исай-бекъ, поѣзжай въ Веденнò, а я вернусь къ отряду.

— Позвольте остаться при васъ, отвѣчалъ Грамовъ.

— Нѣтъ, тебѣ съ нами дѣлать нечего. Своихъ ты бить не будешь, а нашихъ не удастся, не позволю; если жь будетъ новое дѣло и тебя ранятъ, такъ это будетъ на моей совѣсти... Лучше поѣзжай въ Веденнò и ожидай тамъ скораго моего возвращенія...

Тутъ Шамиль и его мюриды повернули назадъ, а Грамовъ съ данными ему провожатыми отправился въ Даргы-Веденнò, до котораго оставалось еще верстъ двадцать.

Версты за четыре до мѣста, Грамовъ былъ съ нѣкоторымъ почетомъ встрѣченъ мюридами, остававшимися въ Веденò. Замѣчательно, что между встрѣчавшими не было ни одного молодаго человѣка: вся молодёжь была въ экспедиціи. Тѣмъ неменѣе, однакожь, при встрѣчѣ не обошлось безъ ружейныхъ выстрѣловъ и джигитовки, составляющихъ извѣстный церемоніалъ горцевъ при всякомъ болѣе или менѣе пріятномъ, либо торжественномъ случаѣ. Встрѣчею завѣдывалъ Коптасà-Хаджіо, уже знакомый намъ казначей Шамиля.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Веденò Грамовъ не замѣтилъ ничего особенно-интереснаго. О самомъ же Веденò сохранилъ слѣдующее воспоминаніе:

Аулъ, служащій резиденціей Шамилю, какъ и всѣ собственно-чеченскіе аулы или селенія, растянутъ на значительное пространство и окруженъ, какъ наши кавказскія казачьи станицы, валомъ и плетнемъ съ частоколомъ. Строенія здѣсь всѣ деревянныя, въ противоположность Дагестану и Аваріи, гдѣ селенія сплошь строятся изъ камня и на камнѣ, и притомъ не такъ, какъ въ Чечнѣ, не въ разбродъ, а тѣсными кучами. Въ Чечнѣ же бываютъ селенія въ три и четыре версты длиною, хотя иногда имѣютъ и не болѣе ста домовъ, но эти домы, или *сакли*, часто раздѣляются большими садами, или даже пашнями, а оттого селеніе тянется на огромное протяженіе.

Въ серединѣ Веденò Грамовъ нашелъ обширное (до ста саженъ ширины и двухсотъ длины), огороженное частоколомъ пространство: это былъ внѣшній дворъ шамилева сераля; внутренній же дворъ или самый сераль помѣщался въ самой срединѣ этого внѣшняго двора и заключалъ въ себѣ разныя хозяйственныя строенія и жилыя помѣщенія для семейства, прислуги Шамиля и гостей его, въ числѣ которыхъ пріѣзжаетъ и второй его сынъ, Кази-Махматъ, наибъ въ Каратаѣ, откуда завѣдываетъ онъ *семью* наибствами.

На внѣшнемъ дворѣ Грамовъ видѣлъ помѣщенія для двухсотъ конвойныхъ мюридовъ Шамиля, отборнаго войска, собраннаго изъ аварскихъ селеній и наполовину составленнаго изъ старыхъ, закаленныхъ въ бою всадниковъ. Тутъ же стоитъ небольшой сарайчикъ, гдѣ Грамовъ видѣлъ восемь заржавленныхъ орудій, негодныхъ и никогда неупотребляемыхъ въ дѣло, а очевидно стоящихъ здѣсь *для важности.*

Впослѣдствіи, живя нѣсколько дней въ домѣ казначея Хаджіо,

Н. Грамовъ успѣлъ кое-что разузнать и высмотрѣть. Такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что въ Веденнѐ, кромѣ постояннаго войска, находится до 340 иностранцевъ, бо̀льшею частью изъ поляковъ, и до 400 душъ частныхъ жителей изъ туземцевъ; что конвойная стража Шамиля нигдѣ и никогда не покидаетъ его, составляя не только охрану, но даже какъ-бы присмотръ за самимъ Шамилемъ, такъ-что даже въ мечеть Шамиль не ходитъ безъ этой двусмысленной свиты, отъ которой, повидимому, не могъ бы избавиться, еслибъ и захотѣлъ того. Въ мечеть же ходитъ Шамиль каждую пятницу, по утрамъ, причемъ двѣсти его мюридовъ составляютъ изъ себя какъ-бы двойную стѣну по всему протяженію отъ сераля до мечети, и въ то время, когда имамъ проходитъ между ихъ рядами, они поютъ «ля илляхэ-иль-алла»; когда же Шамиль въ мечети, они окружаютъ ее и все время остаются безмолвными и почтительными хранителями ненарушимости имамова моленія, которое, впрочемъ, никогда не продолжается болѣе четверти часа.

Какъ доказательство того уваженія, какимъ Шамиль пользуется между своими ближайшими подвластными, Грамовъ приводитъ весьма-распространенный у ведѐнскихъ жителей обычай божиться или клясться въ разговорахъ именемъ или *здоровьемъ* Шамиля.

Къ-сожалѣнью, наблюдательный Грамовъ былъ слишкомъ-недолго въ Веденнѐ; иначе, съ помощью своей замѣчательной проницательности, онъ могъ бы доставить намъ болѣе-полныя характеристическія свѣдѣнія о загадочномъ мірѣ, въ который вводила его судьба на короткое время.

Но возвратимся къ хронологическому порядку разсказа.

Грамовъ остановился и ночевалъ въ домѣ казначея Хаджіо, а на другой день вечеромъ прибыли въ Веденнѐ Шамиль и Даніэль-Султанъ. Хаджіо ходилъ къ нимъ и, возвратясь, сказалъ, что Шамиль никого изъ постороннихъ не принимаетъ и уже отправился въ свою спальню.

На другой день, часу въ шестомъ утра, Шамиль присылалъ узнать о здоровьи Грамова, а въ десятомъ часу потребовалъ его къ себѣ.

Грамовъ отправился въ сераль и былъ введенъ въ кабинетъ Шамиля (*).

(*) По всей вѣроятности, это была *кунацкая* комната, или та, что̀ обозначена на планѣ сераля подъ именемъ «комнаты для пріѣзжихъ гостей».

Тутъ Грамовъ нашелъ цѣлое и даже довольно-торжественное засѣданіе. Шамиль сидѣлъ въ глубинѣ комнаты; по правую его руку помѣщался Даніэль-Султанъ, а по лѣвую Кёр-Эффенди. Тутъ же были: бывшій андійскій наибъ Муртулъ-Али и переводчикъ Шамиля, единоземецъ Грамова, карабахскій же армянинъ (знакомый уже намъ) Шахъ-Аббасъ, когда-то захваченный въ плѣнъ горцами, а впослѣдствіи принявшій мусульманскую вѣру и сдѣлавшійся однимъ изъ вліятельныхъ приближенныхъ Шамиля. Кромѣ этихъ лицъ, вдоль стѣнъ комнаты сидѣло человѣкъ до двѣнадцати наибовъ, неизвѣстныхъ Грамову.

Грамовъ поклонился всѣмъ присутствовавшимъ и сталъ неподалеку отъ двери.

— Здоровъ ли, Исаіі-Бекъ? началъ Шамиль съ благосклонной улыбкой.

— Слава Богу, по вашей милости, почтительно отвѣчалъ Грамовъ.

— Садитесь, продолжалъ Шамиль и указалъ рукою мѣсто на коврѣ, противъ себя.

Грамовъ сѣлъ на коверъ, сложивъ подъ себя ноги. Послѣ нѣкотораго молчанія, Шамиль спросилъ также съ улыбкою:

— Исаіі-Бекъ! Ка́къ ты видѣлъ Дагестанъ?

— Имамъ, въ какомъ отношеніи изволите спрашивать?

— Кова̀ тамъ дорога, обычаи, пріемъ и все, что̀ ты могъ хорошенько узнать проѣздомъ?

— Имамъ, позволите ли сказать правду?

— Непремѣнно! Человѣкъ долженъ говорить правду, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ человѣкомъ.

— Если такъ, то я принужденъ сказать, что во владѣніяхъ вашихъ доро̀ги чрезвычайно-дурны и грязны; путешествовать весьма-трудно по причинѣ множества лѣсовъ, переправъ и ущелій. Я дѣлалъ верстъ по десяти въ сутки, и похвалить путешествія не могу. Что жь касается до гостепріимства, то я весьма имъ доволенъ.

— Да̀, любезный, это-то я и хотѣлъ отъ тебя слышать. Знай же, что тотъ великій Царь, который не хочетъ тремъ царямъ покориться, со мною ничего сдѣлать не можетъ, хотя и не перестаетъ посылать ко мнѣ войска свои! Я не смѣю равняться съ могущественными государями: я простой татаринъ, Шамиль; но моя грязь, мои лѣса и ущелья дѣлаютъ меня сильнѣе многихъ государей. Еслибъ я могъ, я умастилъ бы драгоцѣннымъ масломъ

каждое дерево лѣсовъ моихъ; а грязь дорогъ смѣшалъ бы съ благовонным медомъ — такъ дорожу я моими лѣсами и моими дурными дорогами: они-то и составляютъ мое могущество.

Окончивъ эту длинную рѣчь, Шамиль съ улыбкою обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ. Тѣ отвѣчали ему также улыбками; но Шамиль немедленно измѣнилъ выраженіе лица и сказалъ, обращаясь снова къ Грамову:

— Исай-Бекъ, большія лица въ важныхъ разговорахъ всегда сначала шутятъ, а потомъ ужь толкуютъ о дѣлѣ. Такъ сдѣлали и мы съ тобою. Теперь поговоримъ о дѣлѣ.

Грамовъ понялъ, что благосклонная шутливость Шамиля (вѣроятно, бывшая слѣдствіемъ его желанія ободрить Грамова) прекращалась и уступала мѣсто суровости. Поэтому Грамовъ отвѣчалъ съ удвоенною почтительностью:

— Прикажите, имамъ, я буду отвѣчать.

— Что жь князья Орбеліани и Чавчавадзе шутятъ, что ли, со мною, или нѣтъ? спросилъ Шамиль съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, въ которыхъ уже не оставалось и тѣни благосклонности или шутки.

Грамовъ показалъ видъ недоумѣнія; всѣ прочіе изобразили собой олицетворенное вниманіе.

Шамиль продолжалъ:

— Сначала я требовалъ за освобожденіе ихъ семействъ пять милліоновъ рублей; потомъ я пожалѣлъ ихъ и потребовалъ только одинъ милліонъ, 150 плѣнныхъ горцевъ и сына моего Джемаль-Эддина. Но они до-сихъ-поръ кормятъ меня только сладкими письмами. Я удивляюсь, какъ много они пишутъ, а, кажется, лучше бы поменьше писать, да побольше дѣла дѣлать. Особенно сердитъ меня этотъ Орбеліани; я, кажется, зарѣзалъ бы его, еслибъ онъ попался мнѣ въ руки... конечно, и онъ со мною сдѣлалъ бы то же самое... мы враги!

Говоря это, Шамиль хмурилъ брови, а глаза его принимали ужасающее выраженіе. На этотъ разъ онъ даже не прищуривалъ ихъ, какъ это дѣлаетъ почти-постоянно.

Помолчавъ, Грамовъ произнесъ вкрадчиво, но съ достоинствомъ:

— Имамъ, если позволите, я доложу вамъ...

— Хорошо, говори: что̀ тебѣ поручено?

— Для князей Орбеліани и Чавчавадзе все-равно, что пять милліоновъ, что одинъ, потому-что такихъ денегъ нѣтъ у нихъ. Сумма, требуемая вами, бываетъ только у царей... Но я под-

тверждаю тѣ же обѣщанія, о какихъ они къ вамъ писали, то-есть, я предлагаю вамъ 40,000 рублей серебромъ. А ужь какъ мы собрали эти деньги—объ этомъ только одинъ Богъ вѣдаетъ!..

Шамиль, выслушавъ Грамова, хранилъ молчаніе.

Грамовъ продолжалъ:

— Вотъ Даніэль-Султанъ долженъ хорошо знать состояніе грузинскихъ князей. Спросите его: имѣетъ ли хоть кто-нибудь изъ нихъ столько, чтобъ могъ, продавъ все свое имущество, выручить мильйонъ?

Даніэль-Султанъ поддержалъ Грамова и произнесъ:

— Я удивляюсь и тому, что они успѣли собрать 40,000.

Тутъ заговорили наибы. Они выражали недовѣріе къ словамъ Грамова, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Исай-Бекъ, ты говоришь несправедливо. Что значитъ для васъ заплатить мильйонъ — сущая бездѣлица! Если нашъ имамъ захочетъ, то потребуетъ и получитъ цѣлую *арбу* серебра.

— Но я вамъ предлагаю двѣ арбы, да и тѣхъ вы не увезете по вашимъ грязнымъ дорогамъ! отвѣчалъ Грамовъ, сообразивъ, что въ двухъ чеченскихъ арбахъ не помѣстится болѣе 30,000 рублей звонкою монетой.

Наибы въ голосъ принялись выражать сомнѣніе. Грамовъ окончательно понялъ, что никто изъ нихъ не имѣетъ понятія о томъ, что такое мильйонъ, и почелъ нужнымъ вразумить ихъ слѣдующими словами:

— Вы, какъ я вижу, еще не знаете, что у насъ называется мильйонъ, такъ я, для примѣра, скажу вамъ, что еслибъ вамъ дали мильйонъ бобовъ или кукурузныхъ зеренъ и приказали бы ничего не ѣсть до-тѣхъ-поръ, пока вы ихъ не сосчитаете, и еслибъ притомъ, не одинъ изъ васъ, а всѣ вы вмѣстѣ стали бы считать эти бобы или зерна, то всѣ умерли бы съ голоду прежде, чѣмъ досчитались бы до мильойна...

Наибы пришли въ самое искреннее изумленіе. Рельефный доводъ Грамова очевидно на нихъ подѣйствовалъ. «Не-уже-ли это такъ много?» спрашивали они съ видомъ невѣжественнаго простодушія, и Грамовъ уже радовался своему успѣху. Но тутъ въ разговоръ вмѣшался переводчикъ Шах-Аббасъ и едва не разстроилъ всего дѣла. Грамовъ, смекнувъ, что этотъ человѣкъ можетъ быть очень-полезенъ и очень-вреденъ, смотря по тому, въ какую сторону склонится его расположеніе, тотчасъ же мысленно

обѣщалъ себѣ заискать у Шах-Аббаса (*), а между-тѣмъ, чтобъ не дать ему теперь повредить переговорамъ, обратился къ Шамилю:

— Имамъ, сказалъ Грамовъ:—позвольте просить васъ объ одной милости...

— Что̀ такое? сухо произнесъ Шамиль.

— Прикажите всѣмъ имъ молчать; иначе я не въ-состояніи объясняться.

Шамиль обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ и приказалъ имъ не перебивать Грамова, а потомъ сказалъ ему:

— Они будутъ молчать, но мы-то съ тобою чѣмъ же покончимъ дѣло?

— Довѣрители мои рѣшительно не могутъ дать болѣе того, что̀ предлагаютъ, то-есть 40,000 р., возвращеніе вашего сына и плѣнныхъ, сколько успѣютъ собрать. Если же сынъ вашъ самъ не будетъ согласенъ на возвращеніе, то вы пошлете къ нему довѣренныхъ людей, которые будутъ его уговаривать.

— Любезный Исай-Бекъ, я о сынѣ не такъ хлопоту, какъ о выгодахъ моего народа. Я сына не вижу шестнадцать лѣтъ и отвыкъ отъ него. Нѣтъ, вы мнѣ дайте мильйонъ! Князь Чавчавадзе защищалъ ввѣренную ему страну и лишился семейства: Государь долженъ вознаградить его; пусть же онъ требуетъ!

— Имамъ, у нашего Государя никто ничего не смѣетъ требовать. О возвращеніи къ вамъ сына вашего помыслилъ самъ Государь; иначе и на эту милость князь Чавчавадзе не могъ бы разсчитывать. Что же касается до храбрости или знатности князя Чавчавадзе, то у Государя много такихъ фамилій, и за всякую онъ не въ состояніи давать по мильйону...

— Хорошо; но поговоримъ послѣ, а теперь мнѣ пора дѣлать намазъ, отвѣчалъ Шамиль на послѣднія убѣжденія Грамова.

— Имамъ, заключилъ Грамовъ, нужно бы поговорить съ вами наединѣ.

— Хорошо, хорошо; но теперь иди съ Богомъ!

Грамовъ вышелъ. До вечера онъ оставался въ своей квартирѣ

(*) Въ чемъ и успѣлъ въ тотъ же день вечеромъ, подаривъ Шах-Аббасу часы, два полуимперіала и 1 ф. чаю. Вообще Грамовъ нашелъ почти во всѣхъ приближенныхъ Шамиля страшныхъ взяточниковъ, и потому не жалѣлъ подарковъ, состоявшихъ изъ сукна, денегъ и драгоцѣнныхъ вещей.

и не былъ ничѣмъ безпокоимъ. Кормили его отлично, и даже давали соли, что̀ у чеченцевъ означаетъ особое уваженіе къ гостю.

Вечеромъ къ Грамову пришли Шах-Аббасъ и нѣкоторыя другія лица, видѣнныя имъ поутру въ кабинетѣ Шамиля. При этомъ свиданіи армянинъ Шах-Аббасъ говорилъ съ Грамовымъ поармянски и, принявъ отъ него подарки, обѣщалъ всякое содѣйствіе, чѣмъ и можно истолковать то видимое расположеніе его къ плѣнницамъ, которое онѣ объясняли добротою души его, но которое для читателей нашихъ объясняется теперь совершенно-иначе.

На другой день Грамова не требовали къ Шамилю, но на третій день они имѣли новое свиданіе.

Шамиль опять былъ окруженъ своими приближенными.

— Садись, Исай-Бекъ, по обыкновенію сказалъ онъ Грамову.

— Позвольте стоять: колѣни болятъ отъ непривычки къ сидѣнью.

— Какъ хочешь... Ну, здоровъ ли ты?

— Слава Богу.

— Дай Богъ тебѣ здоровья... Не желаешь ли обрадовать княгинь?

— Это зависитъ отъ вашей милости.

— Вотъ видишь ли что̀: княгини у меня живутъ хорошо, такъ, что и птица здѣсь ихъ не видитъ. Я дѣлаю это для нихъ по закону Шаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаю получить и хорошую выгоду. Князья Орбеліани и Чевчавадзе должны бы считать это за счастье, а они слишкомъ-мало даютъ денегъ! Должно-быть, они шутятъ со мною, или медлятъ для-того, чтобъ, начавъ военныя движенія, добраться до Веденно̀ и захватить плѣнныхъ, чтобъ послѣ мѣняться ими...

— Имамъ, ничего не могу отвѣчать вамъ на это при постороннихъ лицахъ и повторяю свою просьбу о томъ, чтобъ мнѣ было дозволено поговорить съ вами наединѣ.

— Хорошо, послѣ... отвѣчалъ Шамиль и, очевидно не желая теперь удалять своихъ приближенныхъ, отпустилъ Грамова.

На другой день послѣдовала желаемая Грамовымъ секретная бесѣда съ Шамилемъ. Она была устроена довольно-поздно вечеромъ, и было замѣтно, что Шамиль самъ желалъ побесѣдовать одинъ-на-одинъ съ русскимъ повѣреннымъ, но въ то же время опасался своихъ соглядатаевъ.

Вотъ въ чемъ состояла эта вечерняя аудіенція:

— Еслибъ князья даже и имѣли мильйонъ, говорилъ Грамовъ, съ видомъ величайшей таинственности, то все-таки не дали бы вамъ такой огромной суммы.

— Почему же? задумчиво спросилъ Шамиль.

— Потому, что Государь не дозволилъ бы имъ такъ значительно увеличивать ваши средства къ войнѣ противъ русскихъ .. Притомъ же князья очень-горды и не согласятся торговаться, а что̀ сказали разъ, то̀ и сдѣлаютъ. Наконецъ... позволите ли говорить откровенно?..

— Говори.

— На вашемъ мѣстѣ, я довольствовался бы славою. Посудите сами : мало ли будетъ вамъ той славы, что вы, какъ-бы вооруженною рукою отняли у русскихъ того самаго сына , котораго когда-то поневолѣ должны были сами отдать имъ въ заложники?.. Вѣдь объ этомъ заговоритъ вся Европа , и въ газетахъ напечатаютъ, что вы умѣли восторжествовать надъ русскими.

— Оно такъ; но и деньги получить хорошо, съ улыбкою замѣтилъ Шамиль.

— Но повѣрьте , имамъ , что я васъ ни въ чемъ не обманываю. Конечно , я дѣйствую въ пользу князя Орбеліани, потому-что я ему многимъ обязанъ и душевно люблю его; но вмѣстѣ съ тѣмъ я и вамъ хотѣлъ бы сослужить службу, устроивъ окончательно это дѣло : я въ васъ также нуждаюсь. Кто знаетъ, можетъ-быть, и мнѣ случится когда-нибудь сдѣлаться вашимъ плѣнникомъ: тогда вы вспомните мои услуги и помилуете меня!

Шамиль опустилъ голову и задумался. Потомъ онъ вздохнулъ и, обратившись къ Грамову, отрывисто произнесъ:

— Хорошо; завтра, до вечера, я постараюсь окончить съ народомъ... Ты знаешь , что безъ народа я сдѣлать ничего не могу, а послѣзавтра отправлю тебя съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Грамовъ удалился; но на другой же день, часу въ девятомъ утра, былъ снова позванъ къ Шамилю , который на этотъ разъ опять былъ окруженъ множествомъ народа.

Увидѣвъ вошедшаго Грамова , Шамиль немедленно обратился къ нему:

— Исай-Бекъ , я хочу тебя поздравить. Вотъ тутъ сидитъ мой письмоводитель, и я готовлюсь писать къ князю Орбеліани.

Грамовъ оглянулся и увидѣлъ писца, передъ которымъ лежало четверть листа простой полубѣлой бумаги.

Шамиль продолжалъ:

— Деньги — трава : сохнетъ и пропадаетъ. Мы не деньгамъ служимъ, а Богу,

При этихъ словахъ Грамовъ замѣтилъ на всѣхъ физіономіяхъ усиленное вниманіе.

— Но я много писать не стану; это *вы* только много пишите... На словахъ передашь князю Орбеліани, что̀ слѣдуетъ; а я напишу вкратцѣ... Богъ милостивъ, пріѣдетъ сынъ мой, тогда отпущу и княгинь.

Грамовъ отправился къ себѣ, но вскорѣ былъ снова призванъ, чтобъ получить письмо Шамиля къ князю Орбеліани. Тутъ Грамовъ нашелъ и письмо отъ плѣнницъ къ князю Чивчавадзе, уже прочитанное Шамилемъ. Оба эти письма Шамиль поручилъ Грамову тутъ же завернуть въ одинъ конвертъ и запечатать его печатью; отдавая же эти депеши Грамову, просилъ его ѣхать на встрѣчу Джемаль-Эддина и въ заключеніе сказалъ:

— Смотри, чтобъ сына моего не окружали злонамѣренные люди и не отсовѣтовали ему возвратиться ко мнѣ! Послужи мнѣ въ этомъ случаѣ, руководствуйся чистотою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ — и тогда будешь вознагражденъ мною. Прощай!..

Это были послѣднія слова Шамиля передъ отъѣздомъ Грамова. Откланиваясь Шамилю, умный армянинъ не пожалѣлъ восточныхъ комплиментовъ, и два дипломата разстались совершенно-довольные другъ другомъ

Черезъ полчаса Грамовъ, сопровождаемый пальбою и конвоемъ, выѣхалъ изъ Ведено̀, а 30-го декабря благополучно прибылъ въ Темир-Хан-Шуру, гдѣ и оставался до поѣздки съ княземъ Чавчавадзе въ Хасав-Юртъ, а оттуда во Владикавказъ. Возвратившись снова въ Хасав-Юртъ, онъ въ-теченіе трехъ недѣль безпрестанно велъ переговоры съ пріѣзжавшими туда повѣренными Шамиля.

III.

Возвращеніе Грамова. — Поѣздка князя Д. А. Чавчавадзе во Владикавказъ. — Поручикъ Джемаль-Эддинъ. — Шамиль. — Новые переговоры и новыя неожиданныя затрудненія.

Возвратившись 30-го декабря въ Темир-Хан-Шуру, Грамовъ нашелъ тамъ и князя Г. Орбеліани и князя Д. А. Чавчавадзе. Оба они были нѣсколько успокоены отвѣтомъ Шамиля, который обѣщалъ, по пріѣздѣ сына, отпустить и княгинь, и въ то же время оживлены тѣмъ, что съ-этихъ-поръ Шамиль, узнавшій о

согласіи своего сына возвратиться на родину, облегчилъ имъ сношенія съ дорогими плѣнницами.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, до 2-го числа февраля въ этихъ сношеніяхъ съ обѣихъ сторонъ не было ничего рѣшительнаго и даже замѣчательнаго. Но 2-го февраля князь Чавчавадзе получилъ отъ барона Николаи, изъ Хасав-Юрта, увѣдомленіе, что сынъ Шамиля, поручикъ русской службы, Джемаль-Эддинъ, уже прибылъ въ Ставрополь, дожидался тамъ пріѣзда новаго главнокомандующаго и намѣстника кавказскаго, генерал-адъютанта Н. Н. Муравьева, и отправленъ имъ во Владикавказъ. Это извѣстіе тѣмъ болѣе было радостно, что до-сихъ-поръ князья Орбеліани и Чавчавадзе знали о Джемаль-Эддинѣ только то, что онъ 4-го января выѣхалъ изъ Петербурга.

4-го февраля князь Д. А. Чавчавадзе, въ сопровожденіи Грамова, отправился въ Хасав-Юртъ и прибылъ туда на другой день. Здѣсь, немедленно по пріѣздѣ, князь получилъ письмо изъ Ведено отъ княгини Анны Ильиничны. Княгиня писала, что Шамиль, узнавъ о прибытіи сына во Владикавказъ, просилъ князя поторопить пріѣздъ его въ Хасав-Юртъ для скорѣйшаго окончанія дѣла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чавчавадзе здѣсь же узналъ, что г. главнокомандующій изъ Ставрополя направился къ укрѣпленію Нальчику, а во Владикавказѣ будетъ неранѣе 11-го числа.

Оба эти обстоятельства побудили князя немедленно ѣхать во Владикавказъ, чтобъ имѣть честь представиться тамъ г. главнокомандующему и въ то же время ходатайствовать у него о дозволеніи взять съ собою поручика Джемаль-Эддина въ Хасав-Юртъ.

9-го числа князь вмѣстѣ съ Грамовымъ выѣхалъ изъ Хасав-Юрта, а 11-го настигъ г. главнокомандующаго въ станицѣ Ардонской, гдѣ и былъ ему представленъ. По слѣдамъ г. главнокомандующаго, князь и Грамовъ въ тотъ же день прибыли во Владикавказъ, и тамъ его высокопревосходительству была доложена просьба князя относительно поручика Джемаль-Эддина, который до этого времени былъ порученъ начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи, генерал-лейтенанту барону Врангелю.

Г. главнокомандующій изъявилъ согласіе на просьбу князя Чавчавадзе: 13-го февраля поручикъ Джемаль-Эддинъ былъ ему переданъ, а 15-го числа, вмѣстѣ съ нимъ и Грамовымъ отправился въ Хасав-Юртъ.

Легко себѣ представить радостныя чувства князя Чавчавадзе

при сознаніи, что онъ уже обладаетъ, такъ-сказать, живымъ залогомъ скораго возвращенія милыхъ сердцу его плѣнницъ!... Онъ еще не зналъ, что впереди ожидаютъ его новыя затрудненія и сердечныя истязанія.

Сидя въ одномъ экипажѣ съ виновникомъ ожидаемаго освобожденія своего семейства, князь былъ счастливъ счастіемъ человѣка, отстрадавшаго роковой срокъ бѣдствія, и потому былъ на столько спокоенъ душою, что могъ вполнѣ предаться изученію своего молодаго и интереснаго спутника. Знакомство ихъ продолжалось и въ Хасав-Юртѣ, гдѣ князь и Джемаль-Эддинъ прожили болѣе трехъ недѣль въ одной комнатѣ.

Предвидя, что въ послѣдующихъ подробностяхъ нашего разсказа трудно будетъ найдти такое мѣсто, гдѣ можно было бы удобно прервать его нить и заняться портретомъ Джемаль-Эддина, мы сдѣлаемъ это теперь, въ увѣренности, что не можетъ не быть интересно все, относящееся до человѣка, который, конечно, предназначенъ играть немаловажную роль въ будущемъ, точно такъ же, какъ немаловажную роль играетъ онъ въ описываемомъ нами событіи.

Джемаль-Эддинъ только годомъ старѣе своего втораго брата, Кази-Махмата; на видъ ему не болѣе 22 или 23-хъ лѣтъ. Онъ средняго роста, хорошо сложенъ, тонокъ и ловокъ. Въ выраженіи лица его видны умъ, доброта, веселость и энергія — качества, дѣйствительно-замѣченныя въ немъ всѣми, кто часто видѣлъ его въ Хасав-Юртѣ (*); черты же лица у него весьма-сходны съ чертами Кази-Махмата. Джемаль-Эддинъ началъ и кончилъ свое воспитаніе въ одномъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, учился хорошо и былъ выпущенъ офицеромъ въ собственный Его Величества конвой, а потомъ прикомандированъ къ Уланскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полку.

Въ одномъ изъ разговоровъ съ княземъ Чавчавадзе, Джемаль-Эддинъ выразилъ, что онъ всегда желалъ служить по Генеральному Штабу и даже приготовлялся къ экзамену для поступленія въ Военную Академію, но что этой мысли не удалось ему осуществить...

(*) См. свидѣтельство офицера, писавшаго о Джемаль-Эддинѣ въ нѣмецкой брошюрѣ, переводъ которой помѣщенъ во 2-мъ приложеніи къ этому разсказу.

Религію отца своего Джемаль-Эддинъ сохранилъ, но съ роднымъ языкомъ раззнакомился такъ, что съ великимъ усиліемъ понимаетъ кое-что изъ татарскаго разговора. За-то онъ въ совершенствѣ владѣетъ языкомъ русскимъ и, понимая пофранцузски, легко читаетъ французскія книги. Вообще онъ, какъ кажется, весьма-любознателенъ и боится въ глуши своей родины потерять свѣдѣнія, пріобрѣтенныя воспитаніемъ. Это можно заключить изъ того, что онъ привезъ съ собою изъ Петербурга много книгъ, географическихъ атласовъ, хорошей бумаги, готовальни, карандаши и даже краски, что̀ даетъ поводъ думать, что онъ любитъ черченіе и рисованіе и думаетъ не покидать этихъ занятій даже и въ домѣ отца своего.

По увѣренію князя Д. А. Чавчавадзе, рѣдко встрѣчалъ онъ въ мусульманинѣ, хотя бы и образованномъ, такое отсутствіе всего татарскаго, такое полное перерожденіе въ европейскіе нравы, такой *русскій* взглядъ на вещи, такія *русскія* чувства и привычки, какія онъ нашелъ въ Джемаль-Эддинѣ. По предметомъ особеннаго удивленія для князя, былъ замѣчательный тактъ этого молодаго человѣка: никогда не обнаруживалъ онъ своихъ настоящихъ (конечно, грустныхъ) ощущеній и въ то же время никогда не рисовался въ интересную роль великодушнаго освободителя. Только наружность иногда измѣняла ему, обличая затаенную грусть, да раза два, и то глазъ-на-глазъ съ княземъ, Джемаль-Эддинъ проговорился о томъ, что̀ въ это время угнетало его душу.

— Я такъ привыкъ ко всему русскому, сказалъ онъ однажды князю: — я вездѣ въ Россіи встрѣчалъ такой пріемъ и такъ отвыкъ отъ всего роднаго, что не задумавшись остался бы навсегда въ Россіи, еслибъ не обязанность сына... Что̀ сказали бы обо мнѣ, еслибъ, на дозволеніе Государя ѣхать къ отцу, я отвѣчалъ несогласіемъ?

Въ другой разъ Джемаль-Эддинъ, послѣ продолжительнаго раздумья наединѣ съ княземъ Чавчавадзе, вдругъ высказался слѣдующимъ образомъ:

— Ка̀къ странна иногда бываетъ судьба человѣка!... Меня, шестилѣтняго ребенка, взяли изъ полудикаго аула Ахульго, чтобъ дать мнѣ человѣческія понятія и образованіе — и вотъ въ то самое время, когда я только-что началъ понимать всю пользу образованія и готовъ былъ всей душой идти впередъ, къ познаніямъ и развитію, меня вдругъ снова бросаетъ судьба въ

страну невѣжества и, быть-можетъ, заставитъ позабыть все пріобрѣтенное, и я, какъ ракъ, попячусь назадъ и назадъ!...

Во всѣхъ этихъ обмолвкахъ просвѣчивались благородныя чувства и вполнѣ-*гуманные* помыслы. Но если благодарность можетъ назваться благороднѣйшимъ изъ чувствъ человѣческихъ, то благороднѣйшею чертою Джемаль-Эддина была слѣдующая, вполнѣ-доказавшая, что онъ въ высокой степени проникнутъ благодарностью за все, чѣмъ воспользовался въ Россіи:

Въ первыхъ числахъ марта, уже по окончаніи послѣднихъ переговоровъ о выкупѣ и обмѣнѣ плѣнницъ, въ Хасав-Юртъ принеслась скорбная вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Джемаль-Эддинъ былъ непритворно пораженъ этимъ извѣстіемъ. Когда же всѣ офицеры, бывшіе въ Хасав-Юртѣ, отправились къ обряду присяги на вѣрность нынѣ благополучно-царствующему Государю Императору Александру Николаевичу, тогда Джемаль-Эддинъ пошелъ вмѣстѣ съ ними на площадь и во все время чтенія присяжнаго листа добровольно, никѣмъ и ничѣмъ къ тому непонуждаемый, держалъ вверхъ правую руку... Допустимъ, что этотъ поступокъ былъ не болѣе, какъ юношескій порывъ благороднѣйшаго и благодарнаго сердца, но, во всякомъ случаѣ, онъ выразилъ всю великость признательности юноши къ своимъ Августѣйшимъ благодѣтелямъ и глубоко тронулъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Нѣкоторыя другія черты характера Джемаль-Эддина выказались при послѣднихъ переговорахъ князя Чавчавадзе съ Шамилемъ, и потому мы приведемъ ихъ далѣе, въ связи съ самими обстоятельствами, при которыхъ онѣ обнаружились.

17-го февраля князь Чавчавадзе, Джемаль-Эддинъ и Грамовъ прибыли въ Хасав-Юртъ, а на другой день отправили къ Шамилю прежняго своего повѣреннаго, андреевскаго жителя Могаммеда съ извѣстіемъ о пріѣздѣ сына и съ просьбою выслать людей для окончанія переговоровъ. Могаммедъ отправился немедленно и возвратился 20-го февраля. Вмѣстѣ съ нимъ изъ Веденò прибыли уполномоченные Шамиля: знакомецъ нашъ казначей Контасà-Хаджіо и Юнусъ, приближенное лицо, тотъ самый Юнусъ, который въ 1839 году, подъ Ахульго, передалъ генералу Граббе шестилѣтняго заложника Джемаль-Эддина. Съ ними были еще: буртунайскій пятисотенный Хассанъ и другой знакомецъ нашъ, переводчикъ Шамиля, карабагскій армянинъ Шах-Аббасъ.

Когда эти лица были допущены къ князю Чавчавадзе и Джемаль-Эддину, тогда Юнусъ обратился къ князю и сказалъ:

— Цѣль настоящаго нашего пріѣзда только въ томъ, чтобъ удостовѣриться, дѣйствительно ли этотъ молодой человѣкъ сынъ нашего великаго имама; но переговоровъ на этотъ разъ намъ не велѣно имѣть никакихъ.

Выслушавъ эти слова, князь Чавчавадзе познакомилъ Джемаль-Эддина съ уполномоченными и предоставилъ ему совершенную свободу съ ними бесѣдовать (*).

Съ перваго взгляда на Джемаль-Эддина, уполномоченные признали въ немъ сходство съ Кази-Махматомъ. Въ разговорѣ же они разспрашивали его о воспоминаніяхъ дѣтства до взятія Джемаль-Эддина русскими. Молодой человѣкъ былъ этимъ нѣсколько затрудненъ, однакожъ разсказалъ, какъ сквозь сонъ, что помнитъ мѣстность Ахульго, бѣлую лошадь, на которой въ то время видѣлъ отца своего, и нѣкоторыя другія мелочныя обстоятельства, совершенно-сходныя съ истиной. Уполномоченные были довольны; но, для полнаго ихъ убѣжденія въ подлинности Джемаль-Эддина, нужно было еще болѣе-ясное, наглядное доказательство. Они обнажили до плеча его руку и, увидѣвъ на ней слѣды шрамовъ, происшедшихъ когда-то отъ паденія ребенка Джемаль-Эддина на какой-то мельницѣ (**), окончательно признали его за дѣйствительнаго сына Шамиля, и одинъ изъ нихъ, именно Юнусъ, обратился къ князю Чавчавадзе съ слѣдующими словами:

— Поздравляю! Какъ вы доставили намъ радость о возвращеніи сына великаго нашего имама, точно такъ и мы можемъ васъ обрадовать честнымъ словомъ, что ваше семейство очень-скоро будетъ возвращено вамъ.

На этомъ кончилась бесѣда, и на другой же день посланцы Шамиля отправились къ нему съ радостными вѣстями, обѣщая князю Чавчавадзе вернуться дня черезъ три.

Считая дѣло совершенно-оконченнымъ, князь Чавчавадзе и баронъ Николаи съ неописаннымъ волненіемъ и пріятнѣйшими надеждами ожидали возвращенія шамилевыхъ уполномоченныхъ. Они и дѣйствительно прибыли въ обѣщанный срокъ (то-есть 24 февраля); но каково же было изумленіе князя, когда они, вмѣсто вся-

(*) Черезъ переводчика Шах-Аббаса.

(**) Обстоятельство это смутно помнилъ и самъ Джемаль-Эддинъ,

каго радостнаго извѣстія, молчаливо вручили ему письмо отъ Шамиля слѣдующаго, никакъ-неожиданнаго содержанія :

«Я очень-благодаренъ вамъ за исполненіе даннаго вами слова «о возвращеніи моего сына изъ Россіи. Но не полагайте, чтобъ «этимъ кончились наши переговоры. Вы должны хорошо помнить, «что, кромѣ сына, я требовалъ еще милліонъ рублей и 150 че«ловѣкъ изъ моихъ людей, остающихся у васъ въ плѣну. Требо«ванія эти вы и должны исполнить прежде, чѣмъ я рѣшусь воз«вратить вамъ семейства ваши (*)...

Письмо это, по своему неожиданному, отрицательному смыслу, можно было уподобить громовому удару, раздавшемуся надъ головою человѣка, радостно-пировавшаго на веселомъ праздникѣ, подъ безоблачнымъ небомъ свѣтлой весны.

Первыя минуты по прочтеніи шамилева посланія напомнили собою князю Чавчавадзе всѣ тѣ чувствованія, которыя онъ переживалъ въ первые дни послѣ нападенія горцевъ на Кахетію ; но какъ тогда, такъ и теперь, онъ не потерялся, не позабылъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и ка̀къ надо поступать въ такихъ обстоятельствахъ.

Не считая нужнымъ входить въ изустныя объясненія съ посланцами Шамиля, онъ съ видомъ совершеннаго равнодушія объявилъ имъ, что отвѣтъ его будетъ заключаться въ письмѣ, которое они отъ него получатъ для доставленія своему имаму.

Письмо это было слѣдующаго содержанія :

«Я до крайности изумленъ послѣднимъ письмомъ вашимъ, по«тому-что не почиталъ васъ способнымъ измѣнить однажды-дан«ному слову. Вспомните, что̀ вы поручали передать мнѣ и князю «Орбеліани черезъ переводчика Исаака Грамова ! Считая дѣло уже «совершенно-оконченнымъ, я не могу не изумляться вашимъ но«вымъ требованіямъ. Съ своей стороны, я могу сказать только «одно : я всегда привыкъ держать свое слово—держу его и те«перь. Съ самаго начала я объявилъ вамъ сумму въ 40,000 руб«лей, и теперь не могу прибавить ни копейки. Если я, не имѣя «ничего собственнаго, рѣшился прибѣгнуть къ займу такой огром-

(*) Писемъ отъ плѣнницъ не было потому, что, если припомнятъ читатели 7-ю главу II части нашего разсказа, княгини не хотѣли писать подъ диктовку шамилевыхъ приближенныхъ, вслѣдствіе чего Шамиль съ этого времени взялся самъ продолжать переговоры.

«ной суммы, то я сдѣлалъ это лишь потому, что никогда не смѣлъ «разсчитывать на милостивое дозволеніе Государя Императора сыну вашему возвратиться на родину. Знай я это прежде, я не «предложилъ бы вамъ и половины обѣщанной мною суммы. Жду «вашего отвѣта.»

Письмо это было то самое, котораго дурное впечатлѣніе на жителей Веденно̀ съ подробностями описано въ 7-й главѣ II части нашего разсказаза.

По полученіи его отъ князя Чавчавадзе, посланные Шамиля отправились въ тотъ же день изъ Хасав-Юрта.

IV.

Дальнѣйшая переписка и окончательная борьба съ недобросовѣстностью.

1-го марта, во вторникъ, въ третій разъ пріѣхали уполномоченные изъ Веденно̀. Прежде всего они передали князю Чавчавадзе письма отъ его жены и отъ княгини Варвары Ильиничны Орбеліани. Оба эти посланія находятся въ приложеніяхъ къ нашему разсказу (*), но мы приведемъ здѣсь хотя одно изъ нихъ, чтобъ теперь же поставить читателя на ту точку, съ которой ему будетъ легче измѣрить всю горесть князя Чавчавадзе, получившаго эти выраженія послѣдней степени отчаянія дорогихъ ему плѣнницъ.

«Сегодня хотѣли насъ всѣхъ раздать къ разнымъ наибамъ (писала княгиня В. И. Орбеліани); мы даже считали уже себя по«гибшими, но Кази-Махматъ и другіе почетные люди и муллы «упросили Шамиля еще, въ послѣдній разъ, послать Хассана и «Могаммеда къ вамъ; зная, что Григорія (генерал-майора князя «Орбеліани) нѣтъ въ Хасав-Юртѣ, умоляю тебя, Давидъ, послать «въ Тифлисъ и увѣдомить Григорія, что мы гибнемъ; можетъ«быть, если онъ пріѣдетъ въ Хасав-Юртъ, онъ какъ-нибудь успѣ«етъ упросить Шамиля... Я не имѣю почти никакой надежды, да «и писать уже не имѣю силъ...»

(*) См. 1-е приложеніе №№ 1-й 2-й.

«Конечно, Богу все возможно, и если Ему угодно, мы не по-
«гибнемъ; но если также въ Его волѣ, чтобъ мы пропали, умремъ
«безъ ропота, какъ и жили...»

Въ письмѣ княгини Чавчавадзе было не менѣе мрачной рѣши-
мости отчаянія...

Предоставляемъ каждому читателю, въ особенности каждому
отцу и мужу, судить о состояніи души князя Чавчавадзе по про-
чтеніи имъ писемъ жены и сестры ея...

Третье письмо было отъ самого Шамиля. Это было явное вы-
раженіе совершенной недобросовѣстности и жестокости. Вотъ оно:

«Отвѣтъ вашъ далеко не удовлетворилъ моихъ ожиданій, и по-
«тому я твердо рѣшился раздать въ неволю по ауламъ всѣхъ чле-
«новъ вашего семейства. Это уже и было бы сдѣлано, еслибъ не
«сынъ мой, Кази-Махматъ: онъ уговорилъ меня еще, въ послѣд-
«ній разъ, послать къ вамъ узнать, не прибавите ли вы чего-ни-
«будь къ даваемой вами суммѣ?»

По прочтеніи этого письма, уже не грусть, а гнѣвъ и негодо-
ваніе овладѣли княземъ. Онъ понялъ, что тутъ дѣло идетъ не о
томъ, чтобъ съ достоинствомъ удержать первыя свои условія, а
чтобъ выторговать хоть что-нибудь лишнее; онъ понялъ также,
что малѣйшая уступка съ его стороны уронитъ его въ глазахъ
алчныхъ горцевъ и можетъ повести только къ новымъ и новымъ
съ ихъ стороны требованіямъ. Всѣ эти соображенія мгновенно
промелькнули въ умѣ князя, и онъ рѣшился дать наконецъ про-
сторъ всѣмъ чувствамъ ненависти, гнѣва и презрѣнія, которыя
до-сихъ-поръ были сдерживаемы опасеніемъ повредить себѣ въ
собственномъ дѣлѣ. Онъ обратился къ повѣреннымъ Шамиля и
сказалъ имъ:

— Писать къ вашему имаму я болѣе не хочу и не буду... Но
передайте ему на словахъ, что я уже давно, еще на берегу Ала-
зани, простился навѣки съ моимъ семейством... Теперь пору-
чаю его Богу, и вотъ мое твердое, послѣднее намѣреніе: если
черезъ три дня, то-есть въ субботу, вы не привезете мнѣ пол-
наго согласія на мои предложенія, то, клянусь Создателемъ, я въ
тотъ же день уѣзжаю изъ Хасав-Юрта и беру съ собою Дже-
маль-Эддина. И если тогда вы за двадцать верстъ догоните и ста-
нете умолять меня о возвращеніи, я уже не соглашусь ни на что̀,
и тогда дѣлайте, что̀ хотите съ моимъ семействомъ. Сверхъ-того,
передайте имаму, что я всегда былъ ему очень-благодаренъ за
хорошее обращеніе съ моимъ семействомъ; но если онъ позво-

литъ себѣ исполнить свое гнусное намѣреніе и раздастъ мою семью по ауламъ, то я даю въ томъ торжественную клятву передъ Богомъ: съ той минуты, когда онѣ переступятъ за порогъ комнаты, въ которой до-сихъ-поръ содержались — я отказываюсь отъ нихъ.

Это странное отреченіе князь рѣшился произнести сколько по побужденію оскорбленнаго чувства, столько же и съ цѣлью заставить горцевъ не испытывать его дѣйствительными притѣсненіями плѣнницамъ.

Князь продолжалъ:

— Я желаю ихъ возвращенія потому, что мнѣ было извѣстно почтительное съ ними у васъ обращеніе; но если онѣ сдѣлаются рабынями вашихъ наибовъ, я уже не признаю своей жены—женою, сестру — сестрой и дочери—дочерью!... Повторяю еще разъ, что срокъ мой до субботы. Въ воскресенье вы уже не найдете здѣсь ни меня, ни Джемаль-Эддина: это такъ же вѣрно, какъ то, что я теперь стою передъ вами... Если же, по исполненіи своей угрозы, имамъ опомнится и даромъ отдастъ мнѣ мое семейство съ прибавленіемъ своего собственнаго и всѣхъ своихъ сокровищъ, то и тогда, клянусь Богомъ, я уже не пріиму ихъ!

Съ этими словами князь отвернулся и хотѣлъ уйдти, но былъ остановленъ мюридами. Они принялись убѣждать его написать въ письмѣ къ Шамилю все то, что онъ высказалъ имъ на словахъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ князь, писать я не буду. Напрасно я и до-сихъ-поръ тратилъ бумагу для человѣка, который такъ часто измѣняетъ своему слову!

Послѣ того повѣренные просили прибавить имъ еще два или три дня къ сроку, назначенному княземъ для возвращенія ихъ изъ Ведено съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

Князь отказалъ на-отрѣзъ и снова хотѣлъ уйти изъ комнаты, но опять былъ остановленъ слѣдующими словами повѣренныхъ:

— Есть еще одно средство уладить дѣло, сказалъ одинъ изъ нихъ съ замѣтною нерѣшительностью.

— Въ чемъ же оно заключается? спросилъ князь.

— Имамъ предлагаетъ за сорокъ тысячъ и за сына отпустить все ваше семейство съ тѣмъ, чтобы княгиня Орбеліани и ея сынъ остались въ плѣну, а переговоры о ихъ выкупѣ начались бы непосредственно и прямо между Шамилемъ и княземъ Григоріемъ Орбеліани.

Будучи до нѣльзя раздраженъ всѣмъ предшествовавшимъ, князь вышелъ изъ границъ терпѣнія при такомъ предложеніи. Быть-можетъ, онъ позволилъ бы себѣ что-нибудь неблагоразумное, еслибъ негодованіе его не было воздержано бывшими при этой сценѣ барономъ Николаи и княземъ Багратіономъ. Князь отвѣчалъ:

— Не только сестру жены моей, но даже ни одного циплёнка своего не оставлю въ рукахъ у Шамиля!

Тогда Хассанъ обратился къ Джемаль-Эддину (который также присутствовалъ при всей описанной сценѣ) и сказалъ ему:

— Не безпокойся: это обычай горцевъ; затрудненія необходимы, но все хорошо кончится.

Когда Джемаль-Эддину перевели эти слова, онъ весь вспыхнулъ гнѣвомъ такъ, что даже слезы показались на глазахъ его, и отвѣчалъ Хассану:

— Мнѣ безпокоиться нѐ о чемъ. Вы очень-хорошо знаете, какихъ лѣтъ я былъ взятъ изъ Ахульго и сами же вы меня отдали русскимъ; слѣдовательно, съ того времени я всѣхъ и все забылъ на родинѣ и, повторяю, мнѣ нѐ о чемъ тамъ безпокоиться. Возвращался я къ вамъ безъ особенной радости и, вѣроятно, безъ особеннаго отчаянія поѣду назадъ въ Россію, если того потребуютъ обстоятельства.

Князь Багратіонъ схватилъ Джемаль-Эддина за руку и хотѣлъ остановить его неблагоразумную рѣчь:

— Что вы дѣлаете! сказалъ онъ ему; но это не подѣйствовало на пылкаго, благороднаго юношу:

— Да чортъ ихъ возьми! буду я съ ними церемониться!... закричалъ онъ, совершенно уступая чувству гнѣва. Но здѣсь баронъ Николаи ему замѣтилъ, что пылкостью своей онъ можетъ повредить дѣлу князя Чавчавадзе, и молодой человѣкъ мгновенно укротилъ себя и не произнесъ болѣе ни одного слова.

Вслѣдъ затѣмъ прекратилась и бесѣда съ повѣренными. Они удалились.

Нѐчего и говорить о томъ, съ какимъ животрепещущимъ нетерпѣніемъ князь и его хассав-юртскіе товарищи ожидали субботы и въ какихъ томительныхъ безпокойствахъ безконечно тянулись для нихъ среда, четвергъ и пятница: это будетъ особенно-понятно тому, кто сообразитъ, что, въ случаѣ новаго несогласія Шамиля, князю Чавчавадзе неминуемо предстояла страш-

ная необходимость исполнить свою клятву, то-есть отречься отъ семейства и предать его всѣмъ нечеловѣческимъ униженіямъ.

Наконецъ наступила суббота (5 марта). Волненіе князя Чавчавадзе достигло послѣднихъ предѣловъ. Когда же въ одиннадцать часовъ утра, ему сказали, что приближаются повѣренные Шамиля, онъ раза три подбѣгалъ къ двери, чтобъ бѣжать имъ на встрѣчу, и три раза отходилъ назадъ, охлаждаемый мыслью, что излишняя поспѣшность можетъ быть вредна въ дѣлѣ съ людьми, весьма-уважающими важность и наружное спокойствіе. Наконецъ князь сталъ у камина и, прислонившись къ нему, рѣшился въ этомъ неподвижномъ положеніи ожидать уполномоченныхъ. Рядомъ съ княземъ стоялъ баронъ Николаи; тутъ же, по другую сторону комнаты, стояли Джемаль-Эддинъ и Исаакъ Грамовъ.

Уполномоченные вошли. Сухо, но вѣжливо ихъ пригласили сѣсть. Они кланялись и усаживались въ молчаніи, и эта молчаливая сцена была полна драматическаго интереса.

Наконецъ Хассанъ обратился къ Грамову и спросилъ его:

— Если князь позволитъ, то я буду говорить.

Когда Грамовъ перевелъ эти слова, князь Чавчавадзе вполголоса замѣтилъ барону Николаи, что они не предвѣщаютъ ничего хорошаго; что еслибъ уполномоченные привезли отъ Шамиля согласіе, они не начали бъ бесѣды сперва угрюмымъ молчаніемъ, а потомъ такою странною фразою. Обратясь къ Хассану, князь громко произнесъ:

— Ты помнишь послѣдній нашъ разговоръ. Если ты пріѣхалъ сказать, что Шамиль принялъ *всѣ* мои условія и назначилъ время и мѣсто для обмѣна, то можешь говорить; въ противномъ случаѣ, я прошу тебя выйдти изъ комнаты, не говоря ни слова.

Какъ-бы въ отвѣтъ на эти слова Хассанъ, а съ нимъ и всѣ прочіе, встали и поздравили князя съ совершеннымъ окончаніемъ дѣла сообразно съ его желаніемъ, и при этомъ случаѣ разсказали слѣдующее:

— Когда мы возвратились въ Веденò и передали имаму вашъ словесный отвѣтъ, тогда онъ собралъ всѣхъ наибовъ и стариковъ, показалъ имъ послѣднее ваше письмо, передалъ при этомъ и словесный отвѣтъ вашъ, и сказалъ имъ: «Если вы не хотите принять условій князя Чавчавадзе, то возьмите себѣ его семейство, я болѣе держать его у себя не намѣренъ. Тогда наибы и старики въ одинъ голосъ отвѣчали имаму: «Какъ можно, чтобъ сынъ твой остался въ рукахъ у гяуровъ? Мы согласны на все, чтобъ толь-

ко тебѣ возвратить потеряннаго сына. Возврати плѣнницъ и возьми за нихъ своего сына и 40,000 рублей».

Князь Чавчавадзе слушалъ этотъ разсказъ съ невыразимою радостью, но сохранилъ наружное равнодушіе и спокойно спросилъ:

— Когда же и гдѣ назначенъ вымѣнъ?

— Объ этомъ Шамиль обѣщалъ увѣдомить особымъ письмомъ, отвѣчали повѣренные, и удалились съ поклономъ.

Но они не уѣхали изъ Хасав-Юрта, а остались тутъ до самаго дня вымѣна, съ тѣмъ, чтобъ считать, вмѣстѣ съ И. Грамовымъ, серебро, нарочно добытое для нихъ, по желанію Шамиля, хотя и съ величайшими затрудненіями. Этотъ предварительный счетъ денегъ былъ необходимъ для-того, чтобъ избѣгнуть проволочки времени при самомъ обмѣнѣ. Но нелегко было горцамъ сосчитать 35 тысячъ серебряной монетой (остальныя пять тысячъ размѣнять не успѣли и отдали ихъ золотомъ). Хаджіо, хоть онъ былъ и казначей, трудился съ своими товарищами день и ночь, и тутъ-то, наконецъ, увѣрились они, что *мильйонъ* такая сумма, которую сосчитать они были бы не въ силахъ.

Замѣчательно, что, при счетѣ денегъ, горцы соблюдали необыкновенную аккуратность, боясь не того, чтобъ *ихъ* обсчитали, а того, что *они* какъ-нибудь обсчитаютъ русскихъ. Складывая рубли по десяткамъ, они дѣлали имъ повѣрку, и отбрасывали лишнюю монету, если таковая оказывалась въ десяткѣ. Но эта точность происходила не отъ честности ихъ, а отъ боязни, что русскіе, по хитрости, могутъ нарочно передать имъ лишнее для-того, чтобъ послѣ, при размѣнѣ плѣнныхъ, имѣть случай придраться и затѣять что-нибудь непріятное. Еще замѣчательнѣе то, что это странное опасеніе было повѣреннымъ внушено самимъ Шамилемъ и превосходно характеризуетъ тонкую, можно сказать, изъисканную осторожность и проницательность нынѣшняго главы враговъ нашего спокойствія на Кавказѣ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для вымѣна, окончились счеты. Деньги были размѣщены по мѣшкамъ, а къ мѣшкамъ приложены печати повѣренныхъ и И. Грамова. (*)

(*) При первомъ свиданіи съ казначеемъ Шамиля Хаджіо, князь Чавчавадзе спрашивалъ, желаютъ ли они получить деньги золотомъ, такъ-какъ у князя вся приготовленная для выкупа сумма была въ

Между тѣмъ, пока продолжались счеты, князь Чавчавадзе и товарищи его ожиданій успокоились и даже развеселились, впрочемъ, кромѣ Джемаль-Эддина, который, по мѣрѣ приближенія рѣшительнаго дня судьбы его, дѣлался задумчивѣе и задумчивѣе.

6-го числа, въ воскресенье, послѣ довольно-веселаго обѣда, наши *ожидающіе* вдругъ были изумлены извѣстіемъ, что прибылъ нарочный отъ Шамиля. Князь Чавчавадзе взглянулъ на Джемаль-Эддина и съ безпокойствомъ замѣтилъ:

— Не-уже-ли опять какая-нибудь перемѣна въ условіяхъ?

Джемаль-Эддинъ горько улыбнулся и отвѣчалъ:

— А отчего жь бы и не такъ? Вѣдь они вамъ дали слово по *шаріату*, а теперь, можетъ-быть, хотятъ поступить по *адату* (*).

Въ это время вошелъ нарочный и передалъ князю пакетъ. Это было письмо отъ княгини Анны Ильиничны и, къ великому счастію, заключало въ себѣ только просьбу Шамиля объ ускореніи дѣла и о назначеніи мѣстомъ обмѣна старой просѣки, у рѣки Мичика...

Князь отвѣчалъ согласіемъ. Но, несмотря на все желаніе въ этомъ случаѣ исполнить просьбу Шамиля, онъ не могъ ускорить срока обмѣна впредь до окончанія денежныхъ счетовъ, которые,

---

золотѣ. Хаджіо отвѣчалъ согласіемъ; но впослѣдствіи Шамиль потребовалъ серебра, и это причинило огромныя затрудненія въ размѣнѣ.

(*) Это насмѣшливый намёкъ на мусульманскую казуистику кавказскихъ горцевъ, которые часто несостоятельны въ обѣщаніяхъ вслѣдствіе различія, которое они умышленно дѣлаютъ между *шаріатомъ*, или закономъ, и *адатомъ*, или обычаемъ. Вотъ подробнѣйшее объясненіе того и другаго: *шаріатъ* значитъ законы, взятые изъ Корана, а *адатъ* — коренныя народныя постановленія. Первый введенъ между кавказскими горцами мусульманствомъ, и потому новѣе послѣдняго. Въ мѣстахъ, управляемыхъ духовною властью, какъ, напримѣръ, во владѣніяхъ Шамиля, шаріатъ составляетъ главное законодательство и постоянно искореняетъ собою адатъ; а въ племенахъ, гдѣ еще не введено духовное управленіе (какъ, напр., въ западной части горъ) господствуетъ адатъ; шаріатъ же здѣсь принятъ только какъ побочное, вспомогательное законодательство для разбирательства мелкихъ дѣлъ. По адату судъ производится посредниками; это какъ бы третейскій судъ; а по шаріату судятъ муллы и кадіи. Обряды адата довольно-сложны, а шаріата просты; вотъ почему шаріатъ легко принимается тамъ, гдѣ еще господствуетъ адатъ.

какъ мы уже и сказали, до самой среды безпрерывно занимали собою шамилевыхъ уполномоченныхъ.

Наконецъ, въ среду 9-го марта, князь Чавчавадзе и баронъ Николаи съ Джемаль-Эддиномъ, деньгами и частью войскъ, находившихся въ Хасав-Юртѣ, отправились и къ вечеру того же дня прибыли въ укрѣпленіе Куринское. Отъ Куринскаго до старой просѣки (мѣста, назначеннаго для обмѣна) оставалось еще версты съ четыре; но это пространство предположено было пройдти на другой день, а въ Куринскомъ расположиться для ночлега. Черезъ часъ по прибытіи въ Куринское, князь получилъ новое письмо княгини Анны Ильиничны: оно было ужь изъ Майуртупа, горскаго за р. Мичикомъ аула, отстоящаго не болѣе, какъ верстъ на десять отъ Куринскаго. Княгиня увѣдомляла, что она, дѣти, и прочія плѣнницы благополучно доѣхали изъ Веденò до Майуртупа и просила прислать ей часы для подарка муллѣ, во многихъ случаяхъ оказавшему плѣнницамъ большое участіе.

Мы ужь знаемъ, что часы были подарены тому самому андійскому муллѣ, котораго плѣнницы прозвали *благодѣтельнымъ*.

Князь Чавчавадзе уже благословлялъ небо за свое счастіе и не зналъ, кàкъ дождаться завтрашняго дня, какъ вдругъ, въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, доложили ему о прибытіи отъ Шамиля новаго нарочнаго. Извѣстіе это снова поколебало всѣ надежды князя; когда жь онъ прочиталъ коротенькую записку отъ княгини В. И. Орбеліани, безпокойство его еще болѣе усилилось. Княгиня увѣдомляла, что Шамиль проситъ немедленно, по полученіи этой записки, *тотчасъ же, непремѣнно* прислать къ нему переводчика И. Грамова для личныхъ переговоровъ. «Не опять ли новыя требованія или затрудненія?» спрашивали другъ друга всѣ заинтересованные дѣломъ плѣнницъ, и никто рѣшительно не могъ понять, зачѣмъ понадобился Грамовъ Шамилю въ такое позднее время.

Тѣмъ неменѣе, однакожь, необходимо было какъ-можно скорѣе исполнить его требованія. Но кàкъ рѣшиться утруждать Грамова этимъ ночнымъ путешествіемъ? кàкъ подвергать его весьма-возможной опасности?

Рѣшились призвать Грамова, который въ это время съ шамилевымъ казначеемъ повѣрялъ въ сотый разъ денежные мѣшки и, объяснивъ ему встрѣтившееся обстоятельство, предоставить ему самому рѣшиться или не рѣшиться на ночную поѣздку, быть-можетъ, сопряженную съ опасностью жизни.

Грамовъ, выслушавъ въ чемъ дѣло, ни на минуту не поколебался отправиться, выпилъ на дорогу стаканъ пунша, перекрестился и поѣхалъ въ сопровожденіи андреевскаго Могаммеда и шамилева нарочнаго, совершенно никому незнакомаго.

V.

Второе посольство И. Грамова къ Шамилю. — Ночная аудіенція. — Посѣщеніе плѣнницъ въ Майуртупѣ. — Утро незабвеннаго дня.

Выѣхавъ съ своими спутниками изъ укрѣпленія Куринскаго, Грамовъ старался узнать отъ мюрида о настоящей причинѣ, побудившей Шамиля такъ настоятельно и такъ поздно требовать къ себѣ посѣтителя. Но мюридъ ничего не умѣлъ объяснить, и Грамовъ предположилъ, что, вѣроятно, дѣло идетъ о внезапной болѣзни княгини Чавчавадзе, или кого-нибудь изъ дѣтей ея.

Хотя до Майуртупа было не болѣе десяти верстъ, но ночь была такъ темна, что наши всадники сбились съ дороги и долго не могли попасть на нее. Переправа черезъ р. Мичикъ тоже заняла у нихъ много времени, и путешествіе продлилось до разсвѣта. Только въ четыре часа утра прибыли они въ Майуртупъ и направились прямо къ двумъ саклямъ, изъ которыхъ въ одной ночевалъ Шамиль, а въ другой — плѣнницы. На дворѣ передъ саклями Грамовъ увидѣлъ костеръ и передъ нимъ толпу бодрствующихъ мюридовъ, караульныхъ Шамиля. «Хай-хай-хай! Кто тамъ?» окликнули они пріѣзжихъ. «Исай Грамовъ, изъ Куринскаго», отозвался Грамовъ и приблизился къ костру, чтобъ обогрѣться послѣ холодной ночи и закурить папироску.

Но, повидимому, самъ Шамиль услышалъ изъ сакли голосъ Грамова: онъ сейчасъ же потребовалъ его къ себѣ.

Грамовъ вошелъ въ саклю имама и увидѣлъ его полулежащаго посреди подушекъ на коврѣ, передъ пылающимъ каминомъ. Онъ перебиралъ пальцами зерна янтарныхъ четокъ (червонцевъ въ 30, по замѣчанію Грамова) и, очевидно, въ этомъ занятіи провелъ всю ночь безъ сна. Возлѣ Шамиля лежалъ и спалъ неразлучный съ нимъ, полусонный Кёр-Эффенди. Болѣе въ комнатѣ никого не было.

— Какъ здоровье ваше, имамъ? Не-уже-ли вы до-сихъ-поръ не спите? сказалъ Грамовъ.

— Ты всю ночь заставилъ меня не спать. И зачѣмъ ты такъ опоздалъ на мое приглашеніе?

— Ночь была темная; мы заблудились... Что̀ случилось, имамъ? Здоровы ли княгини?

— Слава Богу, здоровы всѣ; но я на тебя сердитъ. Съ тобою я началъ дѣло, съ тобою же хотѣлъ и кончить; а ты три недѣли живешь въ Хасав-Юртѣ и ко мнѣ не пріѣхалъ ни разу.

Этотъ выговоръ должно было принять за любезность, тѣмъ-болѣе, что онъ сопровождался улыбкою, приглашеніемъ сѣсть отогрѣться у камина и приказаніемъ явившемуся нукеру немедленно подать чаю, причемъ Шамиль сказалъ:

— *Мой* Исай-Бекъ замерзъ въ дорогѣ. Впрочемъ, это ничего: ты потрудился для добраго дѣла, и Богъ наградитъ тебя за это...

Когда подали чай, Шамиль продолжалъ:

— Я звалъ тебя затѣмъ, чтобъ, вопервыхъ, поблагодарить тебя за услуги. Я все знаю: ты ѣздилъ на встрѣчу къ моему сыну, ты былъ постоянно съ нимъ и велъ себя хорошо. Вовторыхъ, я хотѣлъ тебѣ сказать, что завтра большой у насъ день: завтра мы въ мирѣ съ русскими. Такъ надо, чтобъ никакой измѣны не было... Еще я хотѣлъ сказать, что хотя, по нашимъ обычаямъ, отецъ и не долженъ бы встрѣчать сына, но я выѣхалъ на встрѣчу собственно для-того, чтобъ проводить моихъ *дорогихъ* гостей (т. е. плѣнницъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ устранить безпорядки, могущіе случиться при обмѣнѣ. Какъ только совершенно разсвѣтетъ, я потребую всѣхъ наибовъ и прикажу имъ, чтобъ никто не смѣлъ переступать за границы условленной встрѣчи. Гдѣ въ дѣлѣ участвуютъ большія лица, тамъ должна быть честность. Можешь ли ты ручаться, что и со стороны русскихъ не будетъ никакого вѣроломства?

— Я передамъ ваши слова моимъ начальникамъ и увѣренъ, что съ ихъ стороны все будетъ соблюдено самымъ честнымъ образомъ.

Послѣдовало краткое молчаніе. Грамовъ предчувствовалъ, что Шамиль обратится къ интереснѣйшему для него предмету. Такъ и случилось. Отецъ заговорилъ о сынѣ:

— Что̀ жъ сынъ мой, здоровъ ли онъ?

— Слава Богу, здоровъ.

— Онъ, говорятъ, ни слова не знаетъ потатарски?

— Такъ; но это понятно: онъ столько лѣтъ прожилъ въ Россіи. Но вы за это не притѣсняйте его; онъ поживетъ съ вами и выучится.

— Повѣрь, что онъ будетъ у меня жить, какъ захочетъ. Пусть только живетъ со мною.

Послѣдовало опять краткое молчаніе. Шамиль, прищурясь, смотрѣлъ на огонь камина и погружался въ пріятныя, повидимому, размышленія. Грамовъ рѣшился замѣтить:

— Что жь, имамъ, вы сегодня спать не будете?

— Нѣтъ; мнѣ интереснѣе съ тобою кой-о-чемъ побесѣдовать... Тебѣ, можетъ-быть, это непріятно? Ты усталъ съ дороги и хочешь спать?

— Нѣтъ, имамъ, я почитаю за счастіе, что могу говорить съ такою высокой особой.

— Я думаю, князь Чавчавадзе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своихъ, особенно теперь, когда мы такъ близко другъ отъ друга?

— Я думаю, что и вы не менѣе его нетерпѣливо ожидаете своего сына...

— Да̀, Исай-Бекъ, признаюсь, послѣ шестнадцатилѣтняго отсутствія, сильно желаю его увидѣть, такъ сильно, что вотъ, какъ видишь, не сплю всю ночь оттого, что непрестанно объ этомъ думаю. . Только бы кончилось честно, безъ вѣроломства.

— Будьте въ этомъ вполнѣ увѣрены.

— Надѣюсь... Но я сердитъ на князя Г. Орбеліани: зачѣмъ онъ уѣхалъ въ Тифлисъ и предоставилъ всѣ заботы о дѣлѣ князю Чавчавадзе?.. Онъ не сдѣлалъ бы этого, еслибъ дѣло шло о собственныхъ его дѣтяхъ... Онъ не уѣхалъ бы...

— Вы напрасно его обвиняете: онъ уѣхалъ по требованію главнокомандующаго; а у насъ долгъ службы выше всѣхъ собственныхъ, домашнихъ обстоятельствъ.

Съ этимъ Шамиль не соглашался, даже несовсѣмъ понималъ, почему долгъ службы выше всѣхъ другихъ обязанностей, и потому разговоръ его съ Грамовымъ долго вращался около этого предмета. Въ заключеніе же разговора о князѣ Орбеліани, къ которому Шамиль видимо питалъ особую ненависть, онъ сказалъ:

— А впрочемъ, я отъ одного избавился (отъ князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго) (*); избавлюсь, Богъ дастъ, и отъ

(*) Весьма-безпокойнаго и опаснаго для Шамиля сосѣда, бывшаго

этого *ученика* Аргутинскаго... Псай-Бекъ, скажи по совѣсти, что̀ дѣлается теперь въ Севастополѣ?

— Попрежнему, крѣпко стоятъ съ обѣихъ сторонъ; бьютъ другъ друга съ перемѣннымъ успѣхомъ, но рѣшительнаго еще ничего нѣтъ.

— Стыдно имъ! Въ восемь мѣсяцевъ три царя не могутъ взять одну крѣпость!... Послѣ этого я могу справедливо гордиться, что веду войну съ русскими войсками... Впрочемъ, правду сказать, не я веду войну, а моя грязь да лѣса Чечни, да скалы моего Дагестана.

Разговоръ Шамиля съ Грамовымъ продолжался часовъ до шести и касался разныхъ предметовъ политическаго и въ-особенности мѣстнаго кавказскаго интереса. Шамиль высказывалъ свои сужденія о нѣкоторыхъ кавказскихъ генералахъ, не скрывая своей ненависти къ тѣмъ изъ нихъ, которые наносили ему когда-либо чувствительнѣйшіе удары, но, впрочемъ, отдавая полную справедливость ихъ воинскимъ талантамъ, которые вообще измѣрялъ взглядомъ опытнаго военачальника. Такъ, напримѣръ, говорилъ онъ о покойномъ князѣ Аргутинскомъ, о князѣ Гр. Орбеліани, о князѣ Барятинскомъ, о генерал-майорѣ (нынѣ генерал-лейтенантѣ) Козловскомъ, о покойномъ генералѣ Слѣпцовѣ, о баронѣ Николаи... Но, къ-сожалѣнію, Грамовъ, утомленный путешествіемъ и безсонною ночью, не всѣ подробности этой ночной бесѣды сохранилъ въ своей памяти.

— Позвольте мнѣ навѣстить княгинь, сказалъ наконецъ Грамовъ, обращаясь къ разговорившемуся имаму.

— Ступай; но если спятъ, не буди, не безпокой ихъ.

Грамовъ отправился къ саклѣ плѣнницъ, которая отстояла шаговъ на триста отъ шамилевой. Когда онъ приблизился къ порогу, на встрѣчу ему попалась служанка, спѣшившая за водою. Увидѣвъ Грамова, она воротилась назадъ и побѣжала объявить княгинямъ о его пріѣздѣ. О свиданіи Грамова съ плѣнницами ужь было разсказано въ 10-й главѣ II части этой повѣсти, а потому здѣсь упомянемъ только о томъ, что̀ Грамовъ дополнилъ къ показаніямъ плѣнницъ. Онъ нашелъ ихъ проснувшимися и ужь одѣ-

---

начальника нашихъ войскъ въ Дагестанѣ и Прикаспійскомъ Краѣ. По смерти князя Аргутинскаго, важный этотъ постъ нынѣ занимаетъ генерал-лейтенантъ князь Г. Орбеліани.

тыми; но всѣ онѣ сидѣли или лежали на полу, въ чрезвычайно-тѣсной комнатѣ, такъ-что не было возможности ступить между ними.

Переговоривъ съ княгинями о всемъ необходимомъ и передавъ имъ часы, присланные отъ князя для подарка благодѣтельному муллѣ, Грамовъ расцаловалъ ихъ руки, прослезился при видѣ исхудалыхъ дѣтей и простился, сказавъ: «Спѣшите, готовьтесь къ отъѣзду; Шамиль и войска его васъ ожидаютъ... Чѣмъ скорѣе увидите христіанскую землю, тѣмъ лучше.»

— Прощайте, Грамовъ. Вѣрьте, что никогда не забудемъ вашей услуги, говорили княгини, провожая Грамова.

Отъ плѣнницъ Грамовъ зашелъ къ Кази-Махмату и передалъ ему поклонъ отъ Джемаль-Эддина, за что получилъ благодарность отъ шамилева наслѣдника; оттуда зашелъ опять къ Шамилю, который встрѣтилъ его вопросомъ:

— Что, встали княгини?

— Встали и одѣлись.

— Такъ поспѣшай же въ Куринское, а я сейчасъ, вслѣдъ за тобой, выѣзжаю съ княгинями.

Потомъ, указавъ на бывшаго съ нимъ наиба, Шамиль продолжалъ:

— Вотъ этотъ человѣкъ поѣдетъ съ тобою и укажетъ тебѣ мѣсто, гдѣ долженъ произойти обмѣнъ. Надѣюсь, что послѣ обмѣна ты пріѣдешь ко мнѣ вмѣстѣ съ Джемаль-Эддиномъ, а я кое-что тогда скажу тебѣ и отблагодарю за всѣ твои хлопоты...

— Благодарю за милости. Но я забылъ передать одно порученіе князя Чавчавадзе. Зная, что у васъ въ обычаѣ знаменовать выстрѣлами всѣ радостныя событія, онъ проситъ васъ приказать, чтобъ ваши войска сегодня этого не дѣлали, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока наши не отойдутъ за перевалъ хребта, что за просѣкой. Это необходимо для избѣжанія возможныхъ недоразумѣній и безпорядковъ.

— Хорошо; но развѣ ваши не будутъ также радоваться и стрѣлять?

— Нѣтъ; по случаю извѣстія о кончинѣ Государя Императора, мы въ трaурѣ и ни въ какихъ празднествахъ не участвуемъ цѣлые шесть мѣсяцевъ.

— Развѣ Государь вашъ скончался? воскликнулъ Шамиль, видимо-пораженный этимъ извѣстіемъ. Потомъ, послѣ кратковременной, молчаливой задумчивости, сказалъ:

— Ну, по такомъ великомъ Государѣ не мѣшало бы и шесть лѣтъ носить трауръ. А впрочемъ, хорошаго отца сынъ тоже долженъ быть хорошъ. Тотъ ли самый Наслѣдникъ Александръ теперь вступилъ на престолъ, который недавно былъ на Кавказѣ?

— Тотъ самый, отвѣчалъ Грамовъ.

Шамиль опять замолчалъ и задумался; но наконецъ обратился къ Грамову:

— Ну, *сынъ мой*, теперь ужь не время бесѣдовать. Ступай въ Куринское и торопи вашихъ. Надѣюсь увидѣть тебя при обмѣнѣ. А когда всѣ прійдутъ на условленныя мѣста, ты явись ко мнѣ, чтобъ еще разъ получить мои личныя распоряженія.

Грамовъ откланялся и, въ-сопровожденіи прикомандированнаго къ нему наиба и нѣсколькихъ мюридовъ, поѣхалъ къ Куринскому Укрѣпленію. Онъ всю дорогу ѣхалъ вскачь, чтобъ поскорѣе успокоить и обрадовать князя Чавчавадзе и барона Николаи.

Они встрѣтили его во дворѣ своей квартиры.

VI.

Обмѣнъ.

Въ одномъ изъ апрѣльскихъ нумеровъ «Русскаго Инвалида» этого (1855) года было напечатано, а въ апрѣльскихъ же нумерахъ всѣхъ прочихъ нашихъ газетъ перепечатано подробное описаніе размѣна плѣнныхъ семействъ флигель-адъютанта полковника князя Чавчавадзе и генерал-маиора князя Орбеліани. Конечно, вся Россія съ живѣйшимъ участіемъ прочитала это *подробное* описаніе, которое, кромѣ своей *подробности*, имѣетъ еще и то неоспоримое достоинство, что оно принадлежитъ къ разряду описаній *офиціальныхъ* и, слѣдовательно, *точныхъ* попреимуществу; но, съ другой стороны, самая офиціальность этого описанія, быть-можетъ, препятствовала включить въ него нѣкоторыя частныя, второстепенныя подробности, и особенно тѣ воззрѣнія и впечатлѣнія дѣйствующихъ лицъ событія, которыя составляютъ, такъ-сказать, *частную* его сторону. Но эти-то частныя наблюденія, воззрѣнія и впечатлѣнія и должны войдти въ нашъ неофиціальный разсказъ хоть для-того, чтобъ подробности офиціальныя могли пополниться подробностями частными, или чтобъ еще разъ доказать ту истину, что на всякій предметъ и на каждое

событіе разныя лица непремѣнно смотрятъ съ нѣкоторою разницею въ воззрѣніи...

Послѣднею мыслью мы заранѣе желали бы оправдать противорѣчія, которыя, быть-можетъ, окажутся между офиціальнымъ и нашимъ частнымъ описаніемъ.

Какъ новое доказательство разницы, всегда существующей между многими воззрѣніями на одинъ и тотъ же предметъ, мы помѣстили въ приложеніяхъ къ настоящему повѣствованію переводъ съ нѣмецкой брошюры объ обмѣнѣ нашихъ плѣнницъ, изданной въ Берлинѣ, а написанной на Кавказѣ неизвѣстнымъ авторомъ, подъ заглавіемъ: «Свиданіе съ Шамилемъ». Разсказъ этотъ не лишенъ интереса и самобытныхъ взглядовъ, и потому мы рекомендуемъ его вниманію нашихъ читателей (*)... Въ обѣихъ названныхъ нами статьяхъ о томъ же самомъ предметѣ, которому посвящена настоящая глава нашего разсказа, читатели найдутъ подробности, какихъ не встрѣтятъ у насъ, но тѣмъ не менѣе мы обязаны и съ своей стороны представить ихъ вниманію тѣ свѣдѣнія объ *обмѣнѣ*, какія пріобрѣтены нами непосредственно и, такъ-сказать, *изъ первыхъ рукъ* отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ описываемаго событія.

Можетъ случиться, что *наши* свѣдѣнія уступятъ въ полнотѣ и занимательности двумъ описаніямъ, о которыхъ мы только-что сказали, уступятъ именно потому, что главные участники происшествія, показаніями которыхъ мы пользовались, естественно не могли уловить *всѣхъ* его занимательныхъ эпизодовъ, будучи сами слишкомъ заинтересованы главной развязкой послѣдняго акта драмы; но на этотъ-то именно случай мы и адресуемъ читателя къ другимъ описаніямъ, составленнымъ по свидѣтельствамъ хладнокровныхъ зрителей, а не участниковъ.

Вотъ что собственно *мы* слышали объ обстоятельствахъ обмѣна:

Когда, со двора своей квартиры въ Куринскомъ Укрѣпленіи, встревоженные князь Чавчавадзе и баронъ Николаи завидѣли приближавшагося Грамова, тогда князь Чавчавадзе, по посадкѣ и оживленнымъ движеніямъ Грамова, догадался, что онъ не съ худыми вѣстями возвратился изъ Майуртупа. Такъ было и на-самомъ-дѣлѣ. Сходя съ лошади, Грамовъ закричалъ издали:

(*) См. 2-е приложеніе.

— Все хорошо и благополучно; всѣ здоровы. Готовьте войска, и идемъ на вымѣнъ.

Вслѣдствіе этого восклицанія всѣ поднялись и немедленно двинулись изъ Куринскаго. Дорога нѣсколько верстъ шла въ гору, до перевала. Лишь только ѣхавшіе впереди отряда баронъ Николаи и князь Чавчавадзе (съ Джемаль-Эддиномъ) поднялись на вершину перевала, первый изъ нихъ сказалъ второму: «Посмотрите, они ужь здѣсь». И дѣйствительно внизу, за р. Мичикомъ, на обширной равнинѣ, примыкающей къ лѣсу, были видны безпорядочныя группы полчищъ Шамиля. Нѣкоторые изъ людей его занимались исправленіемъ брода черезъ Мичикъ.

Остановившись съ войсками на самомъ перевалѣ, баронъ Николаи и князь Чавчавадзе отправили Грамова къ Шамилю для условій о послѣднихъ подробностяхъ вымѣна, а сами во время его отсутствія, продолжавшагося съ полчаса, занялись размѣщеніемъ отряда и приведеніемъ его въ готовность на *всякій* случай. Такъ, напримѣръ, было отдано строжайшее приказаніе наблюдать, чтобъ какъ-нибудь не произошло случайнаго выстрѣла, и въ то же время, чтобъ пѣхота была на-готовѣ по первой командѣ броситься вбродъ за Мичикъ въ штыки и открыть пальбу. Первое изъ этихъ распоряженій имѣло цѣлью устраненіе случайности, которая могла бы подать горцамъ поводъ къ подозрѣнію; а второе было слѣдствіемъ предусмотрительной осторожности на случай какого-либо вѣроломства со стороны горцевъ. Но, къ счастію, всѣ эти предосторожности остались безполезными, и съ обѣихъ сторонъ не послѣдовало ни одного неосторожнаго выстрѣла.

Между-тѣмъ Грамовъ приближался къ Шамилю, котораго нашелъ сидящимъ на травѣ, подъ большимъ чернымъ шелковымъ зонтикомъ. Зонтикъ этотъ держалъ надъ имамомъ одинъ изъ его мюридовъ. Иногда Шамиль становился на колѣни, чтобъ удобнѣе смотрѣть въ зрительную трубу, стоявшую передъ нимъ на треножникѣ и наведенную на русскій отрядъ. По правую руку отъ Шамиля сидѣлъ Даніэль-Султанъ; позади, въ совершенной тишинѣ, стояла кавалерія, около 5000 всадниковъ. Въ сторонѣ, поодаль, виднѣлись арбы, на которыхъ, подъ покрывалами, сидѣли плѣнницы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шамиля Грамовъ слѣзъ съ своей лошади, которую тутъ же приняли у него нукеры Шамиля.

Подойдя съ поклономъ къ имаму, Грамовъ произнесъ:

— Имамъ, какія будутъ еще распоряженія отъ вашей милости?

— Возьми съ собой и отведи на четверть версты за Мичикъ 35 человѣкъ изъ моего войска, плѣнницъ съ дѣтьми и сыновей моихъ, Кази Махмата и Махмата-Шаби, а отъ вашихъ пусть кто-нибудь пріидетъ къ тому же мѣсту съ сыномъ моимъ Джемаль-Эддиномъ, съ деньгами и съ 35-ю солдатами.

— Болѣе ничего не прикажете?

— Ничего; но не забудь явиться ко мнѣ по окончаніи всего.

Грамовъ отправился въ обратный путь; за нимъ послѣдовали арбы съ плѣнницами, 16 человѣкъ плѣнныхъ грузинъ (*), 35 человѣкъ отборныхъ мюридовъ и, въ главѣ ихъ, Кази-Махматъ.

Приблизившись къ условленному мѣсту, Кази-Махматъ, арбы и мюриды остановились, а Грамовъ поскакалъ къ русскому отряду, отъ котораго въ то же время отдѣлились: князь Чавчавадзе, баронъ Николаи, Джемаль-Эддинъ, двѣ фурштатскія повозки съ деньгами, 35 человѣкъ штуцерныхъ и 16 человѣкъ плѣнныхъ горцевъ.

Когда обѣ стороны между собою сблизились такъ, что ужь могли хорошо различать другъ друга, князь Чавчавадзе прежде всего увидѣлъ арбы, въ которыхъ было семейство его, и услышалъ голоса своихъ дочерей. Онѣ кричали:

— Мама, посмотри, вонъ папà, на бѣлой лошади!

Между-тѣмъ Кази-Махматъ съ своими нукерами выступилъ нѣсколько впередъ и заслонилъ собою арбы; но въ то же самое время какой-то горецъ (это былъ *благодѣтельный* мулла) принесъ на рукахъ къ князю сына его, Александра, а черезъ нѣсколько мгновеній были приведены и прочія дѣти. Князь, который еще прежде сошелъ съ лошади, прижалъ малютокъ къ груди и хотѣлъ подойти къ арбамъ, но тутъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ Кази-Махматомъ... Гнѣвъ, месть и радость въ эту минуту переполняли душу князя, но онъ постарался ни въ одномъ движеніи не выказать этихъ чувствъ. Кази-Махматъ, блѣдный и смущенный также, какъ и всѣ его спутники, обратился къ князю черезъ своего переводчика:

— Имамъ приказалъ сказать вамъ, князь, что онъ о семействѣ вашемъ заботился какъ о своемъ собственномъ; если же плѣнницы находили у насъ какія-либо неудобства, то это происходило

(*) Посланныхъ въ обмѣнъ на такое же количество бывшихъ у насъ въ плѣну лезгинъ.

не оттого, чтобъ мы желали ихъ притѣснять, а оттого, что мы не умѣемъ обращаться съ такими женщинами и не имѣемъ достаточныхъ средствъ.

Князь отвѣчалъ:

— Постоянное вниманіе имама къ моему семейству мнѣ давно извѣстно изъ писемъ жены моей и сестры ея. За это я, также въ письмахъ, не одинъ разъ выражалъ имаму благодарность, и теперь прошу васъ передать ему мою душевную признательность.

— Вы черезъ Исаї-Бека просили имама, продолжалъ Кази-Махматъ:—чтобъ наши войска не дѣлали выстрѣловъ изъ ружей или орудій, когда братъ мой присоединится къ намъ. Имамъ обѣщаетъ это исполнить, но и васъ онъ проситъ о томъ же, чтобъ не напугать княгинь и дѣтей.

— Вслѣдъ затѣмъ князь приблизился къ плѣнницамъ, но не узналъ ихъ, потому-что онѣ были подъ покрывалами. Замѣчательно, что, встрѣтившись въ эту минуту, ни князь, ни плѣнницы не могли ничего сказать другъ другу и оставались какъ-бы въ оцѣпенѣніи.

Между-тѣмъ Джемаль-Эддинъ обнимался съ братьями и прощался съ русскими офицерами. При этомъ случаѣ баронъ Николаи подарилъ ему свою шашку и, шутя, сказалъ:

— Смотри же не руби ею нашихъ.

— Ни нашихъ, ни вашихъ, отвѣчалъ совершенно-разстроенный и растроганный молодой человѣкъ, принимая подарокъ.

Затѣмъ Джемаль-Эддинъ, Кази-Махматъ, мюриды, обмѣненные горцы, арбы съ деньгами, Грамовъ и двое русскихъ офицеровъ (и два юнкера) направились къ Мичику и вскорѣ смѣшались съ толпою, а князь Чавчавадзе, освобожденныя плѣнницы и баронъ Николаи остались на мѣстѣ обмѣна.

Княгини откинули свои покрывала, но и онѣ, также, какъ и князь, въ эту торжественную минуту свиданія не находили ни словъ, ни движеній для выраженія своихъ чувствъ. Съ обѣихъ сторонъ это было какое-то онѣмѣніе, какъ-будто они еще только вчера видѣлись и между ними не было страшной восьми-мѣсячной разлуки...

— Здравствуй!..

— Здравствуй!..

Вотъ все, что̀ они были способны сказать другъ другу.

Послѣ того князь подалъ руку женѣ и княгинѣ Орбеліани и повелъ ихъ къ экипажамъ. Дорогой и по пріѣздѣ въ Куринское

тоже самое оцѣпенѣніе съ обѣихъ сторонъ продолжалось нѣсколько часовъ сряду, т. е. до той минуты, когда, наконецъ, послѣ совершенія всѣхъ священныхъ и общественныхъ обязанностей, князь и плѣнницы остались одни, безъ постороннихъ свидѣтелей. Тутъ только послѣдовалъ полный, ничѣмъ-несдерживаемый, неизобразимый взрывъ радости...

Не беремся описывать того, что̀ неописанно, но приведемъ двѣ-три небольшія, едва-замѣтныя черты, которыми намъ, право не знаемъ почему, хочется заключить эту послѣднюю главу, главу *счастія...*

По окончаніи благодарственнаго молебствія въ церкви Куринскаго Укрѣпленія, плѣнницамъ были поданы просвиры: это обстоятельство, столь повидимому, обыкновенное, привело въ совершенный восторгъ страдалицъ, такъ долго-лишенныхъ всякаго участія въ обрядахъ своего вѣроисповѣданія!

За обѣдомъ княгини плакали—отъ счастія, когда увидѣли, съ какимъ предупредительнымъ вниманіемъ князь и другіе участники обѣда старались имъ услуживать: онѣ такъ давно не встрѣчали ничьего вниманія!

Папиросы, закуренныя послѣ обѣда, приводили ихъ въ восхищеніе...

Та̀къ ново, та̀къ отрадно было имъ возвращаться къ каждому маловажному обстоятельству или обычаю ихъ прежней жизни!

ЭПИЛОГЪ.

Мы, однакожъ, невполнѣ окончили бы свой разсказъ, еслибъ ничего не упомянули о *послѣдней* поѣздкѣ усерднаго Грамова къ Шамилю, а также и о томъ, чѣмъ ознаменовалось для нашихъ плѣнницъ первое время ихъ освобожденія и что̀ послѣдовало въ жизни другихъ, второстепенныхъ участниковъ нашей исторіи.

Сдѣлаемъ же это въ видѣ романтическаго заключенія, или классическаго *эпилога.*

Едва только Джемаль-Эддинъ, Грамовъ и ихъ спутники успѣли переправиться черезъ Мичикъ, какъ ужь были окружены любопытной, но почтительной толпою горцевъ, спѣшившихъ увидѣть старшаго сына своего имама. Нѣкоторые изъ нихъ цаловали его руку.

Шагахъ въ двадцати отъ того мѣста, гдѣ оставался Шамиль, Джемаль-Эддинъ былъ встрѣченъ казначеемъ Хаджіо, который держалъ въ рукахъ узелъ съ горскою одеждой и объяснилъ, что Шамиль желаетъ увидѣть своего сына не иначе, какъ въ одеждѣ его родины.

Когда Грамовъ перевёлъ Джемаль-Эддину слова Хаджіо, молодой человѣкъ не могъ воздержаться, чтобъ не воскликнуть:

— Ахъ, что̀ это за странное требованіе! Но ка̀къ же я тутъ буду переодѣваться? Изъ отряда все видно... а тамъ дамы!..

— Ничего, замѣтилъ Грамовъ, мы отойдемъ вонъ туда, подъ дерево, и тамъ переодѣнемся.

Нужно было покориться необходимости. Наши всадники отъѣхали къ дереву, составили изъ себя ограду для переодѣвавшагося Джемаль-Эддина, и черезъ четверть часа онъ явился ихъ взорамъ въ прекраснѣйшемъ горскомъ костюмѣ и оружіи (*). Послѣднее было все въ серебряной, вызолоченной оправѣ, также какъ и сбруя прекраснаго воронаго коня, котораго тутъ же подвели ему.

Джемаль-Эддинъ ловко вспрыгнулъ на коня и шагомъ поѣхалъ къ отцу, сопровождаемый своими спутниками. Не доѣзжая шаговъ десяти до Шамиля, всѣ спѣшились. Джемаль-Эддинъ приблизился, поклонился и былъ принятъ въ объятія сидѣвшаго отца.

Объятія были продолжительны и не лишены трогательности; по-крайней-мѣрѣ у самого Шамиля по щекамъ и бородѣ струились слёзы.

По минованіи первыхъ движеній радости, Шамиль обратился къ присутствовавшимъ при этой сценѣ и съ видимымъ умиленіемъ сказалъ:

— Благодарю Бога, сохранившаго мнѣ сына, Государя, возвратившаго его мнѣ, и князей, хлопотавшихъ о его возвращеніи! Благодарю и тебя, Псай-Бекъ, за твою хорошую службу.

Потомъ, замѣтивъ возлѣ Грамова двухъ русскихъ офицеровъ и двухъ юнкеровъ, Шамиль спросилъ, кто они.

Грамовъ, прежде того, въ попыхахъ, незамѣтившій ихъ присутствія, былъ затрудненъ отвѣтомъ, и потому не назвалъ ихъ по имени, а только сказалъ, что это адъютанты барона Николаи,

---

(*) На немъ изъ прежняго костюма были оставлены только сапоги, брюки и рубашка.

прибывшие для-того, чтобы съ надлежащею почестью проводить Джемаль-Эддина и представить его имаму. Шамиль отвѣчалъ:

— Благодарю ихъ... О русскихъ я думалъ иначе. Теперь измѣняю о нихъ свое мнѣніе.

Офицеры спросили Джемаль-Эддина, могутъ ли они проститься съ ними *по-русски*?

— Отчего жь нѣтъ? отвѣчалъ Джемаль-Эддинъ и бросился обнимать ихъ.

При этомъ зрѣлищѣ Шамиль вторично прослезился и, быть-можетъ, желая уничтожить въ своихъ приближенныхъ невыгодное впечатлѣніе, которое могла произвести на нихъ эта короткость его сына съ *гяурами*, замѣтилъ, обращаясь ко всѣмъ окружающимъ:

— Вѣроятно, они были близкіе товарищи сына...

Потомъ поднялся съ своего мѣста, привѣтливо простился съ офицерами, а Кази-Махмату приказалъ взять сто человѣкъ мюридовъ и проводить русскихъ до ихъ отряда, а между-тѣмъ остановилъ при себѣ Грамова и сказалъ ему:

— Любезный Исай-Бекъ! услуги твои я цѣню и буду помнить; дѣти мои и ближніе тоже ихъ не забудутъ. Если тебѣ, или твоимъ родственникамъ, случится попасть въ плѣнъ, то знай, что вы будете немедленно освобождены. Говорю это при моихъ ближайшихъ наибахъ. Теперь со мною нѣтъ ничего, что̀ бы подарить тебѣ на память, но я пришлю тебѣ и надѣюсь, что ты пріймешь (*).

Грамовъ откланялся и поѣхалъ въ обратный путь, но прежде былъ обнятъ Джемаль-Эддиномъ, который при этомъ случаѣ поручилъ передать поклонъ всѣмъ знакомымъ, благодарить ихъ за дружелюбный пріемъ, а князю Г. Орбеліани передать искреннее сожалѣніе, что ему не удалось съ нимъ познакомиться.

Грамовъ, сопровождаемый нѣсколькими стариками изъ мюридовъ, догналъ отрядъ за полверсты до Куринскаго, снова поздравилъ князя Чавчавадзе и княгинь съ ихъ великою радостью и принялъ слово благодарности не только отъ нихъ, но и отъ имени дѣтей и будущихъ внуковъ семейства, для котораго онъ такъ усердно потрудился. На эти живыя и искреннія выраженія

(*) Черезъ нѣсколько времени Грамовъ дѣйствительно получилъ съ нарочнымъ отъ Шамиля золотые часы и цѣпочку съ брильянтами, всего рублей на 600 серебромъ.

признательности Грамовъ скромно отвѣчалъ, что онъ только исполнилъ долгъ христіанскій.

Впослѣдствіи Грамовъ получилъ благодарственное письмо съ изображеніемъ всѣхъ подробностей его подвига и за подписью генерал-лейтенанта князя Г. Орбеліани и флигель-адъютанта полковника князя Чавчавадзе (*).

Этимъ документомъ и дружескимъ обращеніемъ съ нимъ всего семейства князя Чавчавадзе Грамовъ дорожитъ болѣе, чѣмъ всѣми вещественными доказательствами благодарности, которыми онъ былъ надѣленъ за свои услуги. Въ настоящее время онъ живетъ въ Темир-Хан-Шурѣ, куда возвратился для продолженія служебныхъ обязанностей послѣ поѣздки съ *плѣнницами* въ Тифлисъ, гдѣ былъ удостоенъ особаго представленія къ г. намѣстнику кавказскому.

Обращаясь къ освобожденнымъ плѣнницамъ, прежде всего должно упомянуть о пламенномъ религіозномъ чувствѣ, съ которымъ онѣ, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, и прежде всѣхъ другихъ житейскихъ заботъ, обращались съ признательностью, обѣтами и моленіями ко Всевышнему... По пріѣздѣ въ Тифлисъ, также какъ и при въѣздѣ въ Куринское, экипажъ ихъ останавливался не иначе, какъ у дверей храма Божія... Мѣстныя святыни кашветскаго храма, Горы святаго Давида и прочія въ городѣ и за городомъ, долго были почти единственными цѣлями ихъ тифлисскихъ выѣздовъ...

Вторымъ ихъ священнымъ побужденіемъ было сколь-можно-поспѣшнѣе принести свою безграничную признательность главному *земному* Виновнику ихъ освобожденія... Но онъ уже не принадлежитъ землѣ, и потому къ августѣйшему Преемнику его, нынѣ благополучно-царствующему Государю Императору Александру Николаевичу обратились пламенныя выраженія вѣрноподданническаго благодаренія отъ князя Чавчавадзе и княгини В. И. Орбеліани. Всеподданнѣйшія письма ихъ къ Государю Императору были писаны еще въ Куринскомъ, немедленно послѣ прибытія ихъ туда изъ плѣна. Черезъ нѣсколько времени княгиня В. И. Орбеліани удостоилась получить чрезъ г. военнаго министра Высочайшій рескриптъ, проникнутый и, такъ сказать, дышащій наслѣдственною монаршею благостью (**).

(*) См. № 14 въ 1-мъ приложеніи.

(**) См. №№ 11, 12 и 13 въ 1-мъ приложеніи.

Что сказать о степени радостнаго участія, съ которымъ было принято всѣмъ населеніемъ Грузіи и въ-особенности Тифлиса, извѣстіе объ освобожденіи *плѣнницъ*, а потомъ и о возвращеніи ихъ въ древнюю *столицу* своей родины? Участіе это можетъ быть сравнено только съ силою того скорбнаго участія въ судьбѣ плѣнницъ, съ какимъ здѣшнее общество и здѣшній народъ, восемь мѣсяцевъ назадъ, приняли вѣсть о ихъ плѣненіи.

По возвращеніи семействъ князя Чавчавадзе и князя Орбеліани въ Тифлисъ, всеобщая здѣсь радость была велика и искренна. Но не одна радость чувствовалась въ эти дни тифлисскимъ народомъ — нѣтъ, къ ней присоединялось и отрадное пониманіе той милости, съ которою монаршая рука была простерта для освобожденія двухъ семействъ православной и вѣрной Грузіи. Какъ свидѣтельство этого пониманія и въ то же время какъ простодушное выраженіе общественнаго сочувствія къ освобожденнымъ плѣнницамъ, приведемъ здѣсь случайно-пріобрѣтенное нами письмо одного молодаго туземца (*), писавшаго въ провинцію, къ своимъ роднымъ, о прибытіи плѣнницъ въ Тифлисъ:

« . . . . 23-го апрѣля, въ день св. великомученика и побѣ-
«доносца Георгія, обыкновенно бываетъ очень-много богомольцевъ
«въ церкви св. Георгія Кашветскаго. Но въ нынѣшнемъ году ихъ
«было болѣе обыкновеннаго, потому-что въ этотъ день мы были
«свидѣтелями зрѣлища чрезвычайнаго и умилительнаго. До нача-
«тія литургіи, въ двери храма вошли плѣнницы Шамиля, только-
«что исторгнутыя благостью почившаго Государя Императора изъ
«звѣрскихъ рукъ жестокаго врага Россіи. То были прекрасныя
«вѣтви древняго грузинскаго царскаго рода: супруга храбраго
«покойнаго генерала князя И. З. Орбеліани, и супруга флигель-
«адъютанта полковника князя Чавчавадзе. Первая изъ нихъ во-
«шла въ церковь, съ ребенкомъ на рукахъ, прекраснымъ, интерес-
«нымъ младенцемъ, какими мы привыкли представлять себѣ дѣ-
«тей высокаго происхожденія. Съ княгинями были и другія жен-
«щины, раздѣлявшія съ ними въ плѣну всѣ крайнія лишенія и
«страданія, но оставшіяся всегда вѣрными имъ и твердыми.

«..... Я видѣлъ всѣхъ ихъ и былъ свидѣтелемъ картины
«умилительной. Едва лишь вошли въ церковь освобожденныя стра-
«далицы, какъ онѣ были окружены всѣми бывшими въ церкви.

(*) Грузинскаго дворянина Н. Д. (Канчѣли).

«Простолюдинки цѣловали ихъ руки, простолюдины падали пе-«редъ ними ницъ, прочіе не могли воздержаться отъ слезъ ра-«достнаго восторга.

«Видя все это, я и самъ невольно сочувствовалъ общему впе-«чатлѣнію, а потомъ старался отдать себѣ отчетъ въ собствен-«ныхъ моихъ помышленіяхъ. Я думалъ: такъ мы переживаемъ «теперь событіе, которое, недалѣе какъ за полвѣка, было обыч-«нымъ злополучіемъ для отцовъ нашихъ...

«Славный полководецъ и царь нашъ Ираклій жестоко каралъ «лезгинъ; но онъ не всегда могъ съ одинаковымъ успѣхомъ имъ «противиться, не всегда успѣвалъ и возвращать на родину тѣхъ «изъ своихъ подданныхъ, которые дѣлались жертвами плѣна... А «теперь?.. Теперь Россія и ея великіе монархи, и ея бравое, «всегда могучее войско великодушно ограждаютъ насъ отъ враж-«дебныхъ сосѣдей!

«Теперь ужь рѣдки случаи вторженій и хищничества; если же «они иногда и встрѣчаются, то послѣдствіями ихъ бываетъ та мо-«гущественная помощь, то высокое содѣйствіе, которому въ на-«стоящую минуту мы обязаны возвращеніемъ изъ плѣна внучекъ «и правнуковъ послѣдняго государя Грузіи. Пусть скажутъ намъ, «что, при подобной защитѣ, не должны бы происходить повто-«ренія прежнихъ бѣдствій Грузіи. Пусть скажутъ! Мы отвѣтимъ «на это, что покровительство и защита Грузіи Россіею — дѣло «безпримѣрное и великое, а великія дѣла не совершаются безъ «важныхъ превратностей. Притомъ же могло ли совершиться «несчастное нападеніе на Кахетію безъ особенной, всегда пре-«мудрой воли Провидѣнія? А если такъ, то не должны ли мы «въ этомъ событіи видѣть высшаго намѣренія, или особенной цѣли, «быть-можетъ, той цѣли, чтобъ возобновить въ памяти грузинъ «прежнія ихъ бѣдствія и показать имъ вновь, какою защитою наша «страна отъ нихъ обезпечена?

«Итакъ, за все—благоговѣйное благодареніе Создателю! За все «—сыновняя признательность великой Россійской Державѣ! И да «освѣтятся эти общія чувства грузинъ именемъ нынѣ празднуе-«маго патрона Грузіи, св. побѣдоносца Георгія, ко славѣ и вѣч-«нымъ успѣхамъ русскаго оружія!..»

Въ Тифлисѣ оба семейства освобожденныхъ плѣнницъ оставались болѣе мѣсяца, отдыхая въ семейной тишинѣ отъ непрестанныхъ восьмимѣсячныхъ страданій, и въ то же время готовясь къ путешествію въ Петербургъ и Москву, куда ихъ призывали но-

выя священныя обязанности: въ Петербургъ онѣ спѣшили лично повергнуть къ стопамъ Монарха чувствованія своей безграничной признательности, а въ Москву—успокоить и усладить за все перенесенное горе—мать свою, грузинскую царевну Анастасію.

Богъ благословилъ ихъ исполнить эти завѣтныя намѣренія, и 15-го іюня оба семейства выѣхали (на непродолжительное, впрочемъ, время) изъ Тифлиса...

По свидѣтельству одного недавняго путешественника, жители цинондальскаго селенія ужь давно возвратились къ своимъ покинутымъ домамъ и попрежнему ззнимаются хозяйствомъ и работами, обеспечивающими ихъ благосостояніе. Но цинондальскій домъ, какъ печальное свидѣтельство страшнаго эпизода кавказской войны, остается въ обгорѣлыхъ и мрачныхъ развалинахъ.

Столѣтняя жительница этого дома, Марина-*гандели*, не пережила его разрушенія

Княгиня Тинія Орбеліани и г. Ахвердовъ, нашедшие себѣ спасеніе столь необыкновеннымъ случаемъ, а также всѣ дѣти, кромѣ Лидіи, и вся прислуга, болѣе или менѣе участвовавшая въ несчастномъ событіи, кромѣ преданной Нины, оставшейся въ аулѣ Дидо—всѣ живы и здравствуютъ.

Г-жа Дрансѐ, отправившаяся съ семействомъ князя Чавчавадзе въ Москву и Петербургъ, не желаетъ болѣе возвращаться на Кавказъ, а думаетъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ намѣрена написать и издать въ свѣтъ свои *записки* о плѣнѣ у Шамиля подъ заглавіемъ «Huit mois de captivité *dans la Schamylie*», т. е. «Восемь мѣсяцевъ плѣна *въ Шамиліи*» (?!).

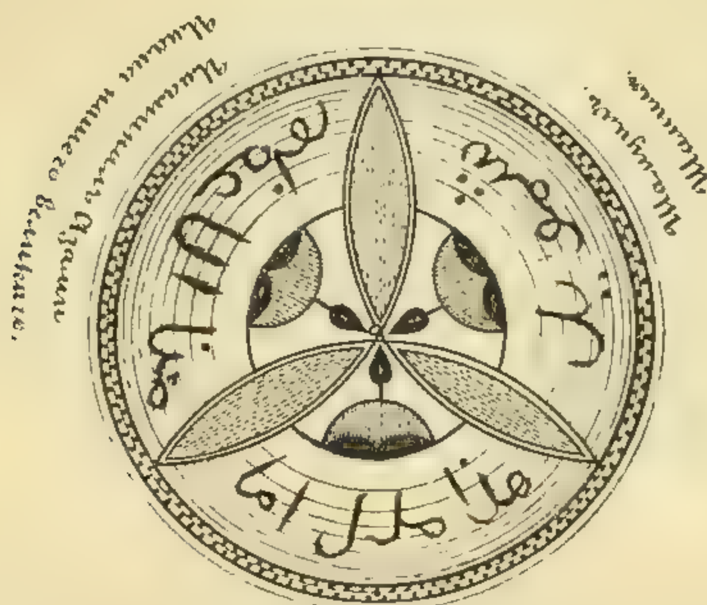
Вѣроятно, это сочиненіе будетъ имѣть большой успѣхъ въ Европѣ; но, къ-сожалѣнію, еще вѣроятнѣе то, что оно распространитъ тамъ новыя заблужденія относительно Россіи вообще и Кавказа въ-особенности.

Если чьи-нибудь *записки* могли бъ достигнуть высокой степени занимательности, то это, конечно, были бъ записки Джемаль-Эддина, еслибъ онъ, отъ скуки, рѣшился писать ихъ, разумѣется, только при условіи совершенной искренности въ разсказѣ о всѣхъ превращеніяхъ *европейца въ кавказскаго горца*, которыя, увы! неминуемо его ожидаютъ.

По послѣднимъ слухамъ, онъ ужь совершилъ путешествіе вокругъ и внутрь владѣній, покорныхъ отцу его, а по возвращеніи въ Веденно женился (на дочери извѣстнаго наиба Талгика), принялъ подъ свое высшее завѣдываніе (разумѣется, при участіи и

подъ руководствомъ муллъ) дѣла по администраціи и по части судебной, и устранилъ отъ себя совершенно все, относящееся до военныхъ дѣйствій. Ему позволяютъ иногда писать нѣкоторымъ изъ своихъ русскихъ знакомыхъ, но не позволяютъ писать *много*. Изъ нѣкоторыхъ подобныхъ писемъ мы знаемъ, что дома его постоянно увѣряютъ, будто онъ чрезвычайно счастливъ тѣмъ, что вырвался изъ Россіи. Джемаль-Эддинъ этому не вѣритъ, но молчитъ и помнитъ русскую пословицу: «съ волками жить по-волчьи выть». Кази-Махматъ съ младенческимъ любопытствомъ слѣдитъ за занятіями брата и, говорятъ, питаетъ явное уваженіе къ его образованности и европейскимъ привычкамъ, которымъ даже, будто-бы украдкой и подражаетъ... Въ добрый часъ!..

Знакъ отличія серебряный съ чернью, которымъ Шамиль награждалъ отличившихся изъ его войска.

Именная печать Шамиля, употребляемая имъ вмѣсто подписи.

Надпись въ срединѣ, по Арабски: Шамиль Абдулла т. е. Шамиль, рабъ его, Божій.

Примѣчаніе. Знакъ отличія и печать изображены въ натуральную ихъ величину.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Письма, относящіяся до переговоровъ о выкупѣ и о проч.

№ 1.

Отъ княгини Анны Ильиничны Чавчавадзе къ мужу.

Съ каждымъ днемъ мы болѣе чувствуемъ наше ужасное несчастіе и съ христіанскимъ смиреніемъ покоряемся испытанію, посланному намъ Богомъ. Сегодня объявили намъ, Давидъ, что твое письмо не убѣдило Шамиля, и что онъ хотѣлъ сегодня же разослать насъ по ауламъ; но сынъ его, Кази-Махматъ, упросилъ его дождаться возвращенія Могаммеда. Что̀ дѣлать! видно Богу не угодно, чтобъ мы увидѣлись въ этой жизни. Съ надеждой на блаженство, обѣщанное мученикамъ, я съ благодарностью буду терпѣть все, что̀ со мной случится, и безпрестанно буду молиться, чтобъ участь дѣтей моихъ была счастливѣе, чтобъ Богъ подкрѣпилъ тебя въ твоей горести и наградилъ тебя за все счастье, которымъ пользовались всѣ твои близкіе и окружающіе тебя.

Мы всѣ знаемъ, что ты ничего не пожалѣешь для нашего спасенія; но ихъ убѣдить невозможно: имъ непонятны чувства любви и самоотверженія; они не вѣрятъ, что вы болѣе собрать не можете, и то, что̀ вы даете — не ваше, а занятое или выпрошенное у другихъ.

Богъ да подкрѣпитъ васъ! Мы теперь не въ состояніи ничего болѣе писать.

Анна Чавчавадзе.

№ 2.

Отъ княгини Варвары Ильиничны Орбеліани къ князю Д. А. Чавчавадзе.

Сегодня хотѣли насъ всѣхъ раздать къ разнымъ наибамъ; мы даже уже считали себя погибшими; но Кази-Махматъ и другіе почетные люди и муллы упросили Шамиля еще въ послѣдній разъ по-

слать Хассана и Могаммеда къ вамъ. Зная, что Григорія нѣтъ въ Хасав-Юртѣ, умоляю тебя, Давидъ, послать въ Тифлисъ и увѣдомить Григорія, что мы гибнемъ: можетъ-быть, если онъ пріѣдетъ въ Хасав-Юртъ, онъ какъ-нибудь съумѣетъ упросить Шамиля. Я не имѣю почти никакой надежды, да и писать уже не имѣю силъ.

Конечно, Богу все возможно, и, если Ему угодно, мы не погибнемъ; но если также въ Его волѣ, чтобъ мы пропали—умремъ безъ ропота, какъ и жили.

Княгиня Варвара Орбеліани.

№ 3.

Отъ князя Д. Чавчавадзе къ Г. командовавшему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, генералу-отъ-кавалеріи Н. А. Реаду.

Милостивый государь
Николай Андреевичъ.

Сегодня получено мною первое письмо Шамиля, заключающее въ себѣ условія на выводъ изъ плѣна семейства моего и семейства княгини Орбеліани, со всѣми, находящимися при нихъ лицами. Сверхъ того, мнѣ переданы также и словесно нѣкоторыя порученія Шамиля, присланнымъ имъ, какъ довѣренное лицо, буртутайскимъ пятисотеннымъ Хассаномъ.

Къ большему горю моему, ни въ письмѣ Шамиля, ни въ словахъ Хассана я не нашелъ ничего утѣшительнаго для себя. Требованія ихъ превосходятъ всякія ожиданія. Шамиль не хочетъ вести переговоры отдѣльно про мою семью; онъ ее включаетъ въ число 120 другихъ плѣнныхъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, и за всѣхъ проситъ: 1) сына своего *Джемаль-Эддина*, 2) племянника *Гамзада*, 3) сына Аварскаго Али-Бека, *Харасилау*, 4) сына Гамзада *Шах-Ислама* и *116 плѣнныхъ;* сверхъ-того, *мильйонъ денегъ.* Условія несбыточныя, о чемъ я не рѣшился бы даже доводить до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, еслибъ, передъ моимъ выѣздомъ изъ Тифлиса, я не имѣлъ особеннаго приказанія вашего писать всѣ подробности хода этого дѣла.

Завтра, съ раннимъ свѣтомъ, отправляю Хассана съ письмомъ къ Шамилю, въ которомъ я ему говорю, что условія его не только неисполнимы, но что они лишаютъ меня всякой возможности вести съ нимъ переговоры, если онъ не измѣнитъ ихъ; что я уже писалъ къ нему и повторяю, что онъ долженъ вести дѣло со мною, какъ съ человѣкомъ частнымъ, соображаясь съ собственными моими средствами, безъ всякаго вмѣшательства правительства. Какой будетъ отвѣтъ отъ него — я почту особеннымъ долгомъ сообщить тотчасъ же вашему высокопревосходительству.

Самъ я завтра хочу выѣхать въ Шуру на нѣсколько дней, для свиданія съ княземъ Орбеліани.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть и проч.

11 сентября 1854 г.
Хасав-Юртъ.

№ 4.

От начальника Главнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генерал-лейтенанта генерал-адъютанта князя А. И. Барятинскаго, к князю Д. Чавчавадзе.

(Секретно.)

Милостивый государь
Князь Давид Александрович.

Г. командующій Отдѣльным Кавказским Корпусом сообщил г-му военному министру, для доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія, условія, предлагаемыя Шамилем для освобожденія семейств: вашего и княгини Орбеліани; причем генерал-от-кавалеріи Реад также увѣдомил, что Шамиль спрашивает: дозволено ли ему будет послать в Россію довѣренное лицо, чтоб переговорить с сыном: желает ли он возвратиться на родину, с тѣм, что если не пожелает, то Шамиль имѣет намѣреніе отречься от него навсегда. Как возвращеніе сына Шамиля составляет главнѣйшее и непремѣнное из предлагаемых им условій, то его высокопревосходительство Николай Андреевич упомянул, что, в случаѣ, если на сіе воспослѣдует Высочайшее соизволеніе, то только тогда можно войдти с Шамилем в переговоры положительные.

Нынѣ генерал-адъютант князь Долгоруков увѣдомил генерала-от-кавалеріи Реада, от 18-го октября, что Государь Император, не находя препятствія к возвращенію Шамилю сына его, состоящаго по кавалеріи и прикомандированнаго к Уланскому Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича Полку, поручика Джемаль-Эддина Шамиля, Высочайше повелѣть соизволил: «спросить его желает ли он, чтоб к нему прислано было довѣренное от отца его лицо для переговоров, или он сочтет безполезным входить в эти переговоры и сам положительно объявит свое желаніе?»

Доводя о сем до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Гвардейским и Гренадерским Корпусом, для истребованія от поручика Джемаль-Эддина Шамиля сих свѣдѣній, г. военный министр сообщает генералу Реаду, что, по полученіи этих свѣдѣній, о них будет увѣдомлен его высокопревосходительство.

Поспѣшая передать вам вышеизложенное, собственно для вашего свѣдѣнія, и увѣдомляя о том и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, я имѣю честь присовокупить, что, по полученіи извѣстія об отвѣтѣ поручика Джемаль-Эддина Шамиля, оный будет немедленно вам сообщен; а до того времени нельзя будет войдти в положительные переговоры с Шамилем.

Прімите увѣреніе... и проч.

9 ноября 1851 г.
Тифлис.

№ 5.

Отъ князя Д. А. Чавчавадзе къ генералу-отъ-кавалеріи Н. А. Реаду.

Милостивый государь
Николай Андреевичъ.

Изъ моего перваго письма къ вашему высокопревосходительству вы изволили усмотрѣть, что первымъ и главнымъ условіемъ со стороны Шамиля, при переговорахъ о выводѣ моего семейства изъ плѣна, было требованіе: возвратить ему сына. Съ-тѣхъ-поръ, несмотря на неоднократныя письма мои и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, въ которыхъ мы ясно высказали Шамилю всю несообразность его требованій, переговоры наши не только не приняли лучшаго оборота, но лишаютъ меня почти надежды увидѣться когда-либо съ моимъ семействомъ.

Посланный въ Дарго мой собственный человѣкъ возвратился сегодня съ отвѣтомъ отъ Шамиля, который объявилъ, что онъ видитъ въ нашихъ переговорахъ только нежеланіе наше просить о возвратѣ ему сына, а потому, прекращая съ этого времени всякія сношенія мои и князя Орбеліани съ плѣнницами, онъ угрожаетъ, что если не получитъ, наконецъ, рѣшительнаго отвѣта, то раздастъ ихъ своимъ служителямъ въ видѣ невольницъ.

Вотъ, ваше высокопревосходительство, причина, побудившая меня снова обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбой; она состоитъ не въ ходатайствѣ вашемъ у Государя Императора о возвращеніи Шамилю сына — ходатайствѣ, на которое я не могу и не долженъ разсчитывать, но только въ возможно-скорѣйшемъ отвѣтѣ на требованіе Шамиля. Рѣшительный отказъ его Величества дастъ мнѣ слабую надежду на то, что Шамиль тогда, быть-можетъ, измѣнитъ свои условія; если же нѣтъ, то мнѣ остается проститься навѣкъ съ женой и дѣтьми.

Съ истиннымъ почтеніемъ... и проч.

18 ноября 1854 г.
Шура.

№ 6.

Отъ него же къ князю А. И. Барятинскому.

Милостивый государь
Князь Александръ Ивановичъ.

Почти три мѣсяца, какъ начались мои сношенія съ Шамилемъ о выводѣ семейства моего изъ плѣна. Въ-теченіе этого времени я ни одного раза не рѣшался утруждать ваше сіятельство своимъ письмомъ, все надѣясь какъ-нибудь склонить Шамиля измѣнить свои условія; несмотря на всѣ старанія мои и генерал-лейтенанта князя Орбеліани, онъ непреклоненъ и настоятельно требуетъ возвращенія сына.

Посланный въ Дарго собственный мой человѣкъ, возвратясь вчера, передалъ мнѣ, что увѣренія наши о невозможности выполнить его

требованіе Шамиль принимаетъ какъ нежеланіе съ нашей стороны просить о выдачѣ ему сына, и потому объявляетъ, что съ этого времени онъ прекращаетъ всякія сношенія мои и князя Орбеліани съ плѣнницами; если не получитъ новаго рѣшительнаго отвѣта, то раздастъ ихъ своимъ служителямъ въ видѣ невольницъ.

Не буду говорить вамъ, до какой степени поразилъ меня этотъ послѣдній отвѣтъ Шамиля: вы сами легко поймете, что я долженъ чувствовать при мысли о будущности бѣднаго моего семейства. Но что же дѣлать; видно такъ угодно Богу! Мнѣ остается только умѣть переносить съ полнымъ терпѣніемъ это страшное испытаніе.

Обращаюсь теперь къ вашему сіятельству не съ какою-нибудь исключительною просьбою; но отдаю себя совершенно въ ваши руки, въ полной надеждѣ, что, соболѣзнуя моему горю, вы сдѣлаете все возможное, чтобъ вывести меня изъ несчастія, выше котораго быть не можетъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ... и проч.

18-го ноября 1854 г.

Шура.

№ 7.

Отъ князя А. П. Барятинскаго къ князю Д. Чавчавадзе.

Милостивый государь

Князь Давидъ Александровичъ.

Князь Багратіонъ доставилъ вчера сюда письма вашего сіятельства ко мнѣ и г. командующему корпусомъ, отъ 18-го числа, и его высокопревосходительство сообщилъ немедленно содержаніе ихъ г. военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада Государю Императору, и просилъ о распоряженіяхъ, какія сдѣланы будутъ относительно сына Шамиля, увѣдомить въ возможно-непродолжительномъ времени.

Поспѣшая сообщить о томъ вашему сіятельству, имѣю честь присовокупить, что, по причинѣ, угрожающей нынѣ новой опасностью семейству вашему и княгинѣ Орбеліани, г. командующій корпусомъ разрѣшаетъ объявить Шамилю предварительное рѣшеніе его Величества, относительно возвращенія сына его, о которомъ я извѣстилъ васъ 9-го ноября, и тотчасъ, по полученіи увѣдомленія объ отвѣтѣ сына Шамиля, оный будетъ вамъ сообщенъ съ особымъ нарочнымъ.

Пріймите увѣреніе и проч.

24 ноября 1854 г.

Тифлисъ.

№ 8.

Копія съ письма г. командующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ г. военнаго министра, отъ 4-го декабря 1854 г. № 810.

Получивъ сейчасъ, чрезъ фельдъегеря *Сталя*, письмо вашего высокопревосходительства, отъ 25 ноября, № 69, я поспѣшаю васъ, милостивый государь, увѣдомить, что сынъ Шамиля изъявилъ желаніе возвратиться къ своему отцу, не ожидая довѣреннаго лица, котораго Шамиль хотѣлъ прислать къ нему для переговоровъ.

Согласно съ симъ, я, по Высочайшему повелѣнію, сдѣлалъ уже распоряженіе объ истребованіи сюда означеннаго сына Шамиля изъ Царства Польскаго, гдѣ находится въ настоящее время полкъ, въ которомъ онъ служитъ, и прикажу отправить его къ вашему высокопревосходительству, какъ только онъ сюда пріѣдетъ.

Медленность въ окончательномъ отзывѣ о высылкѣ его на Кавказъ произошла единственно отъ сношеній съ начальствомъ, въ вѣдѣніи коего онъ состоитъ, и дальняго его отсюда мѣстопребыванія.

Пріймите, милостивый государь, увѣреніе и проч.

№ 9.

Всеподданнѣйшее письмо отъ князя Д. Чавчавадзе Его Величеству, Государю Императору, Александру Николаевичу, отъ 10 марта 1855 года.

Всемилостивѣйшій Государь!

Сегодня, Ваше Императорское Величество, щедротами въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича, семейство мое возращено мнѣ изъ тягостнаго осьми-мѣсячнаго плѣна.

Богу не угодно было дать мнѣ счастіе принести глубокую, душевную благодарность усопшему моему благодѣтелю; но она не умретъ, Государь, ни во мнѣ, ни въ дѣтяхъ моихъ. Я, жена и дѣти будемъ горячо молить Бога дать силы мнѣ и сыну моему заслужить предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ тѣ милости и благодѣянія, которыми такъ щедро наградилъ почившій благовѣрный Родитель вашъ.

№ 10.

Всеподданнѣйшее донесеніе отъ княгини Варвары Орбеліани (вдовы генерал-майора) Его Величеству Государю Императору Александру Николаевичу.

Августѣйшій Монархъ!

Сынъ мой и я — свободны, спасены. Въ этихъ словахъ, Государь, заключаются всѣ чувства матери, которая, впродолженіе восьмимѣсячнаго, невыносимаго плѣна, каждую минуту страшилась за жизнь единственнаго ея сына. Эти слова только могутъ выразить Вамъ, Милосердый Монархъ, какъ должна быть тепла моя молитва ко Всевышнему и какъ безпредѣльно-глубока благодарность къ нашему общему Отцу, въ Бозѣ почившему Императору Николаю Павловичу. Если ранняя смерть моего мужа не позволила ему заслужить передъ престоломъ Вашего Величества тѣхъ милостей, которыми онъ былъ осыпанъ и которыя такъ щедро, послѣ смерти его, излились на меня въ самыя горестныя минуты моей жизни, то къ сыну его, Государь, переходитъ этотъ завидный удѣлъ. Моей же священной обязанностью будетъ молить Провидѣніе дать мнѣ силы сдѣлать въ будущемъ младенца моего достойнымъ слугою Вашего Императорскаго Величества.

12-го марта 1855 г.
Укр. Темир-Хан-Шура.

№ 11.

Отъ г. военнаго министра генерал-адъютанта князя Долгорукова князю Д. Чавчавадзе.

Милостивый государь
Князь Давидъ Александровичъ.

Зная всемилостивѣйшее участіе, принимаемое Государемъ Императоромъ въ семействѣ вашего сіятельства, я поспѣшилъ представить Его Величеству всеподданнѣйшее письмо ваше отъ 10-го числа сего мѣсяца.

Государь Императоръ, извѣстясь съ искреннимъ удовольствіемъ объ освобожденіи княгинь Чавчавадзе и Орбеліани изъ плѣна, Высочайше поручить мнѣ соизволилъ поздравить васъ съ симъ счастливымъ для васъ событіемъ, скорѣйшее исполненіе коего было предметомъ желаній въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича.

Доблестныя чувства грузинскаго дворянства извѣстны Его Величеству и доказаны на дѣлѣ. Государь Императоръ, вполнѣ раздѣляя постоянное благоволеніе Своего Августѣйшаго Родителя къ сему именитому сословію, изволитъ быть увѣреннымъ, что оно всегда поддержитъ древнюю славу, имъ пріобрѣтенную.

О семъ Высочайшемъ отзывѣ, поставляя пріятнымъ долгомъ сообщить вашему сіятельству, и душевно сочувствуя семейной вашей радости, я былъ бы вамъ весьма-признателенъ за обязательное увѣдомленіе о подробностяхъ пребыванія въ горахъ супруги вашей и княгини Орбеліани.

Пріймите, милостивый государь, увѣреніе... и проч.

31-го марта 1855 г.

№ 12.

Отъ него же княгинѣ В. И. Орбеліани.

Милостивая государыня
Княгиня Варвара Ильинична.

Я поспѣшилъ представить на Высочайшее Государя Императора благоусмотрѣніе всеподданнѣйшее письмо вашего сіятельства, въ коемъ вы изволили выразить чувства вѣрноподданнической благодарности за освобожденіе васъ, съ сыномъ вашимъ, изъ мучительнаго плѣна.

Его Императорскому Величеству благоугодно было выразить, въ особомъ на имя ваше, рескриптѣ, Всемилостивѣйшее къ вамъ благоволеніе.

Поставляя пріятнымъ долгомъ препроводить при семъ означенный рескриптъ, я не могу отказать себѣ въ удовольствіи, искренно поздравить ваше сіятельство съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину и удостовѣрить васъ въ общемъ сочувствіи, которое возбуждено было къ вамъ во все время пребыванія вашего въ горахъ.

Пріймите, милостивая государыня, увѣреніе... и проч.

9-го апрѣля 1855 г.

№ 13.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

Княгиня Варвара Ильинична.

Выраженіе признательности вашей къ незабвенному Моему Родителю глубоко Меня тронуло. Освобожденіе васъ и семейства вашего изъ плѣна было предметомъ искреннихъ его желаній; но Богу угодно было исполнить ихъ уже послѣ Его кончины. Утѣшаясь мыслію, что указанныя Имъ мѣры достигли нынѣ цѣли, Мнѣ пріятно увѣрить васъ въ душевномъ удовольствіи, съ коимъ Я извѣстился о возвращеніи вашемъ изъ горъ. Въ надеждѣ, что Всевышній вознаградитъ претерпѣнныя вами тяжкія испытанія преуспѣяніемъ вашего сына въ свойственныхъ грузинскому дворянству доблестяхъ, остаюсь навсегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Санктпетербургъ,
9-го апрѣля 1855 г.

№ 14.

Похвальное удостовѣреніе отъ генерал-майора князя Орбеліани и флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества князя Чавчавадзе юнкеру Исаю Грамову.

1855 года апрѣля 2-го дня. Мы, нижеподписавшіеся, генерал-лейтенантъ князь Григорій Дмитріевъ сынъ Орбеліани и флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ князь Давидъ Александровъ сынъ Чавчавадзе, дали сію бумагу жителю города Шуши, юнкеру Исаю Грамову, въ память незабвенныхъ услугъ, имъ оказанныхъ намъ.

Услуги эти состояли въ слѣдующемъ:

Въ іюлѣ прошедшаго года, во время вторженія въ Кахетію горцевъ, подъ предводительствомъ Шамиля, они захватили въ плѣнъ: вдову роднаго брата перваго изъ насъ, генерал-майора князя Ильи Орбеліани, съ сыномъ Георгіемъ и племянницею княжною Ниною Баратовою, и жену втораго изъ насъ съ четырьмя малолѣтными дѣтьми.

Во время нахожденія этихъ семействъ нашихъ въ плѣну, намъ встрѣтилась надобность послать къ горцамъ довѣренное лицо, которое могло бы объяснить имъ рѣшительную невыполнимость требованій ихъ за освобожденіе нашихъ плѣнницъ, и склонить ихъ къ измѣненію предложенныхъ ими условій.

Исай Грамовъ, находясь въ то время на службѣ при первомъ изъ насъ въ качествѣ переводчика, вызвался принять на себя это порученіе и, отправясь одинъ черезъ непріятельскія селенія, прибылъ въ Дарго̀, имѣлъ нѣсколько разъ объясненія съ Шамилемъ и другими почетными горцами по нашему дѣлу, и до того смѣло и настойчиво

умѣлъ опровергнуть всѣ ихъ возраженія, противъ его словъ дѣланныя, что, наконецъ, склонилъ ихъ на уступки, въ которыхъ они упорно отказывали до поѣзда къ нимъ Грамова.

Такимъ-образомъ, поѣздка его въ горы была одною изъ главныхъ причинъ успѣшнаго окончанія дѣла о выкупѣ нашихъ плѣнницъ, при выдачѣ которыхъ Грамовъ совершилъ вторичную поѣздку въ Даргó, и самъ сопровождалъ ихъ въ наши предѣлы.

Въ этихъ двукратныхъ поѣздахъ къ непріятелю, Грамовъ добровольно предавалъ жизнь свою произволу горцевъ, извѣстныхъ своимъ вѣроломствомъ и наклонностью пользоваться каждымъ случаемъ безнаказаннаго убійства и грабежа.

Подобныя услуги невознаградимы, и мы дали эту бумагу почтенному Исаю Грамову въ память того, что усердіе и самопожертвованіе, имъ намъ оказанныя, будутъ для насъ незабвенны, и какъ мы, такъ и потомки наши будемъ ему навсегда признательны.

Генерал-лейтенантъ князь Григорій Орбеліани.
Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ князь Давидъ Чавчавадзе.

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Свиданіе съ Шамилемъ.

Письмо пруссака, служащаго въ русскихъ войскахъ на Кавказѣ.

(Ein Besuch bei Schamyl. Brief eines Preussen. Berlin. 1855.)

При настоящихъ политическихъ обстоятельствахъ журналы, какъ и должно быть, въ послѣдніе два года обращаютъ на Шамиля болѣе вниманія, чѣмъ когда-либо; театръ войны, столь отдаленный, столь мало-извѣстный, какой представляетъ Кавказъ, доставляетъ имъ неистощимый источникъ для самыхъ нелѣпыхъ толковъ. Пользуясь плохимъ знаніемъ, или совершеннымъ незнаніемъ этого края, и придавая всему современный колоритъ, они съ непростительною дерзостью стали распускать будто-бы *самыя достовѣрныя свѣдѣнія* о баснословныхъ, можно сказать, замыслахъ *грознаго врага Россіи* и о необыкновенно-успѣшномъ ихъ выполненіи: то Тифлисъ долженъ быть невозвратно потерянъ; то войскамъ, сражающимся съ турками, отрѣзано будетъ всякое сообщеніе, и они сами поставлены будутъ въ крайне-опасное положеніе; то, наконецъ, непремѣнно послѣдуетъ повсемѣстное возстаніе въ цѣломъ Закавказскомъ Краѣ противъ ненавистнаго ига Россіи. Но когда, вопреки всѣмъ этимъ увѣреніямъ и предсказаніямъ, русскія войска одерживали, между-тѣмъ, побѣды, одна за другою, и спокойствіе страны ни на минуту не было нарушено, тогда, за неимѣніемъ лучшаго, они стали выставлять случайно-удавшійся набѣгъ (котораго ничтожество въ военномъ отношеніи наилучше извѣстно алжирскимъ французамъ), какъ новую, блистательную побѣду, съ которою связаны обширныя надежды Шамиля, хотя извѣстно, какъ скоро эти надежды были погребены въ битвѣ подъ Истиус,—

которая такъ славна была для русскаго оружія, что не могла возбудить безпристрастный о себѣ отзывъ со стороны европейскихъ журналовъ.

Если же послѣ происшествій послѣднихъ годовъ люди научились ничему не удивляться, то все-таки живая и неутомимая фантазія, помѣщающая свѣдѣнія о Кавказѣ исключительно во французскихъ журналахъ, рисуетъ всегда что-нибудь новое, возбуждающее въ насъ или смѣхъ или удивленіе: или Шамиль разбилъ генерала, который покоится давно въ могилѣ, или онъ завладѣлъ крѣпостью, которой имя даже здѣсь неизвѣстно; однимъ словомъ, всѣ дѣла Шамиля, всѣ его побѣды надъ нами мы узнаемъ лишь изъ этихъ журналовъ.

Вы лучше, нежели кто-либо, въ-состояніи понять и оцѣнить языкъ этихъ журналовъ относительно здѣшнихъ происшествій; но такъ-какъ вы очень интересуетесь всѣмъ, что̀ здѣсь происходитъ, то я и думаю, что нѣкоторыя подробности о происшествіи, возбудившемъ живѣйшее участіе въ весьма-многихъ лицахъ, покажутся вамъ ненепріятными, тѣмъ болѣе, что о немъ распространены самыя странныя выдумки, и что я намѣренъ сообщить при этомъ нѣкоторыя замѣчанія насчетъ личности Шамиля: я разумѣю плѣнъ и окончательный обмѣнъ семейства полковника князя Чавчавадзе, которое въ іюлѣ прошедшаго 1854 года попалось во власть Шамиля, при набѣгѣ его на Кахетію.

Находящіяся въ связи съ этимъ несчастіемъ обстоятельства извѣстны. Въ то время, когда князь Чавчавадзе, съ подчиненнымъ ему войскомъ, храбро отбивалъ напоръ главныхъ силъ Шамиля, отрядъ послѣдняго, отдѣлившись отъ общей массы его войскъ, напалъ на имѣніе князя Чавчавадзе, расположенное на самомъ отдаленномъ рубежѣ Кахетіи, сжегъ его, а жену его, свояченицу, дѣтей и многочисленную прислугу увелъ въ плѣнъ—геройскій подвигъ, при описаніи котораго даже либеральныя газеты не могли не сказать, что Шамиль и его шайки оказали менѣе человѣколюбія, чѣмъ когда-либо! Плѣнные были отправлены въ обыкновенную резиденцію Шамиля, Веденно̀, и вскорѣ, хотя не безъ трудности, установились съ ними, подъ надзоромъ Шамиля, письменныя сношенія, которыя по-крайней-мѣрѣ успокоивали насъ увѣренностью, что съ дамами, сколько позволяло ихъ положеніе, обращались кротко и милостиво, и что всѣ, отправляемыя имъ отсюда, для облегченія тяжкаго ихъ состоянія, посылки получались по принадлежности. Даже мы здѣсь имѣли настолько высокое мнѣніе о Шамилѣ, чтобъ дать вѣру этимъ увѣреніямъ, и вмѣстѣ съ тяжко-испытуемымъ отцомъ и супругомъ находили въ нихъ жалкое утѣшеніе. Но мы жестоко обманывались. Послѣ многихъ совѣщаній Шамиль согласился наконецъ на переговоры относительно обмѣна, и требованія свои твердо ограничилъ тѣмъ, что за освобожденіе изъ плѣна семейства князя Чавчавадзе ему долженъ быть возвращенъ сынъ его Джемаль-Эддинъ и уплачено 40,000 р. сер. (160,000 фр.). Этотъ сынъ Шамиля, Джемаль-Эддинъ, при штурмѣ Ахульго, въ 1839 году, гдѣ самъ Шамиль только чудомъ спасся отъ плѣна, былъ отданъ русскому правительству, какъ аманатъ. Тогда ему было только семь лѣтъ. Съ-тѣхъ-поръ онъ воспитывался въ Императорскомъ Ка-

детскомъ Корпусѣ, а потомъ вступилъ офицеромъ въ Уланскій Полкъ, съ которымъ въ послѣднее время и находился въ Царствѣ Польскомъ. Покойный Императоръ Николай 1-й, съ тѣмъ рыцарскимъ великодушіемъ, которое было однимъ изъ прекраснѣйшихъ качествъ этого незабвеннаго Государя, изъявилъ согласіе на поданную Его Императорскому Величеству княземъ Чавчавадзе просьбу (то-есть, на возвращеніе сына Шамилю), предоставивъ, однакожь, Джемаль-Эддину самому рѣшить свою участь. Джемаль-Эддинъ, хотя въ-теченіе шестнадцати лѣтъ сдѣлался уже чуждъ какъ семейнымъ связямъ, такъ обычаямъ и привычкамъ родины, но въ обнаруженномъ его отцомъ желаніи увидѣлъ для себя долгъ, отъ исполненія котораго онъ, какъ сынъ, не хотѣлъ уклониться, и потому объявилъ, что готовъ возвратиться къ своему отцу. Уволенный Государемъ Императоромъ отъ службы, онъ прибылъ сюда, къ намъ, въ Хасав-Юртъ, въ концѣ февраля, вмѣстѣ съ княземъ Чавчавадзе. Впродолженіе немногихъ недѣль, которыя Джемаль-Эддинъ провелъ въ нашемъ кругу, пріобрѣлъ онъ нашу любовь и всеобщее уваженіе: онъ добрый малый, недурной наружности и безъ всякой претензіи, съ живымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ. Въ будущемъ, которое его ожидало, онъ не обманывалъ себя никакими крылатыми фантазіями; но, сознавая свой долгъ и имѣя достаточно силы къ выполненію его, довѣрчиво шелъ ему на встрѣчу, несмотря на его неизвѣстность. Онъ старшій сынъ Шамиля, и на него, какъ отецъ, такъ и народъ его будутъ смотрѣть какъ на наслѣдника отцовской власти (*).

Послѣ многоразличныхъ переговоровъ, Шамиль рѣшительно назначилъ наконецъ 10-е (22-е) марта этого года для обмѣна, который долженствовалъ совершиться на границѣ Большой Чечни, близъ Куринскаго Укрѣпленія, отстоящаго на тридцать верстъ отъ Хасав-Юрта. Наканунѣ этого дня, генерал-майоръ баронъ Николаи, командиръ Егерскаго Князя Чернышева Полка и начальникъ находящихся въ этой странѣ русскихъ войскъ, двинулся туда съ отрядомъ. Вскорѣ, по прибытіи нашемъ въ Куринское, Шамиль далъ знать барону Николаи, что на другой день въ десять часовъ явится близь взятаго и разрушеннаго имъ въ январѣ этого года укрѣпленія *Шаиб-Капу* и тамъ будетъ ожидать нашего прихода, и тутъ уже условится относительно необходимыхъ подробностей. Чтобъ облегчить переговоры, а равно ускорить счетъ денегъ (40,000 р. с.), Шамиль за нѣсколько дней отправилъ въ Хасав-Юртъ нѣчто въ родѣ посольства изъ многихъ лицъ, котораго главою было одно изъ особенно-приближенныхъ къ нему лицъ, мезенинъ (предводитель 500 чел.), по имени Хассанъ, который велъ переговоры и при обмѣнѣ разыгрывалъ большую роль. Неповоротливость, упрямство и недовѣрчивость этихъ пословъ были для насъ истинною пыткою, за что они, впрочемъ, нѣкоторымъ образомъ вознаграждали насъ черезчуръ-забавнымъ удивленіемъ, съ которымъ смотрѣли на все ихъ окружающее. Немало стоило труда со-

---

(*) Это, кажется, ошибочное предположеніе: второй сынъ Шамиля, Кази-Махматъ, уже объявленъ наслѣдникомъ отца. *Е. В.*

брать 35,000 р. сер. въ мелкой монетѣ, и Хассанъ, послѣ долгаго сопротивленія, наконецъ согласился на то, чтобъ только 5000 руб. принять *золотомъ*. Причиною этого было, какъ необходимость распредѣлить между горцами какъ-можно-скорѣе означенную сумму, такъ, еще болѣе, желаніе обмануть зрѣніе народа массою денегъ, чтобъ увеличить важность выкупа, потому-что Шамиль требовалъ сначала мильйонъ, и только съ большою трудностью согласился на 40,000 р. сер. Такъ-какъ эта сумма въ мелкой монетѣ наполняла много ящиковъ, то ее легко можно было выставить предъ народомъ за требуемый вначалѣ мильйонъ, что́, какъ мы впослѣдствіи узнали, и случилось. Наконецъ утромъ 10-го марта, всѣ предуготовленія счастливо окончены, мѣшки съ деньгами сосчитаны и запечатаны печатью Хассана, а къ девяти часамъ баронъ Николаи съ шестью ротами, девятью сотнями казаковъ и шестью орудіями вышелъ изъ Куринскаго Укрѣпленія, чтобъ отправиться къ назначенному Шамилемъ мѣсту свиданія, отстоящему отъ укрѣпленія около пяти верстъ. Мѣсто это довольно-удачно было выбрано Шамилемъ. Куринское Укрѣпленіе находится на уступѣ, по сю сторону неслишкомъ-высокаго, лѣсистаго горнаго хребта, отдѣляющаго кумыкскую плоскость отъ Большой Чечни—театра настоящей нашей войны. Въ небольшомъ разстояніи отъ уступа, по ту сторону, и параллельно съ нимъ, протекаетъ черезъ Чечню на небольшомъ разстояніи *Мичикъ*, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ горныхъ рѣкъ, которыя, смотря по времени, являются то ничтожными ручьями, то стремительными рѣками. Часть равнины, по сю сторону Мичика, непокрыта лѣсомъ; другая же часть, по ту сторону, подходитъ къ лѣсу почти на одну версту. Издавна, уже не въ дальнемъ разстояніи отъ Куринскаго, проложена дорога поперегъ горнаго хребта, съ цѣлью сдѣлать равнину Чечни во всякое время доступною для движенія войска большими массами. Дабы воспрепятствовать этому, а равно, чтобъ затруднить русскимъ войскамъ дѣлать разорительныя нападенія, Шамиль воздвигнулъ противъ дороги, по ту сторону Мичика, на окраинѣ лѣса, довольно-сильный, говоря сравнительно, редутъ, который, однакожь, въ январѣ этого года, во время смѣлаго набѣга генерал-майора барона Николаи, былъ взятъ и уничтоженъ. Какъ я уже сказалъ, Шамиль довелъ до свѣдѣнія этого ґенерала, что онъ, для обмѣна, остановится близь мѣста, гдѣ былъ этотъ редутъ. Когда мы, послѣ небольшаго похода, достигли высоты, наши войска остановились и заняли позиціи: пѣхота и артиллерія въ серединѣ, кавалерія по бокамъ. Противъ насъ, на другой сторонѣ Мичика, на разстояніи трехъ или четырехъ верстъ отъ насъ, близь Шаиб-Кацу можно было ясно различить полчища Шамиля. Они, казалось, были гораздо-многочисленнѣе, нежели мы, и состояли, повидимому, изъ кавалеріи. Мы направили на нихъ подзорныя трубы, чтобъ, если можно, увидѣть самого Шамиля. Напряженіе это, которое въ особенности раздѣлялъ его сынъ, осталось, однакожь, безъ успѣха, по причинѣ порядочно-значительнаго разстоянія. На небольшомъ холмѣ, въ серединѣ, можно было различить большое черное знамя Шамиля, а въ недальнемъ отъ него разстояніи—единственную палатку,

разбитую вовсе не изъ учтивости къ дамамъ, какъ мы полагали — нѣтъ, онѣ находились подъ открытымъ небомъ, палатка же служила для комфорта Шамиля. Вѣроятно, на насъ смотрѣли оттуда съ неменьшимъ любопытствомъ, а дамы, разумѣется, съ нетерпѣливымъ желаніемъ...

Былъ великолѣпный весенній день и, при отличномъ солнечномъ освѣщеніи, съ величественно-возвышающеюся на горизонтѣ снѣжною горою, вся эта сцена представляла восхитительную картину въ прекрасной рощѣ. Переводчикъ изъ армянъ (*) и два посла Шамиля были отправлены къ нему, чтобъ согласиться насчетъ порядка размѣна и необходимыхъ при этомъ подробностей. Отсутствіе ихъ было довольно-продолжительно; наконецъ они возвратились съ слѣдующимъ предложеніемъ отъ Шамиля: войска обѣихъ сторонъ должны находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ они въ настоящее время находятся. Со стороны Шамиля выступитъ впередъ второй сынъ его Кази-Магома съ 32 человѣками, чтобъ сдать плѣнныхъ дамъ, а взамѣнъ получитъ брата, вмѣстѣ съ деньгами. Со стороны русскихъ должны также 32 человѣка выйдти на встрѣчу и присутствовать при обмѣнѣ. Мѣсто встрѣчи назначено было близь отдѣльно-стоящаго, почти на срединѣ между обѣими войсками, дерева, однако, по сю сторону Мичика. Наконецъ Шамиль просилъ барона Николаи, какъ-бы въ вознагражденіе за довѣріе, съ которымъ онъ отправляетъ своего сына, Кази-Магому, послать ему брата этого послѣдняго въ сопровожденіи русскаго офицера. Хотя это послѣднее требованіе основывалось, повидимому, на одной суетности и не имѣло опоры во взаимности, такъ-какъ Кази-Магома долженъ былъ дойдти только до означеннаго дерева, требуемый же офицеръ долженъ былъ проводить Джемаль-Эддина до его отца, тогда-какъ за него не оставалось у русскихъ никакого поручительства; но генерал-майоръ баронъ Николаи изъявилъ свое согласіе, какъ потому, чтобъ дѣло не затянулось еще долѣе, такъ въ-особенности потому, что Джемаль-Эддинъ лично поручился за непремѣнное возвращеніе своего спутника, и это поручительство, при его характерѣ, не подлежало никакому сомнѣнію. Вслѣдствіе этого, по случаю принятія предложеній, поданъ былъ условный сигналъ и начались приготовленія. Одинъ офицеръ и 32 человѣка, посреди ихъ сундуки съ деньгами и 16 назначенныхъ къ обмѣну плѣнныхъ чеченцовъ выступили впередъ, а вмѣстѣ съ ними двинулся къ назначенному дереву баронъ Николаи вмѣстѣ съ княземъ Чавчавадзе, въ сопровожденіи небольшаго конвоя и приготовленнаго для дамъ экипажа. Все остальное должно было оставаться на вершинѣ горы, чрезъ чтò многіе обманулись въ своихъ надеждахъ.

На противоположной сторонѣ отдѣлилась отъ главной массы группа всадниковъ съ чернокраснымъ значкомъ и, перейдя Мичикъ, остановилась въ ожиданіи, какъ казалось, плѣнныхъ дамъ. Чтобъ не нарушить этикета и не уронить собственнаго достоинства преждевремен-

---

(*) **Вѣроятно, Грамовъ.** *Е. В.*

нымъ прибытіемъ къ дереву, мы также остановились, и это продолжалось съ полчаса. Горя нетерпѣніемъ увидѣть сына и наслѣдника своего повелителя, нѣкоторые изъ всадниковъ отдѣлились въ это время отъ группы и прискакали къ намъ. Хассанъ, остановившись предъ Джемаль-Эддиномъ (который, впрочемъ, былъ въ русскомъ мундирѣ), представилъ ему прибывшихъ съ нимъ, и всѣ они съ почтеніемъ цаловали руку Джемаль-Эддина и съ простодушнымъ любопытствомъ разсматривали его; всѣ они, казалось, были болѣе или менѣе значительныя лица, потому-что почти всѣ были украшены серебряными звѣздами и круглыми пластинками, которыми Шамиль награждаетъ за военные подвиги. Наконецъ мы замѣтили приближеніе арбъ (родъ татарскихъ повозокъ на двухъ колесахъ (*)); переѣхавъ Мичикъ, онѣ примкнули къ группѣ со значкомъ; послѣ чего она двинулась впередъ, а мы послѣдовали ея примѣру. Мы находились на уступѣ горнаго возвышенія и гораздо-выше, нежели тѣ, которые, сверхъ-того, нѣкоторое время скрыты были отъ насъ холмомъ, и только тогда, когда и мы и они почти въ одно время прибыли къ дереву, наши противники были совершенно-видны, и я никогда не забуду того впечатлѣнія, которое произвело на меня ихъ появленіе. Всѣ поэтическія идеи, составленныя въ Европѣ о Шамилѣ и его народѣ, и въ неосновательности которыхъ мое трехлѣтнее здѣсь пребываніе достаточно меня убѣдило, въ эту минуту какъ-будто оправдались, если еще не болѣе!.. Во главѣ медленно-подвигавшейся группы ѣхалъ Кази-Магома, прекрасный, стройный молодой человѣкъ, но съ блѣднымъ и невыразительнымъ лицомъ; его черезчуръ-бѣлая фигура (онъ ѣхалъ на очень-красивой бѣлой лошади и имѣлъ на себѣ бѣлую черкеску и бѣлый папахъ) производила странное впечатлѣніе, увеличивавшееся его чрезмѣрно-жеманными движеніями. Позади его, въ два ряда—въ самыхъ изящныхъ воинственныхъ позахъ, прикрашенныхъ еще оттѣнками гордой дикости, съ длинными ружьями, на которыхъ курки были взведены, а приклады упирались въ правыя ляжки — являлись 32 его спутника, настоящіе мюриды, отлично-вымуштрованные, одѣтые и вооруженные. Ихъ смѣлыя, суровыя лица и гибкій станъ, богатство ихъ блестящаго золотомъ и серебромъ оружія, красота ихъ небольшихъ, но огненныхъ лошадей — все это, вмѣстѣ съ окружающимъ насъ ландшафтомъ, представляло столь поразительное цѣлое, что подобнаго ничего и никогда не случалось мнѣ видѣть. Именно послѣ того впечатлѣнія, какое прежде постоянно производилъ на меня нищенскій видъ горцевъ, теперешнее убранство ихъ было для меня болѣе чѣмъ поразительно, хотя я и понималъ, что свита Кази-Магомы для этой церемоніи была выбрана и одѣта самымъ рачительнымъ образомъ, въ чемъ я и убѣдился впослѣдствіи, когда увидѣлъ прочія полчища Шамиля. Всадники остановились почти въ десяти шагахъ отъ насъ. Хассанъ, стоя возлѣ Джемаль-Эддина, обратился съ нѣсколькими словами къ Кази-Магомѣ, послѣ чего оба брата по-

---

(*) Здѣсь противорѣчіе съ показаніями плѣнницъ и Грамова, которые утверждаютъ, что арбы были, вопреки обычаю, о четырехъ колесахъ. *Е. В.*

дошли другъ къ другу и обнялись, между-тѣмъ, какъ мюриды, отдавая честь, опустили ружья и единогласно вскрикнули: «Аллахъ-иль-Аллахъ!» Впрочемъ, это объятіе было не что иное, какъ церемонія; когда она происходила, я наблюдалъ лицо Кази-Магомы и напрасно искалъ на немъ выраженія чувства: притворная улыбка судорожно сжимала его тонкія, безжизненныя губы — вотъ и все. Послѣ этого привѣтствія, начался обмѣнъ плѣнныхъ—сцена, отъ описанія которой прошу меня избавить. Дамы, равно какъ и дѣти и служанки, плотно-закутанныя въ бѣднѣйшія платья, были переданы, при нѣсколькихъ словахъ Кази-Магомы, князю Чавчавадзе. Радость свиданія послѣ столь жестокихъ мученій представляла неизобразимо-трогательную и увлекательную картину.

Между-тѣмъ денежные сундуки были приняты мюридами, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончились и всѣ формальности. Въ это время я получилъ отъ барона Николаи приказаніе: вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ сопровождать Джемаль-Эддина къ его отцу. Радость моя была немалая. Увидѣть Шамиля, говорить съ нимъ—вотъ счастливый случай, который врядъ ли когда-либо доставался на долю русскаго офицера! Послѣ того, какъ Джемаль-Эддинъ представился дамамъ и сердечно простился съ барономъ Николаи и княземъ Чавчавадзе, пустились мы, въ сопровожденіи переводчика (Грамова) и нѣсколькихъ казаковъ къ Мичику, между-тѣмъ, какъ баронъ отправился съ дамами на вершину горы, гдѣ онъ намѣревался ожидать нашего возвращенія. Сначала въ нашемъ поѣздѣ господствовалъ отличный порядокъ: 16 мюридовъ ѣхали впереди, за ними Джемаль-Эддинъ и Кази-Магома между моимъ товарищемъ и мною; за нами переводчикъ и четверо казаковъ, и наконецъ еще 16 мюридовъ; но этотъ порядокъ сохранялся недолго: чѣмъ ближе мы были къ Мичику, тѣмъ гуще скоплялась масса тѣхъ, которые спѣшили къ намъ на встрѣчу, чтобъ увидѣть Джемаль-Эддина, поцаловать его руку, его платье. Онъ очень-спокойно позволялъ дѣлать съ собою все, и только старался, чтобъ въ тѣсной толпѣ, которая его окружала, я и мой спутникъ оставались близь него. Недовѣріе къ новымъ своимъ землякамъ, а также и данное имъ за насъ поручительство были тому причиною. Разъ, или два раза, когда безпорядокъ бралъ верхъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ угрозамъ, и хотя онъ не былъ понятъ, потому-что говорилъ порусски, но энергическіе жесты и гнѣвъ, выражавшійся на лицѣ, были поняты и возъимѣли свое дѣйствіе, такъ-что толпа съ боязнью и почтеніемъ отхлынула въ разныя стороны. Достигнувъ берега Мичика, Кази-Магома попросилъ своего брата, чтобъ онъ скинулъ русское платье и оружіе. Сначала Джемаль-Эддинъ не хотѣлъ на это согласиться, но когда ему сказали, что этого желаетъ его отецъ, и что Шамиль для этого прислалъ ему все необходимое, тогда онъ согласился. Онъ сошелъ съ лошади; тѣсно окружили его мюриды, и началось его превращеніе (*).

Во время довольно-продолжительнаго облаченія Джемаль-Эддина,

(*) Здѣсь опять противорѣчіе съ показаніемъ Н. Грамова. *Е. В.*

я имѣлъ время осмотрѣть окружавшую насъ толпу. Нашъ конвой увеличился уже до 30 человѣкъ и съ имѣющими порядочный видъ мюридами смѣшались простолюдины, грязные и оборванные, какими мы обыкновенно ихъ видимъ въ экспедиціяхъ и мимо которыхъ мюриды, гдѣ только встрѣтятся, проѣзжаютъ безъ вниманія, или же здороваются съ ними сильными ударами плети — прекрасное доказательство господствующаго равенства между этими прославленными героями свободы!... На меня обратили вниманіе: одни смотрѣли на меня съ свирѣпымъ презрѣніемъ, выражавшемся въ лицѣ и жестахъ, другіе — кротко; но это еще ничего; нѣкоторые начали обнаруживать нахальное и самое несносное любопытство. Оно было въ-особенности возбуждено моимъ англійскимъ сѣдломъ и находившимися при немъ пистолетами, а еще болѣе лорнетомъ, тайна котораго чеченцамъ казалась непостижимою. Которые были посмѣлѣе, приблизились ко мнѣ и, послѣ нѣкоторой нерѣшительности, начали ощупывать воткнутое въ моемъ глазѣ стекло, и когда оно отъ такого прикосновенія случайно упало, то они въ изумленіи отскочили назадъ и, вѣроятно, подумали, принимая лорнетъ за часть моего тѣла, что они мнѣ причинили существенное поврежденіе. Другіе внимательно разсматривали мои пистолеты, которыхъ пистонные замки были для нихъ невиданною новостью (ихъ собственныя огнестрѣльныя оружія снабжены замками съ кремнями); а одинъ изъ мюридовъ дружески ударилъ меня по плечу и сказалъ чрезъ переводчика, что сегодня они мои друзья; если же опять меня увидятъ, то заговорятъ со мною на шашкахъ и ружьяхъ. Я имъ отвѣчалъ, что для меня ничего нѣтъ желательнѣе, какъ такое свиданіе, лишь бы оно послѣдовало какъ-можно-скорѣе... Такое множество сильныхъ и красивыхъ мужчинъ и лошадей, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, признаться, я видѣлъ очень-рѣдко. Мюриды — собственно тѣлохранители Шамиля и основные столбы его военной власти. Въ-началѣ они составляли религіозно-фанатическую секту, всѣ силы которой были направлены къ тому, чтобъ воспрепятствовать паденію исламизма; они проповѣдывали войну противъ христіанъ, какъ средство наиболѣе-способствующее ихъ цѣли; но мало-по-малу мюридизмъ палъ, и настоящіе его приверженцы смотрятъ на него единственно какъ на средство къ быстрому возвышенію власти и почестей. Ихъ отличительный почетный знакъ — бѣлое покрывало, обвитое вокругъ папаха наподобіе чалмы. Многіе изъ нихъ имѣли рубцы на лицѣ и носили орденскіе знаки Шамиля на груди; но не у многихъ эти ордена, вѣроятно, самой высшей степени, видѣлъ я на шеѣ. Платье ихъ было довольно-однообразно; всѣ они носили темныя черкески, просто, но со вкусомъ обложенныя золотымъ или серебрянымъ галуномъ; ихъ ружья, шашки, кинжалы и пистолеты были обдѣланы въ серебро съ извѣстнымъ, но неподражаемымъ кавказскимъ искусствомъ. Эта простота и изящество убора, должно быть, нарушены съ прошлаго года, именно съ-тѣхъ-поръ, какъ Шамиль льстилъ себя надеждою на посѣщеніе султана; а чтобъ достойно принять его, старался одѣть своихъ преданныхъ мюридовъ самымъ блестящимъ образомъ.

Наконецъ туалетъ Джемаль-Эддина былъ оконченъ, и изъ русскаго офицера онъ преобразился въ мюрида, который, по богатству и изяществу платья, далеко превосходилъ всѣхъ другихъ, хотя въ новомъ, непривычномъ для него платьѣ онъ обнаруживалъ нѣкоторую неловкость. Онъ сѣлъ на приготовленную для него красивую вороную лошадь подъ длиннымъ краснымъ чапракомъ, и мы вновь продолжали путь. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ тринадцатилѣтній, по виду, и очень-красивый мальчикъ въ одеждѣ мюрида пробрался сквозь толпу и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился на грудь къ Джемаль-Эддину. Это былъ младшій сынъ Шамиля, Магоматъ-Шефи (или Шабій), братъ двухъ старшихъ, но отъ другой матери (*). Масса спѣшившихъ къ намъ на встрѣчу болѣе-и-болѣе увеличивалась, а съ нею увеличивался и безпорядокъ. Какъ я переѣхалъ Мичикъ и какъ достигъ противолежащей высоты — не могу объяснить: меня то давили, то толкали, то наѣзжали на меня, то насильно высаживали изъ сѣдла, и при этомъ много мнѣ стоило труда укрощать бѣшенство моей лошади, непривычной къ такой суматохѣ.

Напрасно я усиливался не отставать отъ Джемаль-Эддина: постоянный приливъ новыхъ пріѣзжихъ постоянно оттѣснялъ насъ отъ него. Не лучше было моему товарищу и нашимъ казакамъ. Наконецъ я увидѣлъ нѣсколькихъ мюридовъ, ударами и толчками проложившихъ къ намъ дорогу и взявшихъ мою лошадь за повода; они были посланы Кази-Магомою, чтобъ присоединить насъ опять къ его брату, который безъ насъ не хотѣлъ двигаться далѣе. При этихъ и подобныхъ сценахъ прошло довольно времени, и я былъ болѣе чѣмъ радъ, когда мы наконецъ достигли подошвы холма, на которомъ ожидалъ насъ Шамиль. Всѣ здѣсь остановились и сошли съ лошадей. Джемаль-Эддинъ далъ мнѣ лѣвую, а моему товарищу правую руку, и мы пошли впередъ за Кази-Магомою. Холмъ, на которомъ Шамиль занялъ мѣсто, находился далеко отъ фронта его войска, расположеннаго въ боевомъ порядкѣ, и онъ, какъ мы, былъ окруженъ одними мюридами.

Близость внушающаго страхъ Шамиля начала оказывать свое дѣйствіе; за оглушительнымъ шумомъ послѣдовала гробовая тишина: безпорядокъ и толкотня исчезли, и, тихо, и мѣрно поглощаемые тысячами глазъ, прошли мы довольно-большое разстояніе, которое отдѣляло еще насъ отъ Шамиля. Наступила необыкновенная минута, нелишенная торжественности. Казалось, она произвела на Джемаль-Эддина сильное впечатлѣніе; его рука дрожала въ моей; по его энергическимъ чертамъ пробѣжала улыбка удовлетвореннаго тщеславія—быть-можетъ, слѣдствія честолюбивыхъ мыслей; но это продолжалось не болѣе минуты, и его физіономія приняла вскорѣ прежнее спокойное выраженіе. Вскорѣ мы предстали предъ его отца. Шамиль и два пожилые мюрида сидѣли съ поджатыми ногами на небольшомъ коврѣ; Шамиль на подушкѣ, нѣсколько выше, между двумя стариками. Надъ головою его держали зонтикъ, а позади его стояло большое

(*) По показаніямъ плѣнницъ, отъ той же матери. *Е. В.*

черное знамя съ серебряными надписями изъ Курана, надъ которыми виднѣлся полумѣсяцъ, вылитый, какъ казалось, изъ массивнаго серебра. Наружность Шамиля мнѣ чрезвычайно понравилась. Ему около 55-ти (*) лѣтъ, и, сколько я могъ судить по его сидячему положенію, онъ довольно-плотный и видный мужчина. Его правильное, красивое, хотя блѣдное лицо оттѣнялось черною, аккуратно-причесанною бородою; въ его большихъ (**) черныхъ глазахъ видны умъ и чувство. Его платье, чрезвычайно-простое и безъ оружія, состояло преимущественно изъ широкаго зеленаго кафтана, какъ почетной его одежды; на головѣ же онъ имѣлъ обыкновенный папахъ съ чалмою, носимою мюридами. Когда мы подошли къ Шамилю, Кази-Магома сказалъ нѣсколько словъ; Джемаль-Эддинъ приблизился къ нему и хотѣлъ поцаловать его руку, но Шамиль прижалъ его къ груди, долго держалъ въ объятіяхъ, и, будучи не въ состояніи побѣдить своихъ чувствъ, зарыдалъ какъ дитя... Между-тѣмъ, вѣроятно, по данному знаку, стоящія въ отдаленіи полчища, равно какъ и всѣ окружающіе, громко повторяли: «Аллахъ-иль-Аллахъ». До сего времени я составлялъ себѣ, не знаю какимъ образомъ, совершенно другое понятіе о Шамилѣ; но его почтенная наружность, его благородныя черты, его изящная, хотя несовсѣмъ-смѣлая манера поразили меня теперь въ высочайшей степени и произвели на меня сильное впечатлѣніе. Теперь я понялъ, почему его особа внушаетъ къ себѣ такую фанатическую преданность, въ-особенности народу, у котораго внѣшнее такъ высоко цѣнится. Въ его чертахъ, въ его выразительныхъ глазахъ видна меланхолія—можетъ-быть, сознаніе нравственной бѣдности его народа и безнадежности всѣхъ усилій поставить его на высшую степень или упрочить его независимость, которую этотъ народъ ни оцѣнить, ни охранить не съумѣетъ. Послѣ перваго объятія, Джемаль-Эддинъ сталъ по правую руку своего отца, а Шамиль, казалось погрузился въ созерцаніе сына и безпрестанно жалъ ему руку, можетъ-быть, думая въ эти минуты осуществить много надеждъ съ возвращеніемъ перворожденнаго сына!...

Мы не хотѣли нарушить этого перваго порыва и оставались нѣкоторое время молчаливыми свидѣтелями; но время не терпѣло, и мой товарищъ попросилъ переводчика передать Шамилю, что мы оба, онъ и я, по порученію генерал-майора барона Николаи, посланы къ нему, чтобъ передать сына отцу и лично убѣдиться, что онъ благополучно къ нему прибылъ. Шамиль поздоровался съ нами движеніемъ руки и сказалъ, что «если онъ до-сихъ-поръ сомнѣвался «въ честности русскихъ, то теперь онъ совершенно перемѣнилъ о «нихъ свое мнѣніе». Онъ просилъ насъ передать храброму генерал-майору барону Николаи его искреннюю благодарность за все, что̀ онъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ, а равно князю Чавчавадзе, что онъ (то-есть Шамиль) поступалъ съ его женою и свояченицею какъ съ родными дочерьми, о чемъ онѣ и сами могутъ засвидѣтельствовать;

(*) По всѣмъ показаніямъ, не болѣе 50-ти. *Е. В.*
(**) Которые, по общему отзыву, онъ постоянно прищуриваетъ. *Е. В.*

что свиданіе его съ сыномъ составляетъ для него самую счастливѣйшую минуту въ жизни; что онъ еще разъ благодаритъ тѣхъ, которые къ тому способствовали, и благодаритъ также насъ, что мы съ такою довѣрчивостью проводили сюда Джемаль-Эддина. Вторичное движеніе руки, выражавшее поклонъ, сопровождало эти послѣднія слова; тѣмъ и кончилось наше посольство; но тутъ мы обратились къ Джемаль-Эддину, чтобъ проститься съ нимъ. Это разставаніе съ послѣдними, напомнившими ему прошедшее время, проведенное въ образованномъ мірѣ, съ которымъ онъ теперь навсегда долженъ разстаться, поколебало его дѣйствительную или притворную холодность и спокойствіе: крупныя слезы покатились по его щекамъ, и съ жаромъ обнялъ онъ насъ, разъ и другой — зрѣлище, на которое отецъ его смотрѣлъ съ живѣйшимъ участіемъ. Послѣ этого прощанія, Джемаль-Эддинъ занялъ мѣсто по правую руку своего отца, мы, слегка кланяясь, дотронулись руками до своихъ шапокъ, Шамиль поблагодарилъ легкимъ наклоненіемъ головы, и мы отправились къ своимъ. Я воспользовался минутою, пока лошади, остававшіяся позади, не были еще къ намъ подведены, чтобъ нѣсколько осмотрѣться. Масса народа вокругъ холма состояла изъ однихъ мюридовъ (только они смѣютъ приближаться къ Шамилю). Ихъ было, можетъ-быть, до трехъ сотъ; остальныя же войска, отъ 4000 до 5000 человѣкъ, состоящія изъ одной кавалеріи, стояли въ 600 шагахъ позади. Сколько я могъ разсмотрѣть съ этого разстоянія, они далеко уступали мюридамъ въ добротѣ лошадей и въ убранствѣ: это были наши старые знакомые; они были такими, какими мы имѣемъ случай видѣть ихъ въ каждомъ сраженіи. Впрочемъ, между ними господствовалъ строгій порядокъ, и въ *цѣломъ* они имѣли сходство съ нашей кавалеріей: они были разставлены по отдѣленіямъ, съ интервалами, въ двѣ шеренги; каждое отдѣленіе имѣло свое знамя; начальники стояли передъ фронтомъ и держали ружья, какъ и мюриды, уперши ихъ въ лядвеи. На правомъ флангѣ я видѣлъ двѣ пушки, снятыя съ передковъ; позади ихъ арбы съ снарядами. Напротивъ насъ, на высотѣ, по ту сторону Мичика, стояли наши войска; голубое генеральское знамя съ серебрянымъ крестомъ весело развѣвалось надъ блестѣвшими въ солнечномъ свѣтѣ штыками. (Вслѣдствіе стараго кавказскаго обычая, здѣсь каждый командиръ имѣетъ знамя или значокъ съ изображеніемъ своего герба, по его цвѣту; этотъ обычай утвердился вслѣдствіе особеннаго образа веденія здѣшней войны, но, впрочемъ, измѣняется въ разныхъ случаяхъ). Между-тѣмъ, вокругъ насъ все зашевелилось: казалось, что этикетъ не могъ болѣе обуздывать нетерпѣнія толпы; ряды далеко-стоявшаго позади войска, также начали расходиться; все спѣшило къ холму. Въ эту минуту, и очень-кстати, были приведены наши лошади; мы сѣли на нихъ и, въ сопровожденіи около 50 мюридовъ, отправились восвояси. Когда мы перешли Мичикъ, войска Шамиля открыли батальный огонь, чѣмъ они обыкновенно знаменуютъ всякій торжественный случай. Вскорѣ затѣмъ конвой нашъ остановился, простившись съ нами преклоненіемъ ружей; мы поскакали въ галопъ и вскорѣ очутились между своими.

По прибытіи нашемъ въ Куринское, отправились мы прямо въ небольшую единственную въ укрѣпленіи церковь, гдѣ тотчасъ же было совершено благодарственное, за дарованное освобожденіе изъ плѣна, молебствіе, по окончаніи котораго плѣнницы отправились въ приготовленное для нихъ зданіе. На слѣдующій день мы возвратились въ Хасав-Юртъ. То, что дамы разсказывали намъ о своихъ страданіяхъ въ плѣну, превосходитъ всякое описаніе. Всѣ прежніе, прекрасные ихъ отзывы на счетъ хорошаго обращенія и вниманія къ нимъ Шамиля были не что иное, какъ вынужденная отъ нихъ ложь. Съ кинжаломъ въ рукѣ заставляли въ письмахъ, которыхъ онѣ часто по 15-ти писали прежде нежели одно изъ нихъ понравится ихъ тюремному начальнику, писать, что онѣ всѣмъ довольны и хвалить обращеніе съ ними (*); изъ всѣхъ вещей, которыя имъ отсюда отправлялись, едва десятая часть попадала имъ въ руки, а между-тѣмъ онѣ принуждаемы были увѣдомлять, что онѣ все сполна получили. Онѣ, въ числѣ двадцати-трехъ женщинъ и дѣтей, должны были провести первыя четыре недѣли своего пребыванія въ Веденѝ въ одной небольшой комнатѣ, въ которой было одно, никогда-неотворявшееся окно, и тогда только сдѣлана была перемѣна, когда, отъ недостатка движенія и чистаго воздуха, плѣнницы сильно заболѣли; часто онѣ по два и по три дня оставались безъ пищи, пока имъ не приносили твердаго, какъ камень, и намазаннаго бараньимъ жиромъ хлѣба, который онѣ долго мыли прежде, нежели можно было поднести его ко рту; онѣ принуждены были спать на землѣ на подстилкахъ, въ родѣ тонкихъ тюфяковъ; и во всякое время дня и ночи подвергались посѣщенію своихъ сторожей, которые находили удовольствіе наносить имъ всякаго рода грубости и оскорбленія. Однимъ словомъ, это такая ужасная исторія, ужаснѣе которой и выдумать невозможно. Но хуже всего этого — поистинѣ раздирающія сердце подробности перваго дня плѣна и странствованія до Веденѝ. Съ скотскою жестокостью, какъ только княгиня Чавчавадзе была признана за госпожу дома, ее тотчасъ отдѣлили отъ сестры и четырехъ дѣтей, и она была принуждена вмѣстѣ съ пятымъ ребенкомъ, четырехмѣсячной дѣвочкой, оставить свой домъ, обращенный въ пламя и слѣдовать за чеченцами. Пѣшкомъ она должна была перейдти рѣку, и когда, споткнувшись о камень, княгиня падала и, держа дитя свое надъ волнами, была увлекаема теченіемъ, ее схватилъ за волосы ея сторожъ и такъ тащилъ ее до самаго берега. Когда же, отъ этого мученія, княгиня совершенно выбилась изъ силъ, тогда ее взялъ на лошадь одинъ чеченецъ и посадилъ позади себя; изъ арьергарда раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и шайка пустилась въ галопъ; не смотря на то, что княгиня едва держалась на сѣдлѣ, она въ этомъ ужасномъ положеніи думала только о томъ, чтобъ сохранить дитя,

(*) Здѣсь, кажется, допущено авторомъ нѣмецкой брошюрки значительное преувеличеніе. Ничего подобнаго мы не помнимъ въ показаніяхъ плѣнницъ: ни кинжаловъ, ни 15 писемъ, ни тюремнаго начальника никогда не было.

Е. В.

какъ вдругъ сильный прыжокъ лошади вырываетъ его изъ рукъ матери, и младенецъ падаетъ на землю. Напрасны были всѣ просьбы и рыданія матери, чтобъ остановились и подняли дитя: безчеловѣчные, гонимые страхомъ преслѣдованія, смѣялись надъ ея отчаяніемъ и старались какъ-можно-скорѣе удалиться. Въ теченіе цѣлаго жаркаго польскаго дня, плѣнницы нигдѣ ни на минуту не останавливались и только когда, съ наступленіемъ вечера, въѣхали въ лѣсъ, онѣ остановились здѣсь подъ проливнымъ дождемъ. Чтобъ удобнѣе наблюдать надъ одною изъ плѣнницъ, горцы заставили ее взлѣзть на дерево, вокругъ котораго на землѣ расположилась ея стража (*). Въ этомъ положеніи, сопряженномъ съ опасностью жизни, находясь въ тонкомъ платьѣ и промокнувъ до костей, оставалась княгиня, и ни одинъ чеченецъ не подумалъ прикрыть ее буркою; разлученная со всѣми милыми ея сердцу, мучимая мыслью о горестной своей участи, проводила несчастная женщина длинные, безотрадные часы ночи. Только на слѣдующій день она соединена была съ своими, а оставшемуся (въ Кахетіи) отцу принесли трупъ упавшей дѣвочки, которая, хотя отъ паденія не пострадала, но умерла отъ голода, холода и сырости (**). Все это я слышалъ изъ устъ самой княгини, и въ ея кроткомъ, обворожительномъ лицѣ, въ тонѣ ея голоса, во взорахъ, отражающихъ всю прелесть ея души, отъискалъ я разрѣшеніе загадки, почему она, какъ мать, не умерла отъ этихъ мученій, почему она, привыкши къ комфортэбльной жизни, была въ-состояніи перенести медленныя истязанія въ-теченіе девяти мѣсяцевъ... Когда искренняя вѣра въ Бога наполняетъ сердце, тогда слабыя силы наши крѣпнутъ и, не смотря на то, что ураганъ несчастія со всѣми своими ужасами грозитъ намъ разрушеніемъ, мы переносимъ его.

Если мы вспомнимъ о томъ, какъ Шамиль выразился насчетъ обращенія съ плѣнными дамами, и при этомъ представимъ себѣ, что семейство Чавчавадзе много для него значило, какъ потому, что онъ ожидалъ за него большаго выкупа, такъ и потому, что только черезъ него онъ надѣялся возвратить себѣ своего сына, то нельзя не согласиться, что обращеніе съ дамами по тамошнимъ понятіямъ дѣйствительно было хорошее, какое только оказывается плѣнникамъ подобной важности. Истина этого можетъ быть подтверждена также и тѣмъ, что прежде-бывшіе въ плѣну офицеры, изъ которыхъ нѣкоторые находятся между нами, разсказываютъ намъ о своихъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ у Шамиля, и еще тѣмъ, что̀ освобожденныя дамы разсказывали намъ вообще о нравственномъ состояніи горскихъ жителей. Судя по этому, они находятся на столь низкой степени образованія и умственнаго развитія, на какой мы едва находимъ жителей пустынныхъ острововъ, описываемыхъ мореплавателями. «Это не люди (говорила мнѣ княгиня), это животныя; они не имѣютъ ни одной мысли, ни одного чувства, подобнаго нашимъ; и когда имъ

(*) Объ этомъ обстоятельствѣ мы ничего не слышали отъ плѣнницъ, сообщившихъ намъ самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ миновавшемъ несчастіи.

(**) Намъ не извѣстно, откуда почерпнуто это свѣдѣніе. *Е. В.*

что-нибудь говоришь, то это все-равно, какъ еслибъ вы говорили съ деревомъ (*)»... Какъ справедливъ этотъ отзывъ, подтверждается простодушнымъ разсказомъ шестилѣтней дочери князя Чавчавадзе, которая, разсказывая о плѣнѣ, между-прочимъ, сказала: «когда обезьяны пришли взять насъ»... Мы, конечно, не имѣли высокаго понятія о нашихъ любезныхъ сосѣдахъ, однакожь, не почитали ихъ до такой степени грубыми и жалкими, какъ видно изъ всего, что было здѣсь сообщено. Ихъ умственная и физическая лѣнь, ихъ глупость, ихъ упрямство, ихъ грубость и какая-то смѣшная гордость, съ которою они, какъ большая часть мухаммеданъ, воображаютъ, что они стоятъ гораздо-выше *гяуровъ*, препятствуютъ всякому успѣху. Самымъ вѣрнымъ доказательствомъ ихъ нравственной порчи служитъ жалкое положеніе горскихъ женщинъ. Эти бѣдныя существа суть рабыни или, лучше сказать, тягловая скотина, на которой лежитъ всякая работа; подобно сей послѣдней, здѣсь женщину бьютъ или мѣняютъ, если она сдѣлается негодною къ работѣ; здѣсь мужчина въ лучшемъ положеніи смотритъ на женщинъ не иначе, какъ на игрушки своей дикой фантазіи...

Послѣ всего сказаннаго, вы можете составить себѣ приблизительное понятіе объ этомъ *рыцарскомъ* народѣ, объ этихъ пламенныхъ *герояхъ свободы*, этихъ *поборникахъ независимости*, храбро-противостоящихъ *честолюбивымъ планамъ восточнаго калосса*. Что будетъ въ этихъ странахъ терпѣть бѣдный *Джемаль-Эддинъ*, сроднившійся съ европейскими нравами и образованіемъ—легко себѣ вообразить. Пусть на новомъ, сопряженномъ со всякими опасностями, поприщѣ, руководятъ и поддерживаютъ его тѣ же чувства, которыя дали ему мужественную рѣшимость облегчить несчастіе другихъ и, исполняя собственную обязанность сына, перейдти къ отчужденному отъ него отцу безъ всякаго предвидѣнія послѣдствій этого перехода, послѣ котораго онъ, конечно, навсегда простился со счастіемъ своей жизни!...

Кр. Грозная (на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линія).

(Съ нѣмецкаго).

ПРИЛОЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Отрывокъ изъ разсказа

покойнаго генерал-майора князя П. Орбеліани о своемъ плѣнѣ у Шамиля въ 1842 году.

Въ IV-й главѣ второй части разсказа о плѣнѣ у Шамиля, писавшій эту печальную исторію невольно пришелъ къ сравненію прежнихъ и нынѣшнихъ нравовъ шамилева *міра* и, находя нынѣ нѣко-

(*) Мы не помнимъ, чтобъ которая-либо изъ княгинь отзывалась такимъ образомъ о горцахъ. Изъ всего разсказа, переданнаго нами съ ихъ показаній, можно убѣдиться, что и горцы — люди, какъ люди, хотя и непросвѣщенные. *Е. В.*

торое въ нихъ смягченіе, основалъ этотъ утѣшительный выводъ, въ-особенности на *разсказъ русскаго офицера, бывшаго въ плѣну у Шамиля въ 1842 году.* Чтобъ подтвердить въ глазахъ каждаго читателя истину такого заключенія, представляемъ здѣсь отрывокъ изъ подлиннаго разсказа генерал-маіора князя И. Орбеліани, покойнаго супруга одной изъ героинь нашего повѣствованія, княгини В. И. Орбеліани. Покойный генералъ былъ тотъ самый плѣнникъ, на живописномъ и правдивомъ разсказѣ котораго мы основали нашу параллель между прежнимъ и нынѣшнимъ Шамилемъ. Передаемъ здѣсь не весь разсказъ, а только то, что въ-особенности касается до нашей мысли о нѣкоторомъ смягченіи нынѣшнихъ нравовъ горцевъ сравнительно съ прежними.

...«Оставивъ караулъ при нашихъ вещахъ, они повели насъ, то-есть подполковника С—а, Апшеронскаго Пѣхотнаго Полка прапорщика А—а (находившагося тоже по службѣ въ Казикумухѣ) и меня къ Шамилю. Передъ домомъ, занимаемымъ имъ, толпился народъ; при нашемъ приближеніи толпа эта подняла неистовый крикъ: «ведутъ христіанскихъ свиней». Эти слова сопровождались проклятіями и ругательствами. Такой пріемъ не обѣщалъ много хорошаго. Доложили о насъ Шамилю и ввели въ домъ, изъ котораго я не думалъ уже выйдти живой. Я оглянулся: мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Божье солнце и на дальнія горы, окружавшія мою колыбель. Прощаясь со мною, на привалѣ въ Бурундук-Кале, товарищи сказали мнѣ: «не возвращайся безъ георгіевскаго креста». Эти слова пришли мнѣ теперь на память. «Да» думалъ я, «одному крестъ на грудь, другому на могилу, а мнѣ ни того ни другаго!» и я невольно вздрогнулъ.

«Насъ ввели въ довольно-большую комнату, наполненную тѣлохранителями Шамиля; потомъ въ другую, гдѣ мы нашли его самого, въ кругу сподвижниковъ своихъ и почетныхъ депутатовъ казикумухскихъ. Вправо и влѣво отъ него сидѣли наибы: *Кибит-Магометъ*, андійскій кази, *Абдурахман-Дибиръ* карахскій и измѣнникъ Хаджи-Яга, братъ правителя Казикумуха (*). За Шамилемъ, а также у дверей и въ другой комнатѣ стояло до 150-ти человѣкъ тѣлохранителей его, всѣ съ отвратительными, звѣрскими лицами, съ шашками и кинжалами на-голо, съ пистолетами и ружьями, у которыхъ курки взведены были на второй взводъ. Лезгины не отличаются красивою наружностью; дикое, суровое выраженіе лица ничѣмъ не смягчается, и потому не имѣетъ никакой пріятности; но тѣмъ выразительнѣе выставлялась и красовалась между ними особа предводителя ихъ, Шамиля. Прекрасное, свѣжее, бѣлое лицо, слегка-испещренное рябинками, голубые или сѣрые (?) глаза, выказывающіе проницательный умъ и силу душевную; постоянная улыбка на устахъ, нескрывающихъ два ряда бѣлыхъ зубовъ, выражаетъ хитрость и добродушіе; выкрашенная красною краскою борода также идетъ ему къ ли-

(*) Онъ былъ проводникомъ Шамиля въ Казикумухъ, за эту измѣнническую услугу сдѣланъ былъ правителемъ ханства, но недолго удерживался на мѣстѣ: послѣ дѣла при Ричѣ, былъ смѣненъ, какъ неспособный человѣкъ. *Е. В.*

цу. Онъ выше средняго роста, плотно, но прекрасно сложенъ, имѣетъ бодрую и смѣлую осанку и по виду ему не болѣе 35-ти лѣтъ, хотъ онъ старѣе. Когда я въ первый разъ увидѣлъ его, на немъ была богатая одежда и вооруженіе, которыя еще болѣе возвышали мужественную его красоту. Голова была убрана черкесскою шапкою краснаго сукна и бѣлой чалмою. На немъ былъ архалукъ; сверху черкеска краснаго же сукна, обшитая галунами и съ серебряными патронниками, черезъ плечо висѣла шашка; талью обхватывалъ поясъ, за который заткнуты были два пистолета и прицѣпленъ кинжалъ. Таковъ Шамиль.

«Вотъ Имамипалъ-Азами!» шепнули намъ мюриды, подводя къ Шамилю. Онъ взглянулъ на насъ съ неизмѣнной своей улыбкой, но не говорилъ ни слова. Наскучивъ, наконецъ, долгимъ молчаніемъ и любопытными взорами толпы, окружавшей насъ, я сказалъ: «Шамиль! исполняя свою обязанность, мы попали въ плѣнъ и достались тебѣ; теперь мы въ твоихъ рукахъ. Чего желаешь ты? что̀ намѣренъ сдѣлать съ нами? Рѣши поскорѣе участь нашу: объяви намъ, что̀ ждетъ насъ: смерть, плѣнъ, или свобода?» То же самое сказалъ и прапорщикъ А—ъ. «Вы узнаете рѣшеніе мое въ свое время» отвѣчалъ намъ Шамиль: «теперь я занятъ», махнулъ рукой и приказалъ отвести насъ и посадить въ одинъ изъ обывательскихъ домовъ. Дѣйствительно, его ждала тайная депутація изъ Акуши и Цудахара; сверхъ-того, надобно было собирать аманатовъ, сдѣлать необходимыя распоряженія для распространенія шаріата и мюридизма во вновь-завоеванномъ ханствѣ.

Насъ отвели въ домъ Идриса (?), котораго застали мы въ горькихъ слезахъ, потому-что правовѣрные мюриды, увѣрявшіе, что пришли не для добычи и богатства, ограбили домъ его до послѣдней нитки. Идрисъ, до небесъ превозносившій вчера ночью Шамиля и его сподвижниковъ, не находилъ теперь словъ для выраженія злобы своей. Намъ дали одну комнату, вогнали насъ троихъ, шесть казаковъ и одного грузина, находившагося при мнѣ; послѣ привели къ намъ еще рядоваго Загорскаго, состоявшаго при подполковникѣ С—ѣ, и двухъ его собственныхъ людей. Шамиль и мюриды поступили со мною не лучше какъ съ Идрисомъ: всѣ мои вещи, платье, золотые часы, двуствольное ружье, два пистолета, шашку въ серебряной оправѣ, ковры, персидскую шаль, сверхъ-того, 340 руб. сер. и четыре лошади сдѣлались ихъ добычею. Той же участи подверглись и сотоварищи моего плѣна. Къ намъ приставили караулъ изъ черкеевскихъ жителей (*). Горцамъ Шамиль не вполнѣ довѣряетъ. Я сталъ разспрашивать ихъ объ участи моихъ семнадцати нукеровъ. «Имамъ» отвѣчали они «этимъ злодѣямъ ничего болѣе не сдѣлаетъ, какъ велитъ перерубить ихъ пополамъ». Услышавъ это, я подозвалъ къ себѣ одного изъ приближенныхъ Шамиля, по имени Гаджи-Яга

(*) По взятіи сел. Черкей, до 200 черкеевскихъ семействъ послѣдовали за Шамилемъ и составляютъ приближенныхъ его; они бо̀льшею частью поселены въ Дарлахъ. *Е. В.*

(изъ Чиркея), и просилъ его исходатайствовать у Шамиля прощеніе нукерамъ моимъ, которые ни въ чемъ не виноваты, потому-что я, отправляясь въ Казикумухъ, насильно взялъ ихъ съ собою проводниками. Я обѣщалъ за это Гаджи сюртукъ мой—болѣе у меня ничего не осталось. Онъ пошелъ къ Шамилю и долго не возвращался. Между-тѣмъ послышались частые выстрѣлы; скоро узналъ я, что несчастные нукеры мои кто разстрѣлянъ, кто изрубленъ.

«Толпами приходили къ намъ мюриды, проклинали, ругали насъ, плевали и уходили. Наконецъ, вечеромъ, перевели насъ въ домъ, который занималъ Шамиль. Тамъ вогнали насъ въ отхожее мѣсто и приставили къ намъ караулъ. Такъ прошелъ для меня этотъ горестный, вѣчно-незабвенный день 22-го марта.

«На другой день поутру вывели насъ на свѣжій воздухъ. Ко мнѣ подошли два мюрида, которыхъ прочіе горцы встрѣтили съ особеннымъ уваженіемъ; видно было, что они почетныя особы, и въ-самомъ-дѣлѣ, то были любимцы и друзья Шамиля, чохскіе мюриды: Мусса-Аджи и Магмудъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ толпѣ, указывая на меня: «Вотъ этотъ—большая невѣрная собака! онъ отнялъ у насъ до трехъ тысячъ дворовъ Андальскаго Общества и привелъ ихъ къ присягѣ. Я попрошу Шамиля выдать его мнѣ, чтобъ я могъ собственными руками убить его и заслужить себѣ рай. Я долго былъ въ Меккѣ и еще не имѣлъ случая пролить гяурскую кровь».

«Послѣ полуденнаго намаза, который съ благоговѣніемъ совершенъ былъ Шамилемъ въ присутствіи многихъ почетныхъ лицъ, насъ къ нему потребовали. Онъ вышелъ къ намъ ужь не въ богатой и опрятной одеждѣ, въ которой я его видѣлъ наканунѣ, а въ грязной, засаленной рубахѣ изъ толстаго бумажнаго холста: вѣроятно и онъ, какъ всѣ горцы, не перемѣняетъ своего бѣлья, пока еще цѣла хоть нитка, или пока оно, полусгнившее, само не спадетъ съ плечъ. Окруженный своими тѣлохранителями, съ готовымъ оружіемъ въ рукахъ, онъ сѣлъ и грозно сказалъ намъ: «если русскіе выдадутъ мнѣ сына, то я отпущу васъ въ Тифлисъ, а въ противномъ случаѣ, изрублю всѣхъ и пошлю въ адъ».—«Шамиль!» отвѣтилъ я ему: «еслибъ было и втрое болѣе, то и тутъ виды правительства не позволили бъ согласиться на твое предложеніе. Государь нашъ цѣнитъ нашу жизнь; хотя онъ въ одинъ часъ можетъ сотнею другихъ замѣнить каждаго насъ; но благо государства важнѣе нашей жизни, и потому ты не думай о возможности вымѣнять насъ на своего сына... Лучше требуй отъ насъ, Шамиль, то̀, что̀ мы или наше начальство въ состояніи сдѣлать. Генералъ Фези взялъ у тебя въ Унцукулѣ до двухсотъ плѣнныхъ: за наше освобожденіе возвратятъ тебѣ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ. Дѣлай съ нами что̀ хочешь—руби или оставь въ живыхъ, но не питай надежды, что тебѣ выдадутъ сына».

«Онъ улыбнулся и сказалъ: «Хорошо, я васъ не убью; ступайте въ Дарги: тамъ мы еще поговоримъ». Я представилъ ему, что мы не привыкли ходить пѣшкомъ по этимъ горамъ, что мюриды отняли у насъ лошадей, и просилъ его возвратить ихъ намъ, хоть до Дарговъ. Онъ обѣщалъ исполнить просьбу нашу. Но эти варвары не

дали намъ лошадей, не допустили насъ жаловаться Шамилю, и мы принуждены были идти пѣшкомъ.

«23-го марта, насъ (всего тринадцать человѣкъ) отправили изъ Казикумуха въ селеніе Дарги. По довольно-удобной дорогѣ достигли мы пограничнаго селенія Бухты, гдѣ я встрѣтилъ многихъ кунаковъ. Всѣ искренно сожалѣли о моемъ несчастіи, жаловались и проклинали мюридовъ. До вторженія горцевъ, казикумухцы были довольны своимъ положеніемъ: хлѣбопашество и скотоводство, хотя неизобильныя, но совершенно удовлетворяли ихъ потребностямъ, а теперь вездѣ были видны слѣды опустошенія: мюриды ограбили жителей и истребили всѣ ихъ запасы. Изъ Бухты мы направились къ селенію Суграть, куда ведетъ хорошая арбяная дорога; она поднимается сперва въ гору, идетъ потомъ по гребню, гдѣ есть родникъ, а оттуда спускается отлого къ селенію. Я съ любопытствомъ разсматривалъ это мѣсто, считающееся неприступнымъ и извѣстное пораженіемъ, которое горцы нанесли тутъ Надиръ-Шаху персидскому, въ сороковыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Онъ осаждалъ и атаковалъ Суграть снизу, изъ ущелья, что̀ дѣйствительно сопряжено съ большими затрудненіями и можетъ повлечь за собою гибель войска; между-тѣмъ какъ, приближаясь со стороны селенія Бухты, по дорогѣ совершенно-проходимой даже для тяжелыхъ орудій, и занявъ ближайшія высоты, можно завладѣть Сугратлемъ одною артиллеріею, для которой, по отлогой покатости, склоняющейся къ самому селенію, дѣйствіе весьма-удобно. Пройдя сугратльскіе хутора по страшнымъ крутизнамъ и совершенно-неразработанной дорогѣ, мы спустились къ деревнѣ Унтибъ, которая самою природою сильно защищена. Она лежитъ въ глубокой пропасти и окружена высокими утесистыми скалами, такъ-что, по словамъ жителей, лучи солнца, исключая лѣта, не достигаютъ деревни. Впрочемъ, это мѣсто не имѣетъ никакой важности въ военномъ отношеніи. Въ Унтибѣ мы ночевали. Съ разсвѣтомъ погнали насъ къ селенію Рогужи (Ругджава). Переходъ этотъ, по крутизнѣ спусковъ и подъемовъ, крайне-затруднителенъ даже для пѣшеходовъ, а для верховыхъ почти невозможенъ: лошади безпрестанно падаютъ, ломаютъ ноги и разбиваются о скалы. Такъ дорога идетъ почти до рогужскихъ мельницъ, а оттуда по большому, но отлогому подъему достигаетъ самого селенія.

Изъ Рогужи ясно обрисовывается Гунибская Гора; она совершенно отдѣлена отъ прочихъ горъ, Карахскою и притомъ Аварской-Койсу и высокими обрывистыми скалами, которыя дѣлаютъ ее совершенно-недоступною; она имѣетъ при подошвѣ до сорока верстъ въ окружности, отъ двухъ до четырехъ верстъ высоты. Вершина ея, какъ-будто срѣзана и чрезъ это образовалась возвышенная плоскость, имѣющая до двадцати-пяти верстъ въ окружности; тамъ у жителей пастбища, пашни, луга, лѣсъ, вода и мельницы—однимъ словомъ, все лезгинское хозяйство. Къ сторонѣ, обращенной къ Карахской-Койсу, на уступѣ, почти на половинѣ высоты всей горы, лежитъ деревня Гунибъ, имѣющая до ста-пятидесяти дворовъ; три, едва-замѣтныя тропинки ведутъ на эту гору: одна отъ Рогужи, другая отъ Хиндаха

и Хуточиба, а южнѣе ея, третья, отъ Карахской-Койсу. Можетъ-быть, есть и еще тропинки отъ Карады и Куяды, но о нихъ неизвѣстно. Большею частью деньгами, отобранными у подполковника С—а, прапорщика А—а и у меня, также вырученными изъ распродажи вещей, Шамиль укрѣпилъ деревню и гору Гунибъ, перепортилъ тропинки и намѣренъ былъ перевести туда (когда генералъ Граббе подступалъ къ Даргамъ) семейство и имущество свое. Самъ же онъ врядъ-ли рѣшился бъ заключиться въ эту деревню, или въ подобное мѣсто, потому-что взятіе Тилитля и Ахульго сдѣлало его болѣе-осторожнымъ и убѣдило, что отъ русскихъ трудно найдти недоступное убѣжище; онъ увѣренъ, что если запрется въ такое мѣсто, то, рано или поздно, блокада или штурмъ принудятъ его сдаться или погибнуть; оттого-то онъ и не защищался въ Чиркеѣ. Шамиль самъ говорилъ мюридамъ своимъ, что никогда не будетъ держаться въ такомъ мѣстѣ, которое русскіе будутъ осаждать или брать приступомъ.

«Изъ Рогужи мы послѣдовали въ Тилитль и, переночевавъ въ этомъ селеніи, съ разсвѣтомъ выступили въ Голотль, лежащее отъ Тилитля въ восьми верстахъ. Дорога туда разработана русскими въ 1837 году и идетъ по отлогому спуску внизъ до самаго Голотля. Тутъ нашли мы, противъ хунзахскаго спуска, довольно-сильный караулъ горцевъ, а на противоположной вершинѣ обрывистой горы стоялъ ахмедханскій караулъ, наблюдавшій съ своей стороны за Голотлемъ и за горцами. Вѣроятно, онъ могъ видѣть слѣдованіе нашей толпы, не зная, что въ ней русскіе плѣнные. Сильно забились сердца наши при видѣ этихъ сторожевыхъ: мы ожидали ихъ помощи и намъ ужь казалось, что будто они готовятся выручить насъ; но это была лишь обманчивая мечта. Въ Голотлѣ конвой нашъ увеличился, и намъ строго запретили смотрѣть на Хунзахскую Гору, гдѣ стоялъ нашъ караулъ. Почти бѣгомъ принуждены мы были удалиться, направляясь по лѣвому берегу Аварской-Койсу, по узкой и обрывистой дорогѣ, гдѣ безпрестанно приходилось то подыматься, то спускаться, и гдѣ лошади и ослы съ трудомъ двигались. Пройдя часть Хидатлинскаго Общества, мы переправились черезъ быструю рѣчку, повернули вправо, оставивъ Аварскую Койсу позади себя, шли потомъ по ущелью и наконецъ, вечеромъ, достигли селенія Батлуха, находящагося въ тридцати-пяти или сорока верстахъ отъ Тилитля и въ тридцати отъ Хунзаха. Селеніе это лежитъ у подошвы одной изъ скалъ, круто-опоясывающихъ всю почти Аварію, сперва вдоль Аварской Койсу, потомъ мимо Аухвахскаго и Каратинскаго Обществъ.

«На ночлегѣ насъ, измученныхъ трудною дорогою, усталостью и голодомъ, заперли въ сарай, въ которомъ мы всю ночь дрожали отъ холода. На другой день, варвары-горцы, мало заботясь о нашемъ положеніи, повели насъ дальше. Перейдя хребетъ Ауховскихъ Горъ, покрытый снѣгомъ, мы къ вечеру прибыли къ селенію Аухвахъ, отъ котораго все общество носитъ наименованіе свое. Трудно описать и съ чѣмъ-нибудь сравнить бѣдность здѣшнихъ жителей: вся одежда ихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ длинной тол-

стой шерстяной рубашки и накинутой на нее бараньей шубы. Аухвахцы говорятъ на языкѣ, который совершенно-непохожъ ни на языкъ другихъ племенъ, ни на аварскій, господствующій во всемъ Дагестанѣ. Горцы, вообще каждое племя, имѣютъ свое особое нарѣчіе, но большею частью говорятъ и поарабски. Аухвахцы непохожи и по наружности на другихъ горцевъ: они бѣлокуры и рыжеволосы. Узнавъ о прибытіи нашемъ, жители сбѣжались со всѣхъ сторонъ, чтобъ посмотрѣть на насъ. Одна изъ женщинъ подошла ко мнѣ и спросила меня погрузински, не грузинъ ли я. На утвердительный отвѣтъ, она разсказала мнѣ, что и она грузинка, ведена въ плѣнъ изъ кахетинской деревни Артана и отдана замужъ за русскаго бѣглаго солдата, ужь пятнадцать лѣтъ здѣсь проживающаго. Вечеромъ пришелъ къ намъ старикъ, также бѣглый солдатъ изъ Дербента, еще при Зубовѣ, за сорокъ-шесть лѣтъ передъ симъ оставившій ряды свои. Онъ подвелъ ко мнѣ сына своего и хвалилъ его, какъ ухорскаго молодца, который за хорошія деньги можетъ скрыть меня и доставить въ Хунзахъ, если только я успѣю бѣжать отъ караульныхъ и прійду на такую-то мельницу, которую онъ тутъ же указалъ мнѣ. Какъ не попытаться? Надежда освободиться прельстила меня, и я приготовился бѣжать; но лезгины узнали о моемъ намѣреніи и сковали мнѣ ноги кандалами.

«Выступивъ изъ Аухваха, мы пошли по весьма-удобной дорогѣ и, миновавъ нѣсколько деревень этого общества, черезъ часъ достигли извѣстнаго своею неприступностью сел. Караты, которое имѣетъ до 500 или до 600 дворовъ, лежитъ на горѣ и совершенно отдѣлено отъ противоположныхъ Аварскихъ Горъ большимъ оврагомъ съ крутыми, обрывистыми боками. Къ Карату ведетъ одна только дорожка, которая проходитъ между двумя отвѣсными скалами, отстоящими одна отъ другой сажени на три и соединенными между собою крѣпкою стѣной, въ которой пробиты ворота и устроена особенная башня, или караульня, гдѣ во всякое время находится нѣсколько сторожевыхъ, которые въ этомъ проходѣ могутъ удержать даже большой отрядъ. Противъ Караты, на Аварскихъ Горахъ, лежатъ деревни Каратинскаго же Общества, взятыя и сожженныя генераломъ Фези. Каратинцы разобрали насъ по домамъ и покормили, кто какъ могъ. Изъ нихъ многіе бывали въ Тифлисѣ и знали тамъ нашу фамилію. Въ Каратѣ я встрѣтилъ много несчастныхъ грузинскихъ мальчиковъ, украденныхъ лезгинами изъ Кахетіи. Увидѣвъ своего соотечественника и вспомнивъ родину, они горько заплакали. Жители Каратинскаго Общества говорятъ на богольскомъ языкѣ, совершенно-различномъ отъ аухвахскаго и отъ аварскаго. По довольно-хорошей дорогѣ мы продолжали слѣдованіе свое изъ Караты въ Андію; перейдя горы и отдохнувъ въ Нихвалѣ, лежащей при впаденіи небольшой рѣчки въ Андійскую Койсу, мы переправились черезъ послѣднюю и ночевали въ дер. Квонхидатлѣ, въ десяти верстахъ отъ Караты. Въ этой деревнѣ выдѣлывается хорошая соль, добываемая жителями изъ соляныхъ родниковъ, текущихъ изъ горъ. Въ Нихвалѣ и Квонхидатлѣ до 300 дворовъ. Обѣ деревни принадлежатъ Технуцальскому Обще-

ству, которое имѣетъ также свой собственный языкъ. На другой день, съ разсвѣтомъ, отправились мы далѣе, въ Андію. Пройдя верстъ пять по лѣвому берегу Андійскаго Койсу, мы повернули влѣво къ деревнѣ Моно, гдѣ множество фруктовыхъ садовъ и до 150 дворовъ. Отсюда до первой андійской деревни дорога идетъ по возвышенной известковой плоскости, потомъ спускается въ ущелье, по которому текутъ собственно Андійская (*) и Гогатлинская Рѣчки. Къ вечеру прибыли мы въ селеніе Анди, гдѣ застали казикумухскихъ аманатовъ, присланныхъ туда Шамилемъ. Между ними были: казикумухскій правитель Махмудъ-Бекъ, братъ его Джабраилъ Аббасъ-Бекъ, сынъ Гарун-Бека, мирза Зоко и другіе.

«На другой день погнали насъ къ селенію Дарги. Весь переходъ туда удобенъ для провоза всякихъ тяжестей. Сперва дорога поднимается версты на четыре вверхъ, до гребня Земляныхъ Горъ. Тутъ андійцы имѣютъ свои хутора, сѣнокосы и пастбища. Пройдя верстъ восемь или девять отъ Анди, встрѣчаются на гребнѣ два небольшіе родника; отъ нихъ верстахъ въ трехъ начинается спускъ и продолжается версты двѣ. У подошвы его выбивается довольно-большой ключъ воды. Отсюда идетъ между огромными скалами лѣсистое Даргинское Ущелье, гдѣ беретъ начало р. Аксай (потатарски Агсу, что значитъ бѣлая рѣка и бѣлая вода); пройдя по ущелью версты три или четыре, открывается чистая равнина, окружающая селеніе Дарги верстъ на пять и болѣе во всѣ стороны, до селенія Бояни, оттуда до Цувантери, потомъ до Болгита и кругомъ до выхода изъ ущелья.

«31-го марта, часа въ четыре пополудни, достигли мы наконецъ мѣста нашего заточенія. Все селеніе: мужчины, женщины и дѣти вышли къ намъ на встрѣчу, воспѣвая съ обычнымъ привѣтомъ: «ля-илляхэ-иль-аллахъ», благодарственные гимны Творцу вселенной, даровавшему Шамилю счастливое овладѣніе Казикумухомъ и взятіе въ плѣнъ многихъ невѣрныхъ. Насъ привели въ домъ Шамиля, гдѣ, какъ онъ самъ обѣщался, пріимутъ хорошо; и дѣйствительно, первая жена его, по имени *Патишатъ*, приказала тотчасъ же зарѣзать барана и выпечь пшеничнаго хлѣба. По этому пріему мы ожидали, что съ нами намѣрены обходиться человѣколюбиво, но горько ошиблись. На другой день, мюриды повели насъ за деревню, въ какой-то сарай; здѣсь показали намъ темную *яму* и сказали: «Тутъ будете вы сидѣть, пока не пришлютъ сына Шамиля, или пока издохнете, какъ христіанскія свиньи». А—ъ первый спустился въ яму, за нимъ я, а потомъ и всѣ прочіе. На днѣ встрѣтилъ насъ звукъ цѣпей; тамъ нашли мы скованнаго армянина изъ Кизляра, пойманнаго чеченцами на дорогѣ между Кизляромъ и Моздокомъ.

«Яма, сдѣлавшаяся нашею темницей, имѣла сажень глубины и около

(*) Рѣка, называемая у насъ Андійскою Койсу, не омываетъ ни одной андійской деревни и течетъ отъ Андійскаго Общества верстахъ въ тридцати или пятидесяти, а потому названіе это ошибочно. Тушины говорятъ, что она имѣетъ начало свое въ горахъ Тушетіи, и называютъ ее потому Тушинскою Алазанью. *Е. В.*

полуторы въ ширину, такъ-что, ложась спать, мы принуждены были класть ноги другъ на друга; теченіе воздуха производилось черезъ единственное отверстіе, въ которое мы спустились; на ночь оно прикрывалось дверцами, запиравшимися на замокъ. Надъ самою ямой выстроенъ былъ сарай или, лучше сказать, караульный домъ, что совершенно лишало насъ свѣжаго воздуха. Вслѣдъ за нами привели молодаго чеченца, обвиненнаго въ смертоубійствѣ. Такимъ-образомъ насъ было всего 15 человѣкъ, которыхъ никуда не выпускали, даже для естественныхъ потребностей. Легко представить себѣ, какъ страдали мы въ этой темной ямѣ, какъ задыхались отъ сжатаго, испорченнаго воздуха — и такъ провели мы почти безвыходно три недѣли. Намъ давали въ сутки по три хинкала (куска) варенаго тѣста изъ кукурузы, вѣсомъ въ полфунта — пища непитательная, безвкусная и только достаточная, чтобъ не умереть съ голода.

«Дня черезъ три, пріѣхалъ къ намъ кадій селенія Дарги, по имени Нур-Махма, изъ черкеевскихъ выходцевъ. Онъ приказалъ вывести насъ изъ ямы, обобралъ послѣднее наше платье и оставилъ въ однѣхъ только *рубашкахъ*. Увидѣвъ на мнѣ серебряный образъ св. Георгія, съ мощами — благословеніе матери моей, онъ съ остервенѣніемъ сорвалъ его съ меня, обругалъ и оплевалъ его, потомъ содралъ серебро и положилъ въ карманъ, а изображеніе святаго бросилъ въ огонь. Оковавъ мнѣ и А—у ноги *кандалами*, снова заключили въ яму. Послѣ этого посѣщенія, насъ стали кормить еще хуже, такъ-что мы терпѣли мучительный голодъ. Наконецъ, чрезъ нѣсколько дней, возвратился въ Дарги и самъ Шамиль. Мы ждали облегченія нашего положенія, но тщетно. Разъ прислалъ онъ къ намъ бумагу, чернила и перо и приказалъ написать правительству нашему объ условіяхъ, на которыхъ онъ намѣренъ освободить насъ, то-есть, чтобъ ему возвратили: за подполковника С—а сына, за меня—племянника, за прапорщика А—а сына Али-Бека, изъ Ахульго, а за прочихъ — по два плѣнныхъ, взятыхъ въ томъ же селеніи. Мы долго отказывались и снова представляли о несбыточности такого требованія; наконецъ, принуждены были повиноваться. Письмо это было отправлено въ Темир-Хан-Шуру къ генерал-майору фон-Клугенау.

«Такъ жили мы въ этой ямѣ, безъ свѣта, безъ утра и вечера. Только голосъ муллы, призывавшаго жителей селенія къ утренней и вечерней молитвѣ, возвѣщалъ и намъ о новомъ днѣ, о наступленіи ночи. Мы слѣдили тщательно за ходомъ времени; приближалось свѣтлое Христово воскресеніе. Наступило 19-е апрѣля. Муссеимъ призывалъ правовѣрныхъ къ утреннему намазу. Разбудивъ одинъ другаго, мы встали, совершили теплую молитву, отпѣли «Христосъ воскресе» и грустно привѣтствовали другъ друга. Въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ прошелъ для насъ этотъ день свѣтлаго праздника, встрѣченный и проведенный нами подъ землею.

Но праздникъ этотъ остался для насъ памятнымъ событіемъ, которое угрожало намъ оставить насъ навѣки подъ землею. На другой или на третій день (не помню) пошелъ снѣгъ, потомъ поднялась ужаснѣйшая буря; домикъ, стоявшій надъ ямою, свалился, закрылъ

отверстіе и задавилъ паденіемъ своимъ двухъ караульныхъ; третій успѣлъ выскочить и побѣжалъ въ Дарги дать знать объ этомъ происшествіи. Между-тѣмъ мы были въ отчаянномъ положеніи: *воздухъ* совершенно сперся и ложился камнемъ на грудь, дыханіе становилось съ каждою минутою болѣе-и-болѣе затруднительнымъ, наконецъ сдѣлалось почти невозможнымъ; нѣкоторые изъ насъ упали въ обморокъ. Еще четверть часа — и мы всѣ задохлись бы, но, къ-счастью, поспѣшили жители и спасли насъ отъ самой мучительной смерти; они разгребли отверстіе, вывели насъ на свѣжій воздухъ и заставили вычистить яму. Тщетно просили мы Шамиля перевести насъ въ какой-нибудь сарай или домъ — ничто не помогло: насъ погнали опять въ яму, надъ которою выстроили новую, болѣе-крѣпкую караульню, окопавъ ее, сверхъ-того, рвомъ. На ночь караулъ нашъ усиливался; въ ненастную погоду сторожевые входили въ домъ — обстоятельство, которое потомъ помогло намъ при бѣгствѣ.

«Въ первыхъ числахъ мая Шамиль получилъ увѣдомленіе, что небольшой отрядъ русскихъ разбилъ при Рачѣ горцевъ подъ начальствомъ Гаджи-Яги и Абдурахман-Дибиря (карахскаго наиба). Вслѣдствіе чего Шамиль приказалъ наибамъ Чечни и Ауха, то-есть ичкеринскому Шуембу, шубутовскому Джаватъ-Хану, ауховскому Улу-Бею и Большой Чечни Ахверды Магомету, собрать отборной конницы 500 человѣкъ. Въ нѣсколько дней она изготовилась и должна была, подъ начальствомъ Ахверды Магомета, отправиться въ Казикумухское Ханство. По этому случаю помянутые наибы Чечни прибыли въ Дарги и, съ позволенія Шамиля, пришли, въ сопровожденіи тѣлохранителей своихъ, посмотрѣть на насъ. Насъ вывели изъ ямы и представили имъ. Такимъ-образомъ познакомился я съ нѣкоторыми изъ сподвижниковъ Шамиля.

«Ахверды-Магометъ, мужчина средняго роста, около сорока лѣтъ; въ чертахъ лица его изображается доброта и хладнокровіе; плотное тѣлосложеніе показываетъ силу и здоровье; онъ одѣвается лучше прочихъ чеченскихъ начальниковъ. Въ горахъ и Чечнѣ славятся мужественная его храбрость, неутомимая дѣятельность и удачные набѣги.

«Шуембъ небольшаго роста, лицо смуглое съ небольшими рябинками, ловкій во всѣхъ пріемахъ и въ особенности верхомъ. Онъ извѣстенъ, какъ человѣкъ съ хитрымъ и бойкимъ умомъ, какъ отличный рубака, лихой наѣздникъ и искусный предводитель въ бою.

«Улу-Бей молодой человѣкъ, неболѣе двадцати-пяти или, много, тридцати лѣтъ, хорошъ лицомъ и сложеніемъ. Смѣлые набѣги и отличная храбрость поставили его на-ряду съ предъидущими; самъ же онъ ставитъ себя выше Шуемба, котораго вообще (какъ можно было замѣтить изъ нѣкоторыхъ выраженій, произнесенныхъ въ нашемъ присутствіи) не очень жалуетъ и уважаетъ. Какъ Улу-Бей, такъ и Шуембъ имѣли на груди, выше патронниковъ, серебряныя пятиугольныя *звѣзды*.

«Джават-Хана не было съ ними: онъ страдалъ отъ раны, которая и была впослѣдствіи причиною его смерти.

«Шуембъ и Улу-Бей ругали передъ нами русскихъ, говорили, что

Шамиль, взявъ насъ въ плѣнъ, доберется теперь до Клугенау и до Граббе, а потомъ (если Богъ поможетъ) возьметъ въ Тифлисѣ и самого сардаря, истребитъ гяурское войско и приведетъ къ намъ на собесѣдничество въ яму богатыхъ армянъ, грузинъ и русскихъ. Эта хвастливая выходка сопровождалась общимъ хохотомъ. Ахверды-Магометъ не принималъ участья въ этомъ разговорѣ, подошелъ потомъ ко мнѣ и къ А—у, сѣлъ и пригласилъ насъ то же сдѣлать, сказавъ: «за васъ, друзья, Шамиль проситъ сына своего, котораго онъ нѣжно любитъ; онъ надѣется получить его и потому держитъ васъ въ такомъ мѣстѣ, откуда вамъ трудно бѣжать; а чтобъ вы убѣдительнѣе просили и чтобъ начальство ваше, зная ваше несчастное положеніе, легче склонилось на его требованіе, онъ скудно кормитъ васъ; но вы военные, и не должны терять твердости духа, терпѣнія и мужества. Богу угодно наказать васъ, и Онъ наказалъ; угодно будетъ Ему спасти васъ, Онъ спасетъ, а потому не унывайте и сохраняйте бодрость душевную. Посмотрите на меня и Шамиля: сколько уже бѣдствій претерпѣли мы, сколько ранъ покрываютъ тѣло наше, сколько разъ мы были въ когтяхъ смерти въ Гимрахъ, въ Тилитлѣ, въ Ахульго!.. Въ послѣднемъ, видя, что намъ нѣтъ тутъ спасенія отъ русскихъ, мы собрали до ста-пятидесяти человѣкъ надежнѣйшихъ мюридовъ, взяли семейство Шамиля, состоявшее изъ двухъ женъ и двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ раненый, третій, старшій (*) переданъ былъ уже генералу Граббе, спустили другъ друга на веревкахъ по ужаснымъ скатистымъ обрывамъ на берегъ Койсу и, съ шашками въ рукахъ, бросились на вашу цѣпь; бой былъ отчаянный. Одна изъ женъ имама убита и брошена тутъ на мѣстѣ; другой сынъ раненъ картечью; мы взяли обоихъ на плечи и наконецъ пробились, оставивъ изъ ста-пятидесяти девяносто-пять человѣкъ убитыми. Мало ли мы испытали горя и не отъ однихъ только русскихъ, но даже отъ своихъ, мусульманъ, противившихся принять и исполнять шаріатъ! Но твердо и мужественно преодолѣвали мы всѣ бѣдствія, и теперь, какъ видите, находимся въ лучшемъ положеніи. Богъ великъ! Никто не знаетъ, что̀ еще предстоитъ намъ. Да будетъ Его воля, безъ которой ничего не дѣлается. Такъ и вы теперь въ несчастіи, но, дастъ Богъ, оно пройдетъ — и вы будете наслаждаться новымъ счастьемъ.

«Такой образъ мыслей дикаго горца и эти простыя, утѣшительныя слова въ устахъ Ахверды-Магомета глубоко поразили и тронули насъ. Мы поблагодарили его за участіе и стали просить его исходатайствовать у Шамиля облегченія нашей участи. «Если Шамиль (сказалъ я ему) держалъ насъ прежде, худо съ тѣмъ, чтобъ лучше описали свою мучительную неволю и тѣмъ скорѣе убѣдили начальство выдать ему сына и прочихъ, то зачѣмъ онъ теперь, когда ужь отправлено наше прошеніе, не облегчитъ нашего положенія? Если онъ боится бѣгства нашего и не хочетъ вывести изъ этой ямы, такъ пусть по-крайней-мѣрѣ не моритъ съ голода. Мы не просили

(*) Джемаль-Эддинъ.

лучшей пищи, а только хоть немного-побольше. Развѣ такъ русскіе содержатъ вашихъ плѣнныхъ? Имъ отпускается, смотря по званію и достоинству ихъ, достаточное содержаніе, такъ-что они ни въ чемъ не терпятъ нужды.

— «Знаю, любезный, знаю хорошо! сказалъ Ахметъ-Магомедъ, и обѣщалъ просить Шамиля прибавить намъ хинкаловъ.

«Но вѣрно Шамиль не согласился: просьба наша не исполнилась и положеніе не измѣнилось.

«Впрочемъ, Ахверды-Магомедъ не на однихъ только словахъ показалъ душевную доброту свою. При прощаніи съ нами, онъ, съ позволенія Шамиля, далъ мнѣ и А—у по одному рублю сер. Насъ мучилъ голодъ и мы приняли съ признательностью его подарокъ. Въ нашихъ обстоятельствахъ эти два рубля были намъ дороже двухъ тысячъ въ другое время. Какъ радовались мы имъ, въ надеждѣ подкрѣпить себя и товарищей лучшею пищею! Но напрасная радость: гнусные караульщики наши, взявъ деньги, спрятали ихъ и бросили намъ въ замѣнъ десять небольшихъ лепешекъ изъ кукурузы, съ кускомъ свѣчнаго сала. Тщетно мы умоляли ихъ купить намъ сколько-нибудь мяса: они и слушать насъ не хотѣли. Обманутое ожиданіе, голодъ и негодованіе страшно терзали тѣло и душу.

«На другой день Ахверды-Магометъ выступилъ съ чеченскою конницею, и мы ужь не видались съ нимъ до возвращенія его изъ иггалинскаго дѣла, гдѣ онъ снова отличился.

«Пріѣзжали къ намъ и прочіе наибы, какъ-то: андійскій кадій, гумбетовскій *Абакаръ-Дибиръ*, тлохскій *Гаджи-Муратъ*, *Кіалальскій* и *Сурхай*, андаляльскій и тилитлинскій *Кибитъ-Магометъ* и проч.

«Въ половинѣ мая горцы двинулись къ Казикумуху; за ними выѣхалъ туда же и самъ Шамиль, оставивъ Чечню въ распоряженіи Шуемба и Улу-Бея, на которыхъ онъ надѣялся какъ на самого себя. Въ концѣ этого мѣсяца даргинцы начали поговаривать, что русскіе идутъ въ Чечню.

«1-го іюня генералъ Граббе вступилъ въ ичкеринскіе лѣса. Съ каждымъ днемъ гулъ пальбы доходилъ явственнѣе до насъ; казалось, что лучъ свободы озаряетъ уже темницу нашу; но скоро потеряли мы надежду увидѣть нашихъ въ селеніи Даргахъ. Молодой чеченецъ, сидѣвшій съ нами за смертоубійство, получилъ отъ своей сестры, которая раза три въ день приходила къ нему съ кушаньемъ, подробныя извѣстія о ходѣ дѣлъ и разныхъ случаяхъ; отъ него узнали мы обо всемъ. Онъ за себя и за насъ душевно сожалѣлъ, что русскіе пошли по непроходимымъ и безводнымъ лѣсамъ, и говорилъ, что еслибъ наши войска пошли къ селенію Баяни, по дорогѣ нѣсколько уже разработанной, то они успѣли бы въ своемъ предпріятіи; что тогда онъ вмѣстѣ съ нами бѣжалъ бы, указалъ намъ дорогу, и мы всѣ спаслись бы, но что теперь на это онъ не можетъ рѣшиться потому, что можно навѣрно сказать, что русскіе не достигнутъ Дарговъ; Шамиль возвратится изъ Казикумуха, сдѣлается снова обладателемъ Чечни, и что тогда семейство его, родители, братья и сестры падутъ мертвыми за его бѣгство.

«Шуембъ и Улу-Бей встрѣтили генерала Граббе съ ичкеринцами и аухавцами; прочіе не поспѣли или не хотѣли участвовать; мы сами видѣли до ста человѣкъ андійцевъ, спокойно-остававшихся въ Даргахъ. Оба наиба безпрерывно посылали къ семейству Шамиля съ просьбою переселиться въ Андію или въ дальнѣйшія горы Дагестана; они приказывали сказать, что будутъ защищаться до послѣдняго дыханія, что русскимъ нѣтъ почти возможности дойдти до Дарговъ, но что, при всемъ томъ, нельзя за все ручаться, потому-что генералъ Граббе, если захочетъ, настоитъ на своемъ, несмотря ни на какую потерю. Это общее мнѣніе всѣхъ горцевъ о генералѣ Граббе, и убѣжденіе это такъ пугало чеченцевъ, что они хотя и полагали, что русскіе никогда не дойдутъ по этой дорогѣ до Дарговъ, однакожь начали переселяться въ безопаснѣйшія мѣста. Семейство Шамиля, со всѣмъ имуществомъ его, переѣхало въ Андію.

«Послѣ отъѣзда его, собрались мюриды въ домѣ надъ нашею ямою и начали совѣтоваться, что̀ дѣлать съ нами теперь, когда русскіе подходятъ и каждый долженъ думать о собственной безопасности? Что̀ дѣлать? закричалъ двоюродный братъ Шамиля, гимринскій абрекъ Ибрагимъ: «русскіе же бьютъ теперь нашихъ мусульманъ; убьемъ же и мы единовѣрцевъ ихъ, плѣнныхъ свиней нашихъ: этимъ отомстимъ за братьевъ нашихъ, сдѣлаемъ Богу угодное дѣло и спасемъ души наши». Мы все это слышали; слышали также, ка̀къ даргинскій кадій приказалъ мюридамъ приготовить оружіе и выводить насъ поодиночкѣ. Казалось, настала послѣдняя минута жизни нашей. Но еще разъ смерть миновала насъ.

«Къ счастью нашему, въ это время подошелъ къ мюридамъ, рѣшившимъ участь нашу, одинъ изъ казикумухскихъ бѣглецовъ. Услышавъ о намѣреніи ихъ, онъ представилъ имъ, что незачѣмъ убивать насъ, а лучше дать голымъ богомольцамъ по штукѣ бумажнаго холста (*) и они отведутъ насъ въ Андію и дальше; что Шамиль, если захочетъ насъ продать, получитъ, по-крайней-мѣрѣ, въ десять разъ болѣе. Мюриды убѣдились его совѣтами, приказали вывести насъ изъ ямы и отправили съ богомольцами въ селеніе Анди. Выйдя на воз-

(*) Этотъ разноцвѣтный холстъ привозится въ горы съ разныхъ сторонъ: изъ Джаро-Бѣлоканскаго Уѣзда чрезъ Анкратльцевъ, изъ Тифлиса вывозятъ его казикумухцы и чохцы; акушинцы и цудахаринцы доставляютъ его изъ Дербента; ахтинцы, рутульцы и проч. изъ Кубы, чрезъ жидовъ; Аварія, Гумбетъ и Койсубу изъ Темир-Хан-Шуры. Въ Чечню привозятъ его тайкомъ мирные жители кумыхскихъ владѣній; тутъ же доставляется этотъ предметъ изъ Внезапной, Аксая, Грозной и Владикавказа. Штука такого холста продается по одному рублю сер.; онъ въ большомъ употребленіи потому, что по шаріату не позволяется носить шелкъ. Умный Шафи (*), къ сектѣ котораго принадлежитъ весь Дагестанъ, дабы отклонить бѣдныхъ горцевъ отъ всѣхъ предметовъ роскоши, постановилъ, что употребленіе шелка и золота на платьѣ и оружіи — величайшій грѣхъ, даже запретилъ послѣдователямъ своимъ имѣть вдругъ всю новую одежду.

(*) Сунниты, какъ извѣстно, раздѣляются на четыре секты: шафи, анафи, малаки, алали. Дагестанцы принадлежатъ къ первой.

духъ, мы своими глазами видѣли облака дыма надъ ичкеринскими лѣсами; пушечные выстрѣлы были ясно слышны; ружейная пальба сливалась въ одинъ гулъ.

«Мы прибыли въ Андію. Жители этого селенія, за исключеніемъ человѣкъ тридцати, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, всѣ радостно ожидали прибытія русскихъ; но такъ же мало надѣялись, что генералу Граббе удастся проникнуть до Дарговъ и чрезъ горы по взятому ими направленію. Андійцы по двумъ причинамъ желали увидѣть у себя русскихъ. Одна состояла въ томъ, что они были крайне-стѣснены въ средствахъ къ пропитанію, потому-что имъ теперь не куда сбывать свои бурки съ-тѣхъ-поръ, какъ имъ запрещено являться въ мѣстахъ, нами занятыхъ. Они никогда не обращали большаго вниманія на земледѣліе, а всегда занимались выдѣлываніемъ бурокъ, извѣстныхъ по добротѣ своей во всемъ Кавказскомъ Краѣ. Они сбывали ихъ по 5, 10 и даже 20 р. во весь Дагестанъ, въ Тифлисъ и во всю Грузію. Тутъ закупали они по дешевымъ цѣнамъ бумажныя матеріи и другіе предметы, необходимые для горцевъ, перепродавали ихъ въ Дагестанъ и въ горахъ вдвое и втрое дороже, и этими оборотами снискивали себѣ безбѣдный хлѣбъ и достаточное содержаніе на весь годъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, они улучшали и распространяли овцеводство, какъ первый источникъ своихъ доходовъ. Теперь же они не имѣютъ никакого сбыта и, при запрещенномъ земледѣліи, терпятъ крайнюю нужду. Вторая причина та, что они ненавидятъ Шамиля, который, не довѣряя имъ, жестоко обращается съ ними и уже казнилъ весьма-многихъ изъ почетнѣйшихъ жителей этого общества. Но при всемъ ожесточеніи своемъ противъ имама, они скованы страхомъ, и не смѣютъ ничего предпринять, а ждутъ прибытія русскихъ, чтобъ свергнуть ненавистное иго и поправить бѣдственное свое положеніе. Узнавъ объ отступленіи генерала Граббе, они пришли къ намъ и печально сказали: «Мы ожидали вашихъ и встрѣтили бы вмѣстѣ съ вами русскихъ съ хлѣбомъ и солью; обстоятельства благопріятствовали: Шамиля здѣсь нѣтъ и никто не препятствовалъ бы намъ. На насъ генералъ не могъ достовѣрно полагаться: дѣйствительно, дойди русскіе хоть до Дарговъ, мы вышли бы къ нимъ на встрѣчу, какъ пріятели; но кто могъ ручаться имъ за то? вѣдь мы также могли бы въ страшномъ ущеліи, идущемъ отъ Дарговъ къ хребту, встрѣтить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и тогда они утонули бы въ собственной своей крови; положимъ даже, что, потерявъ своихъ тысячъ пять или шесть, вы успѣли бы занять ущелье, къ тому времени подоспѣлъ бы Шамиль и спустился бы на васъ съ гребня горъ, а сзади васъ собрались бы Чеченцы, и тогда вы легли бы на мѣстѣ до послѣдняго, и не осталось бы живой души увѣдомить о вашей гибели. Вамъ бы слѣдовало идти изъ Черкея, чрезъ Даніулъ, Аргуани и Мехельту; вы не встрѣтили бы тамъ большихъ препятствій ни отъ жителей, ни отъ природы. Дарги и Чечня покорились бы вамъ безъ большаго сопротивленія».

«Слова эти глубоко врѣзались въ мою память, и потому впослѣдствіи, во время бѣгства своего и нахожденія въ Гумбетѣ, и нако-

нецъ при освобожденіи, я разсматривалъ со всѣмъ вниманіемъ дороги и мѣстность, и убѣдился, что Гумбетомъ и Андіею легко овладѣть; что Чечня не можетъ держаться, когда мы изъ Андіи спустимся въ нее съ гребня горъ; что *Тлохъ*, часть Технуцальскаго Общества, Карата, Аухвахъ и Ботлухъ—все пространство до лѣваго берега Аварскаго Койсу покорится, и укрѣпивъ тогда безъ большихъ усилій важнѣйшія мѣста, мы станемъ въ дагестанскихъ горахъ твердою ногою.

«Послѣ отступленія генерала Граббе изъ ичкеринскихъ лѣсовъ насъ опять погнали въ Дарги и снова засадили въ прежнюю яму. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ и самъ Шамиль, спѣша на помощь Чечнѣ и семейству своему, полагая ихъ все еще въ опасности. Не заставъ русскихъ, онъ сначала показывалъ какъ-бы неудовольствіе за то, что отвлекли его отъ казикумухскихъ дѣлъ, гдѣ, какъ онъ говорилъ, ставъ въ тылу русскихъ, лишилъ бы ихъ всякой возможности получать подвозы и хотѣлъ выморить голодомъ; но скоро досада его прошла и онъ чрезвычайно-ласково принялъ наибовъ Шуемба и Улу-Бея, которымъ за храбрость и мужественное отраженіе русскихъ въ кровавомъ ичкеринскомъ дѣлѣ, подарилъ два нашихъ знамени, доставшіяся ему въ Казикумухѣ отъ жены Аслан-Хана, которому пожалованы онѣ были графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ, за удержаніе спокойствія во всемъ Дагестанѣ во время персидской войны.

«Прибывъ въ Дарги, мы дѣятельно стали изъискивать способы къ освобожденію изъ неволи. Къ-счастью, молодаго чеченца, содержавшагося съ нами, уже не было при возвращеніи нашемъ изъ Андіи: на его участіе или молчаніе нельзя было надѣяться. Мы рѣшились бѣжать, но надобно было сперва выйдти изъ ямы, а для этого представлялось одно только средство—прорыться въ боковой стѣнѣ. Благословясь, мы принялись за работу. На возвратномъ пути изъ Андіи, мы нашли на дорогѣ сухую, крѣпкую и заостренную палку, и украдкой отъ караульныхъ принесли ее съ собою въ яму, гдѣ спрятали ее, воткнувъ въ потолокъ. Съ помощью этой палки мы врылись въ стѣну; работа шла безъ помѣхи довольно-успѣшно. Вырытую землю мы раскидывали подъ себя на днѣ ямы. Чрезъ нѣсколько дней въ стѣнѣ прорытъ былъ проходъ, въ полторы или двѣ сажени въ длину и такой вышины, чтобъ можно было ползкомъ пробраться чрезъ него. Между нами и свободой остался небольшой только простѣнокъ. Но чтобъ караульные, осматривавшіе иногда яму нашу, не замѣтили внутренняго отверзтія въ стѣнѣ, мы сдѣлали переплетъ изъ сучьевъ и вѣтвей, на которыхъ спалъ чеченецъ, вставили его въ отверзтіе и замазали глиною, которую приготовили изъ вырытой земли и воды, отпускавшейся намъ для питья.

«Оставалось согласиться, какъ и куда бѣжать до нашихъ гарнизоновъ. Тутъ вышло между нами несогласіе: нѣкоторые рѣшились направиться къ Герзель-аулу, другіе къ Внезапной; я же предпочиталъ для себя дальнюю и окружную дорогу чрезъ андійскія и гум-

бетовскія горы въ Черкей, разсчитывая, что горцы, узнавъ о нашемъ бѣгствѣ, скорѣе всего бросятся на первыя двѣ дороги, какъ на кратчайшіе пути къ нашимъ крѣпостямъ. Такимъ образомъ мы раздѣлились на три партіи. Ко мнѣ присталъ рядовой Загорскій и одинъ казакъ. За направленіе къ Герзель-аулу стоялъ А—ъ. Къ нему присоединился подполковникъ С—ъ съ своими двумя служителями, два казака, армянинъ и грузинъ. Казакъ Щедринъ, съ двумя другими казаками брали направленіе къ Внезапной. Согласившись въ этомъ, мы бросили жребій, кому первому выйдти изъ ямы. Жребій палъ на меня и мою партію. Все было готово, мы ждали только удобнаго случая.

«Настала ночь 22-го іюня, темная, бурная, дождливая. Мы слышали, какъ надъ нами капало съ крыши, какъ сторожевые съ ругательствами укрывались въ караульнѣ отъ дождя. Это время казалось намъ благопріятнымъ. Общими силами принялись мы дорывать остальную землю, и къ полуночи наружное отверстіе было пробито, свѣжій воздухъ дунулъ намъ въ лицо. Мы простились, благословили другъ друга на столь опасное предпріятіе, перекрестились и начали выходить. На одной ногѣ раздвинулъ я кольцо, снялъ кандалы съ нея и прикрѣпилъ къ другой ногѣ, которую невозможно было освободить отъ цѣпи безъ ключа, или другихъ инструментовъ. Вся одежда на мнѣ состояла изъ изорванной рубашки, исподняго платья и плохихъ сапоговъ. Выйдя изъ ямы и пройдя Дарги, мы пошли по андійскому ущелью и, принявъ потомъ немного влѣво, вступили въ дремучій лѣсъ. У каждаго изъ насъ было не болѣе какъ по два хинкала; но, безпрерывно спотыкаясь и падая, переходя ужаснѣйшіе овраги и пропасти, мы скоро растеряли весь этотъ скудный запасъ пищи. Между-тѣмъ дождь лилъ ливмя; въ лѣсу насъ обняла такая темнота, что не было возможности видѣть на шагъ передъ собой. Мы остановились. Съ разсвѣтомъ снова поднялись и направились на востокъ. Мы шли безъ дороги, то взбираясь по крутымъ подъемамъ, то сползая по обрывистымъ спускамъ; иногда принуждены были цѣпляться за вѣтвь дерева, раскачиваться и соскакивать на дно оврага или пропасти, а оттуда, опять по деревьямъ, сучьямъ и вѣтвямъ подниматься вверхъ. Это измучило насъ до крайности. Каждую четверть часа мы должны были останавливаться для отдыха. Послѣ полудня пошелъ въ горахъ сильный градъ и поднялась страшная вьюга. Голодъ, стужа и усталость довели насъ до совершеннаго изнеможенія. Мы бросились на землю; насталъ вечеръ и съ нимъ опять ужасная темнота, которая заставила насъ провести и ночь на томъ же мѣстѣ.

«На другой день мы продолжали бѣгство наше, направляясь постоянно на востокъ и придерживаясь Андійскаго Хребта. Голодъ мучилъ насъ; утолить его было нѣчѣмъ. Мы принялись ѣсть траву, а иногда попадалась намъ горькая, полусгнившая черемша; мы съ жадностью ѣли ее, но горло стало сохнуть и пухнуть; скоро открылось воспаленіе, которое мѣшало намъ глотать даже воду. Кое-какъ дотащились мы до мехельтинской дороги, идущей изъ Андіи, спустились

оттуда внизъ, къ ауховскимъ лѣсамъ и рѣкѣ Яман-Су. Подходя къ ней, мы вдругъ увидѣли, въ близкомъ отъ насъ разстояніи, стадо, которое пасли четыре мальчика. Скрыться отъ нихъ уже нельзя было, и потому мы подошли къ нимъ, и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказали, что мы бѣглые солдаты и находимся у Ташов-Аджія; что въ андійскихъ горахъ пасли лошадей его, которыя разбѣжались; что мы слышали, будто эти лошади находятся теперь въ деревнѣ Альмакъ, и идемъ туда отъискивать ихъ. Пастухи дали намъ нѣсколько хинкаловъ. Съ большимъ трудомъ и болью мы нѣсколько утолили ими голодъ, мучившій насъ, и пошли далѣе, какъ-будто по дорогѣ въ сказанное селеніе. Этотъ случай сдѣлалъ насъ осторожнѣе. Я предложилъ товарищамъ каждому вооружиться хорошею дубинкой, чтобъ защищаться въ случаѣ нападенія на насъ. Лучше ужь умереть, защищая себя, чѣмъ лишиться жизни отъ рукъ шамилева палача. И сверхъ-того, при счастіи и смѣлости, мы, съ дубинами въ рукахъ, могли всегда справиться съ нѣсколькими горцами. Предосторожность оказалась неизлишнею. Едва успѣли мы выйдти изъ виду нашихъ мальчиковъ, какъ на меня (я шелъ впереди) напали два чеченца съ кинжалами въ рукахъ. Въ одинъ мигъ представилась мнѣ вся опасность моего положенія, всѣ ужасы, ожидавшіе меня, если поймаютъ и представятъ Шамилю, который предастъ новому, мучительнѣйшему заточенію и навсегда разлучитъ съ родными и отечествомъ; всѣ чувства взволновались во мнѣ. Въ ожесточеніи размахнулся я дубиною, направляя ударъ въ голову одному изъ чеченцовъ; но онъ защитилъ голову рукою, и потомъ оба пустились бѣжать отъ меня, не обдумавъ, что они вооружены и имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, который едва держался на ногахъ. Удалившись отъ меня, они напали на моихъ товарищей, которые стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи и противъ взаимнаго нашего обязательства—защищать въ опасности другъ друга, оставались во все время равнодушными зрителями. Чеченцы безъ труда переловили ихъ и погнали назадъ. Замѣтивъ малодушіе товарищей моихъ и разсчитывая, что нечего надѣяться на ихъ содѣйствіе, я пустился бѣжать къ рѣкѣ Яман-Су, переправился черезъ нея и, скрывшись изъ виду чеченцовъ, вошелъ въ какую-то пещеру и легъ отдыхать. Собравшись съ силами, снова пустился въ дорогу, достигъ, по труднымъ крутизнамъ, послѣдняго отрога андійскихъ и гумбетовскихъ горъ и благополучно перебрался чрезъ него. У подъема на Салатовскія Горы (около Буртуная) пошелъ опять сильный градъ; хотя онъ не долго продолжался, но я продрогъ отъ холода, и какъ въ это время погода прояснилась, то легъ на пригоркѣ, чтобъ отогрѣться на солнцѣ. Дорого стоилъ мнѣ этотъ кратковременный отдыхъ! За пригоркомъ паслось цѣлое стадо барановъ подъ присмотромъ пятнадцати человѣкъ пастуховъ и нѣсколькихъ собакъ. Я лежалъ еще, какъ подошли ко мнѣ два мальчика и спросили полезгински: кто я? Съ просонка я не могъ тотчасъ опомниться, не отвѣчалъ ни слова и побѣжалъ въ ближайшій лѣсъ. Мальчики начали кричать, явились остальные пастухи и тотчасъ же бросились за мною съ своими собаками. Я напрягалъ послѣдпія усилія, чтобъ уйдти отъ нихъ, но

силы начали оставлять меня. Я бѣжалъ по краю обрыва, имѣвшаго до двухъ саженъ высоты. Не видя другаго средства къ спасенію, я кинулся въ оврагъ, съ тою мыслію, что если этотъ отчаянный скачокъ удастся, то спасусь, потому-что пастухи навѣрно не рѣшились бы послѣдовать за мною. Но чаша моихъ страданій еще не исполнилась. Соскочивъ въ оврагъ, я больно ушибъ ногу, вывихнулъ себѣ правую руку и сѣлъ на мѣстѣ, лишившись чувствъ. Горцы обѣжали кругомъ, привели меня въ себя и притащили въ то мѣсто, гдѣ стояло стадо. Напрасно увѣрялъ я ихъ, что я бѣглый солдатъ, и старался ввести ихъ въ заблужденіе — они не вѣрили моимъ словамъ, потому-что были извѣщены о нашемъ бѣгствѣ: Шамиль разослалъ за нами всю Ичкерію и даже Большую Чечню, полагая, что мы направились къ Грозной; видя, что представленія мои не помогаютъ, я наконецъ предложилъ имъ сто рублей съ тѣмъ, чтобъ доставили въ селеніе Черкей. Они, повидимому, согласились. Ноги мои опухли какъ отъ паденія, такъ и отъ ходьбы безъ сапоговъ, которыхъ давно ужь лишился; но твердое убѣжденіе, что приближаюсь къ концу страданій, ободрило меня. Несмотря на ночную темноту и на дождь, я, однакожь, поднявшись на Мехельтинскую Гору, замѣтилъ, по мѣстоположенію и направленію горъ, что мы не идемъ по дорогѣ въ Буртунай. Мѣстность эта осталась въ памяти моей еще съ 1841 года, когда мы проходили по Салатавскимъ Горамъ съ генераломъ Фези. На вопросъ мой, куда ведутъ меня? горцы ничего не отвѣчали. Разсвѣло: вмѣсто Черкея, я увидѣлъ передъ собою Мехельту. Вдали раздавались пушечные выстрѣлы. Впослѣдствіи узналъ я, что генералъ Граббе, возвратившись изъ ичкеринскихъ лѣсовъ, подступалъ въ это время къ селенію Игали, отстоящему отъ Мехельты всего на шесть или на семь верстъ. Въ другой ужь разъ я былъ такъ близокъ къ своимъ и къ спасенію—и въ другой разъ принужденъ былъ удалиться отъ близкаго избавленія. Судьба какъ-бы хотѣла измучить меня безпрерывными переходами отъ надежды къ новымъ страданіямъ!.. Въ Мехельтѣ меня снова сковали и потомъ повели въ Дарги.

«Бѣгство наше было причиной, что Шамиль не участвовалъ въ игалинскомъ походѣ: онъ слишкомъ озабоченъ былъ мѣрами для поимки насъ. Когда же дошли слухи, что подполковникъ С—ъ вышелъ въ Внезапную, и когда меня привели въ Дарги, то Шамиль поѣхалъ къ Игалямъ; но, узнавъ въ Гогатляхъ объ отступленіи генерала Граббе, возвратился домой. Въ Даргахъ я нашелъ изъ прежнихъ соучастниковъ неволи моей девять человѣкъ.

«Спасся только подполковникъ С—ъ съ своими двумя служителями и однимъ казакомъ. Въ первомъ порывѣ гнѣва, Шамиль приказалъ-было отрубить всѣмъ намъ головы; но черкеевскіе мюриды представили ему, что насъ не за что убивать; что вѣдь и плѣнные горцы бѣгаютъ отъ русскихъ; что, можетъ-быть, за насъ выдадутъ еще сына или племянника его, или нѣсколько добрыхъ мусульманъ. Шамиль отмѣнилъ приказаніе свое, но предалъ насъ столь тягостной неволѣ, что легче было бъ умереть отъ руки палача его. Меня, вмѣстѣ съ другими, сковали огромною мельничною цѣпью, подъ тяжестью ко-

торой мы должны были неподвижно лежать на голой землѣ. Если подавали намъ пищу, то подставляли подъ цѣпь особыя деревянныя подпорки, потому-что безъ нихъ нельзя было подняться. Не разъ призывалъ я смерть, какъ послѣднее благодѣяніе! Мученія, которыя терпѣлъ я душой и тѣломъ, были почти невыносимы.

«Но Богъ милостивъ! Онъ знаетъ мѣру страданій, ниспосылаемыхъ на насъ, и бремя, которое каждый вынести можетъ. Въ концѣ іюля начались переговоры о вымѣнѣ нашемъ: ожиданіе свободы оживило и поддержало полумертвое существованіе мое. Бѣгство подполковника С—а лишило Шамиля надежды возвратить себѣ сына. Зная, что его не выдадутъ за насъ, онъ долго и слышать не хотѣлъ о нашемъ освобожденіи; но потомъ просьба двухъ хаджіевъ, содержавшихся въ Тифлисѣ въ плѣну: салатовскаго—*Шамхандара* (*) и сугратльскаго—*Абдурахмана*, и старанія собственныхъ моихъ родственниковъ склонили его вымѣнять насъ; вслѣдстіе чего, онъ за меня потребовалъ выдачи помянутыхъ двухъ мюридовъ и, сверхъ-того, одиннадцать человѣкъ; а за остальныхъ еще двѣнадцать горцевъ. Таковое требованіе не могло быть удовлетворено. Ему предложили за всѣхъ насъ тринадцать мюридовъ, изъ числа находившихся въ Тифлисѣ. Шамиль настаивалъ и, можетъ-быть, не уступилъ бы, еслибъ *добрый* Джемаль-Эддинъ не явился посредникомъ. Узнавъ о затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ Шамилемъ, онъ писалъ къ нему и жестоко упрекалъ ученика своего въ томъ, что, проповѣдуя шаріатъ, самъ не исполняетъ его. Въ шаріатѣ же именно сказано, что за каждаго плѣннаго муллу можно выдать сто человѣкъ невѣрныхъ, и что, потому, за двухъ муллъ, содержащихся у насъ, онъ безъ дальнѣйшихъ притязаній можетъ и обязанъ выдать всѣхъ насъ. Между-тѣмъ, страданіе и изнеможеніе наше доходило до крайности. Мы съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе ослабѣвали и быстро приближались къ бѣдственному концу мучительнаго нашего положенія. Родственники помянутыхъ хаджіевъ представили Шамилю, что жизнь наша въ опасности и что съ нашею смертію они потеряютъ всякую надежду возвратить изъ плѣна своихъ родственниковъ. Какъ ихъ просьба, такъ и въ-особенности ходатайства Джемаля, который самъ пріѣхалъ въ Дарги и нерѣдко бывалъ у насъ въ ямѣ, ободрялъ меня и ручался, что я буду свободенъ — заставили Шамиля согласиться. Онъ выдалъ меня помянутымъ родственникомъ хаджіевъ, которые обѣщались хорошимъ содержаніемъ у себя спасти меня отъ смерти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ Гумбета, гдѣ они жили, заключить о размѣнѣ моемъ окончательныя условія.

«Такимъ образомъ въ сентябрѣ я отправился въ Гумбетовское Общество, въ деревню Кадари, гдѣ начались дѣятельные переговоры. Я въ этомъ много обязанъ участію генерал-майора фон-Клугенау: его отеческая заботливость объ облегченіи участи моей и освобожденіи моемъ никогда не изгладятся изъ моей памяти... Узнавъ о прибытіи моемъ въ Кадари, онъ тотчасъ же прислалъ

(*) Не одинъ ли изъ нихъ былъ *благодѣтельный мулла* нашихъ плѣнницъ?
Е. В.

мнѣ денегъ, сахару, чаю и проч. Я могъ купить себѣ одежду; лучшая пища и ожиданіе близкой свободы нѣсколько возстановили истощенныя мои силы. Но вдругъ переговоры приняли неожиданный оборотъ: генерал-майоръ князь Аргутинскій-Долгорукій, чрезъ котораго также велись переговоры съ Шамилемъ, приказалъ объявить послѣднему, что за меня выдадутъ только одного изъ хаджіевъ и что этимъ прекратятся переговоры. О прочихъ вовсе не упоминалось. Шамиль крайне обидѣлся этимъ предложеніемъ и сказалъ: «Мнѣ не дорогъ одинъ человѣкъ; пусть же одинъ гибнетъ въ Тифлисѣ, а другой у меня!» и вслѣдъ за тѣмъ приказалъ возвратить меня въ Дарги. Въ отчаяніи, я обратился къ генералу фон-Клугенау. Узнавъ, что, вслѣдствіе первоначальнаго предложенія, прибыли изъ Тифлиса въ Шуру тринадцать мюридовъ для размѣна, я просилъ его, не найдетъ ли онъ возможнымъ прибавить къ этому числу горцевъ еще девять женщинъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Ахульго и содержащихся въ Темир-Хан Шурѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявить Шамилю, что это *послѣднее* предложеніе, и если не согласится, то я предаюсь волѣ Божіей.

«Между тѣмъ, надобно было исполнить приказаніе Шамиля: насъ повели обратно въ Дарги. Шамиля и Джемаль-Эддина мы ужь не застали тамъ: они поѣхали въ Чечню, откуда въ это время производился набѣгъ на Кизляръ; потомъ они отправились къ селенію Шали, гдѣ Шамиль вступилъ въ третій бракъ и женился на дочери казикумухца Абдуллы (?), который еще при генералѣ Ермоловѣ вышелъ изъ ханства и поселился въ Чечнѣ. Вступивъ въ родство съ Шамилемъ, Абдулла сдѣлался однимъ изъ почетнѣйшихъ лицъ.

«Въ Даргахъ меня снова посадили въ яму, навалили опять огромныя цѣпи. Возобновились прежнія тѣлесныя страданія, прежняя невыносимая душевная тоска. Такъ прошло пятнадцать дней; наконецъ Шамиль возвратился съ Джемаль-Эддиномъ изъ Чечни и въ то же время получилъ отъ генерала фон-Клугенау письмо, въ которомъ послѣдній дѣлалъ ему предложеніе (о которомъ я выше говорилъ), представляя притомъ Шамилю, что онъ обязанъ спасти женщинъ этихъ, мужья которыхъ за него же лишились всего и многіе даже жизни. Это письмо и новыя убѣжденія Джемаля заставили Шамиля согласиться обмѣнять насъ на предположенныхъ генераломъ фон-Клугенау условіяхъ. Наконецъ настала вѣчноблагословенная минута освобожденія нашего! Разъ, вечеромъ, съ радостью на лицѣ, пришелъ ко мнѣ Джемаль-Эддинъ и объявилъ, что завтра я могу отправиться на родину. На другой день онъ пришелъ за мною, повелъ къ себѣ на квартиру и напоилъ чаемъ. Потомъ я пошелъ къ Шамилю, который благословилъ меня на дорогу и, дружески прощаясь, сказалъ:

«Мы теперь съ тобою кунаки; пріѣзжай къ намъ когда захочешь: ты всегда будешь въ совершенной безопасности и принятъ какъ свой.

«Я не чувствовалъ подъ собою земли: радость совершенно оживила меня! Много претерпѣли мы безъ теплой одежды и обуви отъ страшной мятели и стужи, которыя провожали насъ во всю дорогу въ

Гумбетъ; но что значили эти неудобства противъ того, что испытали мы въ-теченіе девяти мѣсяцевъ, лежавшихъ позади насъ! Въ четвертый разъ шелъ я по дорогѣ, ведущей изъ Андіи въ Гумбетъ, и каждый разъ съ различными чувствованіями: то волновала меня радостная надежда освободиться изъ мученической неволи; то, измѣняя, предавала новымъ и болѣе-тяжкимъ страданіямъ. Теперь же я шелъ какъ свободный человѣкъ: позади — неволя, всѣ бѣдствія и мученія; впереди—радость, свиданіе съ своими, счастіе и новая жизнь!

«И, волнуемый этими чувствованіями, съ теплою благодарственною молитвой встрѣтилъ я, 28-го ноября, на Салатовскихъ Горахъ русскую команду, вышедшую съ тринадцатью мюридами и помянутыми горскими женщинами для принятія насъ.»

ПРИЛОЖЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Разсказъ

Моздокскаго гражданина, 3-й гильдіи купца Миная, Шаева сына, Атарова, о поѣздкѣ своей въ Дарги-Веденно, мѣстопребываніе Шамиля (*).

«Въ первыхъ числахъ мая 1848 года, пріѣхавъ съ оказіей въ кр. Воздвиженскую, явился я къ полковнику, а нынѣ генерал-маіору Меллеръ-Закомельскому, и представилъ на усмотрѣніе его намѣреніе мое отправиться въ Чечню для свиданія съ двоюродною сестрою моей *Улухановой*, которая въ 1840 году, во время нападенія чеченцевъ на Моздокъ, была захвачена въ плѣнъ и впослѣдствіи попала въ число женъ Шамиля (**). Полковникъ Меллеръ-Закомельскій дозволилъ мнѣ войдти въ сношенія съ лазутчиками, и чрезъ нихъ я открылъ переписку первоначально съ наибами Дуба-Садулою и Талгикомъ, а потомъ, чрезъ наиба Дуба, съ самимъ Шамилемъ. Наибы отвѣчали мнѣ, что безъ дозволенія своего имама, то-есть Шамиля, они не могутъ приблизиться къ кр. Воздвиженской; когда же я обратился письменно къ самому Шамилю, то, черезъ три дня послѣ отправленія письма моего, наибъ Дуба прислалъ ко мнѣ лазутчика, съ объявленіемъ отъ имени Шамиля, что на встрѣчу мнѣ и для препровожденія меня въ резиденцію имама будутъ высланы отъ него четыре довѣренныя лица: самъ наибъ Дуба, любимецъ и тайный совѣтникъ Шамиля, Эгіс-Аджи, старшина деревни Дачинбарзы—Миза, и старшина деревни Уласкарта, Тагиръ.

Когда мнѣ было дано знать, что посланные отъ Шамиля уже находятся въ четырехъ верстахъ отъ кр. Воздвиженской, тогда я простился съ полковникомъ Меллеромъ-Закомельскимъ, выслушалъ его

(*) См. газету «Кавказъ» 1853 года, № 85.

(**) Это та самая *Шуанѣтъ*, которая играла такую значительную роль въ исторіи жизни княгинь Орбеліани и Чавчавадзе въ сералѣ Шамиля. *Е. В.*

предостереженія, одѣлся въ чеченское платье, надѣлъ на себя полное вооруженіе и, взявъ съ собою двухъ доброконныхъ провожатыхъ изъ мирной чеченской деревни Атаги, выѣхалъ съ ними за крѣпость. Одинъ изъ этихъ провожатыхъ былъ кунакъ мой, чеченецъ Зиза.

Вдоль аргунскаго ущелья стали мы приближаться къ посланнымъ Шамиля и, подъѣхавъ къ нимъ на добрый ружейный выстрѣлъ, стали совѣщаться, кому изъ насъ выѣхать впередъ. Мирные чеченцы не хотѣли ѣхать далѣе и, на убѣжденія мои, чтобъ они передали меня съ рукъ на руки своимъ единовѣрцамъ и познакомили меня съ ними, проводники мои отвѣчали, что они въ кровавой враждѣ съ людьми Шамиля, и потому не хотятъ съ ними имѣть никакого дѣла. На такой отвѣтъ я снова сталъ убѣждать моихъ кунаковъ не оставлять меня и напоминалъ имъ, что, по мусульманскому ихъ закону, кунакъ долженъ скорѣе умереть, чѣмъ покинуть друга въ опасности. Зиза убѣдился моими увѣщаніями и рѣшился за мною слѣдовать, а другой проводникъ мой остался на мѣстѣ. Тогда мы съ Зизою стали осторожно приближаться къ посланнымъ Шамиля, и когда подъѣхали къ нимъ на какія-нибудь пятьдесятъ саженъ, я спросилъ своего спутника, можетъ ли онъ узнать кого-либо изъ нихъ? Зиза отвѣчалъ, что узнаетъ только одного наиба Дуба, отличавшагося отъ прочихъ своею желтою чалмою.

«Здравствуйте, наибъ Дуба!» громко закричалъ я почеченски, издалека привѣтствуя наиба. — «Здравствуйте, гость Божій!» — отвѣчалъ мнѣ наибъ, и мы стали понемногу приближаться другъ къ другу, но соблюдали притомъ крайнюю осторожность, опасаясь засады. Значительно приблизясь къ наибу, я выскакалъ впередъ, протянулъ къ нему руку и оба мы привѣтствовали другъ друга по чеченскому обычаю, а потомъ такія же привѣтствія повторились между мною и тутъ же бывшимъ Эгіе-Аджи, на головѣ котораго была бѣлая чалма.

Послѣ различныхъ взаимныхъ привѣтствій и поздравленій, Эгіе-Аджи освѣдомился, самъ ли я непремѣнно желаю ѣхать къ Шамилю, или хочу только доставить ему черезъ нихъ какое-нибудь извѣстіе? Я отвѣчалъ, что не имѣю никакого извѣстія для доставленія ихъ начальнику, но желаю самъ, лично, видѣться съ нимъ и его супругой, а моей сестрою, и для-того прошу почтенныхъ наибовъ благополучно доставить меня къ имаму. Наибы отвѣчали мнѣ увѣреніемъ, что они исполнятъ мое желаніе съ удовольствіемъ. Въ это время я обратился къ мирнымъ чеченцамъ, прежнимъ моимъ спутникамъ: они были ужь далеко, однакожь могли слышать, когда я закричалъ имъ: «прощайте, воротитесь назадъ и кланяйтесь полковнику Меллеру.»

Проѣхавъ съ полверсты въ кругу новыхъ моихъ спутниковъ, за однимъ курганомъ замѣтилъ я человѣкъ съ четырнадцать чеченцевъ: это было прикрытіе наибовъ, къ которому мы вскорѣ присоединились, и я долженъ былъ протягивать руку свою каждому всаднику, и со всѣми обмѣниваться привѣтствіями, причемъ я говорилъ: «вы, молодцы, вѣроятно, хотите благополучно доставить меня къ вашему начальнику?»

«Будемъ стараться!» отвѣчали всадники, отъѣхали нѣсколько назадъ и громкими, оглушительными голосами запѣли ля-илляхэ иль-алла...

Такимъ-образомъ мы весело продолжали путь въ горы и вскорѣ переправились черезъ одинъ рукавъ рѣки Аргуна, раздѣляющагося здѣсь на три рукава. На пути намъ часто попадались хутора непріязненныхъ чеченцевъ, называемые здѣсь *котаны*. Дорога намъ лежала дурная, такъ-что мы по-большей-части должны были идти пѣшкомъ, безпрестанно поднимаясь съ горы на гору, или пробираясь дремучимъ лѣсомъ. Въ лѣсу попадались намъ дикіе кабаны, которые здѣсь живутъ стадами и питаются корою чинароваго дерева. Вообще здѣсь чинары ростутъ въ изобиліи и достигаютъ огромнѣйшей величины. Затруднительнѣе же всего былъ для насъ переходъ черезъ Шбутъ-гору; всѣ мы должны были спѣшиться; я едва тащился, взбираясь на гору, а лошадь мою вели конвойные чеченцы. Я догадывался, и это оправдалось впослѣдствіи, что меня не безъ намѣренія вели этой трудной дорогой: меня подозрѣвали въ желаніи развѣдать мѣста и пути. Только на седьмой день добрались мы до деревни Дачепбарза, гдѣ живетъ наибъ Дуба, и остановились на почлегъ въ домѣ наиба. Во дворѣ квартиры замѣтилъ я одно орудіе, охраняемое часовымъ изъ азіятовъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего на почлегъ, всѣ жители деревни сбѣжались во дворъ наиба и, между-тѣмъ какъ я, Эгіе-Аджи и отецъ Дубы, Чука, сидѣли и пили русскій чай въ верхнемъ этажѣ дома, на открытой галереѣ, называемой здѣсь «чардагъ», мы были свидѣтелями забавной расправы нукеровъ наиба съ толпами любопытныхъ туземцевъ, наполнявшихъ собою дворъ: они вооружились палками и побоями выгоняли народъ, приговаривая: «что вы? куда вы? или русскихъ не видывали»?...

Вечеръ провели мы пріятно, въ разговорахъ. Меня хорошо покормили и уложили спать. Поутру мы снова отправились въ путь, проходили по неприступнымъ горамъ и переправлялись черезъ другой рукавъ Аргуна, вблизи деревни Уласкартъ, гдѣ живетъ Тагиръ. Тутъ мы не остановились, но, миновавъ опять какую-то гору, пріѣхали въ деревню Мхта-Юртъ, потомъ въ деревню Тхикъ-Юртъ; за Тхикъ-Юртомъ опять встрѣтились намъ страшныя горы, лѣса, скалы и каменные утесы, и должно было перебраться чрезъ всѣ эти препятствія, чтобъ наконецъ приблизиться къ огромной долинѣ, посреди которой лежитъ большая деревня Веденно, а вправо, верстахъ въ четырехъ на востокъ отъ деревни, виднѣется небольшая квадратная лощина, имѣющая, примѣрно, верстъ семь въ окружности и огражденная справа высокими, лѣсистыми горами, а слѣва страшнымъ оврагомъ на днѣ котораго течетъ рѣка Хлхдо. Посреди лощины видна ровная площадка, на которой возвышается за́мокъ, окруженный разными строеніями: эта-то неприступная мѣстность, называемая Дарги-Веденно̀, и есть мѣстопребываніе Шамиля.

Въ за́мкѣ существуютъ одни только ворота, а противъ воротъ,

внутри укрѣпленія, выстроена башня, съ однимъ орудіемъ для защиты входа.

Жилище Шамиля обведено въ два ряда большими, стоймя-вколоченными въ землю брусьями, между которыми засыпанъ каменный хрящъ. Немного вправо отъ укрѣпленія лежитъ особая деревня для мюридовъ. Также не подалеку отъ крѣпости стоитъ пороховой паркъ, оберегаемый часовыми. Передъ укрѣпленіемъ лежитъ небольшой аулъ, въ которомъ по преимуществу живутъ мастеровые; между ними есть даже и часовой мастеръ. Изъ горъ проведенъ въ средину укрѣпленія родникъ, окруженный здѣсь большимъ землянымъ водоемомъ, называемымъ купальной, потому-что дѣйствительно въ немъ купаются люди и лошади. Изъ водоема вода стекаетъ въ крутой оврагъ къ рѣкѣ Хлхло. Тутъ же неподалеку помѣщается запасный провіантскій магазинъ, съ запасами кукурызы, пшеничнаго и просяннаго хлѣба; все это хранится въ большихъ долбленныхъ бочкахъ.

Въ Дарги-Веденò пріѣхалъ я на седьмой день, примѣрно, около вечерни, и былъ помѣщенъ въ домѣ Эгіе-Аджи. Въ первый день Шамиль не принялъ меня къ себѣ потому, что не были еще собраны кое-какія справки о причинахъ моего пріѣзда, и Шамиль подозрѣвалъ, не пріѣхалъ ли я по какому-нибудь тайному порученію отъ мирныхъ ауловъ. Справки собирались три дня, и въ эти дни я ежеминутно находился между жизнью и смертью, потому-что, въ случаѣ неблагопріятныхъ обо мнѣ слуховъ, казнь моя была бы неизбѣжна. Впрочемъ, кормили и содержали меня хорошо; я же хотя и тревожился опасеніями, но показывалъ совершенное хладнокровіе. На третій день я былъ приглашенъ на вечерній обѣдъ къ Шамилю, въ его кунакскій домъ, гдѣ обыкновенно обѣдаютъ приближенные имама. Домъ этотъ находится въ самой срединѣ крѣпости. Здѣсь приняли меня ласково, по мусульманскому обычаю. Въ концѣ обѣда подавали плавъ, и тутъ, къ изумленію моему, замѣтилъ я, что, поѣвши плава, всѣ гости, а ихъ было человѣкъ до двадцати, встревожились, угрюмо нахмурились и стали недоброжелательно на меня посматривать; я же, въ изумленіи и страхѣ, подумалъ про-себя: «не-уже-ли затѣмъ такъ хорошо и кормили мнѣ, чтобъ, накормивъ, снять съ меня голову?...» Однакожь, и при такихъ мысляхъ, наружное хладнокровіе не измѣнило мнѣ; я молчалъ, наблюдалъ за моими собесѣдниками и успокоивалъ себя мыслью, что, можетъ-быть, такое ужь у нихъ обыкновеніе, чтобъ послѣ плава хмуриться и говорить другъ другу на̀ ухо. Пробовалъ я обращаться съ вопросами къ моимъ сосѣдямъ, но мнѣ никто ничего не отвѣчалъ.

Послѣ плава подали алву изъ кукурузной муки, приготовленную очень-вкусно, въ видѣ маленькихъ пряниковъ. Кушанье это подавалось послѣ всего, въ родѣ десерта. Я взялъ себѣ небольшой кусочекъ, и между-тѣмъ, какъ собесѣдники мои все еще продолжали сидѣть въ какомъ-то унынiи, мнѣ во второй разъ поднесли алву; когда же я отказался и объяснилъ, что я сытъ, тогда угощавшій меня сказалъ: «кушайте: это приготовила для васъ сестра ваша».—«А! ежели такъ, отвѣчалъ я: — то я буду ѣсть съ удовольствіемъ», и взялъ

себѣ еще порядочное количество алвы, а за труды сестры моей поручилъ подносчику благодарить ее. Во все это время собесѣдники мои были попрежнему угрюмы: они продолжали грозно посматривать на меня до-тѣхъ-поръ, пока не вошелъ въ комнату какой-то молодой мюридъ и не сказалъ во всеуслышаніе нѣсколько словъ на горскомъ нарѣчіи. Послѣ этого собесѣдники мои совершенно перемѣнили свое обхожденіе со мною, стали ко мнѣ обращаться въ разговорахъ, и самъ главный ихъ ахундъ, сидѣвшій возлѣ меня, сдѣлался гораздо-ласковѣе со мною.

Впослѣдствіи я узналъ все, что̀ въ это время было для меня загадочно. Оказалось, что двоюродную сестру мою во время обѣда приводили въ сосѣднюю комнату (*), показывали ей меня сквозь буфетное окно и спрашивали: узнаетъ ли она меня? Сначала родственница моя не узнала, и отвѣчала испытывавшимъ ее: «вы съ ума сошли, что̀ это за братъ?» а потомъ просила, чтобъ меня заставили говорить, и слушала, когда я, ничего не подозрѣвая, говорилъ съ подносившимъ мнѣ алву, узнала меня по голосу, вслѣдствіе чего и объяснила, что я точно братъ ея, но не родной, а двоюродный, что̀ у нихъ называется *узукаръ-кардашъ*, и наконецъ назвала меня по имени. Лицо мое, конечно, измѣнившееся въ восемь лѣтъ разлуки нашей, и горскій нарядъ мой дѣйствительно могли ввести въ заблужденіе сестру мою; и еслибъ ей не пришло въ голову вслушиваться въ мой голосъ, то, безъ-сомнѣнія, меня приняли бы за дерзкаго обманщика, или даже за лазутчика, и я не избѣжалъ бы казни.

Послѣ описаннаго происшествія долго еще оставались мы за столомъ, и главный молла, или ахундъ, по имени Хаджіо-Кады(**), ласково со мной разговаривая, видимо меня испытывалъ. По окончаніи обѣда я отправился на свою квартиру, въ домъ Эгіе-Аджи, гдѣ и оставался до другаго дня. На другой день я чувствовалъ въ себѣ болѣе смѣлости и пригласилъ съ собою Эгіе-Аджи прогуляться по долинѣ. Во время прогулки заходили мы въ аулъ, посѣтили всѣхъ мастеровыхъ, и при этомъ, желая испытать искусство здѣшняго часоваго мастера, я поручилъ ему вставить стекло въ мои часы. Мастеръ исполнилъ мое желаніе какъ-нельзя-лучше. Изъ аула ходили мы къ пороховому парку и къ другимъ строеніямъ; а когда возвратились домой, то вскорѣ получили отъ Шамиля приглашеніе на обѣдъ. Я думалъ, что въ этотъ разъ увижу Шамиля за обѣдомъ, но и въ этотъ разъ имамъ за обѣдомъ не присутствовалъ, а были тутъ вновь-прибывшіе наибы, до 25 человѣкъ. Послѣ обѣда обратился я къ главному ахунду съ такими словами: «Если мы недостойны видѣть высокую власть имама вашего, то позвольте мнѣ хоть имѣть честь просить васъ удостоить меня ходатайствомъ о свиданіи моемъ съ сестрою моею». «Богъ дастъ, увидитесь» отвѣчалъ мнѣ ахундъ, и затѣмъ мы опять разошлись по квартирамъ. Но едва успѣлъ я пріид-

---

(*) Вѣроятно, это была *кунацкая* съ извѣстнымъ круглымъ окномъ со двора сераля. *Е. В.*

(**) Не казначей ли это? *Е. В.*

ти въ домъ Эгіе-Аджи, какъ секретарь Шамиля, по имени Шимихапъ, явился къ моему хозяину и передалъ ему приказаніе Шамиля немедленно привести меня на мѣсто свиданія съ сестрою. Эгіе-Аджи пригласилъ меня снять кинжалъ, самъ съ себя также снялъ оружіе, и мы отправились въ среднюю крѣпость, гдѣ хранятся жены и имущество имама. Двѣ жены его живутъ въ двухъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, построенныхъ съ балконами, въ европейскомъ вкусѣ (?).

У воротъ средней крѣпости, которую недолжно смѣшивать съ наружными укрѣпленіями, встрѣтили мы двухъ часовыхъ изъ мюридовъ: одинъ находился у наружной, а другой у внутренней стороны воротъ. Вообще Шамиль не пренебрегаетъ никакими мѣрами предосторожности; онъ не иначе ходитъ на молитву въ мечеть, какъ посреди мюридовъ, выстроенныхъ въ два ряда, съ обнаженнымъ оружіемъ. На дворѣ замка, или средней крѣпости, видѣлъ я четыре горныя орудія и нѣсколько такихъ же орудій на стѣнахъ.

Комната сестры моей была убрана коврами и вмѣщала въ себѣ стулья и нары, наподобіе грузинскихъ тахтъ. Сестра моя, въ-сопровожденіи шести женщинъ, вышла къ намъ изъ другой комнаты. Я сталъ ей кланяться, а Эгіе-Аджи стоялъ навытяжку у дверей. Сестра спрашивала меня о здоровьи; потомъ усѣлись мы на тахты и на стулья. Чрезъ нѣсколько минутъ спутницы моей сестры поодиночкѣ стали со мною здороваться, причемъ лица ихъ оставались подъ покрывалами. По окончаніи взаимныхъ привѣтствій, онѣ поклонились и всѣ вышли изъ комнаты, гдѣ остались только мы съ сестрою, да сопровождавшій меня Эгіе-Аджи. Тогда я на армянскомъ языкѣ попросилъ сестру мою открыть лицо свое; на это отвѣчала она мнѣ покумыкски, что хотя и понимаетъ меня, но въ отвѣтахъ можетъ ошибиться, а потому и проситъ меня говорить на кумыкскомъ языкѣ. Изъ этого я понялъ ея опасенія, чтобъ меня не стали подозрѣвать въ сообщеніи ей какихъ-нибудь тайнъ, и потому я тотчасъ же объяснилъ Эгіе-Аджи, что я поармянски просилъ мою сестру открыть лицо, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ Эгіе-Аджи, чтобъ и онъ, съ своей стороны, убѣдилъ мою родственницу откинуть покрывало. Эгіе-Аджи близко подошелъ къ ней и, называя ее погорски «матъ», сказалъ ей: «такъ-какъ, по обычаю нашему, ни передъ кѣмъ, кромѣ братьевъ, не можетъ открывать женщина лица своего, то прійміте меня за своего младшаго брата и сдѣлайте мнѣ милость, а брату вашему снисхожденіе, откройте лицо ваше въ награду за труды, перенесенные нашимъ гостемъ при переходѣ чрезъ эти горы для свиданія съ вами».

Послѣ Эгіе-Аджи я еще повторилъ ту же самую просьбу и сестра моя рѣшилась откинуть покрывало. Тогда развязнѣе сталъ и нашъ разговоръ; она разспрашивала о всѣхъ родныхъ своихъ... какъ вдругъ отворилась дверь изъ сѣней, сестра моя быстро закрыла лицо и въ комнату вошелъ Шамиль

Я вскочилъ съ своего мѣста; Эгіе-Аджи почтительно приложился къ рукѣ имама; когда же я хотѣлъ послѣдовать примѣру Эгіе-Аджи, Шамиль не допустилъ меня до этого, сѣлъ на тахту, пригласилъ

и меня сѣсть, и принялся разспрашивать о здоровьи всѣхъ нашихъ.

Шамиль видный мужчина съ важной осанкой, съ свѣтлорусыми волосами и небольшими глазами; на лицѣ его видны веснушки, а борода его выкрашена хиною. Одежда его состояла изъ темнаго атласнаго бешмета и изъ красной суконной мантіи *(аба)*, наподобіе тѣхъ мантій, какія носятъ и прочія лица высшаго мухаммеданскаго духовенства. На головѣ его была красная феска съ большою кистью, свѣсившеюся на-бокъ. Прежде этого, когда Шамиль отправлялся въ мечеть, я видѣлъ на головѣ его большую чалму.

Усадивъ меня, какъ гостя, на тахту, Шамиль въ отборныхъ выраженіяхъ спрашивалъ меня, благополучно ли я пріѣхалъ, понравилась ли мнѣ дорога черезъ ихъ горы, отъ кого именно получилъ я позволеніе на путешествіе, и съ какою собственно цѣлью пріѣхалъ къ нимъ. Я отвѣчалъ, что горы очень-хороши, а дороги такъ худы, что еслибъ я зналъ о нихъ прежде, то не предпринялъ бы и путешествія; что дозволеніе на путешествіе получилъ я отъ нашего правительства и, наконецъ, что единственною цѣлью моего путешествія было увидѣть сестру мою и узнать о ея здоровьи. Шамиль вторично освѣдомился, отъ кого именно получилъ я дозволеніе ѣхать въ Чечню.

— Я былъ столько счастливъ, отвѣчалъ я: — что, по письму моему, вы сами изволили разрѣшить мнѣ пріѣхать къ вамъ.

Шамиль замѣтилъ на это:

— Я многимъ далъ бы подобное разрѣшеніе, но только не знаю, кто осмѣлится на такое путешествіе!

— Да будетъ съ вами Богъ, отвѣчалъ я: — пріѣздъ мой къ вамъ зависѣлъ отъ меня, а отъѣздъ будетъ зависѣть отъ вашей воли и милости.

Выслушавъ эти слова, Шамиль улыбнулся и сказалъ:

— Да, это такъ; но однакожь, не думаю, чтобъ кто-нибудь другой имѣлъ смѣлость рѣшиться на такой поступокъ.

Затѣмъ Шамиль сталъ спрашивать о французахъ, о Венгріи, о нашемъ войскѣ; я отвѣчалъ, что зналъ, кратко и ясно; потомъ осмѣлился я просить имама принять отъ меня подарокъ, по обычаю нашему. «Почему же не такъ!» отвѣчалъ Шамиль, а я вынулъ изъ-за пазухи золотые дамскіе часы, поднесъ ихъ сестрѣ моей, а потомъ подалъ золотой хронометръ съ цѣпочкою самому Шамилю. Но Шамиль не взялъ въ руки моего подарка, а сестра моя приказала положить хронометръ на тахту, что я и исполнилъ, сказавъ притомъ, что чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. «Вѣрно и у васъ есть обыкновеніе дарить и принимать подарки?» спросилъ Шамиль. Я отвѣчалъ утвердительно. Послѣ того Шамиль еще съ полчаса разговаривалъ со мною на кумыкскомъ языкѣ, а потомъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Сестра моя опять открыла лицо свое. Около вечерни меня угощали чаемъ, дулями, яблоками, виноградомъ. Я удивился, видя свѣжій виноградъ въ маѣ; но сестра моя объяснила мнѣ, что здѣсь прошлогодній виноградъ умѣютъ сохранять до новаго.

Просидѣвъ у сестры моей до вечера, мы простились съ нею и

я вышелъ въ сопровожденіи Эгіе-Аджи, который строго заповѣдалъ мнѣ: никому не говорить о свиданіи моемъ съ имамомъ и прибавилъ: «если кто спроситъ, скажи, что видѣлъ только одну сестру свою; а когда уѣдешь отсюда, тогда что̀ хочешь разсказывай». — Отчего такъ? спросилъ я: — или ты думаешь, что ваши надо мной будутъ смѣяться?

— Не только не будутъ смѣяться, но еще и убьютъ тебя, если ты хоть намекнешь кому-нибудь о свиданіи съ Шамилемъ.

Я просилъ Эгіе-Аджи объяснить мнѣ смыслъ такого предостереженія. Онъ отвѣчалъ:

— Ты два раза обѣдалъ съ наибами: отчего же оба раза за общимъ столомъ не видѣлъ ты Шамиля? Оттого, что, по законамъ нашего духовенства, нельзя имаму сидѣть за однимъ столомъ съ гяуромъ. Теперь понимай, ка̀къ знаешь; но если хочешь остаться цѣлъ, то до времени держи языкъ свой на привязи.

На другой день, 13-го мая, просилъ я разрѣшенія на отъѣздъ, и желалъ проститься съ сестрою. Вмѣсто отвѣта на мое желаніе, получилъ я въ подарокъ отъ Шамиля коня, стоившаго рублей полтораста; а секретарь имама мнѣ объявилъ, что выѣздъ изъ крѣпости мнѣ разрѣшенъ, что я буду имѣть тринадцать человѣкъ провожатыхъ, и что наибу Дуба отданъ приказъ доставить меня до окрестностей крѣпости Воздвиженской.

По утру 14-го мая выѣхали мы изъ Дарги-Веденно̀. Я просилъ наиба Дуба избрать другую, болѣе-удобную дорогу, на что̀ онъ согласился, и мы отправились отъ Большаго Веденно̀ вправо, внизъ по теченію рѣки Хулхуло, до самой Шалинской Долины, а оттуда поднялись вверхъ, по р. Аргуну, выше крѣпости Воздвиженской, и, переправясь черезъ р. Аргунъ, пріѣхали на то самое мѣсто, гдѣ я въ первый разъ встрѣтился съ наибомъ Дуба, Эгіе-Аджи и ихъ спутниками, то-есть за четыре версты, отъ кр. Воздвиженской. Весь мой обратный путь состоялъ изъ какихъ-нибудь пятидесяти верстъ, такъ-что, выѣхавъ по утру изъ Дарги-Веденно̀, я прибылъ въ кр. Воздвиженскую въ тотъ же день около вечерни.

ПРИЛОЖЕНІЕ ПЯТОЕ.

Краткія свѣдѣнія о біографіи Шамиля и о распространеніи на Кавказѣ мюридизма.

Около 1830 года въ горахъ Чечни и Дагестана распространилось религіозно-нравственное, а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и воинственное (какъ это всегда водится въ мусульманскомъ мірѣ) вліяніе простаго горца, жителя селенія Гимри, *Кази-Муллы*. Ревностнымъ распространеніемъ *тариката* (*), а потомъ нѣкоторыми удачными

(*) Значеніе тариката, шаріата и другихъ принадлежностей исламизма будетъ подробно объяснено далѣе, при разсмотрѣніи мюридизма. *Е. В.*

дѣйствіями противъ койсубулинцевъ, Кази-Мулла занялъ умы многихъ горскихъ обществъ. Въ то же время другой приверженецъ тариката, *Гамзат-Бекъ*, уроженецъ аварскаго селенія Гоцатль (близь Хунзаха), присоединилъ свои фанатическія и воинственныя усилія къ усиліямъ Кази-Муллы, и готовился быть преемникомъ послѣдняго. До 1832 года принудительная и кровавая пропаганда Кази-Муллы и Гамзат-Бека наполняла Кавказскія Горы шумомъ и ужасомъ. Два изувѣра, съ толпами своихъ послѣдователей, на Кавказѣ всегда охотно являющихся подъ знамена ратующихъ для добычи еще болѣе, чѣмъ за вѣру, истребляли или подчиняли своей власти аулъ за ауломъ, и только въ 1832 году логовище Кази-Муллы, неприступное Гимри, пало предъ русскимъ оружіемъ. Здѣсь палъ и самъ Кази-Мулла, убитый во время штурма аула. Здѣсь же впервые, въ числѣ мюридовъ погибшаго фанатика, на сцену извѣстности является Шамиль.

Происхожденіе Шамиля неизвѣстно и потому спорно. Есть показанія, утверждающія, что онъ былъ безродный мальчикъ-плясунъ въ гимрійской кофейнѣ; другіе удостовѣряютъ, что онъ невольникъ, бѣжавшій изъ Турціи. Тѣ и другіе соглашаются въ назначеніи селенія Гимри мѣстомъ его рожденія. При Кази-Муллѣ Шамиль первоначально былъ простымъ нукеромъ (конскимъ прислужникомъ) и только въ послѣднее время жизни Кази-Муллы возвысился до званія его мюрида, или религіознаго послѣдователя—возвышеніе, впрочемъ, еще недоказывающее, чтобъ Кази-Мулла отличалъ его особеннымъ вниманіемъ или уваженіемъ. Какъ бы то ни было, близость къ лицу своего учителя и господина и сношенія съ другимъ изувѣромъ, Гамзат-Бекомъ, были для Шамиля хорошею школою изувѣрства и кровавой горской политики. Таланты свои въ послѣдней изъ этихъ наукъ Шамиль блистательно высказалъ при взятіи селенія Гимри русскими. Легко-раненый двумя пулями и распростертый вблизи падшаго своего учителя, онъ долго не показывалъ признаковъ жизни, и тѣмъ избѣгнулъ смерти или плѣна; по удаленіи же русскихъ изъ селенія, онъ не спѣшилъ безъ оглядки въ горы, а отъискалъ трупъ Кази-Муллы и поставилъ его въ положеніе человѣка молящагося — поступокъ, обнаруживающій замѣчательную ловкость будущаго имама и превосходно-характеризующій тѣ продѣлки, какими вообще всѣ горскіе временщики счастія бываютъ обязаны своимъ возвышеніемъ надъ толпою. Продѣлка Шамиля съ трупомъ Кази-Муллы имѣла двѣ цѣли и разомъ достигла обѣихъ: молящееся положеніе трупа знаменитаго проповѣдника мюридизма, воспламенивъ фанатизмъ въ его послѣдователяхъ, укрѣпило вліяніе самаго мюридизма, на который Шамиль, одаренный проницательностью, уже въ то время не могъ не разсчитывать, какъ на будущее орудіе своего возвышенія; кромѣ-того, этимъ поступкомъ Шамиль превосходно рекомендовалъ свои способности преемнику Кази-Муллы, Гамзат-Беку, и заслужилъ его особенное вниманіе. Вскорѣ Шамиль является неразлучнымъ товарищемъ и сподвижникомъ Гамзат-Бека и тутъ-то начинаютъ обнаруживаться въ настоящихъ размѣрахъ тѣ свойства Шамиля, которыя впослѣдствіи постоянно служили ему для осуществленія темныхъ цѣлей честолюбія и корысти, замѣняя собою величіе

души, просвѣщенный взглядъ на вещи и личную отвагу — качества, по всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, оставшіяся несоединимыми и несовмѣстными съ именемъ Шамиля.

Подстрекаемый врагомъ аварскихъ хановъ, Асланъ-Ханомъ казикумыхскимъ, Гамзат-Бекъ предпринялъ покореніе Аваріи и отторженіе ея отъ покорности Россіи. Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, Гамзат-Бекъ приблизился къ резиденціи хановъ аварскихъ, *Хунзаху*, гдѣ находилась вдовствующая ханша *Паху-Бике* съ тремя юными сыновьями: *Абу-Нунцал-Ханомъ*, *Умма-Ханомъ* и *Булач-Ханомъ*. Молодые ханы, по требованію Гамзат-Бека, явились въ станъ его для переговоровъ. Гамзат-Бекъ, воспитанный матерью молодыхъ аварскихъ хановъ, не рѣшился бы, можетъ-быть, ни на какое вѣроломство въ-отношеніи дѣтей своей воспитательницы, но совѣты Шамиля рѣшили ихъ участь. Шамиль возвысилъ голосъ, настоятельно требуя убіенія единственныхъ наслѣдниковъ Аварскаго Ханства. Гамзат-Бекъ долго не соглашался на такой звѣрскій поступокъ, но Шамиль торопилъ его рѣшиться на убійство, представляя необходимость воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Шамиль самъ назначилъ нукеровъ, исполнителей вѣроломнаго злодѣйства, и два старшіе хана пали подъ кинжалами убійцъ, послѣ долгаго сопротивленія, положивъ на мѣстѣ до сорока человѣкъ, и въ томъ числѣ брата и шурина Гамзат-Бека. Послѣдніе были назначены самимъ Шамилемъ въ числѣ исполнителей убійства, и это назначеніе было сдѣлано не безъ цѣли: Шамиль разсчитывалъ на возможность ихъ гибели во время борьбы съ молодыми аварскими ханами, храбрость которыхъ ему была извѣстна. Такъ и случилось, и для будущихъ честолюбивыхъ замысловъ Шамиля уничтожились вдругъ двѣ преграды въ лицѣ погибшихъ родственниковъ Гамзат-Бека. Но еще оставался въ живыхъ третій плѣнникъ Гамзат-Бека, младшій братъ убитыхъ аварскихъ хановъ, малолѣтный *Булач-Ханъ*, взятый еще ранѣе Гамзат-Бекомъ въ аманаты и отправленный имъ на жительство въ селеніе Новый Гоцатль, подъ присмотръ родственника своего *Имана-Али*. У Шамиля залегла на душѣ кровавая забота объ уничтоженіи и этой послѣдней отрасли хановъ Аваріи...

Шамиль сталъ внушать Гамзат-Беку о необходимости избавиться и отъ малолѣтнаго Булач-Хана. Неизвѣстно, по какой причинѣ внушенія эти остались безплодными, но достовѣрно, что невниманіе Гамзат-Бека къ убѣжденіямъ своего вѣроломнаго сподвижника послужили сначала источникомъ ненависти Шамиля къ Гамзату, а потомъ поводомъ къ ускоренію гибели послѣдняго. Къ честолюбивымъ замысламъ Шамиля присоединилась затаенная месть, немогшая простить Гамзат-Беку отвергнутаго имъ внушенія. Шамиль сталъ выжидать и изъискивать случая погубить преемника Кази-Муллы, чтобъ, въ свою очередь, сдѣлаться его преемникомъ и въ то же время отмстить за оскорбленіе. Случай въ-самомъ-дѣлѣ скоро представился.

Послѣ кроваваго торжества надъ ханами и надъ столицею Аваріи, *Хунзахомъ*, Гамзат-Бекъ остался на жительствѣ въ этомъ селеніи, и даже занялъ ханскій домъ, что нисколько не заглушило ненависти къ нему аварцевъ, бывшихъ или жертвами или свидѣтелями жестокостей

коварнаго ихъ покорителя. Особенной ненавистью къ Гамзат-Беку отличались приверженцы и родственники погибшаго ханскаго семейства. Шамиль, зная духъ, оживлявшій недовольныхъ хунзахскихъ аварцевъ, вошелъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ тайныя сношенія и старался раздуть пламя ненависти, внушая недовольнымъ, что единственнымъ и неправымъ виновникомъ бѣдствій ихъ и всей Аваріи— Гамзат-Бекъ. Составился заговоръ, въ главѣ котораго сталъ Осма-килязулъ (по другимъ: Османъ Зіол-Хаджіевъ), съ двумя своими внуками, Османомъ и Гаджи-Муратомъ. 19-го сентября, въ день большаго праздника у мусульманъ, Гамзат-Бекъ, какъ имамъ, долженъ былъ совершить молитву въ хунзахской мечети. Этотъ день и это мѣсто были избраны заговорщиками для исполненія своего замысла. Гамзат-Бекъ былъ предупрежденъ объ угрожавшей ему опасности, но не вѣрилъ ей, вѣря въ звѣзду свою и руководствуясь слѣпымъ фанатизмомъ. Когда одинъ преданный мюридъ сообщилъ ему о существованіи заговора, Гамзат-Бекъ спросилъ его: «Можешь ли ты остановить ангеловъ, если они пріидутъ за душой твоей?» — «Не могу» отвѣчалъ мюридъ. «Такъ иди же домой и ложись спать» сказалъ Гамзатъ: «что̀ опредѣлено Аллахомъ, того не избѣгнемъ; и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашиній день — день моей смерти!»

День 19-го сентября дѣйствительно былъ днемъ смерти Гамзат-Бека. Онъ былъ убитъ въ мечети кинжалами заговорщиковъ, и обнаженное тѣло его четыре дня оставалось безъ погребенія на площади, неподалеку отъ мечети.

Въ это время въ Хунзахѣ Шамиля не было; но онъ издалека слѣдилъ за ходомъ заговора, и лишь-только кинжалы убійцъ поразили Гамзат-Бека, Шамиль немедленно собралъ партію отчаяннѣйшихъ мюридовъ и провозгласилъ себя имамомъ и главою мюридизма.

Нѣтъ свидѣтельствъ, которыя бы объяснили, какимъ образомъ совершилось это самопровозглашеніе новаго имама; но мы имѣемъ достовѣрныя указанія относительно тѣхъ интересныхъ, характеристическихъ пріемовъ и обычаевъ, какими руководствуются вообще всѣ горскіе временщики-самозванцы въ подобныхъ случаяхъ. Вотъ, напримѣръ, чѣмъ сопровождалось самопровозглашеніе шамилева предшественника (*). По смерти Кази-Муллы, Гамзат-Бекъ немедленно разослалъ воззваніе ко всѣмъ molламъ и старшинамъ дагестанскимъ, приглашая ихъ собраться въ селеніе Кородахъ, куда онъ обѣщалъ также прибыть лично, для объявленія имъ *весьма-важнаго* извѣстія. Приглашенные собрались въ назначенномъ мѣстѣ. Въ полдень, когда

(*) Эти подробности, какъ и многое, относящееся до біографіи Шамиля, заимствуемъ изъ разсказа, напечатаннаго въ «Кавказѣ» 1852 года и составленнаго со словъ *Маклача*, сына чохскаго жителя *Кази*, у котораго въ дѣтствѣ жилъ Гамзатъ-Бекъ. Впослѣдствіи *Маклачъ*, въ офицерскомъ чинѣ, служилъ переводчикомъ при командовавшемъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, генерал-лейтенантѣ князѣ В. О. Бебутовѣ. Другимъ источникомъ для этой части статьи, служило извѣстное сочиненіе генерал-майора Неверовскаго. *Е. В.*

муэззины призываютъ правовѣрныхъ къ совершенію молитвъ, толпа собравшихся моллъ и общественныхъ старшинъ тѣснилась уже у дверей мечети. Въ это время Гамзат-Бекъ въѣхалъ въ селеніе съ огромной свитой вооруженныхъ приверженцевъ. Гордо и смѣло вошелъ онъ въ мечеть, совершилъ намазъ и, повернувшись лицомъ къ народу, держалъ слѣдующую рѣчь: «Мудрые сподвижники тариката, «почтенные моллы и старшины храбрыхъ обществъ! Кази-Мулла «убитъ и молится за васъ на небѣ. Будемъ ли къ нему непризна-«тельны? уменьшимъ ли ревность въ исполненіи тариката, ослабѣемъ «ли духомъ послѣ смерти Кази-Муллы, святаго, который во всякомъ «дѣлѣ будетъ помогать намъ, оставляя, во время битвъ нашихъ съ «невѣрными, гурій и рай изъ любви къ вамъ? Тарикатъ велитъ намъ «вести войну съ русскими, чтобъ освободить нашихъ собратовъ отъ «ихъ власти. Кто убьетъ русскаго, тому обѣщано вѣчное блаженство; «кто самъ будетъ убитъ въ дѣлѣ, тому предстоитъ рай со всѣми «гуріями и утѣхами. Идите въ свои мѣста, собирайте народъ, вну-«шайте ему наставленія Кази-Муллы; скажите, что если они не бу-«дутъ ревностно содѣйствовать великому дѣлу освобожденія родины, «то наши мечети превратятся въ церкви христіанскія, а христіане «поработятъ насъ всѣхъ. Но мы не можемъ оставаться безъ имама. «Кази-Мулла избралъ меня своимъ помощникомъ и назначилъ преем-«никомъ. Я объявляю *казаватъ* (религіозную войну) русскимъ; на-«чальникъ вашъ и имамъ — я!»

Такая рѣчь, однакожь, не вдругъ принесла ожидаемые результаты. Слушатели Гамзат-Бека помнили нѣкоторыя его неудачи и потому несовсѣмъ-благосклонно приняли его воззваніе. Раздалось нѣсколько противорѣчащихъ голосовъ; въ толпѣ старшинъ послышался ропотъ. Тогда Гамзат-Бекъ, не давая времени слиться въ одинъ голосъ нерѣшительному еще ропоту недовольныхъ, далъ знакъ рукою и важно и рѣшительно произнесъ: «Мусульмане! вижу, что вѣра начала осла-«бѣвать въ васъ! Мой долгъ, долгъ имама, велитъ мнѣ навести васъ «на тотъ путь, съ котораго вы совратились. Я требую отъ васъ по-«виновенія, или Гамзатъ принудитъ васъ повиноваться силою ору-«жія!...» Грозное лицо оратора, сжавшаго рукоять шашки, приближеніе къ нему приверженцевъ, готовыхъ на все, смутили толпу правовѣрныхъ; ни одинъ голосъ не возвысился для возраженія; шопотъ согласія отозвался изъ толпы, а Гамзатъ торжественно вышелъ изъ мечети, сѣлъ на коня и уѣхалъ изъ деревни, окруженный своими мюридами, весело вкругъ него джигитовавшими.

Что-нибудь подобное непремѣнно должно было совершиться и при *самоизбраніи* Шамиля: иначе и не можетъ произойдти возвышеніе одного надъ другими тамъ, гдѣ народная масса состоитъ изъ невѣжественныхъ и жаждущихъ добычи и крови изувѣровъ. Догадливѣйшій, рѣшительнѣйшій и наиболѣе-обѣщающій, неминуемо долженъ успѣвать въ планахъ своего честолюбія, и ненужно было Шамилю ни генія, ни особенныхъ доблестей, чтобъ стать во главѣ кавказскаго мюридизма. Изъ наглаго, но краснорѣчиваго провозглашенія Гамзат-Бека видно еще и то, что не первый (и, вѣроятно, не послѣдній)

удалецъ этого рода является въ горахъ; что и до него тамъ умѣли выдвигаться изъ толпы люди, мало-мальски одаренные смѣлостью и словомъ, и что, слѣдовательно, Шамиль отнюдь не представляетъ горцамъ ни новизны, ни сверхъестественности... Настоящіе размѣры значенія Шамиля въ средѣ своихъ подвластныхъ будутъ опредѣлены ниже. Теперь же бросимъ послѣдній взглядъ на его дальнѣйшія похожденія.

Уже было сказано, что честолюбивые замыслы Шамиля касательно Аваріи встрѣчали нѣкоторое препятствіе въ лицѣ оставшагося въ живыхъ малолѣтнаго *Булач-Хана* аварскаго. По провозглашеніи себя имамомъ, Шамиль немедленно направилъ свои помыслы на уничтоженіе этой послѣдней преграды — *послѣдней*, потому-что всѣ другія препятствія къ вліянію на Аварію были устранены ранѣе, а умы аварцевъ были расположены въ пользу Шамиля за то, что въ новомъ имамѣ видѣли они своего главнаго соучастника въ отмщеніи Гамзат-Беку за униженіе Аваріи и за смерть ея хановъ, не подозрѣвая, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ Шамиль былъ еще виновнѣе, чѣмъ Гамзат-Бекъ. *Гаджи-Муратъ*, одинъ изъ внуковъ и главнѣйшихъ сообщниковъ заговорщика Осмакилязул-Гаджіева, по праву родства съ истребленной фамиліей аварскихъ хановъ, принявшій на себя управленіе Аваріей, вмѣстѣ съ другими аварцами раздѣлялъ полнѣйшіе довѣріе и совершенную преданность къ Шамилю... но ненадолго. Вскорѣ обнаружились истинные замыслы новаго имама, нисколько-неутѣшительные для аварцевъ. Еще не отваживаясь идти прямо на Хунзахъ, онъ, съ сильною партіею приверженцевъ, явился подъ селеніе Новый-Гоцатль, гдѣ проживалъ на попеченіи Иман-Алія, дяди Гамзат-Бека, молодой Булачъ, ханъ аварскій. Шамиль потребовалъ отъ Иманъ-Алія выдачи Булач-Хана и всего богатства, оставленнаго Гамзат-Бекомъ. Иман-Али немедленно выдалъ сокровища, но отказался выдать Булач-Хана, будучи къ тому побуждаемъ памятью о предсмертномъ завѣщаніи своего сына *Чопан-Бека*, который участвовалъ въ убіеніи аварскихъ хановъ въ лагерѣ подъ Хунзахомъ, и, смертельно-раненый ихъ нукерами, былъ привезенъ къ отцу своему. Умирая на рукахъ отца, Чопан-Бекъ раскаялся въ содѣйствіи къ убійству своихъ законныхъ хановъ и, ради души своей, просилъ отца сохранить отъ смерти малолѣтнаго Булач-Хана, который впослѣдствіи могъ бы получить принадлежащее ему Аварское Ханство. Встрѣтивъ упорство Иман-Алія, Шамиль употребилъ угрозы, и устрашенный опекунъ несчастнаго Булач-Хана нашелъ себя вынужденнымъ исполнить грозное требованіе. Молодой ханъ былъ выданъ Шамилю и, *подъ предлогомъ отмщенія за смерть Гамзат-Бека*, принялъ незаслуженную казнь: по приказанію Шамиля онъ былъ сброшенъ съ высокой скалы въ рѣку Аварское Кой-Су... При этомъ случаѣ опять проявляется, кромѣ закоснѣлаго злодѣйства Шамиля, и его замѣчательное лукавство: передъ аварцами онъ выказываетъ себя мстителемъ *за хановъ* и убійцею Гамзат-Бека, а передъ прочими горскими обществами силится и успѣваетъ представить изъ себя мстителя *за Гамзат-Бека*. Но какъ бы то ни было, Булач-Ханъ не существо-

валъ, а богатства Гамзат-Бека поступили въ казну Шамиля и были перевезены въ селеніе Харачинъ.

Имамъ торжествовалъ. Но поведеніе его было разгадано аварцами. Убіеніе Булач-Хана открыло имъ глаза. Гаджи-Муратъ, управлявшій Аваріею, возненавидѣлъ и сталъ опасаться Шамиля, вслѣдствіе чего и отдался подъ покровительство Россіи. Дальнѣйшая исторія этого искателя приключеній извѣстна. Цѣлый Тифлисъ видѣлъ и помнитъ его, сначала своимъ преданнымъ гостемъ, а потомъ казненнымъ измѣнникомъ (*).

Послѣ вышеописанныхъ подвиговъ, изъ которыхъ ни одинъ не остался незапечатлѣннымъ кровью или вѣроломствомъ, Шамиль занялся обезпеченіемъ своей особы и распространаніемъ моральнаго вліянія на умы горскихъ обществъ. Для первой изъ этихъ цѣлей онъ старался увеличить число своихъ приверженцевъ, соблазняя ихъ то обѣщаніями, то замѣчательнымъ своимъ краснорѣчіемъ, которое, по выраженію горцевъ, такъ велико, что когда говоритъ имамъ, *глаза его извергаютъ пламя, а изъ устъ сыплются цвѣты.* Примѣръ Гамзат-Бека научилъ Шамиля, что при малочисленности приближенныхъ и тѣлохранителей особа имама не въ безопасности и кинжалъ возмутителя или честолюбца легко достигаетъ до груди священной особы. Для осуществленія же второй цѣли, то-есть, для укрѣпленія и распространенія своего нравственнаго вліянія, имамъ избралъ испытанное и вѣрное орудіе своихъ предшественниковъ: *святошество мюридизма.* Чтобъ раскрыть и уяснить въ настоящемъ ихъ смыслѣ наибольшую часть важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ вопросовъ, касающихся до *горскихъ тайнъ*, необходимо разсказать краткую исторію, и показать настоящее значеніе *кавказскаго мюридизма.*

Сказавъ: *кавказскаго* мюридизма, мы этимъ выраженіемъ хотѣли высказать мысль о возможности подраздѣлить мюридизмъ на два вида: 1) мюридизмъ вообще, какъ видъ мусульманскаго ученія, или мюридизмъ настоящій, *подлинный*, и 2) мюридизмъ неистинный, неискренній, *кавказскій*, или мюридизмъ Шамиля.

Разсмотримъ и тотъ и другой:

Исламизмъ имѣетъ двоякое ученіе: *шаріатъ* и *тарикатъ.* Шаріатъ — законъ внѣшняго богопочитанія, основанный на словахъ пророка. Въ этомъ законѣ заключаются предписанія о молитвѣ, поклоненіи, подаяніи, омовеніи и постѣ. Шаріатъ имѣетъ обязательную силу для всѣхъ мусульманъ. Тарикатъ же — высшее состояніе духовной силы и добродѣтели, достигаемое строгимъ исполненіемъ предписанныхъ правилъ, восторженною молитвою, благочестивымъ созерцаніемъ. Тарикатъ доступенъ не всѣмъ, а только избраннымъ, имѣющимъ до-

---

(*) Гаджи-Муратъ долго благоденствовалъ въ подданствѣ русскому правительству; впослѣдствіи, соблазненный медовыми рѣчами Шамиля, измѣнилъ Россіи и сдѣлался ревностнѣйшимъ его наибомъ (намѣстникомъ); послѣ того, какъ-бы раскаяваясь въ измѣнѣ, передался опять русскимъ и довольно-долго жилъ въ Тифлисѣ; наконецъ, измѣнивъ намъ вторично, покушался уйдти въ горы, но въ окрестностяхъ Нухи былъ убитъ послѣ отчаяннаго сопротивленія. Голова его была привезена въ Тифлисъ. *Е. В.*

статочно силы, чтобъ отрѣшиться отъ всего земнаго. Эти-то *избранные* (по большой части сами собой избираемые) принимаютъ на себя роль наставниковъ въ премудростяхъ тариката и называются *муршидами*, а послѣдователи или ученики ихъ именуются *мюридами*; отсюда и происходитъ та категорія явленій, которую мы называемъ мюридизмомъ.

Пламеннымъ, но лѣнивымъ обитателямъ Востока всегда нравилась мысль объ уединеніи себя отъ общества. Въ уединеніи мечтали они духовно приблизиться къ Богу подъ могущественнымъ вліяніемъ созерцанія пустынной и величественной природы. Такое направленіе было несходно съ мыслью Мухаммеда, желавшаго основать свою проповѣдь на мечѣ и на кровавой враждѣ ко всему иновѣрному. Одинокое и бездѣйственное созерцаніе не могло не соперничествовать съ новою вѣрою, успѣхъ которой зависѣлъ отъ энергіи первыхъ ея послѣдователей. По этой причинѣ пророкъ заклеймилъ пустынножительство строгимъ отрицаніемъ, сказавъ, что *нѣтъ отшельничества въ исламизмѣ*, и будучи увѣренъ, что этотъ завѣтъ навсегда преградитъ путь въ новую религію началу, несходному съ его видами. Но расположеніе или наклонность Востока къ уединенному созерцанію пересилила волю Мухаммеда и, основываясь на нѣкоторыхъ изреченіяхъ Курана, гдѣ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ говорится о презрѣніи къ благамъ міра сего, образовала отшельническіе ордена и ученіе *тариката*, преподаваемое муршидами, т. е. *указующими* путь *желающимъ*, или *мюридамъ*. Колыбелью ученія о тарикатѣ былъ, какъ кажется, *Джазире*. Тутъ, при дворѣ халифовъ и въ окрестностяхъ Багдада, гдѣ постоянно жили и проповѣдывали ученѣйшіе богословы исламизма, основались систематическія начала этого ученія, а отсюда распространились по всему Востоку. Абу-Муслимъ и Саманиды въ-особенности способствовали процвѣтанію богословія въ Мервѣ, Бухарѣ и Самаркандѣ, и хотя нашествіемъ Чингиса и царствованіемъ первыхъ его потомковъ нѣсколько ослабилось ученіе о тарикатѣ, но въ XIV вѣкѣ одинъ изъ приверженцевъ этого ученія, *Хазрэти-Богоуеддинъ-Шейхи-Накисъ-Бэндъ* возбудилъ его съ новой силою. Въ XV вѣкѣ ученіе о тарикатѣ процвѣтало, и съ-тѣхъ-поръ не прекращалось (*).

Такова, въ краткомъ очеркѣ, исторія мюридизма вообще. Неменѣе любопытно самое *существо* этого ученія, которое должно быть разсмотрѣно въ одно время съ существомъ мюридизма *кавказскаго*, для-того, чтобъ яснѣе опредѣлилась та отдаленность между настоящимъ и кавказскимъ мюридизмомъ, какая встрѣчается на самомъ дѣлѣ. Разсмотримъ же ихъ, такъ сказать, параллельно...

Пророки составляютъ у мусульманъ какъ-бы представителей различныхъ степеней духовнаго развитія человѣчества и числомъ ихъ

(*) Приведенныя здѣсь свѣдѣнія, а также все, что̀ будетъ далѣе сказано о существѣ мюридизма, заимствуемъ изъ превосходнаго анализа этого ученія, написаннаго Н. В. Ханыковымъ и помѣщеннаго въ газ «Кавказъ» за 1847 г.
Е. В

опредѣляется какъ-бы самое число эпохъ этого совершенствованія, которое, по мнѣнію мусульманъ, окончилось на величайшемъ изъ всѣхъ посланниковъ Божіихъ—Мухаммедѣ. Но и пророки, по мусульманскимъ понятіямъ, не всѣ въ равной степени содѣйствовали образованію человѣчества. Только пять изъ нихъ: Адамъ, Авраамъ, Моисей, Іисусъ Христосъ (Иса) и Мухаммедъ, по ученію правовѣрныхъ мослимовъ, суть настоящіе представители послѣдовательныхъ степеней развитія человѣчества; первые — представители развитія прошедшаго и современнаго имъ, послѣдній же, т. е. Мухаммедъ, и прошедшаго и будущаго (*). Тѣ же пять степеней совершенствованія предстоитъ пройдти и мюриду при нравственномъ воспитаніи его. Приготовившись молитвою и изученіемъ шаріата къ великой рѣшимости своей *отречься отъ міра и посвятить себя созерцанію Бога* (просимъ замѣтить эти существенныя и *единственныя* цѣли настоящаго восточнаго мюридизма), новобранецъ приходитъ къ мюршиду, или старцу, и смиренно изъявляетъ желаніе поступить къ нему въ ученики. Въ любой комнатѣ молельни, на коврѣ, незапятнанномъ прикосновеніемъ къ чему-либо нечистому, преклоняютъ они колѣни и мюршидъ прочитываетъ два ракіата особенной молитвы (*намаза истихаря*), и испрашиваетъ покровительства Божія новопришедшему мюриду; потомъ, обративъ испытующій взоръ на лицо его, мюршидъ долженъ положиться на влеченіе собственнаго сердца: если оно не отвергаетъ пришедшаго, то онъ сажаетъ его передъ собою и, взявъ его руки въ свои, приглашаетъ отречься отъ прежнихъ грѣховъ съ твердою рѣшимостью сколько можно воздерживаться отъ нихъ въ будущемъ. Потомъ онъ научаетъ мюрида именамъ тѣхъ, которые постоянно, послѣ пророка, передавали изустно другъ другу сокровенныя тайны и пріемы созерцаній. Такимъ-образомъ мюршидъ духовно связываетъ мюрида съ источникомъ всякаго мусульманскаго благочестія — мединскимъ пророкомъ. Послѣ описаннаго обряда *посвященія*, для мюрида наступаютъ трудныя упражненія, которыя онъ долженъ преодолѣть для достиженія высшихъ степеней мюридизма, т. е. для отрѣшенія себя отъ тѣлеснаго міра и для возвышенія духа до способности постояннаго созерцанія Бога. Дойдя до этого вожделѣннаго состоянія, мюридъ, по мнѣнію мусульманъ, освобождаетъ духъ свой отъ бренныхъ тѣлесныхъ оковъ и, прилѣпляясь къ началу своему — *небытію*, совершенно забываетъ о существованіи тѣла, и тогда разумъ его возвышается до пониманія сокровеннѣйшихъ истинъ міра духовнаго и физическаго; сердце наполняется спокойствіемъ рая; воображеніе поражается созерцаніемъ верховнаго существа, видитъ и узнаетъ Его во всѣхъ предметахъ. Мюридъ начинаетъ понимать единство во множествѣ, и духъ его, несвязанный уже никакими земными узами и очищенный отъ грѣховъ міра сего, составляетъ какъ-бы нераздѣльную часть всемогущаго духа Міродержителя (**).

(*) Просимъ читателя помнить, что, при изложеніи началъ мюридизма, повторяемъ только ученіе мусульманъ о сравнительномъ величіи пророковъ. *Е. В.*

(**) Изъ сочиненія Н. В. Ханыкова.

Вотъ до какихъ премудростей, вымышленныхъ мусульманскимъ отшельничествомъ, долженъ дойдти истинный мюридъ; но самые эти пріемы и проявленія восточнаго аскетизма не доказываютъ ли съ совершенною ясностью, что тутъ дѣло идетъ объ *отшельничествѣ*, а отнюдь не о постоянно-вооруженныхъ кавказскихъ хищникахъ, предводимыхъ Шамилемъ, хотя и послѣдніе также именуются мюридами. Мы даже затрудняемся найдти что-нибудь общее между уединяющимися, молящимися и, по-своему, созерцающими Божество, восточными мюридами и тѣми приверженцами кавказскаго имама, которые живутъ только для грабежа, внезапныхъ набѣговъ и добычи.

Нѣкоторые французскіе журналисты, ратовавшіе за Шамиля по случаю послѣдней войны Россіи съ западными союзниками султана, хотя и въ напыщенно-гиперболическихъ чертахъ, однако болѣе или менѣе вѣрно опредѣлили характеръ восточнаго мусульманскаго отшельничества вообще. Видно, что они для этого имѣли довольно-вѣрныя указанія. Но грубая ихъ ошибка въ томъ, что тотъ же самый характеръ присвоили они мюридизму кавказскому и заподозрѣли Шамиля и его сподвижниковъ въ такой искренней ревности къ тарикату, какой они никогда не имѣли, да и имѣть не могутъ по самымъ условіямъ ихъ жизни посреди владѣній христіанской націи, управляемой могущественнымъ правительствомъ. Чтобъ доказать это, обратимся снова къ существу настоящаго мюридизма.

Мюридизмъ на Востокѣ имѣетъ два важныя и характеристическія коренныя основанія: 1) демократическое начало равенства между послѣдователями тариката, и 2) такая привязанность учениковъ къ учителю, которая обязываетъ первыхъ свято исполнять всякую волю послѣдняго, и даже стараться предупредить его желанія, прежде чѣмъ онъ ихъ выскажетъ, *понимая потаенные помыслы учителя искренно-любящимъ сердцемъ.*

Первое изъ этихъ началъ проповѣдуется мюридизмомъ въ томъ смыслѣ, что ни богатство, ни права рожденія не имѣютъ никакого значенія для послѣдователей тариката, такъ-что простолюдинъ, очиствиій сердце свое постомъ и молитвою и достигшій послѣднихъ степеней нравственнаго образованія, стоитъ несравненно-выше отягченнаго благами міра вельможи, который, признавъ ничтожность ихъ, прибѣгнетъ наконецъ къ мюриду съ просьбою о наставленіи въ тарикатѣ (*).

Не взирая на явное противорѣчіе духу восточныхъ правительствъ, эта идея никогда не была вредна тамошнимъ правителямъ, сколько потому, что она имѣетъ обязательную силу только для послѣдователей тариката, число которыхъ было во всѣ времена невелико въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ, столько и потому, что права верховной власти достаточно ограждены и Кураномъ и хадисами (**) отъ вмѣшательства народа, вслѣдствіе чего главы управленія никогда не

(*) Изъ того же сочиненія Н. В. Ханыкова.

(**) *Хадисы* — священныя преданія, собранныя въ рукописи.

могли опасаться вредныхъ для себя послѣдствій вышеобъясненной идеи (болѣе религіозной, чѣмъ политической).

Второе начало, т. е. безусловная привязанность мюридовъ къ своему мюршиду, могло бъ быть гораздо-важнѣе по своимъ послѣдствіямъ. Но и оно *среди мусульманскихъ государствъ* никогда не имѣло серьёзныхъ результатовъ, потому-что тамъ шейхи, или мюршиды, не могутъ долгое время обманывать своихъ приверженцевъ святостью преподаваемаго ими ученія, если подъ этимъ скрывается какой-нибудь политическій замыселъ, потому-что другіе мюриды, отчасти по зависти, отчасти по внутреннему убѣжденію, поспѣшатъ изобличить мірскіе замыслы лжеучителей, а слѣдовательно уничтожать и ихъ вліяніе. Но не таковы послѣдствія этихъ двухъ коренныхъ началъ мюридизма, когда они вносятся въ мусульманскія общества, *подчиненныя христіанскимъ правительствамъ, или окруженныя христіанской территоріей*, какъ, напримѣръ, на Кавказѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ отшельничество мюридовъ превращается въ постоянно-вооруженное ополченіе. Тутъ демократическое начало дѣлается крайне-опаснымъ: оно даетъ возможность всѣмъ, кому жизнь и обстоятельства не улыбаются, расторгнуть узы, связующія ихъ съ обществомъ, и, подъ предлогомъ угожденія вѣрѣ, въ бунтахъ и крамолахъ искать измѣненія существующаго порядка. Тутъ и вліяніе мюршида получаетъ совершенно-новое значеніе: съ Кураномъ въ рукѣ и съ возгласами о притѣсненіи вѣры, онъ легко соединяетъ вокругъ себя многочисленныхъ послѣдователей и требуетъ отъ нихъ, на основаніи одного изъ коренныхъ правилъ тариката, не только безсмысленнаго повиновенія, но и кровавыхъ подвиговъ борьбы съ христіанами; ибо всякій мюридъ прежде, чѣмъ предастся ученію тариката, долженъ исполнить во всей строгости требованія закона, а одинъ изъ главныхъ догматовъ этого закона есть *джехадъ*, или война съ невѣрными.

Мюршиду (какъ, напримѣръ, Шамиль), однажды поставившему себя на этомъ направленіи, ужь легко придать законность незаконному стремленію своему пользоваться вліяніемъ на мюридовъ для достиженія личныхъ своихъ выгодъ, *вовсе не исполняя, или исполняя рѣдко* трудную обязанность поученія, которая должна бъ быть основою его дѣятельности. Очевидно, при такомъ мюршидѣ большая часть мюридовъ или вовсе не понимаютъ смысла носимаго ими званія, или видятъ въ немъ только легкое средство возвыситься надъ равными чрезъ угожденіе прихотямъ и властолюбію своего лжеучителя. Къ-тому же постоянныя смуты доставляютъ прекрасный предлогъ мюршиду давать, при выборѣ учениковъ, преимущество не тѣмъ изъ нихъ, которые отличаются знаніемъ закона и рѣшимостью воздержанія отъ грѣховъ, а тѣмъ, напротивъ, которые бойкими свѣтскими особенностями внушаютъ ему надежду пріобрѣсти въ нихъ отважныхъ сподвижниковъ въ набѣгахъ и вообще въ военныхъ предпріятіяхъ, для нихъ гибельныхъ. Подъ видомъ защиты вѣры и охраненія исламизма, тысячи гибнутъ въ неравной борьбѣ, не замѣчая того, что они защищаютъ не Куранъ, а жертвуютъ счастіемъ и спо-

койствіемъ своей родины для поддержанія властолюбивыхъ или корыстныхъ замысловъ учителя, пользующагося ихъ ослѣпленіемъ (*).

Такимъ-образомъ дѣйствовалъ первый учитель тариката на Кавказѣ Шейх-Мансуръ, оренбургскій уроженецъ, безпокоившій здѣшнія страны своею кровавою проповѣдью въ концѣ прошедшаго вѣка и заимствовавшій свои духовныя познанія изъ Бухары; такимъ же образомъ, много времени спустя послѣ взятія Шейх-Мансура въ Анапѣ русскими, дѣйствовалъ въ 1823 году ученикъ моллы Мухаммеда, бухарецъ Хас-Мухаммедъ, положившій начала бѣдственнымъ для Дагестана безпорядкамъ, которые послѣ него были поддерживаемы послѣдователями его, Кази-Муллою и Гамзат-Бекомъ... Такимъ же образомъ, наконецъ, дѣйствуетъ и Шамиль, не имѣя даже въ этомъ отношеніи достоинствъ первенства, потому-что точно той же системѣ лжемюридизма слѣдовали и поименованные выше предшественники его...

Но мы имѣемъ подъ руками свидѣтельства, доказывающія, что *даже и въ томъ непо.гномъ и неподлинномъ видѣ мюридизма, какой существуетъ на Кавказѣ*, Шамиль не остался вѣренъ своему же собственному ученію, но напротивъ, дѣлая его, изъ корыстныхъ видовъ, обязательнымъ для своихъ послѣдователей, самъ не колебался совершать важныя отступленія не только отъ тариката, доступнаго *немногимъ*, но, даже и отъ шаріата, обязательнаго *для всѣхъ* правовѣрныхъ... Въ доказательство этого приведемъ любопытный документъ обличенія Шамиля, составленный ученымъ муллою Сулейман-Эфендіемъ, долгое время находившимся въ числѣ приближенныхъ къ Шамилю. Оригиналъ этого документа написанъ поарабски, а полный переводъ его помѣщенъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1847 годъ.

«Я, какъ духовное лицо, зная и то и другое ученіе (т. е. шаріатъ и тарикатъ), пожелалъ посвятить себя болѣе всего молитвамъ единому Творцу вселенной и, руководствуясь нѣкоторыми наставленіями Алкурана, оставилъ Кабарду, присоединился къ мюридамъ и сблизился съ называющимъ себя главою правовѣрныхъ и мюридовъ—съ *Шамилъ-Эфендіемъ* (т. е. Шамилемъ). Впослѣдствіи, находя нѣкоторые его поступки противными священному шаріату, какъ ученый человѣкъ, обманутый въ мнѣніи о немъ, я сталъ напоминать ему незаконность подобныхъ дѣлъ; но это было ему противно, и я, видя невозможность долѣе оставаться при немъ, возвратился на родину съ цѣлью изобличить его въ замѣченныхъ мною преступленіяхъ противъ закона. Въ это время прибылъ къ намъ господинъ главнокомандующій Кавказскимъ Корпусомъ въ Кабарду, и я, прибѣгнувъ подъ его покровительство, приступаю теперь къ описанію тѣхъ противныхъ шаріату поступковъ Шамиля, совершеніе которыхъ я былъ свидѣтелемъ и незаконность которыхъ очевидна, по изложеннымъ мною ниже сего доводамъ, извлеченнымъ изъ самого, священнаго для насъ, Алкурана.

(*) **Н. В. Ханыковъ.**

1) Въ нѣкоторыхъ дагестанскихъ деревняхъ, подвластныхъ Шамилю, онъ не возстановляетъ отправленія опредѣленныхъ религіозныхъ обрядовъ и общественныхъ молитвъ по пятницамъ, и жители оныхъ ужь предаются разнымъ преступнымъ страстямъ и своеволію, что противно шаріату, потому-что сказано въ Алкуранѣ: *молитесь вмѣстѣ съ молящимися, отправляйте намазъ и отдавайте закятъ;* пророкъ же сказалъ, *что всякій пастырь долженъ отвѣчать за свое стадо.* Если Шамиль дѣйствительно есть пастырь, какъ онъ себя называетъ, то онъ долженъ отвѣчать за это.

2) Безъ всякаго основанія и изслѣдованія истины, а только по одной лишь клеветѣ, приказываетъ онъ своимъ палачамъ лишать жизни почтенныхъ мусульманъ, обвиняемыхъ въ мнимыхъ преступленіяхъ; присемъ цѣль его состоитъ въ томъ, чтобъ вселить страхъ въ другихъ и тѣмъ утвердить надъ ними власть свою на прочномъ основаніи, что противно шаріату, потому-что сказано въ Алкуранѣ: *если кто-нибудь съ умысломъ убьетъ кого-либо изъ правовѣрныхъ невинно, то его ожидаетъ вѣчное адское мученіе.*

3) Если кто-нибудь, совершивъ преступленіе, напримѣръ, воровство, избѣгаетъ наказанія удаленіемъ съ семействомъ и имуществомъ въ другія безопасныя мѣста, оставляя на родинѣ дальнихъ родственниковъ и однофамильцевъ, вовсе съ нимъ неучаствовавшихъ въ преступленіи и неимѣвшихъ съ нимъ никакого общаго имѣнія, то Шамиль подвергаетъ этихъ невинныхъ страшному взысканію въ пользу того лица, чья собственность украдена удалившимся ихъ однофамильцемъ, что противно шаріату, ибо въ Алкуранѣ сказано: *никто не отвѣчаетъ за вину другаго.*

4) Если кто-нибудь изъ постановленныхъ отъ наибовъ умретъ или въ сраженіи, или обыкновенною смертью, то все его имѣніе, по приведеніи въ извѣстность, конфискуется въ особенную казну Шамиля, а несчастныя дѣти и сироты умершаго остаются въ крайности, что также противно шаріату, ибо въ Алкуранѣ сказано: *не похищайте и не присвоивайте себѣ сиротскихъ имуществъ, потому-что похитителя оныхъ ожидаетъ огонь и вѣчная мука.*

5) Онъ же, обвиняя обитателей нѣкоторыхъ дагестанскихъ деревень въ изъявленіи ими покорности и повиновенія русскимъ, дѣлаетъ на нихъ нападенія, взрослыхъ мужчинъ умерщвляетъ, женщинъ, малолѣтныхъ и дѣтей беретъ въ плѣнъ, а имущества ихъ захватываетъ въ пользу своей казны и своихъ приверженцевъ, что противно шаріату. Алкуранъ запрещаетъ лишать жизни мусульманина; что же касается до его имущества, то въ Алкуранѣ также сказано: *не похищайте другъ у друга собственности по преступнымъ страстямъ своимъ;* и пророкъ сказалъ: *кто произнесетъ Ля-иль-лахэ-иль-алла (нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога), тотъ есть правовѣрный, кровь и собственность его неприкосновенны; только единый Богъ будетъ судить его въ дѣяніяхъ.*

6) Шамиль выдаетъ себя между мусульманами за послѣдователя втораго ученія исламизма, то-есть тариката; а правила и условія этого ученія показаны были мною выше, слѣдовательно, сопровождая

дѣйствія свои силою оружія и предпринимая военныя дѣйствія, нарушаетъ тѣмъ самое главное условіе тариката; не говоря еще о томъ, что онъ, вопреки правиламъ помянутаго ученія, руководимый страстями, не имѣя денегъ и способовъ къ исполненію своихъ намѣреній, а потому только похищая чужую собственность, раздаетъ ее своимъ воинамъ и, начиная съ Шамхальскаго Владѣнія до крѣпости Анапы, силится всюду производить опустошенія и подвергаетъ народъ гибели. Всѣ таковыя его дѣйствія очевидно доказываютъ скрытную его цѣль къ пріобрѣтенію власти надъ покоренными имъ народами, къ порабощенію сихъ послѣднихъ и къ именованію себя единственнымъ ихъ властителемъ или султаномъ и эмиромъ. Но онъ забываетъ, что султанъ, или эмиръ, которому мусульмане обязаны повиноваться, долженъ происходить изъ рода курейшовъ (племя, обитающее въ Аравіи и преимущественно въ Меккѣ, изъ котораго происходилъ самъ Мухаммедъ), и таковый султанъ до-тѣхъ-поръ можетъ быть почитаемъ, пока не отступитъ отъ истинныхъ правилъ дарованной ему свыше власти. А Шамиль, вопервыхъ, происходитъ не отъ курейшовъ, а вовторыхъ, и безъ того отступаетъ отъ постановленій шаріата и отъ истины, какъ объяснено выше. Кромѣ всего этого, онъ самозванецъ: ибо не народомъ избранъ въ настоящій свой санъ. Кто же изъ среды этого народа смѣетъ напомнить ему объ этомъ? У него теперь войско, способы властелина и палача всегда подъ рукою! Да онъ не можетъ называть себя и *обладателемъ знамени*, потому-что это званіе непосредственно принадлежитъ вѣнценосной особѣ, которой условныя качества я объяснилъ.

7) Шамиль даже разрѣшилъ своимъ наибамъ совершать смертную казнь, что противно шаріату, потому-что и законный (мухаммеданскій) властелинъ не въ-правѣ безъ предварительнаго разрѣшенія предсѣдателей шаріата лишать кого-либо жизни; да кромѣ сего, законный султанъ никогда не въ-правѣ приступать къ какому-либо враждебному предпріятію противъ какого-нибудь народа безъ предварительнаго на то разрѣшенія муфтіевъ и казіевъ, хотя бы таковое его предпріятіе всегда сопряжено было съ пользою для его народа.

Что же касается до враждебныхъ предпріятій Шамиля противъ различныхъ народовъ, то онъ не имѣетъ другой цѣли, какъ только выгоды собственнаго своего лица. Въ первыя времена своего появленія онъ дѣйствовалъ только проповѣдями и наставленіями, а теперь— угрозами и внушеніемъ страха, и вслѣдствіе этого, покоривъ своей власти разныхъ обитателей Дагестана, съ давнихъ временъ считавшихся вѣрноподданными могущественнаго Государя россійскаго, не только лишилъ ихъ благоденствія и покровительства этого Великаго Монарха, но даже вооружилъ ихъ самихъ противъ его священной власти и тѣмъ приготовилъ и приготовляетъ гибель этимъ несчастнымъ; а это, конечно, совершенно-противно мусульманскому шаріату, ибо эти обитатели Дагестана однажды поклялись въ подданствѣ Россіи; а нарушеніе этой клятвы есть величайшее по шаріату преступленіе, потому-что ясно сказано въ Алкуранѣ: *не нарушайте своихъ клятвъ и обѣтовъ, однажды вами данныхъ;* не говоря уже о томъ,

что нарушеніе подобной клятвы стоитъ имъ жизни, служитъ къ ихъ разоренію и, наконецъ, къ совершенной ихъ гибели, что противно шаріату. Въ Алкуранѣ сказано: *не подвергайте себя собственными руками опасности и гибели*».

Подписалъ и приложилъ свою печать *Сулейман-Эфенди*. 10 ноября (1262) 1846 года, въ Кабардѣ; къ сему еще приложена другая печать съ именемъ *Касума*.

Въ-заключеніе, быть-можетъ, нелишне разсмотрѣть *современный* вопросъ о томъ: какое отношеніе можетъ имѣть къ цѣлямъ и пользамъ Шамиля нынѣшняя война Россіи съ союзниками турецкаго султана (*).

Шамиль не можетъ не радоваться войнѣ Россіи съ Турціей и ея союзниками, но не потому, чтобъ желалъ ихъ торжества за Кавказомъ, а потому, что война можетъ ослабить надзоръ за нимъ со стороны русскихъ и, слѣдовательно, обнадеживаетъ его возможностью дѣлать болѣе-удачные набѣги. Сосѣдство же христіанъ, кто бы они ни были, русскіе, французы или англичане, во всякомъ случаѣ для него нисколько не можетъ быть пріятно. Даже самого султана, высшая духовная власть котораго признается всѣми суннитами (къ которымъ причисляются и кавказскіе мусульмане-горцы), даже и его Шамиль только номинально признаетъ высшимъ надъ собою лицомъ, въ сущности же весьма-мало разсчитываетъ на султанскія милости и покровительство. Достовѣрно извѣстно, что дарованное и присланное Шамилю отъ султана въ 1854 году званіе *валія Гурджистана*, то-есть, султанскаго намѣстника Грузіи, несовсѣмъ удовлетворило его честолюбію, а напротивъ, очень-благоразумно было принято за почетный, но въ-сущности неимѣющій никакого значенія титулъ; притомъ же Шамиль имѣетъ политическую причину быть недовольнымъ турецкимъ правительствомъ. На Грузію смотритъ онъ, какъ на страну, слишкомъ-мало ему доступную, а потому и нелѣпое званіе грузинскаго валія не столько для него существенно, какъ званіе валія дагестанскаго, потому-что Дагестанъ страна ему болѣе-сподручная, а притомъ и единовѣрная. Но турецкое правительство прочитъ званіе валія дагестанскаго не Шамилю, а другому претенденту и врагу Шамиля, съ-давнихъ-поръ находящемуся при турецкомъ военачальникѣ въ Азіатской Турціи.

Но всѣ эти тайныя и совершенно-непонятныя врагамъ Россіи пружины, обусловливающія явную невозможность предположенія, чтобъ Шамиль могъ быть полезнымъ для нихъ помощникомъ въ случаѣ дѣйствительнаго ихъ нападенія на закавказскія провинціи Россіи, всѣ эти препятствія къ осуществленію фантастической мечты (уже лелѣемой нѣкоторыми французскими публицистами) второстепенны и далеко не столь важны для спокойствія Россіи съ этой стороны, сколько важно слабосиліе Шамиля и его вліяніе на горцевъ. Слабосиліе это, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи увеличивается съ каждымъ годомъ. Мы ужь видѣли, какими средствами поддерживалъ онъ

(*) Это писалось еще въ 1855 году. *Е. В.*

и то другое, и достаточно поняли, что такія средства не могутъ быть продолжительно-успѣшны. Обѣщанія, которыми Шамиль привлекаетъ къ себѣ толпы, должны быть исполняемы, чтобъ имъ вѣрили, а они очень-рѣдко исполняются; мнимыя чудеса сдѣлались понятными и нечудесными даже для горцевъ. Неудачные набѣги уничтожили цвѣтъ юношества и вообще мужескаго пола въ покорныхъ Шамилю аулахъ. Народонаселеніе въ нихъ уменьшается въ страшной пропорціи. Плоды скотоводства, луговъ и хлѣбопашества, уничтожаются русскими; бѣдность доходитъ до крайности и приводитъ горцевъ къ убѣжденію, что одна только покорность ихъ Россіи можетъ спасти отъ гибели цѣлыя общества, и мы недалеко будемъ отъ истины, если утвердительно скажемъ, что нынѣшняя борьба Россіи съ западными союзниками была *послѣднимъ* поводомъ къ *послѣднему* усиленію скопищъ Шамиля. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ обнадежить своихъ подвластныхъ возможностью перевѣса надъ русскими, силы которыхъ раздѣлены между горами Кавказа и границею Азіатской Турціи, и нѣтъ сомнѣнія, что до-сихъ-поръ поддерживаетъ въ нихъ несбыточныя ожиданія. Но благословитъ Богъ русское оружіе въ борьбѣ съ турками и ихъ западными поборниками, и тогда *послѣднее* разочарованіе преверженцевъ Шамиля рѣшитъ его участь. Никакія новыя воззванія не помогутъ обманщику утвердить вновь свое вліяніе; никакими обѣщаніями не привлечетъ онъ къ себѣ новыхъ сборищъ, состоящихъ изъ послѣдняго, такъ-сказать, жизненнаго сока непокорныхъ намъ дагестанскихъ и чеченскихъ обществъ...

Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.

ОПЕЧАТКИ.

Въ I-й части.

Стран.	Строк.		Напечатано.	Должно быть.
3	сверху	12	семейства	семействъ
11	—	14	на р. Іорсь	на р. Іорѣ
12	—	4—5	объ-вилъ	объявилъ
13	снизу	2, 4 и 8:	Громовъ	Грамовъ
16	сверху	16	волнованія	полноводія
19	снизу	15	Давидъ	князь Давидъ
—	—	10	Бульбакъ	Гульбатъ
20	—	5	Марина-Гаидели	Марина-гамдели
21	сверху	19	Туріамъ-Сукли-Швили	Туріамъ-Сукни-Швили
23	снизу	2	всѣ болѣе хищническія	всѣ хищническія
25	—	8	Чобахура	Чобахури
31	сверху	2	и цѣлымъ	и цѣлыми
39	снизу	15	Концехскую	Концхевскую
43	—	19	по пустому лѣсу	по густому лѣсу
50	сверху	11	не приминулъ	не преминулъ
52	снизу	17	странномъ	страшномъ
65	сверху	17	Марья	Марія
70	снизу	1	нѐ-кому	и нѐ-кому
71	сверху	6	Вагнадзе	Вачнадзе
—	снизу	16	съ тѣхъ пору	съ тѣхъ поръ
—	—	—	оставалась	осталась
73	сверху	12	Вагнадзе	Вачнадзе
76	—	2	въ людяхъ, неразвитыхъ требованіями чувственной стороны, часто	въ людяхъ неразвитыхъ, требованіями чувственной стороны часто
78	—	5	лезгивы	лезгины
86	—	1	Вагнадзе	Вачнадзе
—	—	10	Вагнадзе	Вачнадзе

Во II-й части.

Стран.	Строк.		Напечатано.	Должно быть.
3	—	6 и 11	легаки	лечаки
4	снизу	11	Хаджіо	Хаджіовъ (и вездѣ далѣе та же опечатка)
8	—	9	онъ не рѣшился бы	онъ не рѣшался
—	—	4	а второй лезгинъ	а второй, лезгинъ,
16	—	5	ревностью Зайдеты безъ всякаго основанія	ревностью Зайдеты и, конечно, безъ всякаго основанія.

Стран.	*Стр.*		*Напечатано.*	*Должно быть.*
27	снизу	14	Даніэль, султанъ элисуйскій	Даніэль-Султанъ элисуйскій
32	—	12	Вагнадзе	Вачнадзе
33	—	3	изуверства были	изувѣрства, были
34	сверху	20	тому, кто	Тому, Кто
43	снизу	2	озабоченныя	озадаченныя
60	сверху	19	отправились	отправлялись
70	—	16	(князя	(князю
73	—	4	Джемаль-Эддинъ	Шамиль
—	—	6	предложилъ	уступилъ
75	—	8	дочь Даніэль, султана	дочь Даніэль-Султана
84	—	8	Вагнадзе	Вачнадзе
86	—	8	подвинулись	двинулись
—	—	18	объявилъ	объявляя
			Въ III-й части.	
5	—	20	А. Н. Барятинскаго	А. И. Барятинскаго
11	снизу	1	въ Веденно	къ Веденно
16	сверху	4	Муртулъ-Али	Муртузъ-Али
20	—	14	отъ непривычки къ сидѣнью	отъ непривычки сидѣть поздѣшнему
—	—	19	вилишь-ли	видишь ли
20	—	22	Чевчавадзе	Чавчавадзе
22	—	9	Чивчавадзе	Чавчавадзе
26	—	20	благороднѣйшаго	благороднаго
27	—	14	разсказалъ, какъ сквозь сонъ, что помнитъ	разсказалъ, что помнитъ какъ сквозь сонъ
31	—	5	странное отреченіе	страшное отреченіе
37	снизу	2	полусонный	полуслѣпой
40	—	10	тристи	триста
46	—	14	—Вслѣдъ	Вслѣдъ
			Въ Эпилогѣ.	
50	снизу	12	не принадлежитъ	не принадлежалъ
51	сверху	6	(Канчели)	Канчели
52	—	6	такъ мы	такъ, мы
53	—	14	Марина-гандели	Марина-гамдели